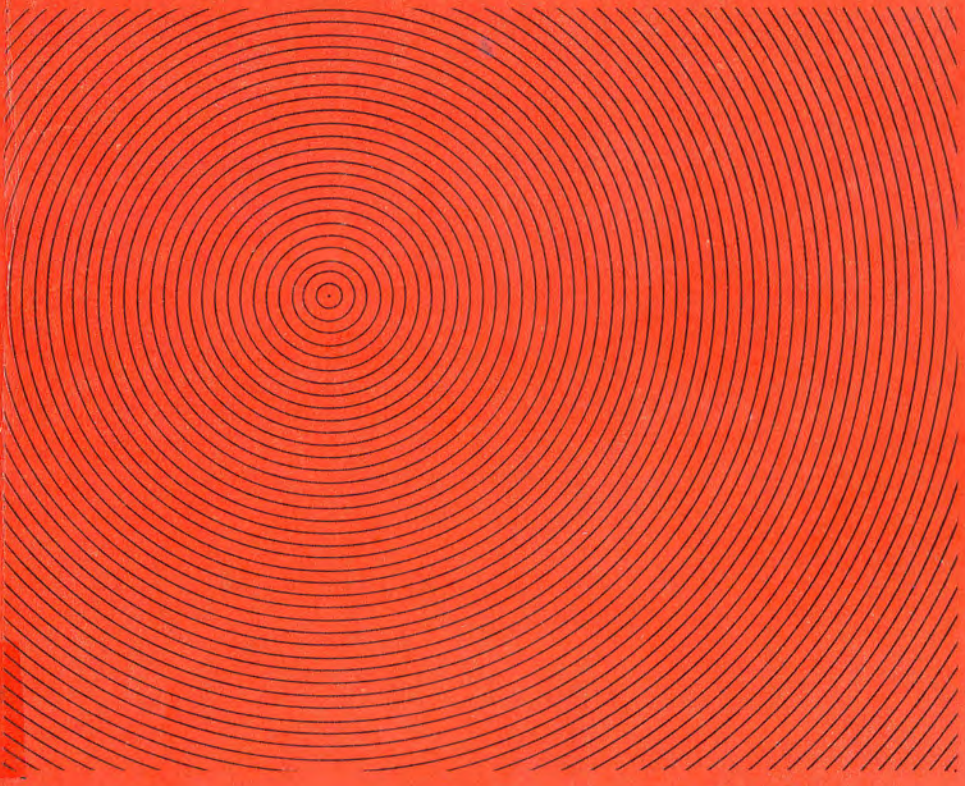
Е. К. Голубовская

Политическое развитие Йеменской Арабской Республики

32Н(6)
Г-62
№96

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Е. К. Голубовская

Политическое развитие Йеменской Арабской Республики

1962—1985 гг.

145984

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 66.3(5 Йем)
Г 62

Рецензенты
Н. И. ВОРОНЧАНИНА, Р. В. МАРКАРЯН

Ответственный редактор
Н. А. ИВАНОВ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

Голубовская Е. К.
Г 62 Политическое развитие Йеменской Арабской Республики.— 1962—1985 гг.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.— 280 с.

ISBN 5-02-016433-X

В монографии исследуется более чем двадцатилетний период послереволюционного политического развития Северного Йемена. Анализируются процесс размежевания социальных сил в ходе гражданской войны 1962—1970 гг., влияние племенного фактора на становление централизованного государства, эволюция политических институтов и воздействие на нее традиционных структур. Охарактеризована деятельность политических партий и организаций.

Г $\frac{0804000000\text{-}077}{013(02)\text{-}89}$ 154-89

ББК 66.3 (5 Йем)

ISBN 5-02-016433-X

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Молодые государства, образовавшиеся в результате подъема национально-освободительного движения, вносят все больший вклад в развитие мирового революционного процесса. Как предвидел В. И. Ленин, «за периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения» [2, с. 328]. Однако, прежде чем эти страны из объекта политики империализма превратились в субъект мировой истории, они прошли сложный и подчас весьма извилистый путь развития политического самосознания. На одном из его этапов началось формирование националистической идеологии.

В Северном Йемене этот процесс происходит уже в наши дни. Избежав колониальной империалистической эксплуатации, Северный Йемен заплатил за сохранение своей независимости отсталостью и застоем. Теократические правители — имамы использовали свою неограниченную власть для изоляции страны от внешнего мира, что вело к консервации отсталых структур. До начала 60-х годов и в его базисе, и в надстройке доминировали средневековые черты. В стране на фоне господствовавшего феодального способа производства были широко распространены пережитки родо-племенных отношений.

Национально-освободительное движение на Арабском Востоке принесло в Северный Йемен антиимпериалистические, антифеодальные и демократические идеи. В стране возникли оппозиционные организации и группировки, выступавшие против монархии, за преодоление вековой отсталости. В первых рядах противников средневекового режима имамов находилось молодое офицерство.

26 сентября 1962 г. монархический режим был свергнут, и к власти в стране пришла армия. Была провозглашена Йеменская Арабская Республика (ЙАР).

Свершившаяся антимонархическая революция носила верхушечный характер. В результате ее победы была уничтожена система имамата, но на местах сохранилось господство феодально-племенных сил. Тем не менее сентябрьские события дали толчок развитию прогрессивных тенденций в северойеменском обществе. Одна из них была связана с созданием сильного централизованного государства под флагом национального единства.

В данной работе исследуются процессы социально-политического развития ЙАР начиная с революции 1962 г. вплоть до середины 80-х годов. Сделана попытка проследить размежевание социальных сил в ходе гражданской войны 1962—1970 гг. и эволюции правящей группировки в последующие годы, показать становление государственно-политической системы ЙАР и влияние на нее традиционных структур и современных политических представлений, проанализировать историю движения за национальную консолидацию, осветить деятельность первых политических партий и организаций.

В основу работы легли различные материалы на арабском, русском и западных языках — документы, опубликованные официальными властями, сборники выступлений, мемуары, интервью политических деятелей, программы, заявления и воззвания политических партий и организаций. Большинство этих материалов вводятся в научный оборот впервые.

Следует иметь в виду, что при изучении источников возникают значительные трудности, вызванные тем, что в Йемене лишь в 70-е годы стали формироваться современные государственные институты и политические структуры. Политический язык северойеменских документов часто требует «расшифровки», учитывающей специфику местной трактовки многих, казалось бы, универсальных понятий. Своеобразие этого языка порождено главным образом стремлением северойеменских националистических деятелей соединить достижения мировой политической мысли с широко внедрившимся в последнее десятилетие понятием «йеменизм». Это весьма емкое определение основано на признании «исключительности» духовной, политической, культурной и экономической жизни Йемена. Оно связывается в первую очередь с утверждением необходимости безусловного сохранения в политической, социальной и культурной жизни йеменского общества доисламских и исламских традиций и ценностей.

Автор широко использовал в данной работе также свои личные наблюдения и сведения, почерпнутые из бесед с йеменскими учеными, политическими и общественными деятелями, представителями прессы и т. п. во время научных командировок в ЙАР и НДРЙ в 80-х годах.

Автор пользуется случаем выразить искреннюю признательность своим йеменским коллегам — д-ру Абд аль-Азизу аль-Макалиху (Сана), д-ру Мухаммеду Али аш-Шихари (Аден), шейху Ахмеду Али аль-Матари (Сана), Накийбу Садыку Амину Абу Рас (Сана), Мухаммеду Анаму Галебу (Сана), д-ру Абу Бакру ас-Сакафу (Сана), д-ру Каиду Мухаммеду Тарбушу (ЙАР), Мухаммеду Али аль-Бахру (Сана), Омару аль-Джави (Аден), Али Мухаммеду Абдо (Сана) и многим другим за помощь в знакомстве с материалами, за консультации и беседы по проблемам, затронутым в данной работе.

Глава I

РЕВОЛЮЦИЯ 26 СЕНТЯБРЯ 1962 г. И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1962—1967)

Революция 26 сентября 1962 г. и приход к власти радикально настроенных военных

Со времени провозглашения Северным Йеменом своей независимости в 1918 г. и до начала 60-х годов йеменский имамат — как особая политическая, социально-экономическая и религиозно-правовая система — прошел определенный путь развития. В первые годы независимости зейдитский имам [1], будучи духовным и светским главой, пользовался определенным авторитетом среди достаточно широких социальных слоев Йемена — племен зейдитских районов, купечества, значительной части феодалов, крестьян-шафиитов. Можно констатировать, что в тот период имамат сыграл в целом позитивную роль в становлении йеменской государственности.

Но к середине 30-х годов все явственней стало обнаруживаться реакционное воздействие системы имамата на различные сферы политической, социально-экономической и культурной жизни страны и падение престижа имама. Этому способствовала, в частности, проводившаяся имамом и его окружением политика самоизоляции, которая из фактора укрепления национальной независимости и суверенитета Йемена в 20-е годы постепенно превратилась в тормоз на пути его развития. Застойные явления все чаще обнаруживались на уровне социальных отношений, сковывая экономический прогресс йеменского общества.

В этот период в экономике страны наблюдалось сложное переплетение различных докапиталистических методов эксплуатации: феодальных и дофеодальных. В глубинных районах Машрика с полукочевым скотоводческим населением существовал натурально-патриархальный уклад. В Джебеле, древнем земледельческом районе, господствовал давно сложившийся феодальный уклад и начал развиваться мелкотоварный. В Тихаме, где с давних пор велась экспортно-импортная торговля, сформировался торговый капитал и появилась местная торговая буржуазия.

В стране не было предприятий современного типа, традиционные же отрасли кустарно-ремесленного производства посте-

пенно деградировали. В сельском хозяйстве наблюдалась стагнация. Внешняя торговля также постепенно сокращалась.

Закреплению господствовавших в стране феодальных отношений содействовала поддерживавшаяся властями традиционная социальная иерархия йеменского общества, унаследованная от средневековья. Самое высокое место в этой иерархии принадлежало верховной зейдитской знати — «сейидам», из числа которых избирались правители страны; они же занимали высшие посты в государственно-административном аппарате. К ним примыкали, занимая более низкое положение, «кади», в большинстве являвшиеся учеными богословами — «улемами».

Ниже их находились шейхи племен и свободные соплеменники («кабили»). В самом же племени преимущественным правом пользовались шейх племени и родо-племенная верхушка, составлявшая категории «акыли» и «айяны».

К следующей традиционной социальной группе относились жители городов («араб»), занимавшиеся в основном торговлей и ремеслами. В самом низу иерархической лестницы находились рабы («абид») и лица «презренных» профессий («нуккас»), среди которых наиболее распространенной категорией были слуги («аль-ахдам»), (подробнее об этом см. [30]).

Со временем власть имама приобретала все более автократический характер. Под его эгидой шел процесс складывания правящей феодальной верхушки, включавшей лиц из сейидов и крупных торговцев. Укрепление их политического и экономического положения вело ко все большей поляризации общества, обострению противоречий между олигархией и основной массой населения страны.

В середине 30-х годов недовольство внутренней политикой имама проявляли и феодальные элементы, отстраненные от наиболее прибыльных источников обогащения; среди них были и феодалы-шафииты, подвергавшиеся к тому же дискриминации на религиозной почве. Оппозицию представляло также йеменское купечество, не только мелкое и среднее, но и крупное, отстраненное от прибыльной внешней торговли. Централизаторская политика правительства имама, которая пыталась при помощи чиновничьего аппарата контролировать ситуацию на местах, порождала протест шейхов племен.

Племенной фактор играл в жизни йеменского общества особую и весьма значительную роль. Наличие в Йемене огромного количества племен (к ним принадлежит около 85% всех жителей страны) представляет одну из специфических черт общественно-политической жизни этого государства.

Каждое племя владеет определенной территорией (которая зачастую не совпадает с административным делением страны), пастбищами, колодцами. Оно имеет свои племенные законы («урф») и обычаи. Во главе племени стоит шейх. Все соплеменники считают себя родственниками, происходящими от одного предка. Таким образом, племя представляет собой как бы мини-

государство в общей государственной структуре. Многие племена, особенно северные, имеют свою систему союзов (конфедераций), каждый из которых возглавляет главный шейх («шейх машаих»). Наиболее крупные конфедерации — хашед, бакиль и мадхадж. Племена делятся на зейдитские и шафиитские.

Являясь оплотом консерватизма и сепаратизма, племена выступали против централизаторской политики имама, ревниво оберегали свои обычаи и традиции (подробнее об этом см. [33]).

В конце 40-х годов пришедший к власти имам Ахмед осуществил во внутриполитической жизни страны некоторую модернизацию, не затрагивая основ феодально-деспотического режима. Были проведены административные реформы, а также некоторые экономические и социальные преобразования.

Во второй половине 50-х годов правящий режим пошел на ослабление политики самоизоляции. Были предприняты шаги, направленные на расширение внешнеэкономических связей Йемена. Они содействовали оживлению экономической и политической жизни, преимущественно в городах, росту численности городского населения, расширению масштабов частного предпринимательства. Все больше йеменцев, порывая связь с сельским хозяйством, стали уходить в города и приобщаться к городским профессиям.

Эти изменения способствовали росту самосознания средних городских слоев, которые представляли собой самую культурную часть населения. Эти слои стали наиболее динамичной политической силой общества. К ним принадлежали мелкая городская буржуазия, мелкое, среднее и частично крупное купечество, а также гражданская и военная интеллигенция.

Из их представителей стала формироваться так называемая новая интеллигенция, которая, в противоположность старой, или «традиционной», выступала за радикальные социально-экономические и политические преобразования. Формированию ее взглядов способствовали не только внутренние факторы, но и национально-освободительное движение Арабского Востока, в рамках которого антиимпериалистическая направленность тесно переплеталась с антифеодальной, демократической. Идеи «арабского социализма», «арабского единства», «национального возрождения» и т. п. во второй половине 50-х годов проникли на юг Аравийского полуострова — сперва в английскую колонию Аден, а затем и в монархический Йемен. Носителями этих идей стали новая йеменская интеллигенция и нарождающаяся торговая буржуазия, образовавшие так называемую новую оппозицию.

В конце 50-х годов в Йемене возникли первые нелегальные политические группы и кружки, являвшиеся филиалами соответствующих аденских организаций. Так, в 1958 г. в Таиззе возник первый кружок марксистского направления — филиал аденской группы, основанной в 1953 г. Абдаллой Абдарразаком

Баазибом, которая позднее оформилась в Южном Йемене в партию Народно-демократический союз [182, с. 161—165; 140], выступавшую за создание единого демократического Йемена. В 1958—1959 гг. этот кружок издавал в Таиззе газету «Ат-Талиа» («Авангард»).

В 1959 г. в Северном Йемене и в Адене возникли отделения Движения арабских националистов (ДАН), руководящий центр которого находился в Бейруте. Эта организация, имевшая широкую сеть филиалов во многих арабских странах, пользовалась наибольшей популярностью именно в Северном Йемене. Сторонниками ДАН были преимущественно выходцы из южных, шафиитских районов — представители различных слоев мелкой буржуазии, прежде всего мелкого купечества, а также рабочие, занятые на строительстве дороги Сана — Таизз [182, с. 164].

В конце 50-х годов в монархическом Йемене появился также филиал Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ или Баас) с центральным руководством в Сирии. Социальной опорой этой партии в Йемене также были мелкобуржуазные слои, по преимуществу зейдитские.

Довольно значительную часть деятелей новой оппозиции составляли сторонники президента Насера. К ним относилась группа интеллигентов — последователей Абдаррахмана аль-Байдани, выступавшего за свержение имамского режима и создание в Йемене республики. К сторонникам Насера примыкала группа патриотически настроенной торговой буржуазии, преимущественно из купцов-шафиитов, сплотившихся вокруг Абд аль-Гани Муттахара, а также некоторые офицеры армии и полиции.

Таким образом, появление в йеменской жизни новых, хотя еще малочисленных, социальных сил и политических течений, широко распространенных к этому времени в других арабских странах, способствовало оформлению качественно нового оппозиционного движения в монархическом Йемене.

Во второй половине 50-х годов внутриполитическое положение в Йемене резко обострилось: начались волнения племен, крестьян, горожан и армии. Пытаясь снизить накал антиправительственных настроений, наследник престола эмир Мухаммед аль-Бадр в отсутствие в стране имама Ахмеда обнародовал программу административных и законодательных реформ. Он обещал повысить жалованье в армии, пресечь коррупцию и т. д., а шейхам недовольных племен выдал значительные субсидии [201, с. 109; 216, с. 44]. Однако возвратившийся имам прервал осуществление намеченных преобразований. В результате с трудом восстановленное спокойствие было в 1960 г. вновь нарушено [64, с. 310; 150, с. 107—108].

Имам попытался переключить внимание общественности на вопрос о своем будущем преемнике: помимо его сына аль-Бадра на эту роль претендовал и брат имама эмир аль-Хасан. Аль-Бадр был известен как сторонник президента Насера; под влия-

нием свойственных ему мягкости и нерешительности его политический облик приобрел черты «неопределенного либерализма» [201, с. 114]. Аль-Хасан же ориентировался на Саудовскую Аравию, рассматривая ее государственную модель в качестве образца для Йемена.

Аль-Бадра поддерживали многие деятели традиционной оппозиции, представители интеллигенции, в том числе военной, а также мелкая и средняя торговая буржуазия. На стороне же аль-Хасана выступали твердые «приверженцы традиции», связывавшие свои интересы с режимом имамата: члены влиятельных зейдитских семей, улемы, влиятельные шейхи, а также представители крупного торгового капитала. Его поддерживал король Саудовской Аравии, выступавший за признание династических привилегий, а также Соединенные Штаты и Англия [66, с. 132].

Сам имам главную свою задачу видел в сохранении основ феодально-теократического режима. Из двух претендентов на престол он отдавал предпочтение сыну, однако не столько по политическим соображениям, сколько уступая своим отцовским чувствам.

К началу 1961 г. оппозицию правившей династии составили большинство шейхов северных зейдитских племен, обвинивших имама в отступлении от принципов традиции, согласно которым имам как глава зейдитов избирался общиной, а не наследовал. Недовольство династией Хамид ад-Динов стало перерастать в недовольство сейидами.

В октябре 1961 г. имам Ахмед подтвердил, что наследником трона является аль-Бадр [73, с. 56]. Для укрепления его позиций имам в январе 1962 г. объявил о реорганизации правительства: наследный принц сохранил за собой посты заместителя премьер-министра и главнокомандующего вооруженными силами Йемена и получил пост министра обороны [238, 22.01.1962; 242, 25.01.1962].

Чтобы привлечь на свою сторону феодально-племенную верхушку, прежде всего ту ее часть, которая находилась в оппозиции к его отцу, аль-Бадр весной и летом 1962 г. ездил в племена, беседовал с шейхами и племенной знатью, обещая им помощь в решении экономических проблем и настоятельно призывая к единству.

Однако недовольство в стране продолжало нарастать. В июне 1962 г. прошла первая в истории Йемена забастовка строительных рабочих, направленная против американской миссии Управления международного развития, осуществлявшей строительство дороги Моха — Таизз — Сана. Забастовке предшествовало создание рабочего комитета, ставшего в дальнейшем ядром профсоюзного движения в стране. В августе того же года произошли волнения среди учащихся школ Саны и Таизза, выдвинувших требование модернизации учебных программ [245, 27.12.1973; 273, 04.09.1962]. Выступления были жестоко подав-

лены, многие их участники подверглись тюремному заключению, а активисты были приговорены к смертной казни.

19 сентября в Таиззе умер имам Ахмед. На следующий день совет улемов столицы, следуя воле покойного правителя, избрал королем Йемена и имамом зейдитской его части Мухаммеда аль-Бадра с титулом «мансур биллах», т. е. «побеждающий милостью Аллаха».

В тронной речи, произнесенной 20 сентября, новый, 66-й по счету имам выдвинул проект реорганизации системы государственного управления на основе принципов конституционной монархии. Роль парламента должен был играть Консультативный совет («Маджлис аш-шура»), члены которого наполовину избирались бы, наполовину назначались имамом. Он обещал провести административную реформу, учредить муниципальные советы, содействовать развитию экономики, провести реформу налогообложения. В отношениях с другими государствами аль-Бадр обещал проводить политику позитивного нейтралитета, неприсоединения и укрепления арабского единства.

В первые же дни своего правления аль-Бадр подписал декреты об амнистии всем политическим заключенным, отмене системы заложников, аннулировании недоимок государственной казне, повышении жалованья офицерам и солдатам (подробнее см. [35, с. 170—171]).

Тронная речь аль-Бадра и первые его шаги свидетельствовали о том, что новый имам, учитывая сложную внутриполитическую обстановку, стремился расширить социальную опору своей власти. В то же время он обратился с посланием к королям Саудовской Аравии и Иордании, в которых выражал желание укреплять связи с дружественными монархиями и «пользоваться их великодушной помощью отца и брата» [258, 28.09.1962]. Он поспешил также отправить телеграмму в Нью-Йорк своему дяде эмиру аль-Хасану с предложением сотрудничества, а в пятничной молитве в Большой мечети столицы заявил, что будет продолжать политику своего отца [37, с. 15].

Непоследовательность политики аль-Бадра вызвала негативное отношение среди оппозиции, как левой, так и правой. С одной стороны, действовали сторонники эмира аль-Хасана, недовольные либерализмом нового имама и нейтралистским курсом его внешней политики. Интересы этого направления, объединявшего крайне консервативные группировки, выражал «Союз йеменских народных сил» — политическая организация сейидской олигархии и крупной торговой буржуазии, тесно связанной с иностранными монополистическими кругами. С другой стороны, активизировала свою деятельность организация «Свободные офицеры» [2], выступавшая за уничтожение монархии. Во главе с Али Абд аль-Мугни они стали активно готовиться к перевороту.

Сторонники эмира аль-Хасана предприняли попытку устранить руководителей «свободных офицеров» и обезоружить орга-

низацию, представлявшую для них основную опасность в борьбе за власть. По их требованию имам на первом же заседании кабинета министров 26 сентября отдал приказ об аресте офицеров, подозреваемых в принадлежности к этой организации. Заблаговременно оповещенные об этом, руководители «свободных офицеров» приняли решение немедленно начать выступление, первоначально назначенное на более поздний срок.

В этот же вечер был сформирован Совет революционного командования в составе трех офицеров — Абд аль-Латифа Дейфаллы, Абдаллы Джузейлана и Али Абд аль-Мугни [169, с. 26], которые отдали приказ вверенным им бронетанковым частям, курсантам военных училищ и так называемому «полку аль-Бадра» окружить дворец имама Дар аль-Башаир, а также захватить радиостанцию, почту и телеграф.

К утру защитники дворца сдались, однако аль-Бадру, как это выяснилось позднее, удалось тайно скрыться. Утром 27 сентября руководители восставших объявили по радио Саны о свержении монархии и установлении в стране республики и призвали народ поддержать революцию. Сообщалось, что имам аль-Бадр погиб при обстреле дворца. Новый режим признал шейх конфедерации хашед Абдалла бен Хусейн аль-Ахмар, который после убийства его отца и брата имамом Ахмедом весной 1960 г. стал ярым противником династии Хамид ад-Динов. Поддержало революцию и шафиитское население юга.

Успех военного переворота, массовая поддержка, которую он получил, его глубокие исторические последствия — все это позволяет рассматривать события 26 сентября 1962 г. как антимонархическую революцию в Йемене.

Свою платформу ее руководство изложило в обнародованных от имени Совета революционного командования (СРК) 27 сентября документах, названных «Шесть принципов и целей революции» и «Манифест революции 26 сентября». «Шесть принципов и целей революции», легшие в основу всей дальнейшей практической деятельности республиканского руководства, были следующие: 1) освобождение от деспотизма, колониализма и их наследия. Установление справедливого республиканского режима и уничтожение различий между классами; 2) построение сильной национальной армии для защиты родины и сохранения революции; 3) подъем экономического, социального, политического и культурного уровня народа; 4) создание демократического, справедливого, кооперативного общества, основанного на принципах ислама; 5) направление усилий на осуществление национального единства в рамках арабской нации; 6) уважение к документам ООН и международных организаций, соблюдение принципов неприсоединения, мирного сосуществования между нациями, осуществление мира во всем мире [169, с. 25].

Главная цель революции, говорилось в Манифесте,— «уничтожение единоличного деспотического режима и иностранного влияния в стране» (в Йеменском королевстве, в Адене и аден-

ских протекторатах), «установление республиканского демократического исламского строя, основанного на принципах социальной справедливости» [66а, с. 85—86; 169, с. 23—24].

В области внутренней политики, согласно Манифесту, предусматривалось «восстановление истинного исламского шариата, который был похоронен прогнившим деспотическим режимом», «ликвидация племенных и религиозных разногласий», «создание общенародной организации, которая будет осуществлять революционное строительство республики и укреплять новое государство с помощью революционного аппарата». Особое внимание уделялось «реорганизации армии на современной основе для защиты революции и свободы». Гарантировалась неприкосновенность «национального капитала», однако отмечалось, что он «не должен перерастать в монополистический и эксплуататорский и препятствовать деятельности государства в экономической области». Намечалось проведение мер, направленных на подъем культурного уровня народа, на «уничтожение вековой отсталости и невежества», а также осуществление социальных преобразований «на основе исламских принципов и национальных особенностей». Манифест призывал йеменских эмигрантов вернуться на родину и использовать здесь свои знания и капиталы.

Специальный раздел Манифеста был посвящен отношению к доктрине арабского национализма. В нем подтверждалась верность арабскому единству и подчеркивалось стремление к «полному его осуществлению в арабских странах на народной, демократической основе». Руководство ЙАР заявляло о своей готовности сотрудничать в Лиге арабских государств, со всеми без исключения арабскими странами и поддерживать с ними экономические отношения.

Относительно своего внешнеполитического курса республиканское правительство заявило, что оно будет «следовать политике неприсоединения и позитивного нейтралитета», «бороться против империализма и иностранного вмешательства во всех его формах», «соблюдать Устав ООН и поддерживать борьбу за мир». Правительство Йеменской Арабской Республики (ЙАР), говорилось в Манифесте, ориентировано на «становление дружественных отношений со всеми государствами, которые уважают суверенитет и свободу их страны», и готово подписать с ними договоры о помощи и займах, «если они не будут содержать условий, затрагивающих независимость Республики» [66а, с. 86].

Опубликование Манифеста, первого программного документа ЙАР, представляет значительный интерес. В нем отразилась специфика йеменской революции, которая носила антимонархический характер и была направлена на переустройство общества на основе буржуазно-демократических преобразований с учетом местных особенностей.

Пришедшая в результате революционного переворота к власти патриотически настроенная военная интеллигенция из организации «Свободные офицеры» никогда ранее не формулировала свои политические цели. Теперь же, в решительный момент взятия власти, она была вынуждена обратиться к программе своего политического единомышленника — Абдаррахмана аль-Байдани, с которой социально-политическая направленность Манифеста, почти полностью совпадала. Более того, почти все положения, сформулированные у аль-Байдани, нашли свое отражение не только в Манифесте, но и в декретах республиканского правительства, опубликованных в первый месяц революции [66, с. 129—131].

В то же время революционное руководство, стремясь не только политически, но и экономически закрепить свое влияние в йеменском обществе, в вопросе развития частного предпринимательства пошло дальше программы аль-Байдани. Если последний считал, что частное предпринимательство может развиваться бесконтрольно, то составители Манифеста ограничили его, четко определив сферу его деятельности. Это свидетельствовало о стремлении руководства в этот период осуществлять преобразования, как они заявляли, «демократическим путем», т. е. в интересах широких слоев населения страны. Однако на деле они действовали прежде всего в интересах мелкобуржуазных слоев, выразителями которых они являлись.

Манифест не ставил перед собой задачу решения проблем сельского населения страны, игравшего в революционных событиях второстепенную роль. Однако отдельные шаги правительства в этом направлении были сделаны: изданы декреты о конфискации земель и имущества, принадлежавших членам королевской семьи и некоторым крупным феодалам — сторонникам монархического режима [230, 04.10.1962], об упорядочении взимания прямых налогов, отмене системы изъятия недоимок у крестьян и аннулировании всех задолженностей крестьян прежнему правительству.

Все республиканские акты, касавшиеся сельского населения, были направлены на улучшение положения мелких и средних собственников земли — совершенно не затрагивая безземельное крестьянство и никоим образом не ущемляя прав феодальных владельцев.

Таким образом, социально-экономические мероприятия, намеченные в Манифесте и в декретах правительства в первый месяц революции, не ставили своей целью уничтожение основ феодального строя, а лишь открывали более широкие, чем раньше, возможности для развития частного предпринимательства.

Манифест провозгласил также программу социальных преобразований, получившую в стране большой политический резонанс. Заявлялось об установлении «социальной справедливости». На рассматриваемом этапе это означало ликвидацию основных привилегий и преимуществ тех, кто составлял верхушку традиционной социальной иерархии — сейидов, что являлось лишь

первым шагом на пути уничтожения этой средневековой системы, сохранявшейся в период имамата.

Манифест объявлял и о ликвидации племенных и религиозных различий. Предоставление шафиитам равных прав с зейдитами дало им возможность шире включиться в политическую и экономическую жизнь государства.

Чтобы привлечь на свою сторону племена и другие слои населения, в Манифесте и в первых декретах республиканского правительства значительное внимание уделялось вопросам религии. В них подчеркивалось стремление нового руководства вернуться к более строгому соблюдению религиозных и юридических норм ислама, чем это было при имамах; ислам рассматривался как фактор, объединяющий йеменское общество.

Были обнародованы также специальные декреты правительства об отмене рабства и уничтожении института заложников.

Характеризуя общественную направленность первых деклараций революционного руководства, нельзя не отметить крайнюю расплывчатость их социальной ориентации. Особенность эта была порождена целым рядом причин — отсутствием в Йемене традиций политической жизни, разнородным составом лиц, пришедших к власти, их стремлением завоевать поддержку по возможности более широких и влиятельных слоев населения. Отсюда апелляция к народу как единому целому, включение в Манифест такого неопределенного понятия, как «общенародная организация», и пр.

Опубликованная правительством программа социально-политических и экономических преобразований нашла горячий отклик среди широких кругов народных масс, которые восприняли ее как знак окончательного падения старого режима, установления равенства всех перед законом, начала подъема экономики страны и т. п. [182, с. 198].

С первых же дней перед руководителями революции встала задача создания новых органов власти. 27 сентября командование армии заявило, что вплоть до всеобщих выборов вся полнота власти в стране будет находиться в его руках. В этот же день оно приступило к формированию высших органов власти: Совета революционного командования, Президентского совета и Совета министров.

СРК, сформированный 26 сентября, днем 27-го был расширен до 9 человек. В него вошли полковники Абдалла ас-Саляль и Хамуд аль-Джейфи, капитаны Абд аль-Латиф Дейфалла и Абдалла Джузейлан, лейтенанты Али Абд аль-Мугни, Саад аль-Ашваль, Ахмед ар-Рухуми, Салех ар-Рахаби, Мухаммед Муфарих [66а, с. 88; 169, с. 26; 242, 02.10.1962; 272, 1963, № 1—2, с. 150][3]. Четверо из них являлись выходцами из крестьянской семьи, один — из семьи торговой буржуазии, один был представителем полупролетарских слоев города и двое — из семьи зейдитских сейидов Саны. Среди этих офицеров шесть принадлежали к зейдитам, причем четверо из них поддерживали тесные

контакты с племенами (бакиль, аль-хада и др.), а двое были выходцами с юга — из шафиитских районов Хаубана и Худжарии. Пять человек получили образование за границей, в том числе в Каире и Багдаде, а трое учились в военных училищах в Сане и Таизе. Все они к моменту революции были городскими жителями.

В Президентский совет, возглавленный шейхом Мухаммедом Али Османом, вошли четыре человека — все гражданские лица.

Возглавил правительство пользовавшийся популярностью в Йемене полковник Абдалла ас-Саляль.

Совет министров во главе с ас-Салялем, включал 20 человек — офицеров и гражданских лиц [66а, с. 91—92; 272, 1963, № 1—2, с. 150; 242, 02.10.1962]. Из них Абдалла ас-Саляль, Абд аль-Латиф Дейфалла и Хамуд аль-Джейфи одновременно занимали посты и в СРК. Ахмед Хусейн аль-Марвани, Хасан аль-Амри и Мухаммед аль-Агнуми, получившие военное образование за границей, к моменту революции находились на гражданской службе. Два министра были выходцами из шафиитских семей торговцев Худжарии. Восемь человек представляли феодальные семьи, среди них — кади Мухаммед Махмуд аз-Зубейри, шейх Яхья Мансур, кади Абдаррахман аль-Арьяни, кади Абдассалем Сабра, шейх Амин Абд аль-Васи Нуман. Все они еще с 30—40-х годов входили в оппозицию правившей династии Хамид ад-Динов и были активными членами организации «Свободные йеменцы»[4], а затем «Йеменского союза», действовавшего в начале 40-х годов в Адене, а позднее и в Каире. Имена этих деятелей традиционной оппозиции были хорошо известны в стране, особенно кади Мухаммеда Махмуда аз-Зубейри, известного лидера старой оппозиции, снискавшего также уважение как поэт и религиозный деятель.

В религиозном отношении места в революционном правительстве были поделены почти поровну между зейдитами и шафиитами.

Таким образом, в социальном отношении подавляющая часть лиц, вошедших в высшие органы республиканской власти, представляла средние городские слои, выражавшие интересы средней и мелкой буржуазии. Известный английский журналист Гарольд (Ким) Филби писал по этому поводу из Адена: «Йеменская революция, как это теперь совершенно ясно, была осуществлена восставшим средним классом, многие представители которого получили образование вне Йемена и имели связи с внешним миром» [277, 03.10.1962]. Авангардную роль среди них играла патриотически настроенная военная интеллигенция — средние и младшие офицеры армии; они-то и заняли подавляющее большинство руководящих постов в новых органах власти.

Система государственного устройства переживала период становления. У лиц, пришедших к власти, не было никакого опыта государственного строительства. В ходе развития революционного процесса происходило постепенное формирование

аппарата государственной власти. Сформированный 27 сентября 1962 г., он может быть охарактеризован как система коллективного руководства, где функции высшего руководства государством принадлежали СРК. Однако гипертрофированная роль, которую играл в этом руководстве ас-Саляль, позволяет говорить о том, что уже на начальном этапе проявилась тенденция к подмене коллективного руководства индивидуальным. Сосредоточение в руках одного лица значительных полномочий было связано не только с потребностью обеспечить эффективное руководство молодой республикой, но и с традициями единоличного правления. Структура исполнительной власти — Совета министров и его аппарата — к рассматриваемому моменту также была еще далека от окончательной. Что касается Президентского совета, то неопределенность функций этого органа и его быстрое исчезновение из политической жизни продемонстрировали нежизнеспособность этого института.

Представители средних слоев феодального класса — кади и улемы — получили достаточно широкий доступ в высшие органы государственной власти (кроме СРК). Родо-племенная же верхушка — шейхи племен и племенная знать — представлена в них не была.

Оформившийся в первые дни революции союз между радикально настроенной группой офицеров, совершивших революцию, с одной стороны, и умеренно-реформистскими слоями феодального класса и выразителем их интересов — феодальной интеллигенцией — с другой, был политически обусловлен. Он был вызван тем, что армейское руководство не имело в стране достаточной социальной опоры и, опасаясь реставрации монархического режима, вынуждено было привлечь к участию в управлении страной известных и пользовавшихся влиянием тех лиц из феодалов, которые составляли в прошлом антиимамскую оппозицию. Однако с самого начала было очевидно, что сотрудничество этих сил было лишено социальных корней, носило тактический характер, а следовательно, внутреннее размежевание правящей верхушки в будущем было неизбежно.

Успех революции и создание Йеменской Арабской Республики, первой республики на Аравийском полуострове, вызвали огромный отклик во всем мире. Прогрессивная общественность разных стран, прежде всего социалистических во главе с Советским Союзом, восприняла йеменскую революцию как составную часть мирового национально-освободительного процесса, прокладывающего путь национальному развитию и социальному прогрессу.

1 октября 1962 г. Советское правительство заявило о своем признании правительства ЙАР [221, 02.10.1962]. Таким образом, Советский Союз стал первой великой державой, признавшей молодую республику. В течение первой недели революции ЙАР признали и другие социалистические государства.

Республиканский режим в Йемене уже в первые дни его существования был признан Египтом, Ливаном, Сирией, Ираком, Суданом, Алжиром, Тунисом [270, 12.10.1962]. Значительную поддержку йеменской революции оказали прогрессивные силы Адена.

Молодая республика, оказав огромное революционизирующее влияние на весь Аравийский полуостров, стала центром притяжения прогрессивных сил этого региона. Активные деятели антиимпериалистического движения Южного Йемена, представители антимонархических кругов стран Аравийского полуострова нашли политическое убежище в ЙАР [244, 18.02.1963].

Что касается реакционных и империалистических кругов, прежде всего США и Англии, то они встретили сообщение о йеменской революции настороженно и враждебно. Для них молодая республика олицетворяла угрозу их нефтяным интересам и стратегическим позициям в этом районе земного шара. Английская газета «Обсервер» писала по этому поводу: «Йеменская революция ставит сложную проблему для британской и американской политики в отношении всего Среднего Востока» [280, 02.10.1962]. А французская «Ля Круа» замечала: «Уничтожение монархии в Йемене вызовет тревогу на всем Аравийском полуострове, прежде всего в британских протекторатах и в Саудовской Аравии» [259, 01.10.1962].

Освободительные идеи йеменской революции вызвали ожесточенное сопротивление арабских монархических правителей, и в первую очередь в Саудовской Аравии и Иордании. Подавляющее большинство правящего клана Саудидов во главе с наследным принцем Халедом пошло на оказание активной помощи свергнутой йеменской династии, опасаясь, как признал «Обсервер», что «если ЙАР выживет и добьется процветания, то над монархией в Саудовской Аравии нависнет угроза» [216, с. 51; 280, 05.04.1964]. А английский еженедельник «Нью-Стейтсмен» писал: «С успешным созданием ЙАР абсолютные монархии Аравийского полуострова—от Адена до иорданской границы—обнаружили революцию у своего порога» [276, 07.12.1962].

Уже в первую неделю существования республики появились признаки консолидации реакционных феодальных сил на юге Аравийского полуострова. Так, в конце сентября 1962 г., после опубликования неподтвердившегося впоследствии известия о гибели аль-Бадра, правительства Саудовской Аравии и Иордании заявили о своей поддержке «правомочных» претензий эмира аль-Хасана на йеменский престол. 30 сентября аль-Хасан, прибыв из Нью-Йорка в Джидду, обратился в качестве «законного» имама Йемена к саудовскому правительству с просьбой о предоставлении ему военной и финансовой помощи. В ответ эмир Фейсал «уверил его в полной поддержке со стороны саудовского правительства в деле восстановления монархии в Йемене» [273, 02.10.1962].

Об активной деятельности монархистов и поддержке их правящими кругами Саудовской Аравии и Иордании сообщает и

йеменский автор Абдалла Абд аль-Илля в своей книге «Регресс революции в Йемене». Он пишет, что в конце первой недели революции аль-Хасан пересек со своими сторонниками при поддержке саудовских и иорданских офицеров саудовско-йеменскую границу и начал продвижение в направлении г. Саады [60, с. 59]. Это же подтвердила и мировая пресса, сообщив, что в Асуане (Египет) неожиданно приземлился транспортный самолет военно-воздушных сил Саудовской Аравии с боеприпасами, оружием и золотом, предназначенными для шейхов йеменских племен. Пилоты самолета объяснили свой поступок нежеланием помогать врагам революции. Выяснилось, что оружие и боеприпасы были предоставлены Саудовской Аравии американским правительством в рамках военной помощи этой стране.

Монархические силы Йемена и всего Аравийского полуострова делали ставку прежде всего на северо-западные и северо-восточные племена: будучи в основном зейдитскими, они по традиции признавали имама своим духовным лидером. В предшествовавшие годы в периоды острых политических конфликтов они неоднократно оказывали поддержку правившей династии и даже помогали возвратить ей трон. Газета «Вашингтон Пост» писала: «Кажется, зейдитские племена еще не признали нового режима. Если аль-Хасану удастся наладить с северными и западными зейдитскими племенами связь, то власть свободной Йеменской Республики может рухнуть. Во всех предыдущих переворотах племена доказали, что они могут быть решающим фактором» [289, 30.09.1962]. А по словам «Таймс», «Саудовская Аравия пытается поднять северные племена против нового, республиканского правительства. Если сообщения верны, то среди племен вскоре начнутся волнения» [287, 02.10.1962].

При поддержке англичан был создан еще один очаг контрреволюции — на территории Федерации Южной Аравии (ФЮА). Центром его стал эмират Бейхан. Здесь на деньги, предоставленные правителями ФЮА и британской администрацией в Адене и аденских протекторатах, стали формироваться военные отряды из местных племен, а также из монархистов, бежавших из Йемена. Одновременно были приведены в боевую готовность воинские подразделения аденских протекторатов. На границе между Йеменом и Бейханом время от времени происходили столкновения между интервенционистскими войсками ФЮА и частями йеменской республиканской армии.

Таким образом, с первых дней своего существования молодая республика оказалась перед лицом серьезной угрозы реставрации монархического режима.

Республиканское правительство Йемена немедленно предприняло ряд энергичных мер по борьбе с силами контрреволюции [196, с. 94; 287, 02.10.1962]. В стране было введено чрезвычайное положение. Командование йеменской армии приняло решение о создании национальной гвардии и реорганизации старой армии, поставив ее под единое командование. Солдатам и офицерам были повышены оклады и удвоен паек. Было также передано обращение правительства к молодежи встать на защиту республики [242, 09.10.1962].

Для пресечения подрывной деятельности посольства Саудовской Аравии в ЙАР было принято решение о разрыве дипломатических отношений между этими странами. Объявлялось о закрытии саудовского банка в Йемене [244, 06.10.1962; 265, 04.10.1962; 272а, 1962, № 10, с. 151].

Уже в первые часы после победы революции в Сане руководство ЙАР отправило телеграмму президенту Египта Гамалю Абдель Насеру, в которой сообщалось о свержении «прогнившего реакционного режима» имама, о провозглашении демократической республики, стремившейся к «созданию системы современного правления» и к участию в «строительстве объединенной арабской нации» [157, с. 141; 67, с. 243].

В ответной телеграмме президента Насера на имя ас-Саляля, отправленной 30 сентября (на следующий день после официального признания ЙАР), говорилось: «Народ Египта с огромным интересом и вниманием следит за развитием грандиозных событий в Йемене, за стремлением народа и армии установить новую жизнь на йеменской земле, обрести человеческое достоинство и честь» [67, с. 243; 157, с. 141; 278, 28.10.1962; 285, 30.10.1962].

Обращаясь к президенту Насеру, правительство ЙАР подтвердило свою верность положениям Договора о совместной обороне, заключенного в 1956 г. между ОАР, Йеменом и Саудовской Аравией [5]. В ответ президент Насер, исходя из принципа совместной борьбы арабов против империализма и арабской реакции, а также в соответствии с задачами национально-освободительной революции в арабском мире, выразил намерение поддержать революцию в Йемене, оказывая ей всестороннюю помощь. Позднее в своей речи 2 мая 1966 г. он, в частности, сказал: «Мы считаем йеменскую революцию своей революцией и революцией всех арабов, иначе бы мы не стали отправлять своих сыновей воевать и погибать, вписывая героические страницы истории» (цит. по [149, с. 62]).

В сложившихся обстоятельствах начиная с 29 сентября в ЙАР начали прибывать контингенты египетских войск, готовые в любой момент совместно с частями йеменской армии оказать сопротивление монархическим силам. К началу октября численность дислоцированных в окрестностях городов Сана, Таизз и Ходейда египетских войск составила около 3 тыс. человек [181, с. 221]. Значительную помощь молодой республике оказали, в частности, прибывшие в Йемен военно-воздушные силы Египта. Они, по заявлению йеменского политического деятеля аль-Аттара, задержали интервенцию Саудовской Аравии и приостановили наступление на столицу племен, остававшихся верными монархии [208, с. 277].

Шаги, предпринятые республиканским правительством в первую неделю революции, были поддержаны широкими слоями населения, прежде всего теми социальными силами, которые осуществили революцию. Однако в условиях Йемена возможности этих сил были весьма ограниченными ввиду их малочисленности и слабости. Поэтому руководители революции, учитывая сложность политической обстановки в стране, вынуждены были идти на урегулирование своих отношений с племенами, прежде всего с зейдитскими, объединявшими бóльшую часть йеменского населения. Контакты с ними осуществлялись через родо-племенную верхушку — шейхов и родо-племенную знать, которые пользовались огромным влиянием на рядовых соплеменников.

Позитивное отношение йеменских племен к революции, особенно шафиитских, явилось немаловажным фактором ее укрепления. Однако между центральной властью и племенами, равно как и между самими племенами, еще с давних времен существовали многочисленные противоречия. Создание республики и начавшиеся действия контрреволюции еще более углубили эти противоречия: племена разделились на сторонников республики и приверженцев монархии.

Проблема отношения центральной власти к племенам была поставлена на повестку дня с самого начала существования республиканского режима. Как и следовало ожидать, среди руководителей ЙАР сразу же возникли по этому вопросу серьезные разногласия — социальные, политические, религиозные.

Интересное высказывание в связи с этим сделал аль-Аттар, будущий министр экономики, один из представителей йеменской технической интеллигенции, в своей беседе с французскими журналистами, приехавшими в первые дни революции в Йемен. По его словам, существует две точки зрения на роль племен в революции и, следовательно, на отношение к ним членов республиканского правительства. Первая точка зрения — это мнение «пессимистов». Они считают, что племена в условиях низкого уровня социально-экономического, политического и культурного развития не знают, «что такое политические институты,— более того, что такое государство, закон, что такое подчинение». Отсюда вытекает, что республика должна проводить по отношению к ним такую же политику, какую осуществлял имам, т. е. держать племена в полном подчинении, используя разнообразные рычаги давления. Другая точка зрения принадлежит «лирикам революции», которые, по аль-Аттару, утверждают, что «Йемен в целом глубоко желает перемен. Племена стремятся к отмщению. Они хотят установления контактов с республикой и будут подчиняться новому правительству, если оно будет по отношению к ним справедливо» [196, с. 56].

В историографии высказывалось мнение о возможности использования республиканцами и других видов стратегии при решении проблемы племен. Так, Ф. Холидей в статье «Контрреволюция в Йемене» утверждает, что в 1962 г. перед революцией стоял выбор одного из двух путей: первый сводился к «уничтожению власти помещиков, купцов и шейхов племен и созданию таким образом препятствия проникновению империалистического влияния в Йемен»; второй же «открывал возможность для развития капитализма в стране и предусматривал замену имамата правлением шейхов племен и купцов» [198, с. 11]. Заметим, однако, что сама постановка вопроса о выборе пути была неприемлема для Йемена рассматриваемого периода, прежде всего потому, что автор недооценивает роль шейхов в племенной структуре Йемена, которые, как известно, к моменту революции 1962 г. были в зейдитских племенах полноправными авторитетами и имели неоспоримое влияние на рядовых членов племени. Поэтому курс на уничтожение власти родо-племенной верхушки не учитывал объективных условий йеменской действительности[6].

Как уже отмечалось, шейхи племен и родо-племенная знать не вошли ни в один из республиканских органов власти. Отчасти это объяснялось тем, что молодые офицеры опасались вызвать повсеместное недовольство горожан, хорошо помнящих разграбление племенными ополчениями Саны и других городов страны во время переворотов 1948 и 1955 гг. Кроме того, в первые дни революции среди лиц, занявших командные позиции в новых органах государственной власти, одержала верх группа офицеров, отличавшихся не только своими антимонархическими, но и, более того, антифеодальными взглядами. Она стремилась к радикальному переустройству общества посредством демократических преобразований и склонна была в минимальной степени учитывать интересы родо-племенной верхушки.

Что касается позиции племен, то в ходе развертывания гражданской войны было достаточно трудно точно определить, какие племена в процессе размежевания встали на сторону республики, а какие — на сторону свергнутой монархии. Политическая ориентация многих племен была крайне неопределенной, и они часто переходили из одного лагеря в другой.

В первую неделю существования республики расстановка сил характеризовалась тем, что многие шафиитские и незначительная часть зейдитских племен заявили о поддержке нового режима. Самая могущественная конфедерация зейдитских племен — хашед, возглавленная шейхом Абдаллой бен Хусейном аль-Ахмаром, как отмечалось выше, встала на сторону революции. Правда, не все племена, входившие в конфедерацию, пошли за своим главным шейхом — часть их осталась верна монархии. Расслоение произошло и в другой конфедерации зейдитских племен — бакиль.

Шейх крупнейшего шафиитского племени аз-зараник, в дореволюционные годы неоднократно выступавший против власти имама, тоже заявил о поддержке республики. Революцию признал шейх крупного племени мурад Али Турейк и др.

Командование армии в первый же день революции заявило по радио Саны, что «все шейхи племен поддержали наше движение и обещали продвигаться вместе с армией по пути свободы и достоинства» [265, 28.09.1962]. Это заявление свидетельствовало о том большом значении, которое республиканские руководители придавали роли племен в революции. Они понимали, что существование республики во многом зависит от отношения к ней прежде всего зейдитских племен, которые, по выражению Г. Филби, были «одним из главных факторов исхода битвы между монархистами и республиканцами». В то же время Г. Филби отмечал, что ориентация племен в сложившейся обстановке определялась не только их отношением к правительству, но и межплеменным соперничеством: достаточно было какому-либо племени выступить в пользу имама, как враждовавший с ним сосед немедленно выступал на стороне республики [277, 03.10.1962].

Шейхи племен, признавшие республику, получали от правительства Саны оружие для охраны границ своего племени и деньги. Кроме того, республиканское правительство в дополнение к принятым мерам безопасности объявило 30 сентября о создании Высшего совета национальной обороны [244, 06.10.1962; 287, 02.10.1962]. В этот орган вошло 180 шейхов, которым была доверена задача защиты силами племенных ополчений территорий племен от вторжения монархистов. Каждый шейх — член Совета получал звание государственного министра и соответствующий оклад. Им предоставлялось также право осуществлять власть в своих племенах от имени высшего органа республики — Совета революционного командования.

Таким образом, создание Высшего совета национальной обороны явилось первым официальным шагом в установлении контактов республиканского правительства с племенами, и прежде всего с родо-племенной знатью в лице шейхов племен. Сам факт формирования Совета означал своего рода компромисс: не предоставляя шейхам постов в высших органах государственной власти, правительство в то же время старалось привлечь их на сторону революции, выплачивая им значительные денежные суммы и снабжая оружием. Более того, республиканское руководство признало власть шейхов на местах как представителей центрального правительства.

В то же время значительная часть зейдитских шейхов остались верны монархии. Это были прежде всего шейхи племен наиболее отсталых в политическом и культурном отношении областей страны — северных и восточных окраин, населенных в большинстве случаев полукочевыми и кочевыми (бедуинскими) племенами. По словам аль-Аттара, в районе Мариба «живут очень бедные бедуины, которые за небольшую сумму денег способны на все» [196, с. 72]. К числу племен, поддерживавших монархистов, относились и те, территория расселения которых проходила вдоль границы с Саудовской Аравией. Этот район всегда считался бастионом зейдизма. После революции 26 сентября здесь начали сосредоточиваться преданные монархии силы.

Число племен, выступавших на стороне монархистов, постепенно возрастало в результате подкупов со стороны правящих кругов Саудовской Аравии. Доля вины за это, однако, лежала и на республиканском руководстве, которое, плохо ориентируясь в межплеменных конфликтах, не зная хорошо внутриплеменной иерархии и племенных обычаев, зачастую своими действиями толкало племена к переходу на сторону монархистов [60, с. 59—79].

В первую неделю революции некоторые шейхи зейдитских племен заняли выжидательную позицию, не отдавая предпочтения ни республиканцам, ни их противникам. Это объяснялось тем, что частые разногласия между ними и бывшим имамским правительством еще были свежи в их памяти. Поэтому многие шейхи не стремились к восстановлению имамата. В то же время они подозрительно относились и к республике. Более всего они стремились к политической независимости.

В эти племена, оставшиеся нейтральными, республика направляла преданных делу революции людей, с тем чтобы они объяснили шейхам и рядовым членам племен, какие преимущества предоставит им новый режим.

Представители же монархистских кругов через эмиссаров аль-Хасана и сторонников бывшей правящей династии стремились прежде всего, играя на чувствах зейдитов, заручиться поддержкой шейхов зейдитских племен и настроить их против республиканских властей. Они усиленно снабжали их оружием, золотом и боеприпасами.

Уже в первые дни революции на страницах мировой прессы стали появляться противоречивые сообщения — одного и того же шейха объявляли сторонником то республиканцев, то монархистов. Как стало вскоре известно, многие шейхи использовали ситуацию гражданской войны с целью обогащения, заявляя о своей «верности» то республике, то монархии, чтобы получать вознаграждения и оружие от обеих сторон. Были среди них и такие, которые свои «симпатии» меняли неоднократно в течение суток [196, с. 95—115].

Таким образом, развернувшаяся борьба республиканцев и монархистов за привлечение на свою сторону племен, от поддержки которых во многом зависела судьба революции, стала одним из симптомов постепенно разгоравшейся гражданской войны. По мере концентрации на севере, северо-востоке и востоке Йемена антиреспубликанских сил обстановка в стране обострялась все больше, а с середины октября в этих районах Йемена начались открытые военные действия.

Размежевание социально-политических сил в республиканском движении (октябрь 1962 — август 1963 г.)

Осенью 1962 г. продолжалась концентрация антиреспубликанских сил на севере и востоке Йемена. В ставку нового имама аль-Хасана, находившуюся на границе Саудовской Аравии и Йемена, стали стекаться сторонники монархии из южных и центральных районов страны, а также монархисты, оказавшиеся в момент революции за пределами ЙАР.

В это время на востоке страны, в районе эмирата Бейхана, монархистские отряды под командованием сына аль-Хасана Абдаллы, получив от Англии и Саудовской Аравии значительное количество оружия и денег, захватили Мариб и Хариб.

В середине октября стало известно, что имам аль-Бадр не погиб во время обстрела дворца 26 сентября, а сумел бежать под защиту вождей северных племен. По сообщениям прессы, там он сформировал 17 октября правительство во главе с аль-Хасаном и обратился с призывом ко всем племенам страны выступить в защиту «законного имама». Подкрепленный саудовским и английским оружием и золотом, призыв этот получил отклик. С этого момента началась вооруженная борьба монархистских сил против ЙАР. Страна постепенно разделилась на два лагеря — сторонников республики и монархии.

Усилилось расслоение и в племенах. Часть шейхов таких крупных племен Джебеля и Машрика, как хаулян, хамдан, бени хушейн, архаб, бени матар, бени аль-харис, нехм и др., получив от монархистов оружие и деньги, выступили против республики. Их отряды содействовали захвату Харада и Саады. Монархистски настроенными племенами была окружена Хаджа.

Угроза монархической контрреволюции вынудила республиканское правительство, не имевшее в тот период сильной современной армии, оснащенной новейшим оружием, обратиться к племенам, чтобы они совместно с революционными войсками выступили в защиту республики. Одновременно руководство ЙАР продолжало формировать отряды национальной гвардии и армейские части преимущественно из городской молодежи, учащихся школ и крестьян близлежащих к столице селений.

Однако силы республиканцев были невелики, и правительство обратилось к руководству ОАР с просьбой расширить контингент египетских войск в Йемене. К концу октября численность йеменско-египетских вооруженных сил возросла, однако это не внесло ощутимых изменений в ход военных действий.

Руководство ЙАР, стремясь стабилизировать политическую обстановку в стране, продолжало укреплять свои отношения с представителями феодального класса, все шире и шире привлекая их к участию в управлении государством. Как показал первый месяц революции, позиции феодальных элементов в Йемене

оставались весьма прочными и они могли ощутимо влиять на ход политического развития.

31 октября 1962 г. республиканское правительство опубликовало Конституционную декларацию, которая рассматривалась как временная конституция ЙАР. Она стала вторым документом, зафиксировавшим главные достижения революции и наметившим основные положения будущей конституции [74, с. 391—394].

В нем объявлялось, что СРК в течение пяти лет переходного периода будет руководствоваться положениями, изложенными в декларации. Документ подтверждал антимонархические цели революции и наметил программу общедемократических преобразований в стране. Он повторял уже изложенные ранее в Манифесте общие принципы и цели революции. В то же время в декларации более конкретно, чем в Манифесте, был поставлен вопрос о демократических правах и свободах — гарантии личности и слова, неприкосновенности собственности и жилища. Это свидетельствовало о стремлении республиканской власти закрепить позиции нарождающейся буржуазии и средних городских слоев — основной движущей силы йеменской революции.

Конституционная декларация 1962 г. стала первым официальным документом республиканского правительства, в котором говорится о «народе» как источнике власти в стране. Хотя официальной религией в ней объявлялся ислам, а в основу законодательства был положен шариат, в документе была сделана в то же время попытка законодательным путем создать в стране гражданские суды. Тем самым наносился определенный удар по среднему слою феодального класса — улемам и кади, в руках которых находилось все судопроизводство.

Декларация впервые на уровне законодательства зафиксировала государственное устройство республики. Поскольку в Манифесте 27 сентября еще не было четко сформулировано понятие о государственных органах власти, а лишь говорилось вообще о «революционном аппарате государства», можно считать, что декларация этот вопрос разрешила впервые. Высшим органом власти объявлялся СРК, который формировал Совет министров.

Декларация узаконила создание Высшего совета национальной обороны, состоявшего из шейхов племен, гарантировав им звания и оклады министров. Тем самым было узаконено право шейхов на участие в деятельности организации, которая была приравнена к высшим органам государственной власти. Так было положено начало союзу средних городских слоев с феодально-племенной верхушкой. Эти действия нельзя расценить иначе, как очередную уступку демократических сил представителям консервативных кругов йеменского общества.

Узаконив институт президентства, конституционная декларация ввела в практику государственного управления ЙАР прин-

ции сочетания коллективного главы государства (СРК) с индивидуальным. Учитывая сложившуюся в стране политическую ситуацию, ас-Саляль был наделен широкими полномочиями: он объявлялся президентом, председателем СРК и Совета министров, главнокомандующим вооруженными силами на весь переходный период. Это должно было обеспечить сохранение в руках мелкобуржуазных демократов ключевых рычагов государственного управления. Для государственного устройства республиканского Йемена с самого начала стала характерной чрезвычайно большая роль президента в государственном аппарате.

Одновременно с опубликованием Конституционной декларации была произведена реорганизация высших органов власти (31 октября 1962 г.). Весьма существенно был преобразован СРК: численность его увеличена была до 18 человек, причем наряду с офицерами туда были впервые включены и гражданские лица. Это свидетельствовало о том, что офицеры, в руках которых в течение месяца находилась практически вся полнота власти, отказались от военной диктатуры и разделили власть с гражданскими лицами. В социальном же отношении СРК второго состава существенно отличался от сформированного 27 сентября: большинство его членов принадлежало к феодальному классу.

Хотя главы крупных, феодальных родов, как отмечал аль-Аттар, не могли безоговорочно принять революцию, сыновья этих феодалов, получившие образование за границей, видели и сознавали несправедливость, царившую в стране в период имамского режима, и «были согласны заплатить любую цену, лишь бы избавиться от правящей династии» (цит. по [196, с. 56]).

В СРК вошли также представители крупной и средней торговой буржуазии, по своему экономическому положению примыкавшие к верхушке средних городских слоев. Однако в период монархического правления они не пользовались политическими преимуществами, которые предоставлялись тогда господствовавшей зейдитской олигархии. Некоторые из них были среди лидеров антиимамской оппозиции.

В религиозном отношении в новом составе СРК, как и в первом, зейдитов и шафиитов было почти поровну.

Таким образом, социальный состав СРК, сформированного 31 октября, был существенно изменен. Увеличилось число лиц, являющихся выразителями интересов крупной торговой буржуазии и феодального класса. В то же время наиболее прогрессивные деятели СРК, оказывавшие в первый месяц революции преобладающее влияние на политику республики, стали терять свое доминирующее влияние в этом высшем органе государственной власти.

Изменения произошли и в структуре Совета министров — выросло число министерских постов. Исполнительная власть по-прежнему полностью контролировалась СРК. Как и в первом составе, все 23 человека, включая премьер-министра, были городскими жителями и относились по преимуществу к средним городским слоям. В то же время они, как и раньше, представляли разные классы, социальные прослойки и традиционные социально-религиозные группы [34, с. 122—123].

В религиозном отношении министерские посты были распределены почти поровну между зейдитами и шафиитами.

Содержание конституционной декларации и новый состав высших органов власти свидетельствовали и о том, что не только возрос численный состав феодальной интеллигенции в СРК и Совете министров, но, что особенно показательно, расширилось политическое влияние представителей феодально-племенной знати [7].

Итак, главная особенность развития революционного процесса в течение первого месяца после переворота состояла в образовании коалиции нарождавшегося класса буржуазии с классом феодальным, причем не только с его умеренно-реформистскими слоями, интересы которой выражала феодальная интеллигенция, но и с консервативной частью этого класса — шейхами и родо-племенной знатью. Такой союз, несомненно, носил временный, тактический характер, и это не могли не понимать все его участники, чьи коренные интересы были принципиально несовместимыми. Поэтому размежевание внутри сложившейся коалиции и окончательный ее раскол были неизбежны. Как пишет известный йеменский историк Мухаммед Али аш-Шихари в своей книге «Путь йеменской революции», большинство йеменцев расценили неучастие представителей феодального класса в революции 26 сентября как результат несовместимости привычных для них «классических форм политической деятельности» с требованиями современности. В то время как многие их лидеры продолжали считать себя признанными вождями оппозиционного движения, хотя не имели ни ясного плана действий, ни четкой политической программы, молодые, никому не известные офицеры повели за собой армию и совершили революционный переворот. Так люди, не имевшие в глазах феодалов никакого «общественного положения», возглавили государство, получили всеобщую известность, встали в один ряд с революционными лидерами XX в., и это вызвало у «ветеранов» оппозиции чувство неприязни и зависти к молодежи, которая, как они считали, «обошла» их и заняла их место у кормила власти [154, с. 102].

В многочисленных документах, составленных общественными деятелями феодального толка, лица, входившие в традиционные социальные группировки кади, улемов, шейхов и родо-племенной знати, рассматриваются как представители широких слоев йеменского народа. По мнению их авторов, только эти люди могли определять будущее страны. Что же касается офицеров, то они, с их точки зрения, «годились лишь для того, чтобы быть послушным орудием в руках политических собственников, представленных знатными людьми» [154, с. 104].

Деятелей мелкобуржуазного и феодального направлений разъединяло также их отношение к вопросу о характере и форме государственной власти. Как писал аш-Шихари, «революционный подъем и провозглашение республики на развалинах имамата выходило за пределы планов феодальной оппозиции» [154, с. 103]. Проблеме государственной власти суждено было стать тем краеугольным камнем, вокруг которого развернется впоследствии борьба представителей этих двух социальных направлений в национальном движении.

Декреты и постановления правительства, принятые в первый месяц революции, свидетельствовали о постепенном укреплении в политической и экономической жизни страны позиций феодальных группировок и крупной торговой буржуазии. Так, Конституционная декларация явилась в известной степени шагом назад по сравнению с Манифестом, например, в том, как она формулировала экономические задачи, стоявшие перед революцией: вопрос об ограничении рамок частного предпринимательства, впервые поставленный в Манифесте, был в декларации снят и во всех последующих официальных документах республиканского правительства больше не поднимался. Чтобы это обстоятельство не привлекало внимания прогрессивной йеменской общественности, планы экономического развития вообще не были отражены в Конституционной декларации 1962 г.

События первого месяца жизни республики свидетельствовали о слабости прогрессивных антифеодальных слоев йеменского общества. Малочисленность прогрессивного офицерства, его неспособность выработать четкую политическую программу, разногласия в его среде и, главное, отсутствие достаточно широкой социальной базы у них — все это обусловило невозможность осуществления ими самостоятельного политического курса. Оформившийся союз революционного руководства с представителями феодалов и крупной торговой буржуазии был, по существу, уступкой демократических сил этим классам.

Таким образом, средние городские слои — наиболее радикально настроенная часть группировки буржуазно-демократической ориентации,— убедившись на практике в невозможности собственными силами претворить в жизнь декларированную в Манифесте 27 сентября программу, вынуждены были пойти на соглашение с представителями феодально-племенной верхушки и крупной торговой буржуазии, являвшихся выразителями умеренно-реформистских и консервативных настроений. Это соглашение нашло отражение не только в Конституционной декларации, но и в дальнейшей практической деятельности республиканского правительства, внутри которого развернулась острая борьба между радикалами и консерваторами.

Принятие Конституционной декларации, реорганизация высших органов власти, а также проведение в жизнь декретов и постановлений правительства не могли существенно повлиять на ход военных действий. К середине ноября отряды монархистов

захватили города Мариб и Хариб, а также район Джебель Хараза — Эль-Сирваха и, окружив Хамер, смогли выйти на плоскогорье Саны.

Революция в Йемене, привлечение к защите республики египетских войск создали на Аравийском полуострове сложный узел международных противоречий. США боялись за свои позиции в этом богатом нефтью районе арабского мира. Правящие круги Саудовской Аравии, которые предпочитали видеть Йемен по-прежнему отсталым, политически и экономически, были недовольны его возможным усилением. Они видели для себя угрозу в присутствии в Йемене египетских войск и заявлениях йеменских и египетских политических деятелей о намерении содействовать распространению революционных идей на весь Аравийский полуостров.

Известный французский журналист П. Ронде, отмечая атмосферу напряженности вокруг йеменской проблемы, писал: «Йеменский кризис характеризуется одной поразительной особенностью — он выходит за свои рамки... Это не столько внутренний кризис, сколько арабский кризис в Йемене... Йемен стал ареной типичной борьбы „прогресса“ против „реакции“ — по терминологии арабского социализма» [282, 1963, № 2, с. 283—295].

Постоянный приток египетских войск в ЙАР требовал заключения нового договора между двумя странами, который обосновал бы присутствие египтян в Йемене. 10 ноября 1962 г. между ЙАР и ОАР был заключен договор о союзе и взаимопомощи, согласно которому каждая из сторон рассматривала любое нападение на союзника как нападение на себя и обязывалась оказывать ему в этом случае всевозможную помощь [272, 1963, № 1—2, с. 132, 151].

Договор был заключен сроком на пять лет и предусматривал возможность дальнейшего продления. Он узаконил присутствие египетских войск в ЙАР и их участие в защите республики от монархистов. В соответствии с договором было создано объединенное военное командование во главе с президентом ас-Салялем. Представителем египетского президента в ЙАР был назначен Анвар Садат.

В ответ на этот акт правительство Саудовской Аравии 13 ноября опубликовало декларацию, в которой призывало к эвакуации всех иностранных войск из Йемена под наблюдением нейтральной международной организации [290, 03.11.1962; 219, с. 200] и настаивало на принятии других мер, обеспечивающих невмешательство извне во внутренние дела этой страны. Саудовская верхушка была глубоко убеждена в том, что без поддержки египетской армии йеменские республиканцы не смогут противостоять монархистским силам.

Египту военная помощь ЙАР обходилась весьма дорого—по разным подсчетам, от 350—500 тыс. до 1 млн. долл. ежедневно [219, с. 198]. Эта сумма ложилась, естественно, тяжелым бреме-

нем на развивающуюся египетскую экономику. Поэтому в ноябре египетское правительство заявило о своем согласии обсудить условия прекращения конфликта в Йемене.

США, убедившись, что численное превосходство монархистских войск над республиканскими не может сломить республику и что события в этой части арабского мира развертываются нежелательным для них образом, попытались урегулировать йеменский конфликт путем прямых переговоров с правительством Саудовской Аравии и с президентами ОАР и ЙАР. Цель США состояла при этом в следующем: оказать помощь монархистам, приостановить начавшееся наступление республиканцев, а главное — добиться вывода египетских войск с Аравийского полуострова. Как пишет М. Веннер, после продолжительных закулисных переговоров США согласились признать ЙАР в обмен на вывод египетских войск из Йемена при условии прекращения помощи монархистам со стороны Саудовской Аравии [219, с. 202—204].

В свою очередь, правительство ЙАР в своем заявлении 18 декабря 1962 г., подчеркнув верность основным принципам и целям революции, подтвердило свои обязательства в отношении выполнения всех международных договоров, заключенных прежними правительствами, а также Уставу ООН и Лиги арабских государств [272, 1963, № 1—2, с. 151].

В тот же день ОАР опубликовала полный текст йеменского заявления и высказала намерение приступить к разъединению сил и выводу своих войск из Йемена, если Саудовская Аравия прекратит поддержку монархистам.

Таким образом, США в определенной степени добились осуществления поставленной перед своей дипломатией задачи: они получили принципиальное согласие правительства ОАР на вывод ее войск с Аравийского полуострова. И хотя 19 декабря 1962 г. США официально заявили о своем признании ЙАР, это, однако, не помешало им продолжать поставки оружия в Саудовскую Аравию для передачи его отрядам свергнутого имама [273, 20.07.1963].

К концу декабря 1962 г. международный авторитет ЙАР укрепился. Более 50 стран признали молодую республику. Она стала полноправным членом ООН.

Между тем внутриполитическая обстановка в Йемене продолжала оставаться сложной. Для укрепления республиканского режима был осуществлен комплекс мероприятий: продолжалась концентрация власти в руках президента ас-Саляля: были созданы новые военные формирования йеменской армии и отрядов национальной гвардии, а также пополнен контингент египетских войск, что способствовало приостановке продвижения монархистских сил к столице. В феврале — марте 1963 г. в результате так называемого рамаданского наступления республиканцы нанесли монархистам серьезное поражение и вернули под контроль города Мариб и Хариб.

Военные действия в основном прекратились в мае без существенного перевеса какой-либо стороны. Несмотря на значительное улучшение позиций республиканцев, они не принесли им решающего успеха. Продолжались частые пограничные конфликты, особенно на востоке страны, стычки с монархистами на севере и северо-востоке, где шейхи некоторых племен переходили время от времени на сторону свергнутого имама, создавая обстановку напряженности.

Стоящие у власти представители офицерства, гражданской интеллигенции и торговцев, выражавшие интересы радикально настроенных средних слоев и выступавшие за проведение коренных социально-экономических преобразований, в своих идеологических концепциях являлись последователями «арабского социализма» президента Насера. Поэтому неудивительно, что в решении политических, экономических и военных вопросов они, не имея достаточного собственного опыта, полностью полагались на находящихся в ЙАР египетских военных и гражданских советников. Роль этих советников, которые действовали не только в составе совместных йеменско-египетских организаций, но и при министерствах, школах, предприятиях и пр., постепенно приобретала решающий характер.

Если учесть, что в условиях низкого социально-экономического развития страны социальная опора йеменских республиканцев была весьма ограниченной, вмешательство египтян во внутренние дела страны, их стремление подчинить своему влиянию все стороны ее жизни способствовало быстрому росту оппозиции. Первоначально недовольство стало проявляться в кругах феодально-племенной знати: шейхи привыкли на протяжении всей истории страны самостоятельно решать любые вопросы в пределах своего племени, тем более что зейдитские области Йемена никогда не находились под иностранным господством. Теперь же, по мере развертывания гражданской войны, ухудшения экономического положения племен, все большее вмешательство египтян в йеменские дела, их военные акции против племен и т. п. вызывали растущий протест родо-племенной верхушки.

Недовольство шейхов племен в этот период сосредоточилось на личности аль-Байдани, назначенного 31 октября 1962 г. на должность вице-президента республики и министра иностранных дел. Они считали его проводником египетской политики в Йемене и сторонником излишне радикального курса.

Выступления против правительства были порождены глубокими социально-экономическими и политическими причинами. Во-первых, феодалы, а также крупная торговая буржуазия были недовольны тем, что их сторонникам как в первом, так и во втором составах Совета министров были предоставлены второстепенные посты (не говоря уже о СРК, куда они вообще не были введены). Во-вторых, их не устраивало, что патриотически настроенные офицеры пытались провести в жизнь некоторые на первый взгляд скромные социально-экономические мероприятия,

которые в той или иной степени затрагивали феодальные и полуфеодальные устои.

В среде республиканцев все явственней стал наблюдаться процесс постепенного оформления двух социально-политических группировок: революционно настроенных военных и гражданских лиц, выступавших за проведение радикальных социально-экономических и демократических преобразований, с одной стороны, и блока феодальных сил, включавшего феодально-племенную аристократию, феодальную интеллигенцию и крупный торговый капитал,— с другой.

В начавшемся размежевании в известной степени были заинтересованы египетское военное командование в ЙАР и египетские советники, поскольку такая ситуация давала им возможность тормозить проведение в жизнь мероприятий, которые могли бы ослабить зависимость Йемена от Египта. К их числу в первую очередь следует отнести создание в Йемене сильных национальных вооруженных сил. Для ЙАР эта задача была тогда самой острой и самой актуальной, о чем неоднократно говорили йеменские политические деятели с первых дней революции и на протяжении многих последующих лет. Слабость республиканской армии не только делала ЙАР уязвимой для ударов внутренней контрреволюции и агрессии враждебных сил извне, но и давала возможность ОАР держать в стране свой экспедиционный корпус, который, безусловно, оказывал огромную помощь в деле охраны завоеваний революции в ЙАР, но в то же время, подменяя собой национальную армию, обеспечивал условия для сохранения египетского присутствия в этой части арабского мира.

Чтобы несколько разрядить атмосферу назревавшего недовольства внутри страны, республиканское руководство в середине февраля 1963 г. произвело перестановку в Совете министров [244, 20.02.1963], в который в подавляющем большинстве вошли представители феодалов и крупной торговой буржуазии. Отставка аль-Байдани в конце февраля 1963 г., его удаление из страны и лишение йеменского гражданства свидетельствовали о победе правого крыла республиканцев, которые смогли оказать давление на президента ЙАР и его окружение.

Тем не менее недовольство консервативно настроенных элементов присутствием египтян продолжало нарастать. Расценивая их пребывание в ЙАР как вмешательство во внутренние дела Йемена, они ссылались на авторитет кади Мухаммеда Махмуда аз-Зубейри, известного в прошлом деятеля антиимамской оппозиции, члена республиканского правительства. В своей популярной книге «Революция стиха» («Саурат аш-шиар»), написанной в мае 1962 г., аз-Зубейри подчеркивал, что никто не должен «вмешиваться во внутрийеменские дела, никто не должен осуществлять революцию вместо йеменцев», иначе «позор падет на голову йеменского народа» (цит. по [149, с. 61]). Этот тезис и был взят правыми республиканцами как основа для объединения всех недовольных в стране лиц. Фактически они стремились вырвать власть из рук радикально настроенных деятелей республиканского руководства, которых поддерживали находившиеся в ЙАР египтяне.

Под воздействием пропаганды монархистов среди племен распространялось мнение, что присутствие в Йемене египтян, являющихся суннитами, ставит своей целью укрепление влияния шафиитской части йеменского населения в ущерб зейдитской. В результате многие племена еще шире стали поддерживать свергнутую монархию.

Сформировавшаяся оппозиция антирадикалистского толка выдвинула требование отмены конституционной декларации. Она настаивала на выработке Временной конституции, которая бы восстановила коллегиальную форму правления, предписываемую исламской доктриной, ограничив права президента как единоличного правителя.

Вопрос о форме правления — коллегиальной или единоличной — является одной из самых острых проблем для Йемена XX в. Еще в начале 30-х годов представители феодального класса, особенно всесильные шейхи племен, осуждали власть имама за ее автократический характер. Оппозиция 30—40-х годов в своем программном документе — Священной национальной хартии — выступила с требованием создания конституционной монархии. В рамках предлагавшейся ими системы власть монарха должна быть ограничена совещательным органом — Консультативным советом (Маджлис аш-шура), который одновременно должен был выполнять законодательные функции. Обосновывая свой проект, его создатели утверждали, что именно такая форма соответствует нормам шариата.

Выступившая в конце 1962 — начале 1963 г. оппозиция ас-Салялю тоже требовала учредить полномочный коллегиальный орган, который бы выносил решения по всем важнейшим государственным вопросам в результате коллективного их обсуждения. Чтобы сохранить единство республиканских сил в условиях гражданской войны, руководство ЙАР во главе с президентом ас-Салялем вынуждено было пойти на отмену Конституционной декларации. 13 апреля 1963 г. была обнародована Временная конституция, утвердившая новое государственное устройство ЙАР [110; 107, 1963, № 1, с. 2—5].

Высшим органом государственной власти (вместо СРК) отныне объявлялся Президентский совет (коллегиальный глава государства), в обязанности которого входила выработка внешне- и внутриполитического курса страны. Совет министров был преобразован в Исполнительный совет. Хотя конституция объявила Президентский совет коллегиальным главой государства, фактически вся полнота власти оставалась в руках президента республики: он был объявлен председателем Президентского совета, главой государства и верховным главнокомандующим вооруженными силами республики.

В соответствии с Временной конституцией, 24—25 апреля 1963 г. были сформированы высшие органы власти. Президентский совет в социальном отношении существенно отличался даже от второго состава СРК, в котором, несмотря на социальную неоднородность офицеров, преобладали выразители интересов мелкой буржуазии. Подавляющее большинство в Президентском совете были выходцами из феодального класса, не считая того, что в него официально вошли 12 шейхов наиболее крупных и влиятельных племен. В Исполнительном совете, число мест которого было значительно сокращено по сравнению с Советом министров, министерские посты были поделены примерно поровну между представителями военной и гражданской интеллигенции — выразителями интересов низших и средних прослоек горожан, с одной стороны, и феодальных кругов и крупной торговой буржуазии — с другой.

26 апреля 1963 г. был опубликован президентский указ о создании в каждом племени советов шейхов. В их задачу входило изучение нужд племен и передача своих предложений в совет шейхов провинций, который, в свою очередь, выносил их на рассмотрение Высшего совета шейхов племен.

Советам шейхов в племенах предоставлялось право устанавливать размеры налога («закята»), собираемого на территории данного племени, контролировать его сбор и выплату в казну. При этом 10% суммы собранных налогов оставалось в их распоряжении. Советы шейхов получили право рассматривать внутриплеменные конфликты, а также между племенами. Каждому члену совета шейхов провинции за это сотрудничество государство выплачивало 850 риалов в месяц.

28 апреля согласно указу президента был сформирован Центральный комитет по делам племен из 16 шейхов. Кроме того, в комиссиях при Президентском совете — по вопросам национальной обороны, военным делам, внешнеполитическим, экономическим и финансовым, по вопросам племен, просвещения, юстиции и вакфов — шейхам племен была предоставлена почти половина мест [107, 1963, № 1, с. 8—12; № 3, с. 25].

Таким образом, принятие Временной конституции и состав сформированного на ее основе аппарата власти свидетельствовали о дальнейшем усилении влияния представителей феодального класса, прежде всего племенной верхушки. Шейхи племен отныне получили возможность оказывать влияние на решение внутри- и внешнеполитических вопросов в масштабе всей страны. Впервые они были допущены в высший орган государственной власти — Президентский совет (заметим, что в период монархического правления шейхи племен вообще не имели доступа в центральные органы власти).

Так ценой все более и более значительных уступок лидеры республики пытались заручиться поддержкой шейхов в борьбе с монархистами. Предоставляя им все новые права, республиканская власть ставила себя все в более зависимое от них положение. Обладая всей полнотой власти на местах, располагая достаточно многочисленными племенными военными формированиями, оснащенными к тому же современным оружием, шейхи племен получили теперь возможность оказывать давление на центральную власть не только через племенные объединения, но и непосредственно влиять на выработку политического курса страны.

Значительно укрепив свои позиции в государственном аппарате, представители феодального класса и крупной торговой буржуазии тем не менее продолжали проявлять недовольство. Поводом для него прежде всего послужили возросшие права президента, зафиксированные во Временной конституции; поэтому наиболее сильной критике подверглась та ее часть, которая определяла эти права. Кроме того, консервативные силы уже не желали делить власть с радикально настроенными офицерами, группировавшимися вокруг президента ас-Саляля, и поддерживавшими их египетскими советниками, вмешательство которых во внутренние дела страны неуклонно возрастало. Более того, их настораживала активная деятельность прогрессивных политических организаций, партий и групп, созданных в конце 50-х годов, а также начавшееся оформление первых профсоюзных организаций в Таиззе.

Со своей стороны, президент республики и его единомышленники старались сделать все возможное, чтобы роль консервативных сил в политической жизни страны была сведена к минимуму. С этой целью президент ас-Саляль, на основе ст. 33. Временной конституции, подписал 28 мая 1963 г. закон, закрепляющий за ним право объявлять в стране чрезвычайное положение. В случае его введения президент получал широчайшие полномочия: он мог ограничивать свободу собраний и передвижения, устанавливать цензуру над средствами массовой пропаганды, осуществлять контроль над деятельностью компаний и корпораций и т. д. [107, 1963, № 5, с. 40—42]. Вооруженные силы подчинялись только приказам президента. Запрещалась деятельность всех политических партий. Любые нарушения подлежали рассмотрению в «судах государственной безопасности», возглавляемых армейскими офицерами. Члены Президентского и Исполнительного советов лишались значительной части полномочий, которые им были предоставлены Временной конституцией.

Уже спустя три дня после обнародования закона в стране было введено чрезвычайное положение. Эта акция президента вызвала открытое недовольство многих слоев йеменского населения, еще больше усилив политическую напряженность в стране. Руководство ЙАР, опасаясь государственного переворота, выслало многих влиятельных представителей оппозиции из столицы в отдаленные районы Йемена и (с ведома египетских советников) в «почетную ссылку» в Каир [60, с. 102—106].

Действия президента привели к углублению раскола в пра-

вящей верхушке и консолидации сил оппозиции. Оставшиеся в столице руководящие деятели правительства из числа феодальной интеллигенции пошли на расширение контактов с шейхами племен. Совместно они выдвинули идею проведения конференции шейхов племен, с тем чтобы обсудить на ней сложившуюся ситуацию и урегулировать разногласия между отдельными племенами, а также между племенами и правительством. Инициаторами созыва такой конференции выступили кади Мухаммед Махмуд аз-Зубейри и кади Абдаррахман аль-Арьяни.

11 августа в Сане открылась первая конференция с участием ста шейхов племен, поддерживавших республику. На повестке дня был только один вопрос — о разногласиях с правительством. Все выступавшие осудили политику руководства республикой, предоставившего египетским офицерам и советникам столь широкие права, что они ущемляли национальный суверенитет страны. Некоторые шейхи высказались за немедленный вывод египетских войск из ЙАР. Конференция не выработала решений, приемлемых для всех ее участников. Было рекомендовано провести вторую конференцию в Амране, в городе с небольшим гарнизоном египетских войск, расположенном на территории зейдитских племен, что, по мнению шейхов, обеспечивало более безопасную обстановку для работы конференции.

17 августа в Амране открылась вторая конференция шейхов племен. На ней был принят текст обращения ко всем шейхам племен, выступавших как на стороне республики, так и на стороне монархии, а также к религиозным деятелям с призывом принять участие в общейеменской конференции в Амране для решения внутриполитических проблем страны. Эта конференция открылась 1 сентября 1963 г., в ней приняли участие около пятисот человек. Среди них были шейхи племен республиканской и монархической ориентации, члены правительства, мусульманские богословы, представители патриотических организаций, делегация профсоюзов Адена [127; 169, с. 133].

По своим политическим воззрениям участников конференции условно можно разделить на пять групп: возглавляемая аз-Зубейри группа сторонников реорганизации органов республиканской власти; проамериканская проимпериалистическая группа, которая впоследствии получила название «третьей силы»; представители религиозных кругов, среди которых значительным влиянием пользовались сторонники общеарабской фундаменталистской организации «Братья-мусульмане»; патриотически настроенная группа мелкобуржуазных деятелей, полагавших, что присутствие египтян служит национальным интересам йеменского народа; представители профсоюзов Адена и Народно-социалистической партии.

Столь пестрый состав конференции обусловил противоречивость принятых ею решений. В целом же в них четко прослеживаются две тенденции, отражавшие позиции двух основных группировок в республиканском лагере — прогрессивной и консервативной, между которыми существовали серьезные политические противоречия.

Конференция, несмотря на участие шейхов, верных монархии, высказалась за сохранение республики и выразила готовность ее защищать. Это была большая победа республиканских сил. Было принято обращение к сторонникам монархии с призывом прекратить сопротивление, поддержать республику и принять участие в ее строительстве, причем им гарантировались безопасность и неприкосновенность имущества. В резолюции упоминалось, что египетские войска находятся в Йемене для защиты революционных завоеваний йеменского народа. Были осуждены подрывные действия империализма и арабской реакции, оказывающих поддержку свергнутой монархии. Участники конференции обратились в ООН и ко всем государствам и народам мира с призывом противостоять интригам империализма и реакции в Йемене. Было заявлено о поддержке борьбы Южного Йемена против английских колонизаторов.

В то же время на конференции были подвергнуты критике ряд правительственных мероприятий. Объектом ее стала та часть Временной конституции, в которой говорилось о предоставлении президенту значительных полномочий. Было высказано мнение о необходимости выработки Постоянной конституции. Тем не менее конференция констатировала, что, несмотря на все имеющиеся в конституции недостатки, она ознаменовала собой шаг вперед в развитии йеменского общества.

Анализ решений, принятых на конференции в Амране, свидетельствует о стремлении родо-племенной знати и традиционной оппозиции подчинить своему влиянию высшие органы власти в стране. Конференция предложила преобразовать Исполнительный совет в Совет министров, а Высший совет шейхов — в Консультативный совет. Используя последний, они намеревались устранить с занимаемых постов своих противников — ас-Саляля и его сторонников. Конференция специально подчеркнула необходимость создания Консультативного совета, в обязанности которого должны были входить выработка политического курса страны и полный контроль за деятельностью государственных учреждений. Новый орган должен был быть сформирован из членов Высшего совета шейхов, который рассматривался как «широкое представительство народа» (а фактически племен) и членов сформированной на конференции Центральной комиссии, в состав которой вошли преимущественно шейхи, улемы и другие «компетентные лица», рекомендованные теми же шейхами. В таком составе Консультативный совет должен был исполнять свои обязанности до проведения в стране всеобщих выборов, после чего становился бы постоянно действующим органом [127].

Шейхи племен и родо-племенная знать все свои усилия сконцентрировали на том, чтобы будущий Консультативный совет был полностью укомплектован их представителями; таким об-

разом, получила бы реальное воплощение их давняя мечта о захвате власти в стране.

Необходимо отметить при этом, что они выступили за формирование Консультативного совета не путем назначения (как это практиковалось при создании институтов власти в республике), а посредством проведения всеобщих выборов. Такое требование было выдвинуто впервые: до этого выборов в Йемене никогда не было. Правильно оценив политическую обстановку в стране, шейхи и традиционная оппозиция справедливо рассудили, что выборы могут принести им значительный успех, поскольку они пользовались широким влиянием и поддержкой подавляющего большинства населения республики, прежде всего в сельских районах.

На первый взгляд требование об избрании, а не назначении на посты в высших государственных органах должно было свидетельствовать о важной победе демократии в йеменском обществе, а инициаторы этого предложения расцениваться как носители прогрессивных тенденций. Однако в специфических условиях Йемена того периода это требование представляло своеобразный маневр феодальных сил, стремившихся лишь к упрочению своих позиций в общественно-политической жизни страны, причем именно за счет представителей прогрессивного крыла.

В решениях Амранской конференции было выдвинуто также требование об ограничении полномочий военных губернаторов в районах, где ведутся боевые действия, и о ликвидации военного правления в тех частях страны, где таких действий нет. (Заметим, что назначавшиеся из центра военные губернаторы должны были, хотя бы частично, ограничивать власть шейхов на местах.)

Кроме того, на конференции был поставлен вопрос о ликвидации военных судов и восстановлении «в правах» шариатских судов.

Решения конференции предусматривали создание «народной армии», т. е. племенных ополчений, численностью 28 тыс. человек. Эта армия, по замыслу составителей резолюции, должна была находиться под руководством «народного командования», т. е. тех же шейхов племен. На конференции был сформирован военный комитет в составе девяти шейхов, ответственных за осуществление военных операций в стране. Эти мероприятия, с одной стороны, преследовали цель укрепить позиции родо-племенной верхушки, с другой — они были направлены против египетского присутствия в Йемене, поскольку они предусматривали замену египетского экспедиционного корпуса племенным ополчением.

Таким образом, Амранская конференция была направлена на укрепление власти и упрочение влияния в стране представителей феодального класса, стремившегося к смещению президента ас-Саляля и его сторонников, опиравшихся на египтян.

Конференция ознаменовала окончательное размежевание в среде республиканцев на два противоборствующих течения: приверженцев Амранской конференции и сторонников ас-Саляля. С этого времени, как пишет Мухаммед Ибрахим аль-Хелва, «началась борьба среди республиканцев: между левым и правым крылом» [156, 1983, № 35, с. 158]. Вся дальнейшая деятельность республиканского правительства проходила под знаком борьбы этих двух направлений за власть и осуществление выдвигаемых ими программ и требований.

Усиление правого крыла республиканцев (1963—1967)

Решения Амранской конференции вызвали широкий отклик по всей стране. Прогрессивные силы ЙАР неодобрительно встретили те установки конференции, которые были направлены на усиление позиций феодально-племенной верхушки. Египетское военное командование в ЙАР расценило решения конференции как антиегипетские и стало чинить препятствия их реализации. Особенно большое значение в его глазах получило решение конференции о создании «народной армии», поскольку укрепление племенных ополчений должно было привести к вопросу о выводе египетских войск из ЙАР.

Пользуясь отсутствием ас-Саляля, члены Президентского и Исполнительного советов под нажимом преобладающих в них умеренно-реформистских элементов одобрили решения конференции и приступили к претворению их в жизнь. В сентябре было опубликовано заявление о том, что созданный на конференции военный комитет приступил к формированию частей «народной армии». С этой целью в племена были направлены члены Президентского совета Мухаммед Махмуд аз-Зубейри, Абдассалям Сабра и шейх Абдалла бен Хусейн аль-Ахмар. Через неделю появилось сообщение о создании первых отрядов. Таким образом, феодально-традиционалистские силы, утвердившие свое влияние в государстве, смогли осуществлять действенный контроль над военной обстановкой в стране.

Это обстоятельство в первую очередь позволяет говорить о том, что Амранская конференция укрепила позиции феодального класса, представлявшего оппозицию ас-Салялю и его сторонникам, и послужила важной предпосылкой роста влияния феодалов и феодальной интеллигенции на политическую жизнь Йемена. Этот рост отражал особенности социальной структуры йеменского общества, в котором племенной фактор имел не только первостепенное, но зачастую и определяющее значение. В условиях существования республики рядовые соплеменники продолжали видеть в шейхах своих «покровителей», ответственных за судьбу страны, равно как и за свою собственную. Поскольку представители феодально-племенной верхушки явились и ру-

ководителями первой общенациональной конференции, на которой были высказаны разделявшиеся большинством народа чаяния, связанные с установлением мира в Йемене и укреплением его национального суверенитета, они, приступив к реализации своих планов, естественно, получили широкую народную поддержку.

Оппозиция ас-Салялю и его сторонникам нашла также немаловажную опору в лице многочисленных политических группировок, действовавших в стране нелегально, особенно после введения чрезвычайного положения, в мае 1963 г., когда они были официально запрещены. К их числу относились как левые патриотические организации — Народно-демократический союз (НДС), йеменские баасисты, так и правые — «братья-мусульмане» и Союз йеменских народных сил [8] (подробнее о них см. [49, с. 68—72]). Большинство членов перечисленных организаций с первых месяцев революции критически относились к проводившемуся ас-Салялем политическому курсу, который находился под сильным воздействием египтян.

Подвергавшиеся гонениям организации марксистского направления видели негативные стороны режима ас-Саляля в том, что он, укрепляя свои контакты с феодально-племенными слоями, содействовал тем самым повышению их роли в социально-политической и экономической областях и в результате вынужден был под их давлением отходить от первоначального курса, намеченного революционным офицерством. Они считали, что радикально настроенные республиканцы совместно с находившимися в стране египтянами должны не только защищать революцию от ее врагов, но и оказывать содействие в создании массовых политических и общественных организаций, способных укрепить фундамент республики и углубить революцию. Они выступали за осуществление в стране коренных социально-экономических преобразований в интересах широких слоев йеменского народа. В этой связи заслуживает внимания вышедшая в первую годовщину революции работа Абдаллы Баазиба «Именно в этом состоит проблема Йемена», в которой автор призывал к сплочению национальных сил, к созданию в стране единого Национального фронта [61].

Резко отрицательно относились к деятельности правительства ас-Саляля йеменские баасисты. Следуя курсу общеарабского руководства своей организации, они выражали принципиальное несогласие по таким существенным проблемам, как общая стратегия йеменской революции, основное направление социально-экономического развития ЙАР, отношение к борьбе за общеарабское единство и пр. Решительно выступая лично против президента ас-Саляля, против египетского присутствия в стране и распространения египетского влияния в этой части арабского мира, баасисты стали поддерживать умеренно-реформистские элементы в ЙАР.

Противниками курса республиканского правительства и его

проегипетской ориентации выступили также «братья-мусульмане» и Союз йеменских народных сил.

В противоположность всем перечисленным выше политическим организациям члены йеменского филиала общеарабского Движения арабских националистов (ДАН) и насеристы поддерживали ас-Саляля и активно сотрудничали с египетскими советниками. На этом основании им и находившимся под их влиянием общественным организациях (профсоюзам [9], студенческому союзу и некоторым спортивным клубам) фактически предоставлялась возможность легальной политической деятельности в стране.

Таким образом, оппозиция президенту ас-Салялю и аппарату египетских советников в ЙАР была довольно пестрой в социальном, политическом и религиозном отношениях. Она включала представителей разных социальных слоев и групп — от рядовых членов племен до зейдитских сейидов. Политический спектр ее также был весьма обширен—в нее входили и левые и правые организации и партии. По своей же религиозной принадлежности противники режима ас-Саляля в подавляющем большинстве относились к секте зейдитов. Оппозиция представляла собой довольно внушительную силу; при этом по мере осложнения политической обстановки в стране ряды ее все время пополнялись.

Египетские должностные лица в ЙАР, стремясь сохранить свои позиции в Йемене, прибегали к различным мерам—подкупу, давлению, высылке из страны участников Амранской конференции, их сторонников. Они старались приглушить интерес к решениям конференции и воспрепятствовать их претворению в жизнь. Репрессивные меры, к которым они прибегали, еще более обостряли внутриполитическое положение. Действия египтян стали вызывать открытое недовольство йеменцев, которые расценивали египетское присутствие как оккупацию своей родины.

На фоне ухудшения экономического положения, начавшегося голода и финансового кризиса недовольство вмешательством египтян во внутренние дела страны стало перерастать в недовольство правительством ЙАР. Все чаще высказывалось мнение о необходимости реорганизации государственного аппарата, о создании правительства, которое смогло бы добиться позитивных перемен. В лагере республиканцев назревал открытый раскол. Шейхи племен, возмущенные отказом правительства признать решения Амранской конференции, ослабили охрану своих племенных территорий, что дало возможность монархистам еще летом начать наступление на Сану. Одну за другой они возвращали под свой контроль территории, отвоеванные у них республиканцами весной 1963 г. Аль-Бадр перенес свою ставку через саудовскую границу на территорию Йемена [273, 20.07.1963]. К осени 1963 г. внутриполитическое и военное положение ЙАР существенно ухудшилось.

В ноябре 1963 г. из Йемена в Каир для встречи с президентами Насером и ас-Салялем, находившимся в Египте на лечении, выехала делегация во главе с вице-президентом и председателем Исполнительного совета Абдаррахманом аль-Арьяни. Делегация намеревалась ознакомить Насера со сложившимся в Йемене положением и потребовать реорганизации правительства. Насер предложил создать «новое политическое руководство, т. е. новое правительство, новый Президентский совет и народную организацию, предоставив египтянам решение всех военных вопросов» [60, с. 125]. Высшие органы власти должны были быть сформированы в основном из сторонников ас-Саляля.

Выработанный в Каире план не был одобрен в ЙАР в первую очередь потому, что он предусматривал сохранение власти в руках ас-Саляля и его окружения. Было отвергнуто и предложение ОАР о передаче всех военных дел в ведение египетского командования. Таким образом, попытка президента Насера сохранить единство в рядах республиканцев потерпела неудачу.

В середине декабря 1963 г. почти все члены Президентского и Исполнительного советов и Высшего совета шейхов подали в отставку. Они обратились с открытым письмом к йеменскому народу, обличая в нем бездеятельность Президентского совета, не выполнявшего своих собственных решений. В письме отмечалось, что в стране «снова воцарились притеснения и бесправие, на которые жаловался народ в годы имамского правления. Снова возродились взяточничество, казнокрадство, система заложничества, принудительных обязательств и несправедливых налогов ...все виды террора и жестокости» [131].

Основной поднятый в письме вопрос, из-за которого члены Президентского совета, собственно, и подали в отставку,— это наделение президента республики слишком большими полномочиями, что, по мнению авторов письма, является свидетельством пренебрежения «к священным правам народа». Все содержание и дух письма производили впечатление, что его составители представляют именно те политические силы, которым доверяет народ и на которых он возлагает свои надежды; именно они являются выразителями его интересов, а отсюда логически следует, что в их руках должна находиться власть.

В конце декабря в Каир для ведения переговоров с президентом ас-Салялем прибыла представительная делегация во главе с членом Президентского совета Абдассалямом Саброй. Делегации было поручено довести до сведения ас-Саляля требования оппозиции о принятии срочных мер по созданию Политического бюро — высшего органа власти — во главе с Хамудом аль-Джейфи, противником египетского присутствия в ЙАР. В его состав предлагалось включить еще шесть человек из числа умеренно-реформистской оппозиции, выражавшей интересы феодального класса. Было также выдвинуто требование возвращения в ЙАР всех ранее высланных йеменских политических деятелей.

Ас-Саляль вынужден был принять эти условия и поспешил в Йемен. Прибыл он туда в начале января 1964 г. в сопровождении председателя Национального собрания ОАР Анвара Садата и вице-президента ОАР, фельдмаршала Абдель Хакима Амера [230, 05.01.1964].

6 января 1964 г. после многочисленных встреч и совещаний с политическими деятелями ЙАР ас-Саляль подписал конституционную декларацию о реорганизации власти. Главой государства был объявлен президент республики, он же возглавил Политическое бюро и Совет национальной безопасности. Политическое бюро объявлялось высшим законодательным органом (вместо Президентского совета), Исполнительный совет — высшим исполнительным органом, Совет национальной безопасности должен был ведать всеми военными вопросами и делами национальной безопасности.

Специальный раздел определял функции и полномочия каждого органа власти. За президентом сохранялось право объявлять чрезвычайное положение, назначать заместителей председателя Политического бюро, председателя Исполнительного совета, его членов и их заместителей. Распределение обязанностей между реорганизованными органами власти значительных изменений не претерпело, но заметно изменился социальный состав некоторых из них, прежде всего Совета национальной безопасности: вместо шейхов племен в него теперь вошли только представители армейского руководства — министры обороны и внутренних дел ЙАР, начальник генерального штаба йеменских вооруженных сил, а также командующий египетским экспедиционным корпусом в Йемене и его заместитель.

В Политическое бюро, сформированное 6 января в составе девяти человек, вошли помимо ас-Саляля и генерал-майора аль-Амри гражданские лица, представлявшие интересы феодалов и крупной торговой буржуазии: Абдаррахман аль-Арьяни, Мухаммед Махмуд аз-Зубейри, Мухаммед Али Осман, Ахмед Мухаммед Нуман, Абд аль-Каун Хамим, Абдассалям Сабра, Мухаммед Муттахар [66 а, с. 103]. (Заметим, что среди них были как сторонники, так и противники египетского присутствия в Йемене.)

9 февраля 1964 г. был объявлен состав Исполнительного совета. Возглавил его генерал-майор Хасан аль-Амри, неоднократно входивший в предыдущие правительства и в Президентский совет. Одновременно он был членом Политического бюро и заместителем верховного главнокомандующего вооруженными силами ЙАР. Посты в новом правительстве (а их было 19), как и в предыдущих его составах, были поделены почти поровну между военными и гражданскими лицами. Среди них преобладали сторонники президента ас-Саляля, занявшие наиболее важные министерские посты. Кроме того, в правительстве были представлены патриотически настроенная торговая буржуа-

родину, во-вторых, разрешение внутриреспубликанских проблем ЙАР. Поездка была предпринята им и для того, чтобы на месте составить собственное представление о происходивших в Йемене событиях, поскольку, как стало известно позднее, Насер не всегда получал точные и исчерпывающие сведения.

Многочисленные встречи и беседы Насера с представителями республиканских властей, шейхами племен, религиозными лидерами, его выступления в египетских воинских подразделениях и перед широкой йеменской общественностью несколько ослабили политическую напряженность в стране. Под давлением оппозиции и, видимо, при непосредственном участии президента Насера была выработана Постоянная конституция ЙАР, предусматривающая, в частности, реорганизацию высших органов государственной власти.

27 апреля 1964 г. Постоянная конституция была обнародована. Многие ее положения были заимствованы из конституции ОАР (от 23 марта 1964 г.).

Первоначально текст новой конституции ЙАР был одобрен на встрече представителей различных политических кругов Йемена. Встреча происходила в Сане при участии президентов ас-Саляля и Насера, а также Абдель Хакима Амера, Анвара Садата, членов Политического бюро, шейхов племен и высшего офицерства йеменской армии [66а, с. 20].

Конституция фактически отменила президентские декреты от 6 января 1964 г. Это означало дальнейшее ослабление позиций радикально настроенных республиканцев.

Высшим законодательным органом страны конституция объявляла Консультативный совет (Маджлис аш-шура) [108], создания которого добивалась феодально-племенная знать еще с дореволюционных времен. Правда, он был наделен более ограниченными правами по сравнению с предшествовавшими ему Президентским советом и Политическим бюро: он мог лишь контролировать деятельность органов исполнительной власти, а также утверждать законопроекты и бюджет страны. Консультативный совет был наделен правом адресовать правительству свои пожелания и рекомендации по общим вопросам, но не мог вмешиваться в работу исполнительной и судебной властей.

Таким образом, требование феодалов о создании Консультативного совета было выполнено формально, поскольку полномочия этого органа были весьма ограниченными. Он находился под постоянным контролем президента республики, который получал право назначать председателя Совета и двух его заместителей. Конституция не определила ни состава, ни численности Консультативного совета, решение этих вопросов также предоставлялось президенту.

Конституция 1964 г. сохраняла за президентом широкие полномочия: он возглавлял правительство, которое объявлялось высшим исполнительным органом власти, мог назначать и смещать вице-президентов (произвольно устанавливая их число),

премьер-министра и членов Совета министров. Он определял внутреннюю и внешнюю политику государства, издавал декреты, имевшие силу закона, предлагал законопроекты. Президент являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами и председателем Совета национальной обороны. Конституция оставляла право создавать вооруженные силы только за государством; решение Амранской конференции о формировании «народной армии» было тем самым аннулировано.

Конституция декларировала введение в ЙАР буржуазных свобод — слова, переписки, печати и пр., причем трактовала их относительно широко. (Как ни призрачны они были в условиях тогдашнего Йемена, сам факт обнародования этих принципов, несомненно, имел позитивное значение, содействуя воспитанию правового сознания у наиболее прогрессивной части йеменского общества.) В ней подтверждалась неприкосновенность частной собственности, которая подлежала защите со стороны государства. Конституция запрещала высылку любого йеменского гражданина из страны по политическим мотивам. Одновременно она разрешала беспрепятственное возвращение оказавшихся к этому времени за пределами Йемена политических деятелей из числа оппозиции ас-Салялю.

Об определенных уступках ас-Саляля феодально-племенным кругам и крупному торговому капиталу свидетельствуют декреты президента от 3 мая 1964 г. о назначении лиц на ответственные посты в государстве, среди которых было немало политических противников политики ас-Саляля и египетского присутствия в стране. Впервые за годы республиканского правления в правительство были введены шейхи наиболее крупных племен — факт, в условиях Йемена имевший огромное значение: если раньше их представления о собственном влиянии в основном ограничивались рамками одного племени или нескольких племен, то теперь их власть, во всяком случае в потенции, приобретала общегосударственный масштаб. Так, главный шейх конфедерации хашед Абдалла бен Хусейн аль-Ахмар получил пост министра внутренних дел, шейх части конфедерации бакиль Синан Абу Лухум — министра сельского хозяйства, шейх Кебаб — министра по делам Южного Йемена, шейх Ахмед аль-Авады — министра по делам племен. Из 25 министерских постов 8 получили офицеры [107, № 4, 09. 05.1964].

Консультативный совет возглавил Ахмед Мухаммед Нуман, его заместителями стали шейхи Мухаммед Али Осман и Хадж бен Салех Рувейшан, генеральным секретарем Совета — шейх Нуман бен Каид бен Раджих. Все они представляли оппозицию и добивались ухода египтян.

Визит президента Насера в Йемен и реорганизация высших органов власти ЙАР восстановили некоторое равновесие в лагере республиканцев, однако политический кризис преодолен не был.

Предпринятое в конце апреля 1964 г. наступление прави-

тельственных войск привело к освобождению окрестностей Саны и всего северного района от монархистов. Это была одна из самых крупных военных операций республиканцев в гражданской войне. Однако предполагаемого успеха она не принесла, окончательно силы контрреволюции разгромить не удалось [278, 28.08.1964]. По-прежнему в их руках находились территории к востоку от Саады, а также район Эль-Джауфа. Сторонники монархистов практически контролировали горные районы Архаба, Нехма, Хауляна, прочно блокированные со стороны долин египетской армией. Племена, хорошо ориентируясь в горах, успешно охраняли важнейшие стратегические дороги и подступы к населенным пунктам, вынуждая республиканские силы дорого платить за любую попытку наступления.

Учитывая сложившуюся к этому времени военную обстановку — затяжной характер войны, партизанские методы ее ведения поддерживавшими монархистов племенами — и понимая, что стабилизация политического положения в среде республиканцев носит временный характер, руководство ЙАР и ОАР сделало еще один шаг в сторону взаимного сближения. 13 июля 1964 г. в Каире было подписано соглашение о создании Координационного совета, схожего с тем, который был образован в мае того же года ОАР и Ираком. Египетско-йеменское соглашение предусматривало введение в действие совместных комитетов по широкому кругу вопросов — политических, военных, экономических, культурных, а также касающихся информации, народных организаций и др. В бюджет совета и комитетов правительство ОАР должно было вносить 90% финансовых средств, а ЙАР — 10% [130, 1964, с. 12—18].

Однако в ситуации, когда подавляющая часть населения ЙАР, представленная главным образом племенами, поддерживая республику, выступала против египетского присутствия и требовала реорганизации высших органов власти, этих мер было недостаточно. Не оставляя надежды решить йеменскую проблему мирным путем, президент Насер с согласия ас-Саляля решил пойти на прямые переговоры с руководителями Саудовской Аравии.

В начале сентября 1964 г. на совещании глав арабских государств в Александрии между президентом Насером и наследным принцем Саудовской Аравии Фейсалом была достигнута договоренность, направленная на мирное урегулирование йеменского конфликта. В качестве первого шага было принято решение о созыве йеменской общенациональной конференции с участием представителей всех политических направлений. Участниками совещания не исключались и прямые переговоры между республиканцами и монархистами. Высказывалась даже мысль о создании коалиционного правительства, но без участия членов свергнутой династии [159, с. 25—30; 219, с. 214].

Договоренность Египта и Саудовской Аравии об установлении мира в Йемене вызвала неудовольствие среди обеих групп

пировок республиканцев. Они отказались считать монархистов юридически равной в конфликте стороной, обосновывая это тем, что республика признана подавляющим большинством населения Йемена и многими зарубежными государствами. Поэтому первоначально республиканцы отказались от встречи с монархистами, однако впоследствии, учитывая всю сложность политической ситуации в стране, они на это все же пошли.

Общенациональная конференция проходила с 29 октября по 21 ноября 1964 г. в Эрквите (Судан). Делегацию республиканцев на ней возглавили лидеры умеренно-реформистского направления — Мухаммед Махмуд аз-Зубейри, Ахмед Мухаммед Нуман, Мухаммед Али Осман и др., от монархистов в ней участвовали министры «правительства» аль-Бадра. В конференции принимали участие также представители ОАР и Саудовской Аравии.

Была достигнута договоренность о прекращении военных действий в ночь с 7 на 8 ноября 1964 г. и о созыве 23 ноября 1964 г. общейеменской мирной конференции в Хараде в составе 169 представителей племен, религиозной верхушки, гражданских и военных кругов, а также участников Эрквитской конференции [194, 1966, № 2, с. 9]. Предполагалось, что планируемая конференция положит конец междоусобной войне и выработает принципы будущего государственного устройства Йемена.

Республиканцы и монархисты по-разному трактовали условия Эрквитского соглашения, что, разумеется, затрудняло его соблюдение. Республиканцы, особенно радикально настроенные, считали неправомерным обсуждать на намечавшейся конференции вопрос о форме государственного устройства Йемена: поскольку создание республики стало свершившимся фактом, конференция, по их мнению, могла только подтвердить победу республиканского строя. Поэтому ас-Саляль обвинил делегацию республиканцев, подписавшую соглашение в Эрквите, в значительной уступке монархистам. Последние же, отказываясь признать республику, считали, что проблему государственного устройства следует решать путем всенародного референдума. Эти разногласия стали причиной того, что мирная конференция так и не была созвана.

Деятели дореволюционной, или, как их называли в Йемене, «традиционной», оппозиции при активной поддержке феодально-племенной знати пытались добиться гражданского мира, однако ограничиться при этом внутрийеменскими средствами. Выразителем взглядов этой части республиканцев стал Мухаммед Махмуд аз-Зубейри. Он провел переговоры с шейхами племен как республиканской, так и монархистской ориентации и пошел даже на установление прямых контактов с лидерами монархистов, пытаясь выяснить возможности выработки приемлемых для всех условий.

Умеренные реформисты продолжали выступать с требованием реорганизации высших органов власти, требуя расширения

полномочий коллегиальных органов — Консультативного совета и правительства — и ограничения власти президента.

Новым поводом для возобновления конфликта среди республиканцев послужил отказ президента ас-Саляля выполнить семь требований, предъявленных ему оппозицией осенью 1964 г. Они сводились к тому, чтобы были внесены изменения в статьи Постоянной конституции, предусматривающие расширение прав Консультативного совета, передачу функций президента республики Президентскому совету, создание общенациональной общественной организации и «народной армии», образование Совета национальной обороны в прежнем социальном составе, т. е. из шейхов племен, и восстановление высшего шариатского суда [145, с. 34].

Отказ президента удовлетворить эти требования привел к тому, что 2 декабря 1964 г. известные лидеры традиционной оппозиции аз-Зубейри, Нуман и аль-Арьяни вышли из состава правительства и Консультативного совета. Свою отставку они обосновали в открытом письме президенту, который в это время находился в Каире [72]. Оппозиция выражала недовольство тем, что так и остались на бумаге решения Амранской конференции, а выдвинутые ею планы мирного урегулирования были ас-Салялем отвергнуты. Она обвинила президента в нарушении им действующих законов, что способствовало переходу части племен на сторону монархистов.

Немало места в письме было уделено йеменско-египетским отношениям. Затянувшаяся война, писали его авторы, допущенные ошибки и злоупотребления привели к тому, что изменилось отношение к египтянам йеменского населения не только в северных и северо-восточных районах, но и на юге и западе страны. Недовольство йеменским руководством, говорилось в письме, стало распространяться и на присутствовавших в стране египтян, потерявших свой первоначальный авторитет.

Авторы письма перечислили также причины, породившие состояние нестабильности в стране: «отсутствие идейного и психологического взаимопонимания между руководящими деятелями ЙАР, царящее между ними недоверие, их неспособность выработать единую точку зрения на проблемы политики, экономики, культуры, социальных отношений и военные вопросы», «отсутствие общенациональной организации» и др. [72].

К письму был приложен проект новой Временной конституции, который во многом повторял решения Амранской конференции. В частности в нем говорилось о необходимости коллегиальной формы правления. Высшим законодательным органом государства, по мнению составителей проекта, должен был стать Консультативный совет, наделенный значительно большими полномочиями по сравнению с существующим. Власть президента необходимо максимально ограничить. Вновь был поставлен вопрос о создании Совета национальной обороны, который бы включал членов Президентского совета и главнокомандующего

вооруженными силами ЙАР, но без участия представителей египетского командования (которые входили в Совет национальной обороны с января 1963 г.). Было повторено требование о создании шариатского суда вместо действовавшего военного.

Вслед за лидерами традиционной оппозиции в отставку подали почти все министры правительства. Это вынудило ас-Саляля срочно вернуться в Йемен. Он объявил в стране чрезвычайное положение и 6 января 1965 г. сформировал новое правительство во главе с генералом Хасаном аль-Амри. Места в новом правительстве наряду с военными, выражавшими, как упоминалось, интересы мелкобуржуазных слоев, получили представители феодальной интеллигенции — кади и улемы, а также шейхи племен [241, 07.01.1965; 272, 1965, № 2, с. 214]. Число последних возросло, причем они заняли наиболее ответственные посты.

Таким образом, правительство аль-Амри, как и предыдущее, представляло собой блок социально-политических сил, принадлежавших к радикально настроенной мелкой буржуазии и к группировке, объединявшей феодальные консервативные и умеренно-реформистские элементы.

В это время активная политическая деятельность аз-Зубейри получила известную поддержку со стороны «братьев-мусульман» и лиц, группировавшихся вокруг Союза йеменских народных сил.

Будучи противниками республиканского строя, они на этом этапе блокировались с умеренно-реформистскими лидерами и заявляли о себе как о «третьей силе», выступавшей якобы и против республики и против монархии. В действительности же эти силы умело использовали умеренных республиканцев во главе с аз-Зубейри для того, чтобы под прикрытием их миролюбивой тактики постараться ликвидировать республику в Йемене.

В начале 1965 г. представители «третьей силы» объединились со сторонниками аз-Зубейри на общей политической платформе. Кроме того, многие из них стали активными деятелями созданной аз-Зубейри политической партии «Хизб Алла», которая выступала за «исламскую республику» с консультативной формой правления. Монархию и военную диктатуру партия отвергала [170, с. 4]. (Забегая вперед, упомянем о том, что к середине 1965 г. в ЙАР сложился политический блок, выступавший с идеей «исламского государства».)

К началу же 1965 г. блок оппозиционных ас-Салялю сил включал лидеров традиционной оппозиции, шейхов некоторых племен, «третью силу» и «братьев-мусульман». С ними сотрудничали и некоторые патриотические элементы (баасисты). Стремясь укрепить свои силы за счет племен, сторонники блока стали пытаться склонить шейхов и племенную знать к созыву новой общенациональной конференции. Аз-Зубейри, считая, что созыв такой конференции поможет установить мир в Йемене, взял на себя обязанности главного ее организатора. Ему уда-

лось заручиться поддержкой большинства шейхов северных племен — как республиканских, так и верных монархии.

Однако 1 апреля 1965 г. во время его поездки по племенам в районе Барата при невыясненных обстоятельствах аз-Зубейри был убит. Убийство известного в стране политического деятеля, поэта, человека с огромным авторитетом, всколыхнуло всю страну и еще более обострило внутриполитическую обстановку.

Чтобы разрядить напряжение, президент ас-Саляль опубликовал 20 апреля ряд декретов, предусматривавших создание Президентского совета, в обязанности которого должна была входить координация деятельности Совета и правительства, а также разработка новой политики, направленной на установление мира и достижение национального единства. Президент принял отставку аль-Амри и сформировал новое правительство во главе с видным представителем оппозиции Ахмедом Мухаммедом Нуманом. Заместителем главнокомандующего вооруженными силами ЙАР был назначен генерал Хамуд аль-Джейфи [272, 1965, № 3, с. 353; 66а, с. 111].

Подавляющее большинство в Президентском совете, как и в правительстве, составили представители феодального класса и торговой буржуазии, офицеры получили незначительное число мест. В обоих органах преобладали лица, выражавшие несогласие с политикой президента ас-Саляля и с египетским присутствием в стране.

21 апреля 1965 г. премьер-министр Ахмед Мухаммед Нуман выдвинул новую политическую программу. Одной из главных задач момента, по его словам, является примирение враждующих сторон (республиканцев и монархистов) и достижение мира в стране. Нуман заявил, что государство будет строиться на принципах парламентаризма. Он выступил за создание сильной национальной армии и национальной гвардии, а в области экономики — за дальнейшее поощрение деятельности национального частного капитала. Премьер-министр высказался за отмену чрезвычайного положения, ликвидацию военных судов и созыв общенациональной конференции, с тем чтобы воплотить в жизнь «мечту аз-Зубейри» [101, с. 5—6]. Основные положения его программы представляли собой требования оппозиции, выдвинутые еще на Амранской конференции, реализации которых она добивалась в течение всех последующих лет.

В конец апреля шейх Абдалла бен Хусейн аль-Ахмар, министр внутренних дел, пригласил все племена, республиканские и монархистские, принять участие в общенациональной конференции по урегулированию йеменской проблемы. Из республиканцев на приглашение откликнулись в основном шейхи племен и улемы, связанные с правым крылом республиканцев, в ней согласились участвовать представители монархистов и «третьей силы». Сторонники ас-Саляля от участия в конференции уклонились.

Конференция открылась 2 мая 1965 г. в г. Хамере. Она преследовала цель мирного решения йеменского вопроса путем достижения компромисса между республиканцами и монархистами и улучшения отношений ЙАР с Саудовской Аравией. На ней было решено создать комиссию из девяти человек (пяти шейхов и четырех улемов) для поддержания контактов с племенами и лидерами монархистов и выработки совместно согласованных условий установления мира в стране. Комиссия должна была также следить за реализацией принятых решений. Ей же поручалось разработать рекомендации правительству [101, с. 21—24; 275, 16.02.1966].

Руководствуясь выработанной Ахмедом Нуманом программой, участники Хамерской конференции приняли решение отказаться от египетской помощи и аннулировать заключенный ранее договор между двумя странами. Подчеркивалась необходимость создания национальной йеменской армии, обязанности которой до ее сформирования будут выполнять племенные отряды. Участники конференции высказались также за принятие составленного аз-Зубейри проекта Временной конституции. Таким образом, они фактически отказались признавать действующую с апреля 1964 г. конституцию, равно как и сформированные в соответствии с нею высшие органы государственной власти. В решениях конференции говорилось также о создании в трехмесячный срок Консультативного совета, который ограничил бы полномочия президента и в его лице радикально настроенных республиканцев.

Против решений Хамерской конференции выступили сторонники ас-Саляля, однако они оказались в явном меньшинстве.

Решения Хамерской конференции свидетельствовали о дальнейшем усилении консервативных сил. Президент ас-Саляль был вынужден утвердить новую Временную конституцию, которая объявляла ЙАР парламентарной демократической республикой [111]. Конституция предусматривала создание Республиканского совета — коллегиального органа, председателем которого становился президент республики, а членами — лица, назначенные Консультативным советом. Республиканский совет был сформирован 12 мая 1965 г. В его состав вошли аль-Саляль, кади аль-Арьяни и шейх Нуман бен Каид бен Раджих [169, с. 72; 145, с. 55—56].

Высшим органом законодательной власти Временная конституция объявляла Консультативный совет в составе 99 человек. Совет должен был назначать президента республики. В обязанности Совета входил контроль за работой органов исполнительной власти, издание постановлений, декретов и законов, утверждение договоров и соглашений, а также государственного бюджета. Он должен был подготовить окончательный текст новой конституции. Таким образом, Консультативному совету была передана часть полномочий президента.

В середине мая 1965 г. декретом президента был создан По-

стоянный комитет в составе 27 человек, который временно должен был выполнять обязанности Консультативного совета в соответствии с предусмотренной конституцией процедурой.

Высшим органом исполнительной власти Временная конституция провозгласила Совет министров. Он имел право назначать и смещать лиц с государственных должностей, осуществлять подготовку законов и постановлений об организации государственного аппарата, разрабатывать мероприятия по развитию экономики. К Совету министров также перешли многие полномочия президента.

В соответствии с конституцией, 28 мая был сформирован Совет национальной обороны из 16 человек под председательством Хамуда аль-Джейфи. В задачи совета входило ведение всех военных дел и разработка общих планов обороны страны. Представители египетского командования включены в него не были [272, 1965, № 4, с. 514].

Значительные функции были возложены на шариатские суды. Главной их задачей провозглашалась борьба с расхитителями государственных средств и народного достояния.

Конституция предусматривала также создание политической общенародной организации — Народного конгресса, целью которого провозглашалась мобилизация сил народа для защиты революции.

Таким образом, решения Хамерской конференции и Временная конституция 1965 г. существенно ограничили права президента республики, передав часть его полномочий Консультативному совету и правительству. Тем самым они ослабили позиции радикально настроенных республиканцев и повысили роль феодально-племенной верхушки в руководстве государством.

В соответствии с решением Хамерской конференции были сформированы делегации ЙАР в арабские страны. Для переговоров по урегулированию йеменского вопроса группа политических деятелей Йемена направилась в Саудовскую Аравию. Поездка этой делегации не была согласована с президентом ас-Салялем и египетским командованием в ЙАР. Когда делегаты установили прямые контакты с представителями Саудовской Аравии и с находившимся там руководством монархистов, возникли серьезные разногласия между президентом ас-Салялем, пытавшимся восстановить свои прежние права вопреки принятой Временной конституции, и членами правительства Нумана, а также между Постоянным комитетом, контролирующим выполнение решений Хамерской конференции, и Республиканским советом. Конфликт привел в конечном итоге к отставке кабинета Ахмеда М. Нумана.

Поводом для отставки послужил декрет, изданный в конце июня 1965 г. президентом ас-Салялем, о создании Высшего совета вооруженных сил. В обязанности Совета вменялось обеспечение безопасности страны и совершенствование вооруженных сил. Возглавлять Совет должен был президент республики

(он же—главнокомандующий вооруженными силами). Публикация этого декрета и его претворение в жизнь явились нарушением статьи Временной конституции, согласно которой все военные вопросы находились в компетенции Совета национальной обороны. Премьер Ахмед М. Нуман, считавший создание Высшего совета вооруженных сил актом, противоречащим конституции, подал 1 июля в отставку и выехал в Каир. Вслед за ним ушли в отставку и все министры.

6 июля было сформировано новое правительство во главе с президентом ас-Салялем. Подавляющее число мест в нем было предоставлено его сторонниками из офицеров. Однако Постоянный комитет, временно исполнявший, согласно Временной конституции, обязанности Консультативного совета, отказался сотрудничать с новым правительством. Его члены настаивали на возвращении к власти правительства Ахмеда М. Нумана и восстановлении его полномочий, на соблюдении решений Хамерской конференции и положений Временной конституции.

С целью разрешения возникшего кризиса президент ас-Саляль выехал в Каир для переговоров с членами бывшего кабинета Ахмедом М. Нуманом, А. Саброй и шейхами влиятельных племен при посредничестве президента Насера. Согласно достигнутой договоренности, была создана комиссия для выработки Национальной хартии.

15 июля 1965 г. президент ас-Саляль поручил генералу аль-Амри сформировать новый кабинет. 18 июля новое правительство в составе 19 человек приступило к исполнению своих обязанностей. Оно объявило себя «правительством республиканского примирения» и провозгласило «свою приверженность резолюциям, принятым в Хамере» [273, 22.07.1965]. В него вошли военные, а также некоторые сторонники Ахмеда Нумана из числа традиционной интеллигенции и шейхов племен. Военные получили в нем в основном второстепенные посты.

Текст Национальной хартии был согласован с членами нового кабинета. В ней были подтверждены необходимость сохранения республиканского режима и отказ от любых переговоров с монархистами. Хартия намечала создание при помощи египтян национальной армии, а также образование общенародной организации и Национального фронта патриотических сил. В ней ставились такие задачи, как повышение жизненного уровня народа, развитие национальной экономики, развертывание борьбы за национальное и арабское единство [145, с. 73—74; 169, с. 143].

Сформирование «правительства республиканского примирения» и принятие Национальной хартии потребовали значительных уступок со стороны не только радикально настроенных республиканцев, но и президента Насера. Их «сговорчивость» объяснялась крайне напряженным военным положением в Йемене, требовавшим единства республиканских сил.

С конца 1964 г. монархисты, умело воспользовавшись нестабильностью в лагере республиканцев, возобновили активные

боевые действия и с весны 1965 г. перешли в широкое наступление. В марте они вновь захватили г. Хариб, а летом — Мариб, Кафлу, Джебель Разих и другие стратегически важные пункты. В результате египетские войска на юге и востоке Йемена оказались отрезанными от основных частей республиканской армии. Поэтому им пришлось к началу августа 1965 г. покинуть район Эль-Джауфа. Тяжелое положение сложилось и на севере. Там только в районе Саады держался египетский гарнизон, уже несколько месяцев осажденный племенами [219, с. 218—219; 217, с. 12].

Несмотря на все уступки правительства ас-Саляля феодально-племенной верхушке, большая группа наиболее решительно настроенных представителей оппозиции 21 июля пересекла границу Йемена и эмирата Бейхан, чтобы начать переговоры о мире с монархистами и Саудовской Аравией. В нее входили влиятельные и известные шейхи племен — Абдалла бен Хусейн аль-Ахмар, Синан Абу Лухум, Нуман бен Раджих и др.

10 августа 1965 г. в г. Таифе (Саудовская Аравия) прибывшие из Йемена правые республиканцы совместно с деятелями «третьей силы» подписали с монархистами пакт о создании «Исламского йеменского государства». В систему его высших органов должны были входить Государственный, Исполнительный и Консультативный советы. Подписавшие пакт стороны потребовали вывода египетских войск из ЙАР, договорились о прекращении Саудовской Аравией оказания помощи монархистам и подготовке страны к референдуму по вопросу государственного устройства [169, с. 144—146].

Таифский пакт в первую очередь был направлен на удовлетворение интересов монархистов и стоящих за ними арабских консервативных сил, а также империализма. Он явился первым документом, в котором правые круги республиканцев зафиксировали потенциальную готовность отказаться от республиканской формы правления. Он юридически признал правомочными претензии монархистов на власть и поставил их в равное положение с республиканцами.

Пакт стал своего рода прелюдией к заключению в Джидде соглашения между президентом Насером и королем Фейсалом, которое и было подписано 24 августа. Оно предусматривало немедленное прекращение всех военных действий в Йемене. Саудовская Аравия обязывалась прекратить помощь монархистам, а ОАР — вывести свои войска из Йемена в течение десяти месяцев, начиная с 23 ноября 1965 г. Стороны договорились содействовать проведению совместной конференции республиканцев и монархистов в Хараде для избрания коалиционного временного правительства Йемена и создания комиссии по подготовке референдума на 23 ноября 1966 г. Предусматривалось сформировать из представителей Саудовской Аравии и ОАР так называемые «комитеты мира» для наблюдения за выполнением соглашения [272, 1966, № 1, с. 93—94].

Соглашение в Джидде выявило всю серьезность намерений египетской стороны добиться установления мира в Йемене. Являясь логическим продолжением Александрийского соглашения 1964 г., оно ознаменовало весьма значительные уступки монархистской стороне — и в вопросе создания коалиционного правительства, и в вопросе проведения референдума о форме правления (на такой постановке проблемы монархисты настаивали еще в Эрквите, но тогда их предложение было отвергнуто республиканцами).

Джиддинское соглашение было критически воспринято обеими группировками в лагере республиканцев. Радикально настроенные республиканцы рассматривали его как значительную уступку монархистам, а умеренно-реформистские — как результат египетско-саудовского вмешательства в йеменские дела. Враждующие группировки теперь объединились под лозунгом защиты республики. В конце сентября в Таиззе на заседании Республиканского совета они приняли решение провести через месяц конференцию в Джанаде (недалеко от Таизза), с тем чтобы обсудить вопрос об отношении различных политических сил ЙАР к соглашению в Джидде.

20 октября 1965 г. в Джанаде открылась конференция, в которой приняли участие представители всех политических группировок и всех областей Йемена. Им предстояло решить вопрос о будущей конференции в Хараде и избрать на нее делегацию от республиканцев. Острые разногласия, возникшие между участниками конференции в Джанаде, не позволили выработать единой точки зрения на внутриполитические проблемы. Умеренно-реформистская группировка добивалась подтверждения решений Хамерской конференции, сторонники же Таифского пакта пытались обеспечить поддержку идее «Исламского йеменского государства». Однако, несмотря на сложные условия работы конференции, все ее участники единодушно выступили за сохранение республиканского строя в Йемене и высказались против возвращения в страну членов свергнутой династии. В решениях конференции было зафиксировано, что она является продолжением Хамерской. На ней была избрана делегация в Харад.

Египтяне недоброжелательно встретили созыв конференции в Джанаде. Оказав открытый нажим на ее участников, они добились преждевременного свертывания ее работы.

Отрицательное отношение широких слоев йеменской общественности, включая официальных лиц, к Джиддинскому соглашению весьма ярко проявилось, когда в конце сентября 1965 г. в Йемен начали прибывать саудовские военнослужащие и развернули свою деятельность «комитеты мира». Во многих городах Йемена прошли антисаудовские выступления и массовые демонстрации против соглашения в Джидде и предстоящей конференции в Хараде.

23 ноября 1965 г. в Хараде начала работу общенациональ-

ная конференция. Делегацию республиканцев в составе 25 человек возглавлял аль-Арьяни. Монархистов представляли 23 делегата во главе с Ахмедом аш-Шами, а так называемых «откололовшихся республиканцев» — два делегата [175]. С самого начала между участниками обнаружились принципиальные расхождения по таким вопросам, как будущее государственное устройство страны, характер государственной власти в переходный период. Республиканцы и монархисты по-разному трактовали ряд пунктов Джиддинского соглашения. Все этого привело к тому, что конференция с первого же дня работы зашла в тупик. Делегация республиканцев, хотя и соглашалась на создание временного правительства на переходный период совместно с монархистами, в то же время считала, что должны быть обеспечены гарантии сохранения республиканского режима, поскольку он существует уже более трех лет почти на всей территории Йемена и признан многими государствами и международными организациями — ООН и Лигой арабских государств. Монархисты, в свою очередь, настаивали на ликвидации республики и провозглашении «Государства Йемен», или «Исламского йеменского государства», фактически подразумевая под этим восстановление уничтоженных революцией монархических институтов. Что касается формы постоянного государственного устройства, то республиканская делегация полагала возможным определить ее в течение переходного периода посредством всенародного референдума, однако это предложение было отвергнуто монархистами. Договоренность так и не была достигнута, и после месяца бесплодных усилий в работе конференции был объявлен перерыв до 20 февраля 1966 г.

В середине февраля 1966 г. саудовская сторона заявила, что делегация монархистов не готова к возобновлению переговоров, поскольку разногласия между участниками не поддаются урегулированию и нет надежды на решение йеменской проблемы. Это заявление послужило основой для полного прекращения работы конференции.

Провал конференции в Хараде фактически отменял египетско-саудовское соглашение в Джидде. В результате вновь активизировались военные действия во многих районах Йемена, особенно к северо-востоку от столицы.

В начале 1966 г. президент Насер сделал заявление о том, что ОАР будет продолжать оказывать военную помощь Йемену в русле так называемой политики «глубокого вздоха» [149, с. 63—64]. В соответствии с ней египетское руководство, после инспекционной поездки Амера и Садата по северной части территории Йемена, где были дислоцированы египетские войска, приступило к их переброске из районов Эль-Джауфа, Саады, Хариба, Хазма, Хадджи в треугольник Сана—Таизз—Ходейда. Такая передислокация преследовала цель сосредоточить египетские войска вокруг центральных баз, создав более благоприятные условия для их снабжения и связи, а также ослабить ан-

тиегипетские настроения среди йеменских племен. Отход египетских войск с севера и северо-востока, а также частичная эвакуация их из Йемена в течение марта — мая не означали полного вывода египетского контингента из ЙАР, о чем было заявлено президентом Насером в его выступлении в Суэце 22 марта 1966 г. Он подчеркнул, что войска ОАР останутся в Йемене столько времени, сколько понадобится для того, чтобы йеменская революция смогла набраться сил для самостоятельной защиты от империализма и реакции [219, с. 224].

В этот период снова обострились отношения между Египтом и Саудовской Аравией. Последняя начала усиленно снабжать оружием, боеприпасами и деньгами монархистов, что привело к росту их военной активности. Египетское правительство в связи с этим заявило, что его вооруженные силы не остановятся перед нанесением удара по базам снабжения монархистов, в том числе находившимся на саудовской территории [275, 01.04.1966; 195, с. 59].

В ЙАР опять возникла резко конфликтная ситуация. Представители империалистических и реакционных кругов начали разжигать в ЙАР зейдитско-шафиитскую вражду. В столице был совершен ряд террористических актов. Все более независимую от центра политику проводили в своих районах шейхи племен. Оппозиционная ас-Салялю феодально-племенная верхушка, требовавшая прекращения египетского присутствия, активизировала свою деятельность.

Во второй половине июля 1966 г. в Йемене оформился единый коалиционный блок антиегипетских и антисалялевских сил. В роли объединителя выступил премьер-министр аль-Амри. Этот блок включил широкий круг политических организаций и групп молодежи, интеллигенции, высшего офицерства. Среди его участников были сторонники ДАН, баасисты, «откололовшиеся республиканцы» и пр. Примкнула к нему и часть шейхов племен. Все они требовали немедленного создания выборного Консультативного совета в качестве парламента страны, который бы сформировал новое правительство и другие государственные органы, а также взял на себя мирное урегулирование отношений с монархистами.

Египтяне предприняли тщетные попытки расколоть этот блок. 12 августа в Йемен после десятимесячного отсутствия вернулся из Каира ас-Саляль. Оппозиция во главе с аль-Амри оказала активное противодействие возвращению президента в страну. Однако ее выступления были быстро подавлены египетскими войсками и сторонниками ас-Саляля.

Ас-Салялю удалось на время расколоть блок оппозиционных сил и укрепить свое влияние в стране. Позиции президента несколько улучшились после того, как его противники — члены Республиканского совета и правительства 14 сентября подали в отставку и почти в полном составе, включая и некоторых офицеров, выехали в Каир [138, с. 39; 287, 17, 19, 21.09.1966] для об-

суждения с президентом Насером создавшегося в Йемене политического кризиса. Делегация была задержана в Каире. 18 сентября президент ас-Саляль сформировал новое правительство в основном из своих сторонников. Представители феодально-племенных кругов получили ограниченное число мест.

Несмотря на реорганизацию правительства и отсутствие в стране лидеров оппозиции, политическое положение в ЙАР оставалось крайне нестабильным. Антисалялевская и антиегипетская группировка была весьма многочисленна. Особенно широкой поддержкой она пользовалась в кругах старшего офицерства, служащих государственных учреждений, шейхов племен.

Воспользовавшись совершенным в столице в октябре 1966 г. террористическим актом (группа лиц обстреляла президентский дворец и штаб египетских войск), правительство ас-Саляля произвело многочисленные аресты; правые республиканцы были удалены из государственных учреждений; выплата субсидий шейхам племен приостановлена. Срочно созданный Верховный суд безопасности приступил к вынесению приговоров [148; 147, с. 17].

Для мобилизации народных масс на защиту революции против внутренней и внешней реакции руководство ЙАР объявило 17 октября 1966 г. о создании общественно-политической организации Народно-революционный союз (НРС). 18—20 января 1967 г. проходила первая всеобщая национальная конференция Народно-революционного союза. В ее работе приняли участие делегаты из всех районов Йемена, представлявшие левое офицерство, гражданскую интеллигенцию, патриотически настроенную буржуазию. Определенный вклад в участие НРС внесла Всеобщая федерация рабочих Йемена (ВФРЙ), созданная в 1965 г. и имевшая значительный опыт политической деятельности. На конференции был принят устав НРС и избран Исполнительный комитет [130, 1967, с. 29—32].

Образование Народно-революционного союза преследовало цель политической активизации определенной части населения. При этом его создатели, с одной стороны, стремились расширить социальную базу радикально настроенных республиканцев, которые к тому времени уже сумели в какой-то мере оценить значение для них опоры в массах, а с другой — они добивались, чтобы процесс включения в политическую жизнь страны новых элементов целиком оставался под их контролем.

Идея создания общенародной политической организации во многом была порождена опытом, накопленным радикальными элементами в ходе революции и гражданской войны. Он показал, что без массовой поддержки они всегда будут зависеть от таких ненадежных союзников, как шейхи. Однако традиции авторитаризма в Йемене ориентировали их на создание жестких политических структур, которые гарантировали бы возможность сверху, силой держать в руках участников политического процесса на всех ступенях этих структур. Запретив в мае 1963 г.

деятельность всех политических партий и групп, йеменские республиканцы теперь пытались механизм многопартийной системы вместить в рамки единой организации — НРС. Поэтому в Исполнительный комитет были включены представители самых разных социальных слоев — рабочие, ремесленники, крестьяне, студенты, государственные чиновники и т. д., в том числе лица, связанные с племенами.

О стремлении радикалов привлечь широкие массы йеменцев на сторону режима ас-Саляля свидетельствует, в частности, листовка, призывающая население Саны принять участие в митинге по случаю провозглашения Народно-революционного союза.

В ней говорилось, что каждый честный йеменец должен выступить против врагов внутренней и внешней реакции и против сил империализма, «как это сделает на митинге президент ас-Саляль». Листовка приветствовала борьбу «арабской нации» во главе с президентом Насером и национальную революцию в Йемене, возглавляемую президентом ас-Салялем [86].

Однако на рассматриваемом этапе организация Народно-революционный союз была только официально оформлена, но фактически не функционировала.

Между тем положение нового правительства ас-Саляля оставалось довольно неустойчивым, несмотря на значительную материальную и военную помощь, полученную им от ОАР. Вновь активизировались монархисты. Они направляли своих эмиссаров в районы Хадджи, Саады, Эль-Джауфа, Хауляна и др. для подготовки выступлений племен против республики.

В январе 1967 г. йеменские власти объявили о раскрытии действующей в Йемене американской шпионской сети. В апреле 1967 г., когда был обстрелян склад оружия в Таиззе, правительство заявило, что у него имеется достаточно неоспоримых доказательств причастности к этому акту американских спецслужб. Правительство ЙАР выслало из страны американцев — служащих Управления международного сотрудничества, аннулировав экономическое соглашение с Управлением [247, 1967, № 6, с. 125; 147, с. 19; 222, 30.04.1967].

В конце октября 1966 г. антиегипетская оппозиция встала на путь организации террористических актов. Ее деятельность особенно активизировалась в последние месяцы 1966 г. Несмотря на меры, принятые правительством, антиегипетские настроения охватили не только умеренно-реформистские и консервативные круги, но и радикально настроенные, патриотические силы республиканцев. Об этом, в частности, свидетельствовало вооруженное столкновение между йеменцами — сторонниками ДАН и египетскими частями еще в третью годовщину революции. После этого организация ДАН в ЙАР также стала подвергаться преследованиям наряду с другими политическими организациями [182, с. 187—188].

Присутствие египетских войск в Йемене и оказание матери-

альной и моральной поддержки йеменской революции со стороны ОАР явилось едва ли не основным условием, обеспечившим ИАР возможность выжить. Это неоспоримый факт. В то же время действия командования экспедиционным корпусом, осуществлявшиеся под личным контролем Садата и Амера, часто шли вразрез с планами президента Насера. Высшие офицеры корпуса, а также египетского разведывательного аппарата в Йемене, в социальном отношении представлявшие египетскую бюрократическую буржуазию, выступали скрытыми противниками революционно-демократического курса Насера. В Йемене они старались создать своего рода центр сил, действующих в качестве противовеса политике президента. Поддерживая революционно-патриотические силы в Йемене, они параллельно шли на установление тесных контактов с представителями феодально-племенной верхушки, независимо от того, выступали ли они на стороне республики или монархии. Немаловажную роль при этом играло стремление некоторых египетских офицеров к личному обогащению [152]. Под предлогом защиты республики египтяне снабжали шейхов племен оружием, вплоть до тяжелой артиллерии и бронетранспортеров, а это вело к значительному укреплению власти шейхов, усилению сепаратистских настроений в их среде, создавало у феодально-племенной верхушки ощущение независимости от центра и т. д. Племена становились как бы государством в государстве.

В условиях гражданской войны, когда военная мощь племен зачастую становилась решающим фактором для исхода боев между республиканцами и монархистами, у шейхов, естественно, возникало представление о себе как о силе, уже вышедшей за рамки племен, ставшей ответственной за судьбу всей страны. Главное препятствие на пути к власти они видели в присутствии египетских войск. В результате возникли противоречия между интересами шейхов и египетского командования, пытавшегося любыми средствами сохранить наличие египетских вооруженных сил на юге Аравийского полуострова. Открытое столкновение между ними произошло в августе 1967 г.

Израильская агрессия 5 июня 1967 г. существенно изменила политическую ситуацию на всем Арабском Востоке. Египту, понесшему в результате войны огромные потери в живой силе и технике, пришлось пересмотреть вопрос о пребывании своих войск в Йемене.

В августе 1967 г. в Хартуме собралась конференция глав государств и правительств арабских стран. На ней была достигнута договоренность между президентом Насером и королем Фейсалом по йеменскому вопросу, которая предусматривала вывод египетских войск из Йемена в течение трех месяцев и прекращение саудовской помощи монархистам. Предполагалось, что в последующие шесть месяцев в Йемене будет проведен референдум о форме государственного устройства, а в переходный период правительство возглавит ас-Саляль. Для наблюдения за

выполнением соглашения была создана тройственная комиссия из представителей Судана, Марокко и Ирака. Она же должна была осуществлять посредничество в переговорах между республиканцами и монархистами [206, с. 477].

Хартумское соглашение было отвергнуто всеми группировками йеменских республиканцев, которые считали, что предварительным условием любых переговоров должно быть признание незыблемости республиканского строя. Монархисты же восприняли соглашение как шаг к реставрации прежнего режима и высказались за создание на переходный период «Исламского йеменского государства», зафиксированного в Таифском пакте 1965 г.

Президент ас-Саляль выступил против Хартумского соглашения, заявив, что оно было подписано Египтом и Саудовской Аравией без участия йеменской стороны и рассматривается республиканцами как вмешательство во внутренние дела ИАР [130, 1967, с. 25—28]. В стране, особенно в столице, прошли митинги в поддержку решения президента о непризнании соглашения. Демонстранты выступили с требованием вооружения народа — создания «отрядов народного сопротивления» [233, 13.09.1967].

Несмотря на протесты в ИАР, тройственная комиссия приступила к работе. Были проведены встречи с представителями монархистов и правых республиканцев, находившихся в Каире с сентября 1966 г. Комиссия потребовала возвращения в ИАР всех йеменцев, находившихся в «почетной ссылке» в Каире. 2 октября 1967 г. ее члены вылетели в Сану для беседы с президентом ас-Салялем, его сторонниками и противниками, в том числе с шейхами племен. Они были встречены демонстрациями протеста против Хартумского соглашения и приезда комиссии в страну. Президент ас-Саляль и члены его правительства отказались с ней встретиться.

Несколько иную позицию заняли правые республиканцы. Стремясь не допустить срыва работы тройственной комиссии, они добивались скорейшего вывода из страны египетских войск, с тем чтобы на своих условиях договориться с монархистами. Кроме того, их настораживал тот факт, что в изменившихся политических условиях действия радикально настроенных республиканцев начали получать широкую поддержку различных социальных сил.

Вскоре правые республиканцы перешли к открытым действиям. 3 октября 1967 г. в Сане по их распоряжению была расстреляна мирная демонстрация, протестовавшая против Хартумского соглашения. Однако ни эта акция, ни официальное запрещение правительства на проведение демонстраций не остановили массовых выступлений — они по-прежнему проходили во многих городах республики под лозунгами укрепления национальной армии и создания народного ополчения.

В этих сложных условиях необходимы были экстренные меры. От президента ас-Саляля в первую очередь требовалось

урегулировать разногласия среди республиканцев и избежать осложнений в отношениях с шейхами племен. Он же не нашел иного средства ослабления напряженности, как очередная реорганизация правительства (12 октября 1967 г.). Во вновь сформированный кабинет, который возглавил президент, заняв одновременно пост министра иностранных дел, вошли преимущественно радикально настроенные военные и гражданские лица, а также несколько кади и шейхов [272, 1968, № 1, с. 72].

Чтобы сохранить республику, ас-Салялю и его сторонникам необходимо было укрепить отношения с феодальным классом. После многочисленных встреч со сторонниками умеренно-реформистской группировки, шейхами племен, членами бывших правительств и другими влиятельными лицами ЙАР была достигнута договоренность о создании Комитета национального примирения. Выступавший от имени шейхов йеменских племен шейх аль-Ахмар заявил, что примирение возможно и что аль-Арьяни поручено подготовить списки участников Комитета [233, 31.10.1967; 228, 12.10.1967].

Комитет национального примирения начал работу в Ходейде в конце октября. Его члены высказались за сохранение республики и соблюдение принципов, провозглашенных 26 сентября 1962 г. Было принято решение о создании Консультативного совета, ответственного за выработку проекта Национальной хартии — документа, который определит основные цели и задачи политики страны. Была также достигнута договоренность о сформировании нового коалиционного правительства. Участники конференции пришли к единодушному мнению, что решение проблем Йемена должны осуществить сами йеменцы без посредничества тройственной комиссии. Они обратились с призывом к населению сельских районов страны, часть которого все еще находилась в оппозиции к республиканскому режиму, оказать поддержку республике в интересах страны и народа. Они заявили также, что будут установлены контакты со всеми проживающими за пределами страны йеменцами, кроме семьи Хамид ад-Динов [233, 31.10.1967].

Престиж и относительная прочность позиций радикального руководства существенно упали после начавшегося вывода египетских войск. Разногласия между ас-Салялем и Насером по поводу Хартумского соглашения были справедливо расценены как фактический разрыв с Каиром. Между тем умеренно-реформистские и консервативные элементы создали к этому времени прочный блок сил, целью которого был захват власти в ЙАР.

5 ноября 1967 г., на следующий день после отъезда ас-Саляля с официальной делегацией в Ирак, радио Саны передало сообщение верховного командования вооруженных сил ЙАР о том, что власть в стране переходит в руки Республиканского совета — коллегиального органа, в состав которого вошли кади Абдаррахман аль-Арьяни, Ахмед Мухаммед Нуман и шейх Мухаммед Али Осман. Ас-Саляль смещен со всех постов и лишен всех званий. Было объявлено о введении комендантского часа и закрытии всех аэропортов и портов страны.

Так был произведен бескровный государственный переворот, ознаменовавший собой завершение пятилетнего этапа йеменской революции, этапа напряженнейшей внутриполитической борьбы, происходившей под влиянием сложных внутренних и внешних факторов, в результате которой к власти пришел коалиционный блок традиционной оппозиции, феодально-племенной верхушки, наиболее состоятельных буржуазных слоев и части руководства бюрократическим и военным аппаратом.

Глава II

ЗАВЕРШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И БОРЬБА В ПРАВЯЩЕМ БЛОКЕ СИЛ (1967—1974)

Борьба патриотических и феодально-традиционалистских сил на последнем этапе гражданской войны (1967—1970)

Пришедшее к власти верховное командование армии поручило сформировать новое правительство Мохсену аль-Айни. Его заместителем был назначен кади Абдассалям Сабра [221, 06.11.1967]. В состав правительства не вошли сторонники ас-Саляля, республиканцы радикального толка. Его ядро составили представители так называемой «хамерской группировки», объединявшей традиционалистски настроенную феодальную интеллигенцию и феодально-племенную верхушку, а также крупную торговую буржуазию. Таким образом, в результате переворота 5 ноября расстановка сил в стране существенно изменилась — патриотически настроенная мелкая и средняя буржуазия была оттеснена консервативными и умеренными элементами, представлявшими феодалов и крупную буржуазию, опиравшимися на армию и отряды племен, в основном с севера и северо-востока страны.

Сторонники ас-Саляля, которые в период, непосредственно предшествовавший перевороту, практически держались с помощью египтян, оказались в политическом вакууме, когда эвакуация египетского корпуса стала неизбежностью. В этом смысле нельзя не согласиться с йеменским исследователем аш-Шихари, который писал, что в результате израильской агрессии против арабских стран 1967 г. в Йемене «было нарушено равновесие между революционными и контрреволюционными силами, и компрадорско-феодальное крыло республиканцев смогло пробиться к власти, отняв ее у руководства патриотическими силами» [151, с. 59—61].

Следует подчеркнуть, что развертывание революционного процесса в Йемене шло параллельно с формированием политического самосознания основных классов и социальных групп йеменского общества. В дореволюционный период, с его чрезвычайно низким уровнем экономического и политического развития страны, социальное самосознание осуществлялось в достаточно грубых и примитивных формах; огромное значение имели родственные, племенные, клановые и религиозные связи. Ситуация революции и гражданской войны способствовала приобщению к политике слоев и классов, доселе либо игравших достаточно пассивную роль, либо вообще находившихся «вне политики». Революционный процесс, несомненно, содействовал политическому «вызреванию», участвовавших в нем сил, причем активная причастность к этому процессу обеспечивала более интенсивный политический рост.

Поэтому представляется важным проследить, как достаточно аморфные политические группировки, получившие доступ к власти в результате революции 1962 г., постепенно дробятся и дифференцируются. На рассматриваемом этапе революции внутри правого крыла республиканцев, пришедшего к власти после ноябрьского переворота, начинают вырисовываться контуры группировок, включившихся на самостоятельных началах в политическую жизнь: группировки феодалов крайне консервативной ориентации и более умеренной, в которую входили сторонники буржуазных преобразований, поборники интенсивного капиталистического развития и т. д. Однако в 1967—1970 гг. политического оформления этот процесс внутреннего размежевания еще не получил.

Отметим при этом, что новое руководство отнюдь не стремилось к разрыву отношений с ОАР. Поэтому уже в заявлении верховного командования от 5 ноября была выражена благодарность в адрес египтян за жертвы, принесенные ими «ради блага Йеменской Республики». В том же документе было специально подчеркнуто, что курс нового руководства будет согласован с задачами общеарабского движения.

Политическая программа пришедшего к власти блока коалиционных сил была изложена в заявлении премьер-министра Мохсена аль-Айни. В нем подчеркивалось, что новый кабинет видит свою задачу во внешних делах в установлении добрососедских отношений с Саудовской Аравией и урегулировании отношений с ОАР при соблюдении принципов йеменской революции. Свою внутреннюю политику новое правительство обязалось согласовывать с шейхами племен и тройственной комиссией. В то же время в заявлении говорилось о желании йеменской стороны, чтобы организованное этой комиссией примирительное совещание проходило в Сане, а не в Хартуме. Новое правительство выражало готовность прилагать усилия к поискам компромиссных соглашений с шейхами племен. Оно заявило о намерении создать в ближайшее время Консультативный совет, в котором будут представлены все социальные силы страны, а также сформировать Совет национальной обороны. Особо подчеркивалась необходимость укрепления национальной армии. Правительство высказалось за возвращение на родину эмигрантов [68, с. 105—107].

Среди перечисленных в программе проблем особенно остро стоял вопрос о племенах, что в немалой степени было связано с активизацией деятельности монархических элементов. В условиях отсутствия у центрального правительства достаточно мощной армии все более насущной становилась задача установления контактов с шейхами племен, у которых к этому времени имелись хорошо вооруженные современным оружием ополчения. Правительство рассчитывало, что совместно с частями республиканской армии эти ополчения смогут оказать противодействие монархистам.

Власти ЙАР приступили к налаживанию контактов не только с теми шейхами племен, которые в предшествующие годы сотрудничали с режимом ас-Саляля, но и с теми, кто выступал на стороне монархистов.

В середине ноября 1967 г. многие шейхи, прибывшие в Сану с севера, северо-востока и юга страны, заявили о своей верности новому правительству. Процесс перехода промонархистски настроенных шейхов на сторону республики особенно интенсифицировался после того, как было объявлено о том, что шейх племени бени хушейш подписал «соглашение о ненападении» с центральным правительством [272, 1968, № 1, с. 72].

Учитывая роль в йеменской политике внешнего арабского фактора, неудивительно, что на втором месте по степени важности стояла проблема урегулирования отношений нового правительства с ОАР и Саудовской Аравией.

Через несколько дней после сформирования кабинета в ОАР выехала йеменская делегация во главе с аль-Айни, которая должна была проинформировать президента Насера о сложившемся в Йемене положении. Этот визит свидетельствовал о намерении нового руководства сохранить достаточно тесные связи с ОАР. Аль-Айни подтвердил стремление правительства и в будущем поддерживать дружественные отношения между двумя странами в рамках решений, принятых на конференции в Хамере [286, 1967, № 24, с. 1195].

Что касается отношений с Саудовской Аравией, то, по мнению главы кабинета, они могли получить развитие только после того, как будет урегулирована проблема племен, прежде всего промонархистских. Он заявил, что йеменское правительство согласно обсудить любой вопрос с руководством Эр-Рияда при условии, что последнее не будет покушаться на незыблемость республиканского строя в Йемене и настаивать на возвращении в страну бывшей династии Хамид ад-Динов. После ОАР йеменская делегация направилась в другие арабские страны — Алжир, Сирию, Ирак, Кувейт, где информировала руководство этих стран о позиции йеменского правительства.

К этому времени монархисты, собравшись на совещание на территории Саудовской Аравии, пришли, несмотря на наличие разногласий в их среде, к твердому решению: отказавшись от переговоров, добиться восстановления в Йемене прежнего режима вооруженным путем. При этом предполагалось, что после реставрации монархии полномочия короля-имама будут ограничены Консультативным и Национальным советами. В программе монархистов было специально подчеркнуто, что центральная власть не будет покушаться на прерогативы шейхов, за которыми будет закреплено право на автономное управление контролируемыми ими территориями. Эта установка была продиктована стремлением монархических сил, пользуясь политической неустойчивостью племен, привлечь шейхов в преддверии военных действий на свою сторону. Совещание призывало к борьбе с республикой, за создание общества, основанного на принципах Корана и шариата [41, с. 212—213].

В середине ноября 1967 г. стали поступать сообщения об активизации внутренней и внешней реакции, стремившейся сорвать усилия правительства аль-Айни, направленные на стабилизацию обстановки в стране. После ухода египетских войск из ЙАР монархисты особенно интенсивно стали снабжать племена оружием и деньгами. Выступившие на их стороне племена развернули наступление к северу от Саны, пытаясь взять главный пункт конфедерации племен хашед Хадджу. В поддержку защитников Хадджи туда были направлены танки и дружественные конфедерации племенные ополчения. В это время к югу от Саны против республики выступило самое крупное племя Тихамы (прибрежной низменной части Йемена) — аз-зараник, перерезавшее дорогу Ходейда — Таизз. Хотя республиканскому правительству и удалось договориться с шейхами этого племени о прекращении военных действий, положение его оставалось тяжелым.

Задача монархистов состояла в том, чтобы окружить Сану кольцом враждебных правительству племен и перекрыть дорогу, связывающую столицу с портом Ходейдой, а следовательно, с внешним миром. Караваны с оружием, снаряженные на средства Саудовской Аравии, один за другим направлялись к промонархистски настроенным племенам, располагавшимся в стратегически важных пунктах. Под воздействием подстрекательской политики сил реакции на территории, контролируемой республиканцами, то и дело вспыхивали мятежи.

В конце ноября 1967 г. правительство ЙАР выступило с заявлением, обвинив империалистические круги и руководство Саудовской Аравии в оказании моральной и материальной помощи монархистам. Правительство ЙАР указало, что в то время, как египетская сторона полностью выполнила все пункты соглашения, заключенного в Хартуме, Саудовская Аравия не прекращает враждебное вмешательство во внутренние дела Йемена. В заявлении отмечалось, что отныне защита республики осуществляется йеменскими национальными силами, которые уже нанесли удар по наемникам и мятежникам. Тем самым правительство ЙАР опровергло появлявшиеся на страницах западной прессы утверждения о том, что республика в Йемене

является искусственным образованием и держится лишь на штыках египетских солдат [39].

Активизация антиреспубликанских сил в конце 1967 г. была обусловлена стремлением арабской реакции и международного империализма компенсировать свое поражение на юге Йемена. Дело в том, что 30 ноября 1967 г. в Южном Йемене после вывода английских войск из Адена была создана Народная Республика Южного Йемена — НРЮЙ (впоследствии Народная Демократическая Республика Йемен — НДРЙ), и к власти пришел Национальный фронт. Появление на юге Аравийского полуострова нового демократического государства внесло существенные изменения в политическую обстановку и привело к дальнейшей поляризации сил в этом районе арабского мира. Находившиеся под контролем монархистов северные районы ЙАР, как и Саудовская Аравия, стали центрами притяжения реакционных сил: туда с юга Йемена бежали деятели свергнутого режима — султаны, эмиры и шейхи — со своими военными отрядами и сторонниками. Они существенно пополнили формирования монархистов в Северном Йемене. Источником нестабильности в ЙАР стали также отряды ФЛОСИ [1]. В политических условиях Северного Йемена эти силы являлись потенциальными союзниками монархистов, могущими выступить в любой момент на их стороне.

В то же время опережающее развитие революционного процесса на юге Йемена оказывало стимулирующее воздействие на ситуацию в ЙАР: Юг стал для нее источником новых революционных идей (в том числе социалистических), причем их влияние становилось все более действенным по мере того, как они внедрялись в практику общественной жизни южнойеменского государства. Протекающие на Юге демократические процессы содействовали вовлечению в политическую жизнь все более широких кругов йеменского народа.

Подчеркнем, что в полной мере оценить значение создания Народной Республики Южного Йемена для ЙАР можно лишь с учетом того обстоятельства, что в сознании народа Йемен — даже в условиях существования двух йеменских государств — представляет собой единое целое [2]. Чтобы правильно оценить многие коллизии между Севером и Югом, необходимо учитывать эту важную особенность национального самосознания не только на официальном уровне, но и с точки зрения общественного мнения.

В это напряженное для Йеменской республики время, 25 ноября 1967 г., в СССР прибыла правительственная делегация ЙАР во главе с министром иностранных дел Хасаном Мекки. В результате успешно проведенных переговоров было подписано соглашение о дальнейшем развитии политического и экономического сотрудничества между СССР и ЙАР [222, 26.11; 02.12.1967].

29 ноября последнее подразделение египетских войск покинуло порт Ходейду. С этого времени республика впервые за

пять лет своего существования осталась один на один с военной силой монархистов.

Еще в конце ноября 1967 г. монархисты начали окружение Саны. В начале декабря кольцо вокруг столицы сомкнулось, все дороги, соединявшие столицу с Ходейдой и Таиззом, были перерезаны. С горных высот монархисты систематически обстреливали город и аэродром Эр-Рахабу. Просачиваясь в Сану, они вели там подрывную деятельность, стремясь подавить моральный дух ее защитников.

Обороняли Сану части регулярной армии и сил безопасности республики, а также отряды племен. В это время в столице стихийно, по инициативе народа стали возникать отряды Народного сопротивления. В них вступали представители различных социальных слоев — рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, учащиеся, низшие чиновники госучреждений и т. д. Всех их объединяло общее стремление сохранить республику, которая открыла в их жизни новую страницу. Датой зарождения движения Народного сопротивления считается 21 ноября 1967 г.

В обострившейся обстановке патриотические организации Йемена, с 1963 г. находившиеся на нелегальном положении, вышли из подполья и встали во главе движения Народного сопротивления. Наиболее активную роль в этом движении играли деятели, входившие прежде в ДАН и небольшую группу йеменских марксистов. Немногочисленные сторонники партии Баас также приняли активное участие в обороне Саны. Руководители патриотических организаций стремились добиться от официальных властей признания и поддержки движения Народного сопротивления.

В этот момент была сделана первая попытка объединения политических партий — Союза йеменской демократической молодежи, «Фронта 26 сентября» и ДАН — и создания на их основе национального фронта ЙАР. В связи с ней был опубликован «Проект хартии поэтапных национальных действий» [136], в котором подчеркивалось, что в результате реакционного переворота 5 ноября 1967 г. «власть в стране захватили феодальные силы».

Составители документа выразили мнение, что монархистами следует считать не только тех, кто открыто боролся против республики, но и тех, кто, поддерживая республику и считая себя республиканцем, выступал за создание «исламского государства».

В «Проекте хартии» указывалось на необходимость «выправить революционный процесс», что станет возможным, только если во главе государства встанут революционные силы, готовые пойти на осуществление экономических мероприятий, которые будут способствовать социальному прогрессу общества. К числу таких мероприятий документ относил, в частности, аграрную реформу, определение максимальных размеров частных земельных владений, развитие производственных отраслей на-

циональной экономики, укрепление госсектора, создание предприятий смешанного государственно-частного типа.

В «Проекте хартии» значительное внимание было уделено идее создания «общенациональной политической организации», которая, как подчеркивали авторы документа, не должна представлять собой партию; она должна носить более широкий характер — формироваться из крестьян, интеллигенции, рабочих, торговцев, ремесленников и всех угнетенных социальных сил. Доступ в организацию «феодалам и реакционерам» должен быть закрыт; исключение, однако, может быть сделано для некоторых шейхов племен, а также для тех лиц, которые, несмотря на свое происхождение, выступали в период гражданской войны на стороне республики.

С завершением формирования такой организации будет создан коллективный орган руководства страной — Президентский совет, который избирает из своего состава президента республики. Из высших офицеров армии и министров кабинета Президентский совет будет формировать Совет национальной обороны и, кроме того, из числа высших военных и гражданских руководителей — Коллективный совет по вопросам безопасности. В обязанности Президентского совета должно входить также создание революционного суда, который вынесет свой приговор сторонникам «исламского государства» и пришедшим к власти 5 ноября 1967 г. лицам.

Значительное внимание в документе было отведено вопросу йеменского единства. В нем выдвигалась задача создания единой йеменской национально-демократической республики. Авторы «Проекта хартии» констатировали, что задачи революции как на Севере, так и на Юге одинаковые. Для объединения Йемена есть все условия — общность истории, обычаев, традиций и т. д., не хватает лишь одного элемента — единой политической организации всех революционных сил страны.

Первый пункт предлагавшегося «Проектом хартии» плана объединения предусматривал ликвидацию реакционного режима в Сане. Занявшее его место революционное руководство приступает к созданию политической организации. Руководители этой организации устанавливают связь с революционным правительством Юга. Совместными усилиями они организуют встречи представителей широких народных масс Севера и Юга, с тем чтобы в дальнейшем создать единый орган — общенародный конгресс, который и осуществит объединение революционного руководства обеих частей страны и создание общейеменской политической организации. Затем происходит выработка Национальной хартии, которая и провозглашает йеменское единство.

Опубликованный документ представляет собой первую попытку рассмотреть в едином комплексе такие проблемы, как связь социальной структуры североиеменского общества с формами его политической организации (высшие органы власти, политическая организация и пр.). Под этим же углом зрения

его авторы рассматривали и проблему объединения Северного и Южного Йемена. Надо отметить, что в середине 60-х годов два йеменских государства были ближе друг к другу по уровню социально-экономического развития, нежели в 70-х. Возможно, этим и объяснялся несколько упрощенный подход авторов «Проекта хартии» к проблеме единства.

Политическое значение «Проекта хартии поэтапных национальных действий» определялось в первую очередь тем, что он указал на насущную необходимость и возможность единства действий разрозненно существовавших политических партий и организаций прогрессивной ориентации.

7 декабря 1967 г., когда начался обстрел столицы монархистами, в городе были официально открыты пункты по организации отрядов Народного сопротивления.

Возглавил деятельность движения Народного сопротивления штаб, в первый состав которого были избраны только гражданские лица — Амин ан-Нузейли, Абдалла Джабари, Малик аль-Арьяни, Али аш-Шинвах, Абдо Салам, Сейф Ахмед Хейдар, Омар аль-Джави, Яхья аш-Шами и Абдо Али Осман. Среди них были как представители патриотических организаций и партий, так и «беспартийные активисты» [170, с. 14].

В связи с тяжелым военным положением, штаб Народного сопротивления потребовал от правительства раздачи оружия населению. Однако правительство и армейское командование первоначально отказались вступить в диалог с движением Народного сопротивления, тем более обсуждать вопрос о вооружении народа. Однако, по мере того как сжималось кольцо блокады и нависшая над революцией угроза становилась все более реальной, власти наконец согласились раздать оружие бойцам отрядов Народного сопротивления. В штаб Движения были введены армейские офицеры, занимавшиеся планированием и военной подготовкой отрядов. Постепенно начало налаживаться сотрудничество штаба с командованием воинских подразделений и сил безопасности.

Штаб Народного сопротивления разработал программу действий. Она предусматривала ведение планомерной борьбы против врагов республики, сотрудничество с республиканской армией и поддерживавшими ее формированиями племен, пресечение распространения провокационных слухов, обеспечение максимальной безопасности для жителей в пределах города, охрану государственных учреждений и предприятий, защиту патриотов от действий контрреволюционных элементов [170, с. 40—41].

Если в первые дни блокады в столице царили хаос и неразбериха, существенно затруднявшие осуществление регулярных контактов между защитниками города, обеспечение бойцов оружием, снабжение населения продовольствием, то благодаря активизации движения Народного сопротивления постепенно стал налаживаться порядок, успешно пресекалась террористическая и диверсионная деятельность противника.

Город был разбит на шесть оборонительных участков, которые охранялись бойцами Народного сопротивления, совместно с другими вооруженными формированиями столицы. Так, аэропорт Эр-Рахаба, ставший единственно связующим звеном осажденной столицы с внешним миром, патрулировался бригадой «Аль-Аруба» при поддержке танков. Ей помогали также бойцы Народного сопротивления, отряды племени бакиль и учащиеся полицейского училища [106, с. 41—42].

В городе были созданы комитеты по пропаганде и снабжению. Стала выходить газета «Аль-Мукавама аш-шаабия» («Народное сопротивление»), лозунгом которой был «Республика или смерть!»

Во время обороны Саны впервые стихийно включились в революционный процесс широкие слои народных масс. До этого, на протяжении всех предшествовавших лет существования республики, они оказывали пассивную поддержку радикально настроенным республиканцам, выступая на стороне проводимых ими мероприятий; самостоятельная их деятельность ограничивалась участием в демонстрациях, которые проходили преимущественно в городах. Теперь же, в новых политических условиях, вызванных угрозой ликвидации революционных завоеваний, народ стихийно поднялся на борьбу со сторонниками монархии. Выйдя на политическую арену, широкие слои населения заявили о себе как о преемниках радикально настроенных республиканцев, возглавлявших республику в первый период ее существования. Народное сопротивление фактически стало представлять левое крыло республиканского движения.

При всей неразвитости капиталистического способа производства в Йемене рабочие, наряду с неимущими и малоимущими слоями городского населения, составляли большинство среди бойцов Народного сопротивления. Особенно высокий уровень организованности продемонстрировали рабочие текстильной фабрики; линия обороны проходила непосредственно возле их предприятия, и им приходилось сражаться на одном из самых трудных участков фронта. На втором месте из социальных слоев в движении Народного сопротивления стояли учащиеся средних школ, возраст которых не превышал 16 лет; на третьем — низшие чиновники госучреждений, мелкие торговцы. Бóльшая часть бойцов отрядов Народного сопротивления была выходцами из крестьянских семей, обосновавшихся в Сане уже после революции. Для них республика стала олицетворением новой жизни, и на ее защиту они шли не задумываясь [170, с. 41].

Близки к бойцам Народного сопротивления по своему социальному происхождению были младшие офицеры дислоцированных в Сане регулярных воинских частей, а также отрядов коммандос и парашютистов, пробившихся в столицу в начале блокады; они также были связаны с бедными и беднейшими слоями крестьянства. До переворота 5 ноября 1967 г. они в подавляющем большинстве выступали на стороне режима ас-Сал

лаля и были последовательными противниками как реставрации монархии, так и создания «Исламского йеменского государства».

В истории Йемена осада Саны вошла как событие, ознаменовавшее появление на политической арене страны в качестве активных участников исторического процесса таких важных социальных сил, как рабочий класс, хотя еще и немногочисленный, и крестьянство. Участвуя в общей борьбе революционных сил за республику, они постепенно начинали осознавать и свои собственные политические интересы. Это явление свидетельствует о расширении и углублении революционного процесса в Йемене. Начавшись как верхушечный переворот, этот процесс, по мере втягивания в него все более широких масс населения, становился все более демократическим по своему содержанию. Следует помнить, что в условиях крайней отсталости Йемена, отсутствия в нем каких бы то ни было традиций современной политической жизни формирование политического сознания (тем более в среде эксплуатируемой части населения) происходило в течение исторически продолжительного периода времени. Тем не менее события, связанные с обороной республики от натиска монархистов, несомненно, ускорили качественный скачок в становлении современных политических структур.

Превращаясь в политическую силу, оба эти класса начинают все интенсивнее воздействовать на общий политический процесс. На первых порах они играют в этом процессе косвенную роль, способствуя укреплению позиций наиболее радикальной части мелкобуржуазных кругов. Чувствуя за собой действенную поддержку широких народных масс, представители трудящихся классов отваживаются на отмежевание от своих более умеренных союзников. Однако влияние на них демократических элементов из числа прогрессивной интеллигенции носит более глубинный характер и зачастую выражается в расширении демократического содержания программных требований радикалов.

В период блокады Саны под влиянием левой оппозиции были созданы два типа массовых народных организаций для защиты республики. Первый тип — упомянутые выше отряды Народного сопротивления в городах — Сане, Ходейде, Таиззе и др. В своем подавляющем большинстве бойцы этих отрядов выступали против установления в стране власти феодально-племенной знати. Они требовали от правительства отказа от Хамерского соглашения и попыток достичь компромисса, создания сильной армии — опоры республиканского режима, отказа от ограничения числа отрядов Народного сопротивления, регулярного снабжения их оружием и боеприпасами. Характерно, что сторонники движения Народного сопротивления высказывались за равное участие в высших органах власти представителей двух мусульманских общин [198, с. 18—19].

Второй тип — крестьянские союзы в деревне — явление в условиях Йемена новое и весьма симптоматичное. С первых

дней своего существования (с начала 1968 г.) эти союзы, хотя и не стали важным фактором политической жизни страны, получили гражданство.

В тот период крестьянские союзы были еще малочисленны. Они получили распространение в основном в южной и средней части Джебеля, в окрестностях городов Таизза, Ибба, Рады и др. Эти организации взяли на себя решение широкого круга проблем населения сельской местности, причем нередко их действия выходили далеко за рамки инструкций, получаемых из центра. Они избирали своих руководителей, формировали отряды Народного сопротивления, наподобие городских, решали земельные тяжбы (причем плата за арбитраж не взималась), боролись со злоупотреблениями чиновничества, оказывали помощь деревенским школам, участвовали в строительстве школ, больниц, систем водоснабжения и пр. Эти союзы ставили перед собой задачу распространения политических и революционных идей среди крестьян, организации кооперативных обществ. Они выступали за создание общейеменского союза малоземельных и безземельных крестьян, за свержение политической и экономической власти шейхов племен и крупных землевладельцев [198, с. 18; 182, с. 193—194].

Крестьянские союзы нередко поднимали крестьян на борьбу против крупных землевладельцев и шейхов. Так, есть сведения о крупных крестьянских выступлениях в конце 60-х годов в районах Рийямия и Хубейшия (округ Рада). Их участники, посадив землевладельцев под арест, заявили о своем нежелании подчиняться прежним порядкам. В районе Эль-Абса (провинция Таизз) крестьяне, сплотившись вокруг союза, выступили против того, чтобы государство передавало права сбора налогов крупным землевладельцам и шейхам. Они заставили местных феодалов подписать документы об отречении от этих полномочий и впервые выплатили налоги непосредственно в государственную казну.

Во главе отрядов Народного сопротивления в городе и деревне встали патриотические и демократические силы. Так, ДАН [3] взял на себя руководство отрядами Народного сопротивления в Ходейде, Иббе, Эль-Бейде, Дамаре и Таиззе (в последнем пункте совместно с баасистами); независимые республиканцы — в Эль-Махвите, Амране, Хадджe, Яриме и совместно с ДАН в Дамсе, Джубане и Раде. В округах Эль-Джауф и Рада во главе движения стояли деятели из поддерживавших республику племен во главе с Абдаллой аль-Амири [170, с. 44—45].

Таким образом, на защиту республики наряду с частями регулярной армии и сил безопасности встали горожане и крестьяне, объединенные в отряды Народного сопротивления. Третьей силой, выступившей в защиту революции, были вооруженные отряды некоторых племен, причем на том этапе развития революции шейхи этих племен были, как правило, политически непоследовательны. Постоянно и активно поддерживали республику часть племен конфедерации хашед во главе с шейх-машайхом (главным шейхом конфедерации) Абдаллой бен Хусейном аль-Ахмаром, часть племени бакиль во главе с шейхом Амином Абу Рас и племени бени матар во главе с шейхом Ахмедом бен Али аль-Матари и др., а также ряд племен южной части страны.

Прореспубликански настроенные племена не только принимали участие в боевых действиях, но и несли охрану наиболее важных объектов, обеспечивали порядок в городах, патрулировали дороги. Некоторые же из них ограничивались защитой границ своих и дружественных им племенных территорий и проведением отдельных карательных операций против соседних племен, выступавших на стороне монархистов.

Со времени блокады столицы члены правительства ЙАР и большинство ведущих политических деятелей выехали в Ходейду или за рубеж. Свою задачу они видели в том, чтобы добиться приезда тройственной комиссии в Йемен. На этих позициях стоял премьер-министр аль-Айни, председатель Республиканского совета аль-Арьяни и председатель Национального совета шейх аль-Ахмар. И только главнокомандующий генерал Хасан аль-Амри, оставшийся в блокированной столице под давлением младших офицеров, тесно связанных с движением Народного сопротивления, вынужден был первоначально отказаться от идеи сотрудничества с тройственной комиссией.

По мере стягивания кольца блокады вокруг столицы аль-Арьяни и аль-Айни во все меньшей степени могли оказывать влияние на ход событий. 18 декабря 1967 г. аль-Айни был вынужден уйти в отставку. На пост премьер-министра был назначен Хасан аль-Амри. Постепенно в его руках сосредоточилась вся полнота власти в республике.

Деятельность движения Народного сопротивления, наполненная глубоким социальным содержанием, вызвала ожесточенный отпор со стороны феодально-помещичьих кругов и настороженность нового руководства ЙАР во главе с генералом Хасаном аль-Амри, опиравшимся на старших офицеров и стремившимся укрепить свои связи с шейхами. Пока существовала угроза реставрации монархии, аль-Амри был вынужден мириться со многими требованиями и действиями бойцов Народного сопротивления. Однако, по мере того как становилось очевидным, что республика выдержит натиск монархистов, он все более открыто стал обнаруживать свое отрицательное отношение к движению. Разногласия, существовавшие между представителями феодально-племенных кругов и патриотических организаций, входившими в руководство Народного сопротивления, начали углубляться.

В начале января 1968 г. в среде республиканского руководства положение обострилось в связи с назначением на пост начальника генштаба капитана Абдарракиба Абд аль-Ваххаба [4], который был тесно связан с младшими офицерами и после сво-

его назначения стал усиленно продвигать на командные должности своих единомышленников. Некоторое время аль-Амри пробовал лавировать между группировками старших и младших офицеров, пытаясь их примирить. Однако прочные контакты Абдарракиба и его окружения с руководством Народного сопротивления и их тесные связи с Национальным фронтом Южного Йемена и с организацией ДАН внушали аль-Амри и высшему офицерству серьезные опасения, тем более что сторонники Абдарракиба и деятели Народного сопротивления пользовались поддержкой йеменских профсоюзов и молодежи.

В начале января 1968 г. верховное командование высказалось за вывод из штаба Народного сопротивления некоторых представителей патриотических организаций. Это решение вызвало недовольство среди участников движения Народного сопротивления, расцененное ими как попытка официальных властей ЙАР поставить под свой контроль движение. В ответ на эти действия они избрали из числа руководителей Народного сопротивления комитет для проведения переговоров с армейской верхушкой.

12 января была созвана конференция движения Народного сопротивления, обсудившая доклад о результатах переговоров. В принятой ею резолюции отрицалось право верховного командования вмешиваться в дела движения Народного сопротивления без предварительного согласования с его штабом. Конференция избрала новый штаб движения, в который вошли Сейф Ахмед Хейдар, Малик аль-Арьяни, Мухаммед Дагийш, Аль Махди аш-Шанвах, Абдо Салям, Мухаммед аль-Башари, Али Мухаммед Зейд, Салих Ахмед ас-Салами и Омар аль-Джави [170, с. 45—47].

С целью дальнейшего укрепления позиций движения 1 февраля была созвана вторая его конференция. На ней обсуждались наиболее острые вопросы текущего момента — совершенствование организационной структуры Народного сопротивления, повышение уровня военной и политической подготовки его бойцов, организация связи штаба с отрядами, действующими в других районах Йемена. На конференции были сформированы четыре комитета: по вопросам материального снабжения, финансовым вопросам, пропаганде и общим связям (был сформирован впервые). В обязанности четвертого комитета входило «поддержание связей с командованием Народного сопротивления в других районах, координация действий и организация совместных операций, а также установление контактов с революционными организациями в Южном Йемене, в арабских и других странах» [170, с. 88—89].

Решения конференций Народного сопротивления были направлены на укрепление влияния патриотических сил, лидеры которых в период обострения военной обстановки сумели сплотиться, отказавшись от прежних разногласий, касавшихся преимущественно форм ведения революционной борьбы. К этому

времени относится первая попытка создания широкого национального патриотического фронта. Главенствующую роль в нем играли последователи ДАН, имевшие тесные контакты с Национальным фронтом Южного Йемена. Под их контролем находились многие города и селения ЙАР, они руководили работой наиболее массовой организации трудящихся — йеменскими профсоюзами; их флаг, как писали корреспонденты «Нувель обсерватёр», «развевался над многими деревнями» [279, 17.01.1968].

Официальное руководство ЙАР, прежде всего представители феодально-племенной верхушки, составлявшие правое крыло республиканцев, опасалось дальнейшего укрепления радикальных сил, сыгравших большую роль в обороне столицы, и пыталось противопоставить им отряды племен, поддерживающих республику. В операции по деблокированию Саны участвовали наряду с частями регулярной армии под командованием Абд аль-Латифа Дейфаллы племенные ополчения шейхов Синана Абу Лухума, Ахмеда Али аль-Матари и др. Основная роль в освобождении столицы командованием армии была отведена племенному ополчению из Эль-Бейды во главе с шейхом Ахмедом Абдо аль-Авади [106, с. 125—126].

8 февраля 1968 г. 70-дневная блокада Саны была прорвана, и в столицу вошла первая автомашина из Ходейды. На следующий день солдаты республиканской армии и бойцы Народного сопротивления при поддержке авиации предприняли атаку к югу от столицы и захватили несколько высот. Это дало им возможность в последующие дни развить наступление и соединиться с пробившимися со стороны Ходейды племенными ополчениями. Дорога на Ходейду, откуда поступала основная помощь республике, была открыта. Часть ее находилась под непосредственным контролем республиканских войск, часть — под охраной верных республике племен.

С освобождением столицы отпала, хотя и не окончательно, угроза свержения в Йемене республиканского строя. В этом была огромная заслуга всех вооруженных формирований, вставших на защиту республики,— регулярной армии, отрядов Народного сопротивления, племенных ополчений. Большой вклад в победу внесло и гражданское население городов и сельских районов, оказавшее сопротивление отрядам монархистов и иностранным наемникам.

На страницах западной прессы тех лет можно было встретить немало высказываний иностранных наблюдателей о якобы верхушечном характере политических изменений в Йемене. Так, лондонский журнал поместил статью известного специалиста в области языка и истории Йемена, который писал: «Это была не столько победа республиканцев, сколько исход острого соперничества между аль-Бадром и его братьями-эмирами, которые препятствовали объединенным действиям военных формирований... Положение усложнялось вследствие позиций монархистских племен, желавших, чтобы война продолжалась и чтобы ни

одна из сторон не достигла победы, потому что в этом случае они продолжали бы получать оружие и деньги» [254, 1973, № 2, с. 7]. Он вынужден был, однако, признать, что, поскольку монархисты, осадившие Сану, не смогли ее взять, война для них проиграна.

Ослабление внешней угрозы республике вновь привело к обострению противоречий между ее защитниками. Стихийно возникший в период блокады единый патриотический фронт не был организационно оформлен; его участников сплачивало только сознание опасности, угрожавшей республике. Тем не менее даже такое объединение представляло в глазах феодально-племенных кругов опасность, причем не без оснований. Начнем с того, что сторонники фронта выступали не только за радикальные средства борьбы с монархистами, но и за развитие демократических тенденций в йеменской революции, за укрепление армии и роспуск племенных ополчений. Закалившиеся в боях с монархистами формирования Народного сопротивления представляли собой организованную и политически зрелую силу. Кроме того, у них была репутация спасителей республики, причем они не прибегали к поддержке внешних сил (как это было с их предшественниками), а потому их никак нельзя было обвинить, в «предательстве национальных интересов». В тогдашней сложной военно-политической обстановке главными противниками патриотического фронта стали старшие офицеры армии во главе с аль-Амри, являвшиеся на том этапе выразителями интересов феодально-племенных слоев и крупной торговой буржуазии. Однако им нечего было противопоставить очевидным преимуществам фронта. Свои позиции они могли сохранить, опираясь исключительно на военную силу.

Процесс поляризации социально-политических сил в освобожденной Сане завершился оформлением двух враждовавших группировок: первая включала участников Народного сопротивления и младших офицеров армии — сторонников начальника генерального штаба Абдарракиба Абд аль-Ваххаба, представлявших в основном мелкобуржуазные слои; вторая — племенные ополчения во главе с шейхами, некоторые воинские формирования, где были прочны позиции старших офицеров — сторонников верховного командования во главе с Хасаном аль-Амри, выражавших интересы феодально-племенной верхушки и крупной торговой буржуазии. В столице фактически воцарилось двоевластие, причем каждая из соперничавших группировок всячески пыталась расширить свою социальную базу и увеличить число сторонников.

Противники патриотического фронта стремились как можно скорее заключить компромиссное соглашение с монархистами, чтобы все силы бросить на борьбу с участниками движения Народного сопротивления и поддерживавшими их военными. Они направляли в промонархистские племена крупных и мелких шейхов, выступавших на стороне республики, чтобы привлечь эти племена на свою сторону. Так, в начале марта шейх аль-Ахмар убедил шейхов племен бени харис, архаб и хамдан отправиться в Сану с выражением своей верности республике [106, с. 76—77].

Искали они договоренности и со сторонниками свергнутой династии. Попытка осуществить «национальное примирение» была предусмотрена еще в политической программе премьера аль-Айни. Он также намеревался установить добрососедские отношения с Саудовской Аравией под лозунгом «исламского братства» [151, с. 63; 182, с. 193].

Феодально-племенная верхушка, со своей стороны, старалась присвоить себе всю заслугу спасения республиканского строя, игнорируя беспримерную отвагу, которую проявили в сражениях отряды Народного сопротивления. Именно по участникам движения Народного сопротивления она решила нанести свой первый удар. Готовясь к нему, шейхи делали ставку на военную силу племен, внутренние распри в армии и, как пишет Мухаммед Али аш-Шихари, на общинную рознь и на традиционные разногласия между баасистами и арабскими националистами, рассчитывая использовать неопытность одних и узость кругозора других [151, с. 64—65; 198, с. 19].

Во второй половине марта 1968 г. между враждовавшими группировками республиканцев начались открытые военные столкновения. Причиной для них послужило прибывшее в Ходейду из-за рубежа оружие. Каждая из группировок претендовала на него, поскольку новая техника могла серьезно изменить соотношение сил в пользу ее обладателя.

Абдарракиб направил в Ходейду своего заместителя и перебросил туда отряды парашютистов и коммандос. Аль-Амри, со своей стороны, стянул к Ходейде отряды племен и снятые с фронта части армии. 21 марта в Ходейде вспыхнули военные действия. Относительно малочисленные отряды Народного сопротивления, не получив поддержки верных Абдарракибу военных частей, были разгромлены. В городе начались массовые облавы и аресты активистов движения Народного сопротивления.

В ответ на эти репрессии в Ходейде развернулась массовая забастовка торговцев, служащих, студентов, рабочих, распространялись листовки с требованием смещения с занимаемых постов лиц, виновных в организации террора. Аналогичные выступления прошли в Сане, Таиззе, Иббе, Яриме и других городах. Чтобы предупредить вооруженное восстание демократических сил в столице, 24 марта шейхи аль-Ахмар и Абу Рас ввели в Сану отряды племен хашед и бакиль.

Предпринятые правящими властями репрессии свидетельствовали о намерении военной группировки аль-Амри устранить с политической сцены своих политических противников — движение Народного сопротивления и связанных с ним офицеров, верных Абдарракибу,— и тем самым удовлетворить требования феодально-племенной знати.

Открытые столкновения в лагере республиканцев привели к новой активизации монархистов. В течение апреля 1968 г. вновь вспыхнули ожесточенные бои в окрестностях Саны. После захвата контрреволюционными войсками ряда деревень и высот они возобновили обстрел столицы. Военные действия развернулись и в других районах Йемена, особенно в Хараде. Монархистам удалось спровоцировать восстание некоторых племен. Власти Саудовской Аравии, несмотря на условия Хартумского соглашения, оказывали деятелям монархистского движения широкую помощь.

Наступление группировок аль-Амри на демократические силы после разгрома ими отрядов Народного сопротивления в Ходейде в марте 1968 г. продолжалось и в последующие месяцы. В апреле — мае 1968 г. во многих районах Йемена состоялись собрания шейхов племен, на которых были приняты однотипные решения: шейхи требовали роспуска отрядов Народного сопротивления и решительной борьбы с левыми организациями, выступавшими за демократизацию общественной жизни и прогрессивные социальные преобразования.

Ранее введенные в столицу племенные формирования разоружили находившиеся в Сане отряды Народного сопротивления. Во многих частях армии была произведена замена командного состава, а многие младшие офицеры арестованы. Шейхам племен были увеличены ежемесячные субсидии для создания племенных ополчений с целью борьбы против отрядов Народного сопротивления.

В июле 1968 г. в г. Абсе состоялась конференция шейхов племен. На ней было принято решение о ликвидации отрядов Народного сопротивления, а также об увольнении из рядов вооруженных сил офицеров, придерживавшихся левых взглядов, и сторонников Абдарракиба. Конференция призвала к созданию «народной армии», т. е. племенных ополчений под контролем шейхов племен. Участники конференции потребовали введения запрета на ввоз современной литературы из-за рубежа в Йемен, которая огульно объявлялась ими «коммунистической» и «безбожной». Кроме того, они выступили «за борьбу против партийной идеологии» и тех, кто ее поддерживает. Требования шейхов были признаны правительством справедливыми в специальном постановлении за подписью председателя Совета министров, верховного главнокомандующего вооруженными силами Хасана аль-Амри [182, с. 195—196; 198, с. 20].

Затем была проведена чистка военного командования. Аль-Амри снял среди прочих начальника генштаба Салама ар-Разихи, к тому времени заменившего уволенного ранее из армии майора Абдарракиба Абд аль-Ваххаба, а также командующих артиллерией и пехотой, отрядами коммандос и парашютистов. На должность начальника генштаба был назначен Абд аль-Латиф Дейфалла [221, 27.08.1968].

В августе 1968 г. в Сану были дополнительно введены отряды

племен. В течение двух дней в городе происходили ожесточенные бои между республиканскими формированиями разной политической ориентации — сторонниками левого радикального крыла и верными аль-Амри умеренными и консервативными элементами. Племенные ополчения, воспользовавшись царившим в городе хаосом, занялись грабежом домов, магазинов, государственных учреждений. Абдарракиб выразил Хасану аль-Амри протест по поводу смещения с занимаемых постов придерживавшихся прогрессивных взглядов офицеров, в основном шафиитов, и замены их единомышленниками аль-Амри из числа зейдитов. Таким образом, происходившие события имели религиозно-политическую окраску. Демарш Абдарракиба аль-Амри решил использовать как предлог для того, чтобы «очистить» армию от неугодных ему лиц. Он приказал арестовать большую группу офицеров, обвинив их в попытке свергнуть правительство. Часть из них была посажена в тюрьму, а 24 офицера во главе с майором Абдарракибом были высланы из страны. По сведениям французской прессы, в ходе августовской расправы над радикалами было убито около 500 человек. Прошли массовые облавы и аресты сторонников демократических сил — профсоюзного руководства, интеллигенции, торговцев. Некоторым из преследуемых удалось бежать в Южный Йемен [273, 06. 10.1968].

В декабре 1968 г. Абдарракиб нелегально вернулся из Алжира в ЙАР через Аден. В январе 1969 г. он попытался выступить в защиту арестованных во время августовских событий офицеров и деятелей профсоюзного движения. Аль-Амри счел этот случай подходящим для расправы над своим давнишним противником. Группа его людей обстреляла ракетами здание, в котором находился Абдарракиб; лидер левой оппозиции был убит. Предпринятую акцию Хасан аль-Амри оправдал тем, что майор Абдарракиб якобы замышлял убийство президента аль-Арьяни [198, с. 20].

В столице был введен комендантский час. Прошла еще одна волна арестов сторонников Абдарракиба. Продолжалась чистка в армии. От работы был отстранен ряд гражданских лиц, имевших хотя бы отдаленное отношение к деятельности демократических сил. В сельской местности были распущены крестьянские союзы, а их активисты подвергнуты арестам. Лишь некоторым из них удалось бежать в Аден.

Таким образом, разгром левых демократических сил, начатый Хасаном аль-Амри в марте 1968 г. в Ходейде истреблением отрядов Народного сопротивления, завершился репрессиями против левых республиканцев и массовой чисткой в армии в августе — сентябре. Это был последний удар правого крыла республиканцев по левым силам. В результате этих акций существенно возросло политическое значение и упрочились позиции феодально-племенной верхушки и, как писал Мухаммед Али аш-Шихари, «был открыт путь к примирению с монархи-

стами и Саудовской Аравией» [151, с. 66]. В ситуации крайне напряженного внутриполитического положения правительство Хасана аль-Амри было вынуждено уйти в отставку; министрам было поручено выполнять свои прежние до сформирования нового правительства обязанности.

15 сентября 1968 г. был объявлен состав нового правительства во главе с прежним премьером Хасаном аль-Амри. Четверо прежних министров сохранили свои посты, трое — были включены в состав кабинета впервые. Основные посты были распределены среди лиц умеренной и консервативной ориентации. В религиозном отношении состав правительства носил компромиссный характер: в него вошли семь шафиитов и десять зейдитов, включая аль-Амри. Тем самым была сделана попытка разрядить напряженное положение в стране и ослабить недовольство шафиитской части населения [222, 16.09.1968; 272, 1969, № 1, с. 80].

Чтобы окончательно закрепить победу консервативных социально-политических сил, было решено создать в ближайшие месяцы Национальный совет — временный высший законодательный орган страны. Эти функции он должен был выполнять до образования предусмотренного конституцией постоянного Консультативного совета.

Как уже упоминалось, вопрос о создании в Йемене Консультативного совета (Маджлис аш-шура) — высшего законодательного органа страны — неоднократно выдвигался еще феодально-племенной знатью и был отражен в документах антиимамской оппозиции. Этой идеи придерживались и противники президента ас-Саляля и египетского присутствия в Йемене в 60-е годы. Учитывая популярность данного органа в истории становления политических институтов Йемена новейшего времени, вопрос о создании Маджлиса аш-шура заслуживает специального внимания.

В йеменской политической практике институт аш-шура всегда имел широкое распространение как форма организации самоуправления йеменских племен, особенно севера и северо-востока страны, остававшихся на протяжении веков после распространения ислама фактически независимыми. К аш-шура как эпизодическому совещанию родо-племенной знати прибегали при урегулировании как внутриплеменных проблем, так и вопросов взаимоотношений с другими племенами и с центральной властью.

В начале XX в. родо-племенная ар-шура сохранила многие черты, унаследованные от древности. Обычно шейх созывал аш-шура по мере возникновения требующих решения проблем. Собравшиеся высказывали свое мнение по обсуждаемым вопросам, а шейх, резюмируя обсуждение, объявлял окончательное решение, которое считалось решением племени. Таким образом, аш-шура, хотя и не имела строгой организационной структуры, функционировала как исконно существовавший орган.

В XX в., со складыванием на территории йеменских племен централизованного государства, зейдитские имамы из династии Хамид ад-Динов не пошли на признание аш-шура на общегосударственном уровне. Принятая имамами автократическая система правления вызывала недовольство со стороны представителей феодального класса, особенно всесильных шейхов племен, которые мыслили государственное устройство по аналогии с племенами.

В середине 30-х годов оформилась оппозиционная имаму группировка, включившая шейхов племен и прочую родо-племенную знать, кади, улемов, феодальную интеллигенцию, торговую буржуазию а также сейидскую аристократию. В 1947 г. оппозиция выработала свой программный документ — Священную национальную хартию. В ней было выдвинуто требование установления конституционной монархии: власть монарха должна ограничиваться «совещательным», консультативным органом — Маджлис аш-шура (букв. «Консультативный совет») [5], который одновременно должен стать и высшим законодательным органом страны. Лишь такая структура управления государством, подчеркивала оппозиция, будет соответствовать установлениям шариата. Составители Хартии уподобляли Консультативный совет европейскому парламенту [142, с. 1—8]. Он должен был включать с одобрения имама наиболее известных и влиятельных в стране людей — сейидов, кади, улемов, шейхов племен и других представителей феодального класса.

Как уже отмечалось, в контексте йеменской политической практики, идея создания Консультативного совета была направлена против имамской автократии, которая, по мнению оппозиции, могла привести страну к национальной катастрофе. Согласно Хартии, имам, возглавлявший сейидскую олигархию, оставался духовным главой зейдитов, но его прерогативы как главы светской власти должны быть ограничены. Решающая роль в управлении страной должна перейти в руки Консультативного совета, перед которым несло бы ответственность правительство.

Фактически управление страной предполагалось передать в руки шейхов племен, кади и улемов, которые, как свидетельствуют многочисленные документы оппозиции, рассматривали себя в качестве единственных «представителей народа». Свои претензии на власть оппозиция обосновывала традиционными представлениями, согласно которым, не сейиды, пришедшие в Йемен в период раннего ислама, а именно шейхи, кади и улемы, будучи частью автохтонного населения этого района, могут с наибольшей полнотой выражать интересы широких народных масс, а потому, мол, только они, являясь наиболее влиятельной социальной силой, должны стать во главе централизованного государства.

Однако Священная национальная хартия не была претворена в жизнь. Совершившие государственный переворот в февра-

ле 1948 г. оппозиционные силы продержались у власти недолго и были разгромлены сторонниками сохранения в неприкосновенности института имамата.

Особенно остро вопрос о создании Консультативного совета встал после революции 1962 г., когда, патриотически настроенная часть офицерства возглавила совместно с гражданской интеллигенцией складывавшийся государственный механизм. Как уже говорилось выше, традиционная оппозиция, получившая лишь ограниченный доступ к власти, и феодально-племенная верхушка, представители которой на первых порах вообще не были включены в состав высших государственных органов, сблизились на почве недовольства политикой руководства республикой. Объектом их критики стали «автократические» тенденции (как они их именовали) в развитии процесса государственного строительства. При этом имелась в виду концентрация власти в руках главы государства ас-Саляля. Вот в связи с этим-то фактом консервативная оппозиция и подняла на щит уже известный тезис о несовместимости «единовластия» с установками ислама. Так вновь был активизирован принцип аш-шура.

После переворота 5 ноября 1967 г., когда к власти в стране пришли феодальная верхушка и крупная торговая буржуазия, проблема Маджлис аш-шура получила свое реальное воплощение в создании Национального совета. Этот орган должен был заняться разработкой постоянной конституции страны; ему предполагалось также поручить принять отставку у членов Республиканского совета и правительства, сформировать их новый состав. В Национальный совет должны были войти шейхи племен, выступавшие в поддержку республики, а также «представители городской буржуазии, стремившиеся к компромиссу с монархистами». Военные не должны были получить доступ в Совет, поскольку «армия в последние месяцы обнаружила тенденцию выступать в качестве соперника племенной организации». Таким образом, создание Национального совета призвано было ознаменовать полную победу феодально-традиционалистских сил в республике [272, 1969, № 2, с. 208; 273, 06.10.1968].

Внутриполитическая ситуация, сложившаяся в 1968 г. в Йемене в связи с разгромом демократических сил, а также изменившаяся обстановка на Арабском Востоке оказали серьезное влияние на политическую ситуацию в ЙАР. Возглавившие ЙАР в 1968 г. политические силы ориентировались на поиск компромисса со сторонниками монархии. Не случайно Хасан аль-Амри в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что основной своей целью он считает созыв «мирной конференции», которая бы привела к «ликвидации конфронтации двух враждующих лагерей». Как сообщала газета «Монд», добиваясь осуществления этой задачи, он был «первым, кто протянул руку членам королевской семьи, предложив им стать полноправными гражданами республики» [273, 06.10.1968].

Как уже говорилось выше, наиболее массовой политической организацией в ЙАР было Движение арабских националистов (ДАН). В период присутствия в стране египтян Движение, пользуясь их расположением, находилось на полулегальном положении, хотя в стране и была запрещена деятельность политических партий и организаций. До 1966 г. ДАН вел активную работу среди йеменских профсоюзов, в молодежных, спортивных и культурных организациях, а также в армии. С 1964 г. у северойеменского филиала ДАН начались разногласия с руководством Движения в Бейруте, и в 1966 г. он фактически порывает с центром. Как сообщала газета «Аль-Хуррия», бейрутский орган ДАН, раскол произошел в результате того, что в йеменском ДАН верх одержали силы, выступавшие за отказ от «мелкобуржуазного» курса, который проводило центральное руководство, требовавшие создания новой национальной авангардной партии. Со второй половины 1966 г. йеменскому ДАН пришлось, как и другим политическим партиям, уйти в подполье [250, 10.02.1969].

С 24 по 26 июня 1968 г. в г. Джибле (Средний Джебель) проходил внеочередной съезд йеменского ДАН. Съезд был объявлен учредительным, так как на нем было провозглашено создание Революционно-демократической партии Йемена (РДПЙ). Хотя ядро РДПЙ составляли активисты ДАН, съезд подчеркнул, что у новой партии не будет «никаких организационных связей с общеарабским ДАН и его центральным руководством». Как было сказано в Политическом заявлении РДПЙ, причины такого отмежевания связаны с тем, что общеарабский ДАН в своей политической деятельности «исходил не из научно обоснованных концепций, а из ошибочных идеалистических представлений». Поэтому «предпринимавшиеся арабскими патриотами попытки претворить в жизнь его идеи» приводили к «серьезным ошибкам, наносившим ущерб национальным интересам». Критике подверглись идеология ДАН, его политика и организационная структура [95]. Как было отмечено в Заявлении, РДПЙ была призвана стать «руководителем революционных масс йеменского народа» в борьбе за осуществление прогрессивных социально-экономических, политических и культурных преобразований в стране.

Съезд избрал ЦК партии и утвердил программу политической деятельности, «базирующуюся на принципах научного социализма». Среди принятых им решений наибольшее значение имели следующие: о полном отмежевании РДПЙ от центрального руководства ДАН в Бейруте; о создании Национального фронта ЙАР, включавшего все прогрессивные патриотические элементы; о выработке Национальной хартии, которой должен руководствоваться в своей деятельности Национальный фронт; о мобилизации народных масс города и деревни в вооруженные отряды народного сопротивления (бойцы, подчеркнул съезд, должны пройти военное обучение и получить «идейное воспита-

ние», которое бы нацеливало их на борьбу с реакцией, колониализмом и империализмом»); о необходимости «единых средств осуществления революции на Юге и на Севере» в качестве предпосылки для достижения полного объединения обеих частей Йемена (смысл этой установки состоял в признании вооруженной борьбы главным средством достижения провозглашенных РДПЙ целей); об установлении контактов с арабскими прогрессивными партиями, с международным революционным движением. Съезд заявил о своей поддержке революционного арабского национально-освободительного движения, борющегося против сил международного империализма и реакции, а также осудил реакционные империалистические заговоры.

Доминирующим влиянием в партии пользовались левоэкстремистские элементы. Под их давлением съезд взял курс на «признание народно-освободительной войны единственно правильной стратегией в вопросе захвата власти в стране» [95].

Теоретическая платформа РДПЙ этого периода и в особенности ее практическая деятельность подверглись критике 11 лет спустя (1979 г.) в документе этой партии «Об опыте деятельности РДПЙ с критических позиций» [96]. В нем, в частности, отмечалось, что несмотря на принятую съездом программу, деятельность партии осуществлялась по-старому. В состав центральных органов РДПЙ вошли по большей части бывшие руководители ДАН. В этом коренилась одна из главных ошибок. Хотя созданная партия и заявила о своей приверженности марксизму, эта декларация осталась голословной. Ее руководство не только не стояло на марксистских позициях, но и попросту не представляло себе, что такое марксизм; да и вообще в партию не входили лица, знакомые с марксистским мировоззрением.

Курс партии исключительно на вооруженную борьбу вытекал из неверной оценки политической обстановки в стране, поскольку в тот период в ЙАР вообще «не было объективных условий для захвата власти» [96, с. 7]. Тем не менее левоэкстремистские установки лежали в основе практической деятельности РДПЙ в течение многих лет.

Создание РДПЙ, заявившей о своей приверженности марксизму, явилось прямым следствием воздействия на политическое положение в ЙАР южнойеменского фактора. Многие ее установки имели прямые параллели в программе Национального фронта Южного Йемена. Да и окончательное отпочкование РДПЙ от ДАН стало возможным не в последнюю очередь благодаря наличию у нее политической опоры в лице южнойеменского Национального фронта.

* * *

Изменение курса республиканского правительства, на этом этапе ставшего выразителем интересов феодально-племенных верхов, а также затяжная, почти шестилетняя война привели к

переоценке взглядов некоторых деятелей монархистского движения, что в конечном итоге привело к расколу в их рядах и образованию трех основных группировок. Первая из них выступала за низложение имама аль-Бадра и передачу власти Совету имамата во главе с двоюродным братом имама аль-Хусейном; вторая оказывала поддержку аль-Бадру; третья призывала к прекращению гражданской войны и к переговорам с республиканцами.

В июне 1968 г. на съезде монархистов в Сааде было сформировано новое «правительство» и новый Совет имамата, который вновь возглавил Мухаммед аль-Хусейн. Имаму аль-Бадру пришлось передать Совету всю политическую и военную власть. В сущности, он остался только религиозным главой, сохраняя лишь символическую власть над племенами [272, 1968, № 4, с. 494].

Раскол в правящей группировке монархистов вызвал брожение среди шейхов племен, и многие из них стали переходить на сторону республики.

В военных действиях между монархистами и республиканцами наступила пауза. В конце июня министр коммуникаций ЙАР ар-Рухуми совершил инспекционную поездку в северные районы страны. В своем отчете он указал, что обстановка в этом районе стабилизировалась, племена сохраняют верность республиканскому режиму и непосредственной угрозы республике не существует [222, 21.07.1968].

В середине сентября под нажимом саудовской верхушки имам аль-Бадр, два года пробыв не у дел в Таифе (Саудовская Аравия), вновь вернулся в Йемен и включился в активную политическую деятельность. После примирения со своим кузеном он был признан лидером всех монархистских группировок, взяв на себя исполнение обязанностей премьер-министра и министра иностранных дел. Аль-Хусейн остался на постах главы Совета имамата, заместителя имама и главнокомандующего войсками.

В начале октября 1968 г. стали поступать сообщения об активизации промонархистских племен. В северных, восточных и западных районах страны, а также в окрестностях столицы возобновились военные действия между республиканцами и монархистами. Особенно кровопролитные бои развернулись в середине октября вокруг Саны. Обе стороны широко использовали современное оружие и ракеты. Республиканцы, имея на вооружении танки и истребительную авиацию, смогли отбить натиск монархистов. К концу ноября они продвинулись на север от Саны и захватили г. Хадджу. Южнее столицы успешно велись операции по очистке от монархистов дороги Сана — Таизз [287, 26.10.1968].

Политические позиции республиканцев значительно укрепились после того, как на их сторону перешел один из активнейших деятелей монархистского движения, Касем Мунассар,

главный шейх племени бени хушейш. Вслед за ним о своей лояльности республике заявили и ряд других мелких шейхов, которые в предшествующие годы откололись от своих таких крупных и воинственных племен, как нехм, кейфа и др. [222, 12.11.1968].

Провал монархистского наступления и успехи республиканцев вынудили руководителей Саудовской Аравии, постоянно оказывавших монархистам помощь продовольствием, деньгами и снаряжением, а также предоставивших им саудовскую территорию для создания на ней опорных баз, пересмотреть свое отношение к гражданской войне в Йемене, бесперспективность которой становилась все очевиднее. На страницах мировой прессы все чаще стала появляться информация, свидетельствовавшая о закулисных контактах между представителями Эр-Рияда и Саны. В октябре — ноябре 1968 г. в прессе появились сообщения о том, что в Саудовской Аравии уже стали подумывать об установлении отношений с республиканским режимом Йемена. А каирская газета «Аль-Ахбар» прямо писала: «Саудовская Аравия готова признать ЙАР» (цит. по [221, 13.11.1968; 273, 06.10.1968]).

Наконец, руководство Саудовской Аравии открыто выразило готовность прекратить помощь монархистам, потребовав взамен от правительства ЙАР удалить с занимаемых постов определенных прогрессивных деятелей, во внешней политике принять прозападную ориентацию, а также содействовать углублению исламизации страны [198, с. 21].

В лагере монархистов укрепились позиции группировки, которая отстаивала идею соглашения с республиканцами. К началу 1969 г. военные действия в центральных районах Йемена фактически прекратились; отдельные столкновения происходили только на севере страны, в районе Саады. Раскол среди руководящих деятелей монархистского движения продолжал углубляться. После того как Саудовская Аравия прекратила свою помощь, Мухаммед аль-Хусейн снял с себя все полномочия. Многие члены «правительства» и другие сторонники монархии выехали в Европу и Ливан [278, 24.01.1969].

1 февраля 1969 г. аль-Бадр сформировал новое «правительство», однако повернуть политический процесс вспять ему не удалось — на сторону республики продолжали переходить не только шейхи племен, но и видные монархисты. Между официальными представителями ЙАР и монархистами шли переговоры о «создании национального правительства и о заключении мира». Семилетняя гражданская война близилась к концу [260, 05.05.1969; 280, 2.02.1969].

К весне 1969 г. внутриполитическое положение в ЙАР стабилизировалось. Позиции консервативного крыла в его руководстве еще более укрепились. Феодально-племенная верхушка приступила к претворению в жизнь выдвинутых Саудовской Аравией требований. Усилилась исламизация всех сторон общественной жизни. Активизировались отношения с Саудовской Аравией. Еще с осени 1968 г. ЙАР полностью прекратила антисаудовскую пропаганду в печати и по радио. Саудовское правительство после длительного перерыва вновь разрешило йеменским паломникам совершать хадж.

Наметилось улучшение отношений ЙАР и с европейскими государствами, прежде всего с ФРГ, которая согласилась возобновить прерванные работы по осуществлению в Йемене сельскохозяйственных проектов, а также проекта в области связи. Стали налаживаться контакты с США, прерванные в 1966 г. [233, 08.03.1969].

Весной 1969 г. в связи с предстоявшим созывом Национального совета активизировалась деятельность всех социально-политических сил в стране. Дискуссия развернулась вокруг специальной комиссии, в обязанности которой входило назначение членов Совета. Предложенный ею список вызвал недовольство в широких кругах йеменской общественности. Так, представители молодежи, собравшиеся на конференцию в Сане 8 марта, предлагали предоставить молодежи большее число мест в Совете, включив в его состав 16 избранных ими делегатов. Признав деятельность специальной комиссии неудовлетворительной, конференция предлагала перенести созыв Совета на более поздний срок. Она выдвинула также ряд требований, касавшихся выработки пятилетнего плана экономического развития страны и проведения реформ в вооруженных силах и органах безопасности. Кроме того, конференция настаивала на том, чтобы часть мест в Национальном совете была зарезервирована за представителями Южного Йемена [102, с. 13—24].

Почти с аналогичными требованиями выступили представители вооруженных сил на своей конференции 11 марта в Сане [169, с. 192—198].

Совершенно иной характер носили решения конференции шейхов, состоявшейся 14 марта также в Сане под председательством шейха Абдаллы бен Хусейна аль-Ахмара. Официально она именовалась «народной». Участники ее с самого начала заявили о своем полном доверии к руководству республики и выразили благодарность армии в связи с одержанной ею победой. В специальном решении говорилось о том, что ее участники приветствуют лиц, «вернувшихся в лоно революции», и считают недопустимым, чтобы они подвергались какой-либо дискриминации. Судя по всему, это заявление относилось к шейхам племен, лишь недавно перешедшим на сторону республики, а также к вернувшимся из эмиграции монархистским лидерам и деятелям «третьей силы».

Было особо отмечено, что участники конференции глубоко верят в необходимость сохранения национальных йеменских традиций и обычаев, а также соблюдения в чистоте принципов ислама, которыми они и будут руководствоваться в своей дальнейшей деятельности. Только на основе йеменского историческо-

го опыта, традиций, культуры и обычаев, говорилось в решениях конференции, можно выработать оптимальную модель развития йеменского общества, которая не оставляла бы места для единовластия отдельной личности, одной партии, одного социального слоя [102, с. 36—45].

Таким образом, в решениях конференции шейхов племен получили дальнейшее развитие положения, разработанные представителями феодально-племенной верхушки еще в 60-х годах. При выработке своего политического кредо они руководствовались принципами приверженности исламским традициям и обычаям, сохранения национальной йеменской самобытности, выступая против «авторитарности» и узкопартийного подхода. Как уже отмечалось выше, в условиях Йемена с подобными политическими требованиями выступали наиболее консервативные элементы, ориентированные на то, чтобы придать универсальный, общегосударственный характер принципам племенной организации, которые при крайне низком социально-экономическом уровне развития племен сохраняли необычайную живучесть.

17 марта 1969 г. в Сане открылась сессия Национального совета ЙАР — временного высшего законодательного органа республики. Совет должен был закрепить результаты политической эволюции республики и стать переходной формой к созданию Консультативного совета, предусмотренного конституцией. Из 45 членов Совета подавляющее большинство составляли шейхи племен и улемы — деятели «хамерской группировки». Незначительное число мест получили представители вооруженных сил и интеллигенции. 12 мест было оставлено для делегатов Южного Йемена. По заявлению официальных лиц, это был первый шаг к достижению единства.

На открытии Национального совета выступил председатель Республиканского совета кади Абдаррахман аль-Арьяни, доклад которого назывался «Йемен на пути мира и созидания». Он остановился на том, что стоящая перед страной насущная задача состоит в том, чтобы заложить основы современного йеменского государства. А для этого необходимо осуществить реорганизацию экономики, финансов, образования, провести преобразования в политической сфере, модернизировать административный аппарат, расширить демократические права народа. Аль-Арьяни подчеркнул, что при строительстве своего государства йеменцы должны руководствоваться принципом аш-шура [118, с. 5—30].

Значительное место в его выступлении было уделено вопросам войны и мира. Он заявил о неприемлемости для ЙАР не только вооруженной борьбы внутри страны, но и любых военных действий с соседними странами. Продолжение войны, с его точки зрения, могло поставить Йемен в зависимость от «иностранного господства». Занятая аль-Арьяни позиция отказа от войны получила одобрение представителей различных социально-политических группировок и полную поддержку со стороны части прогрессивно-патриотических сил.

Обращаясь к молодежи, аль-Арьяни остановился на вопросе борьбы между старым и новым. Категорически отвергая классовую борьбу, он видел основное содержание исторического процесса в «мирной борьбе поколений». Он призвал молодежь всеми силами крепить единство своих рядов.

Докладчик остановился также на проблеме отношения к Южному Йемену, подчеркнув, что ЙАР выступает за единство Севера и Юга. Этой проблеме было посвящено также специальное заявление Национального совета, которое получило широкую поддержку в стране.

Йеменская пресса охарактеризовала сессию Национального совета как выдающееся историческое событие в жизни йеменского народа, как его первый демократический опыт. Совет, провозгласила йеменская официальная пропаганда, должен стать «ядром истинной исламской демократии» [118, с. 5].

Национальный совет принял решения, касавшиеся проблем экономики, финансов, обороны, безопасности, внешней политики, йеменского единства, реформ административного аппарата, и поручил избранным своим членам разработать проект новой конституции, а также подготовить созыв Консультативного совета — «будущего парламента страны» [244, 20.05.1969].

Национальный совет провел выборы в Республиканский совет. Несмотря на возражения аль-Арьяни, он был единодушно избран его председателем вместе с двумя членами Совета — генералом аль-Амри и шейхом Мухаммедом Али Османом.

Поскольку ко времени созыва Национального совета истек срок полномочий правительства, его глава аль-Амри обратился к председателю Республиканского совета с просьбой об отставке правительства. Национальный совет поручил сформировать новое правительство ему же. 5 апреля 1969 г. новое правительство было приведено к присяге [222, 21.22.03.1969; 272, 1969, № 3, с. 380].

Новый состав высших органов власти свидетельствовал об общем росте влияния правых сил. Следует отметить, что наряду с представителями феодально-племенных кругов в них были введены специалисты в области экономики и финансов; в сложившихся условиях это было необходимо, поскольку экономика ЙАР испытывала огромные трудности.

На внутриполитическую обстановку в ЙАР не могли не влиять взаимоотношения двух йеменских государств. Со времени образования на юге Народной Республики Южного Йемена осенью 1967 г. между правительствами ЙАР и НРЮЙ сложились натянутые отношения. Это объяснялось тем, что руководство ЙАР во все большей степени становилось выразителем интересов феодально-племенной верхушки и крупной торговой буржуазии за счет ослабления позиций прогрессивно-патриотических сил, которым, прежде всего сторонникам ДАН, прави-

тельство и Национальный фронт Южного Йемена оказывали значительную военную, материальную и моральную поддержку.

Тесные контакты между ними завязались еще в начале 60-х годов, когда сторонники ДАН на Севере завоевали ведущие позиции в профсоюзах, молодежных организациях, в некоторых армейских частях, среди интеллигенции. Эти связи значительно активизировались в период семидесятидневной осады Саны. Национальный фронт неоднократно заявлял о своем стремлении к установлению единства с Севером и выражал готовность помочь правительству аль-Амри в борьбе с монархистами. Руководители Северного Йемена, со своей стороны, признавали необходимость объединения с Югом с целью воссоздания единого Йемена в его исторических границах. ЙАР и НРЮЙ создали совместный координационный комитет, в котором представители обоих государств обсуждали возможность объединения.

Однако, по мере того как на Юге Йемена укреплялись позиции революционных сил, а на Севере шел процесс консолидации умеренных социально-политических группировок, отношения между ЙАР и НРЮЙ стали ухудшаться. Правительство Южного Йемена было недовольно тем, что нашедшие убежище в Северном Йемене члены ФЛОСИ приступили к планомерной подготовке своих воинских отрядов в специально организованных учебных лагерях, не встречая противодействия со стороны властей ЙАР. На Юге вызвало раздражение также назначение лидера ФЛОСИ Абдаллы аль-Аснаджа на пост министра иностранных дел в правительстве ЙАР, а затем — экономики. Подобные действия северойеменского руководства были расценены правительством НРЮЙ как недружественные.

Напряженность между двумя сторонами усилилась после кровавых событий в Сане в августе 1968 г. Они послужили поводом для создания на Юге Комитета по оказанию поддержки народному сопротивлению в Северном Йемене. После убийства Абдарракиба Абд аль-Ваххаба начались кампании взаимных нападок. Правительство ЙАР обвинило Национальный фронт и правительство Южного Йемена в организации подрывных акций против режима ЙАР. Правительство же Южного Йемена, со своей стороны, стало открыто обвинять в печати руководство ЙАР в том, что оно проводит политику, угодную шейхам племен, реакционным элементам и верхам Саудовской Аравии, а также попустительствует тому, что на его территории занимаются контрреволюционной деятельностью «реакционные элементы» — свергнутые султаны, отряды ФЛОСИ (при поддержке этих отрядов промонархистские племена совершали бесконечные набеги на территорию Южного Йемена, особенно в районе Бейхана. Эти нападки значительно усилились после перехода Касема Мунассара на сторону правительства ЙАР. В течение нескольких месяцев Север и Юг Йемена обвиняли друг друга в «сепаратизме».

Летом и осенью 1968 г. правительство ЙАР направило на

свою южную границу дополнительные воинские подразделения и помогло ФЛОСИ создать из своих сторонников бригаду «Ауда» («Возвращение»), базировавшуюся в Таиззе. Во второй половине марта 1969 г. оно предприняло меры для объединения всех оппозиционных южнойеменскому режиму сил на его территории, включая бежавших на Север лидеров аденских профсоюзов и Народной социалистической партии. Правительство Южного Йемена, в свою очередь, еще в конце 1968 г. под предлогом борьбы с монархистами организовало ряд вооруженных нападений и террористических актов против видных шейхов пограничных районов ЙАР в провинции Эль-Бейда. Отношения между двумя йеменскими государствами настолько обострились, что ОАР предложила свое посредничество для их урегулирования [228, 12.02.1969; 267, 1976, № 74, с. 53—54].

Углублению конфронтации ЙАР и НРЮЙ содействовало то обстоятельство, что оба они стали центрами притяжения для политических сил разной (можно было бы даже сказать, противоположной) ориентации. Если на Севере сосредоточивались консервативные и умеренные элементы, то на Юге — сторонники прогрессивных демократических преобразований. К середине 1969 г., после прихода к власти на Юге левого крыла Национального фронта, тенденция превращения территории Северного Йемена в пристанище бежавших с Юга контрреволюционных элементов (уже не только прямых пособников английских колонизаторов, но и политических противников Национального фронта из числа членов ФЛОСИ, лидеров реформистских аденских профсоюзов и Народной социалистической партии) стала еще отчетливее. Процесс социальной поляризации привел к обострению разделявших оба государства противоречий.

Во второй половине 1969 г. в результате военных успехов республиканской армии практически вся территория ЙАР была очищена от монархистов. В начале сентября 1969 г. объединенные силы армии и племенных ополчений взяли Сааду, которая находилась в руках противника с ноября 1967 г. Продвинувшись почти к самой границе с Саудовской Аравией, республиканские войска освободили ряд крупных селений. Небольшие отряды монархистов сохранялись лишь в пограничных горных районах [222, 17.07.1969; 272, 1969, № 4, с. 528].

После того как военное сопротивление монархистов было практически сломлено, на первый план выдвинулись стоявшие перед республикой экономические проблемы. 1 сентября 1969 г. было сформировано новое правительство ЙАР во главе с Абдаллой аль-Куршуми, по специальности инженером-экономистом. В его кабинет вошли в основном деятели умеренных взглядов, сторонники прозападного курса, специалисты в области экономики. Новый премьер-министр заявил, что его правительство готово восстановить дипломатические отношения с США, разорванные в 1966 г., а также с Саудовской Аравией [270, 06.02.1970; с. 176; 272, 1970, № 1, с. 70].

10 ноября было опубликовано политическое заявление правительства аль-Куршуми. Согласно этому документу, центральное место во внутренней политике ЙАР отводилось вопросам экономического развития. В нем отмечалось, что для «создания прогрессивного независимого и сильного йеменского государства необходимо развивать национальную экономику» путем содействия росту национального и иностранного частнокапиталистического предпринимательства. Именно эту задачу преследует деятельность правительства по упорядочению финансов и реорганизации административного аппарата [244, 11.11.1969]. Национальный капитал, подчеркивалось в заявлении, необходимо направлять в первую очередь в производственную сферу.

Осуществление предложенной программы натолкнулось на серьезные финансовые и экономические трудности. Правительство разработало серию мер для их преодоления, включавшую сокращение государственных расходов, прежде всего тех, которые предназначались на содержание государственного аппарата, строгий контроль за расходованием твердой валюты, наведение порядка в госаппарате и т. д.

Осуществлению намеченного курса оказали противодействие представители феодально-племенной верхушки и часть офицерства, тесно связанного с экономическим предпринимательством. Первых не устраивали централизаторские тенденции в деятельности правительства, вторых — попытки государственного регулирования. Все это предопределило скорое падение кабинета аль-Куршуми.

5 февраля 1970 г. к власти пришел кабинет во главе с гибким и опытным политиком Мохсеном аль-Айни. В его состав вошли 15 министров (6 из них входили в правительство аль-Куршуми, 4 заняли министерские посты впервые) [270, 13.02.1970]. На фоне общего процесса поправения режима в ЙАР после 1967 г. приход к власти аль-Айни рассматривался как некоторая уступка умеренным элементам прогрессивной ориентации.

В центре деятельности кабинета аль-Айни, так же как и предшествовавшего правительства, находилось решение финансовых и экономических проблем «при участии всех национальных сил». В интервью газете «Аль-Вахда» аль-Айни отметил важность укрепления централизованного государства, указал на необходимость ликвидации «реакционных сектантских пережитков», расовых, племенных и региональных предрассудков. Касаясь экономической деятельности своего правительства, он заявил, что в основе ее должна лежать приверженность закону и порядку. Экономическая программа, подчеркнул премьер-министр, может быть осуществлена только при условии сокращения расходов государства и увеличения его доходов. Решение этой задачи неотделимо от совершенствования госаппарата. Аль-Айни специально остановился на том, как важно для ЙАР создание боеспособной национальной армии.

Во внешней политике правительство аль-Айни направило свои усилия на нормализацию отношений с Саудовской Аравией [244, 17.04.1970; 270, 20.02.1970]. Эта задача имела первостепенное значение, поскольку лишь таким образом возможно было решить вопрос об окончательном установлении мира в стране и улучшении ее экономического положения. В то же время, поскольку экономические трудности не удалось разрешить с помощью Запада, республиканские власти надеялись на получение помощи от социалистических стран.

В середине февраля 1970 г. военное затишье вновь было нарушено. Монархисты, получив помощь саудовской стороны, снова захватили Сааду. Эта акция монархистов была явно спровоцирована Саудовской Аравией, рассчитывавшей провести переговоры с республиканцами по поводу урегулирования йеменской проблемы «с позиции силы» [260, 18.02.1970].

В начале марта ЙАР впервые после революции 1962 г. получила приглашение Саудовской Аравии принять участие в конференции министров иностранных дел мусульманских государств. Премьер-министр аль-Айни в принципе согласился на участие в конференции, но при условии, что йеменский представитель будет пользоваться на ней равными правами с представителями других стран [228, 07.03.1970].

Конференция открылась 23 марта 1970 г. в Джидде. Йеменская делегация была благожелательно принята саудовскими руководителями. Неофициальные контакты с деятелями монархистского движения, которые делегация установила при личном посредничестве советника саудовского короля, привели к нормализации йеменско-саудовских отношений и выработке «джентльменского» соглашения. Оно касалось прекращения обеими сторонами враждебной пропаганды, прекращения огня в Йемене (в первую очередь в северо-восточной части страны) и одновременного прекращения помощи монархистам и поддерживающим их племенам со стороны Саудовской Аравии. Соглашение предусматривало возвращение в Йемен видных деятелей монархистского движения и предоставление им мест в республиканских органах власти, в том числе одно — в Республиканском совете, 12 — в Национальном совете (в том числе поста заместителя председателя Совета), четыре — в правительстве (в том числе поста государственного министра), а также в дипломатическом корпусе и консульствах ЙАР. Была достигнута договоренность о невозвращении в Йемен членов династии Хамид ад-Динов [239, 19.05.1970; 264, 08.04.1970].

16 апреля 1970 г. премьер-министр аль-Айни заявил в Национальном совете ЙАР о заключении соглашения с Саудовской Аравией, которое предусматривало наряду с перечисленными пунктами восстановление дипломатических отношений между двумя странами, а также предоставление Саудовской Аравией экономической и финансовой помощи ЙАР.

В результате этих переговоров в середине апреля на всей

территории ЙАР были полностью прекращены военные действия. 23 апреля, после того как Национальный совет одобрил деятельность йеменской делегации в Джидде, Саудовская Аравия объявила о своем признании ЙАР [198, с. 21; 270.17.04.1970].

Таким образом, был положен конец многолетней гражданской войне в Йемене и достигнуто национальное примирение. В ответ на такие «уступки» монархистов, как признание ими республики, согласие на невозвращение в Йемен членов свергнутой династии, республиканские власти в мае предоставили возвратившимся деятелям монархистского движения ранее оговоренные посты в высших государственных и административных органах республики, а также в армии.

Установив дипломатические отношения с Саудовской Аравией в июле 1970 г., правительство аль-Айни взяло курс на расширение и укрепление связей с Западом. К этому времени были уже восстановлены разорванные в 1964 г. отношения с ФРГ, установлены дипломатические отношения с Францией и Англией (июнь 1970 г.), началась подготовка к восстановлению дипломатических отношений с США, активизировались связи с Италией. Наряду с этим ЙАР стремилась также развивать дружественные отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Значительное развитие получили связи ЙАР с арабскими странами, особенно с Алжиром. В целом же внешнеполитическая линия ЙАР того периода на мировой арене может быть охарактеризована как нейтралистская.

Несмотря на огромные трудности, испытываемые ЙАР в сфере развития экономики, деловая активность в стране значительно возросла. В Ходейде, Сане и Таиззе были открыты филиалы западных компаний, началось интенсивное городское строительство, усилился приток денежных переводов йеменских эмигрантов в йеменский банк реконструкции и развития.

С завершением гражданской войны на повестку дня выдвинулась проблема создания государственно-политических структур республики. Хотя опыт, связанный с формированием временного законодательного органа страны — Национального совета — и его функционированием, уже был осуществлен, теперь страна находилась в преддверии выработки новой Постоянной конституции и подготовки к выборам в Консультативный совет.

С целью достижения единой точки зрения по вопросу государственного устройства страны и определения роли и задач высшего законодательного органа — Консультативного совета — в марте 1970 г. была созвана конференция улемов с участием феодально-племенной знати и кади. На ней был разработан документ, получивший название «Великая основа для сохранения республики и аш-шура» [121][6]. Его авторы предприняли новую попытку увязать свои представления о республике с принципами ислама.

В преамбуле документа подчеркивается, что следование установлениям Корана является обязательным условием сохранения республики и принципа аш-шура, отказ от которого, по мнению составителей, ведет к появлению двух типов государственных режимов — «наследственного» и «узурпаторского». Первый из них возникает, когда верховная власть передается по наследству, второй — когда ее насильственно захватывает отдельная личность или группа лиц.

Характеризуя «узурпаторский» режим, документ указывает, что в условиях его существования власть вместо убеждения использует оружие и насилие, беспощадно расправляется со своими противниками. Под воздействием этих методов правления «наука и культура переживают упадок», а «народ остается в положении раба, жаждущего прихода новой сильной личности, которая бы избавила его от деспота»; но эта личность позднее и сама становится деспотом. В ситуации же установления «узурпаторского» режима «иностранные государства получают возможность с помощью своих ставленников осуществлять господство над народом». Вследствие этого в стране возникает политическая нестабильность, которая препятствует ее возрождению и прогрессу. «Узурпаторский» режим сказывается и на состоянии армии, которая распадается на конфликтующие группировки; каждая из них стремится возвыситься за счет уничтожения другой. Противоборство опирающихся на силу оружия военных группировок может привести к смене власти, но не может ликвидировать неустойчивость в стране. «Узурпаторский» режим, являясь насильственным, лишает народ свободы проявления своего мнения, ведет к утере им контроля над правителями и создаются условия для самовластия.

Лица, подписавшие «Великую основу...», осуждают как «узурпаторский», так и «наследственный» режимы и считают единственно приемлемым «режим Аллаха», который, мол, только один может гарантировать возрождение страны. Создаваемый в условиях этого режима Маджлис аш-шура, представляя народ, является гарантией осуществления гармоничного правления без кровопролития и переворотов. Все предыдущие правительства совершили ошибку, «либо выступая откровенно против создания Маджлиса аш-шура, либо сомневаясь в его целесообразности». Между тем спокойствие и стабильность в стране установятся только тогда, когда «народ будет выполнять под сенью республиканского режима заповеди Аллаха и предписания аш-шура». Поэтому все подписавшие этот документ «дают обет Аллаху» бороться за «справедливую власть» — за республику и принцип аш-шура.

В заключение указывается, что участники конференции «доверяют нынешнему правительству и поручают ему создать Маджлис аш-шура (Консультативный совет).

После создания Консультативного совета нынешнее правительство должно находиться у власти срок, определенный Временной конституцией, которая затем будет заменена Постоянной, утвержденной Советом. Любое правительство, не признаю-

щее Консультативный совет, будет считаться «насильственно захватившим власть».

Анализ «Великой основы...» показывает, что его составители, подвергнув критике самовластие, попытались ему противопоставить коллегиальную форму правления — родо-племенной аш-шура. Хотя в документе конкретно не названы те политические силы, которые делали ставку на единоличное правление, совершенно очевидно, что имеются в виду имамы и в еще большей степени — президент ас-Саляль.

Рассматриваемый документ оценивает режим аш-шура как форму правления народа, представителями которого считала себя феодально-племенная верхушка. Вынесение в его заглавие термина «аш-шура» свидетельствует о ее стремлении перенести традиции родо-племенного уклада, хорошо известные и понятные каждому йеменцу, на общегосударственный уровень. Составители документа пытались представить создаваемое ими государство как преемника родо-племенной организации. В то же время они рассматривали это государство как единую религиозную общину. Поэтому процесс государственно-правового строительства они стремились жестко ограничить предписаниями ислама. Наконец, определенное воздействие на правящую йеменскую верхушку оказывали современные политические институты, в частности практикующиеся в других арабских странах. Под их влиянием она стремилась придать создававшейся государственной структуре отдельные черты, характерные для современного государства, но совершенно новые для Йемена. Окончательная «отработка» политических институтов, подгонка составляющих их частей происходили уже на этапе практического функционирования механизма власти. В данном случае мы хотели подчеркнуть тройственное воздействие на процесс государственного строительства в ЙАР — традиции, ислама и современных политических структур. В этом отношении для современного Северного Йемена наиболее типичен Маджлис аш-шура.

Авторы «Великой основы...» полагали, что, используя Консультативный совет, они смогут обеспечить феодально-племенной знати ведущие позиции в управлении страной, чего до 1970 г. ей не удавалось добиться; теперь же, устранив с пути всех своих противников, она чувствовала себя близкой к желанной цели.

В этой связи весьма примечательно самоназвание подписавшихся — «обладающие полнотой власти». Так называть себя в условиях ЙАР могли только шейхи племен и другая родо-племенная знать. Как мы указывали, на предыдущих этапах существования республики они, в особенности шейхи племен, обладали полнотой власти на местах, в рамках своих племен, но отнюдь не в масштабах государства. В начале же 70-х годов положение их коренным образом изменилось: все ключевые позиции в государстве находились теперь в их руках и в руках их сторонников из кади и улемов.

Изменения во внутриполитической жизни ЙАР нашли свое юридическое оформление в принятой в декабре 1970 г. новой Постоянной конституции ЙАР [109, 30.12.1970]. Документ этот весьма показателен, поскольку в нем, как в зеркале, нашли отражение различные, зачастую противоречащие друг другу общественные тенденции, под влиянием которых происходило развитие ЙАР. Уже в первом его разделе, озаглавленном «Государство», сложно сочетаются традиционные и исламские нормы и заимствованные из другого социального опыта представления, которые на рассматриваемом этапе истории Йемена выглядели скорее декларативно. Ст. 1 провозглашает Йемен «независимым арабским исламским государством, обладающим полным суверенитетом... Он представляет собой консультативную парламентскую республику. Йеменский народ — часть арабской нации». Ст. 2 и 3 объявляли ислам государственной религией, а шариат «источником всех законов». Ст. 4 гласит: «Народ — источник власти». Заметим, что в йеменских условиях это положение отражало стремление правящей верхушки ослабить социальные антагонизмы, апеллируя к традиции. В аналогичном ключе выдержаны и статьи следующего раздела: «Общественная солидарность, опирающаяся на справедливость, свободу и равенство — основа общества» (ст. 6); «Государство обеспечивает общую и частную свободу в рамках шариата и закона. Оно также обеспечивает безопасность и равные возможности всем гражданам» (ст. 8). В еще более традиционном духе выдержана ст. 7: «Семья — основа общества; ее опора — религия, нравственность и патриотизм».

Нельзя не отметить, какое значительное место Конституция 1970 г. уделила исламу. («Йемен—это «исламское государство», ислам является государственной религией, шариат — «источник всех законов» и т. д.) Исламский фактор играл и продолжает играть чрезвычайно важную роль в жизни ЙАР. Авторы Конституции считали, что ислам призван содействовать интеграции в йеменском обществе. Одним из важнейших аспектов процесса модернизации в Северном Йемене была борьба социальных сил, выступавших за создание централизованного государства, против тенденции к феодальной раздробленности, наиболее последовательным и упорным носителем которой была феодально-племенная знать. Апеллируя к исламу, Конституция была призвана активизировать действие центростремительных сил. Кроме того, социальные слои, которые пришли к власти в результате революции 1962 г., стремились направить ее развитие по «национальному руслу», т. е. использовать ее в первую очередь для укрепления национального государства. Делая акцент на национальном императиве, они стремились затушевать классовые противоречия, существовавшие в йеменском обществе. И здесь им на помощь снова приходит и ислам с его «принципом мусульманской справедливости», уравнительной тенденцией и пр.

Социальная ориентация Конституции 1970 г. выглядит дале-

ко не однозначно. С одной стороны, в ней нашли отражение интересы слоев, заинтересованных в капиталистическом развитии, с другой — очевидно, что ее создатели не могли игнорировать требования феодальных слоев. Наконец, как это вообще характерно для обществ молодых государств, вступивших на путь самостоятельного развития и вынужденных в условиях сильной отсталости форсировать этот процесс, Конституция отражает несколько гипертрофированное представление о роли государства.

Касаясь общих особенностей Конституции, отметим, что она не столько констатировала уже сложившийся порядок вещей, сколько декларировала установки программного характера, рассчитанные на осуществление в будущем. Не говоря уж о статьях, провозгласивших общие буржуазные свободы, даже ее положение о том, что «никто, кроме государства, не имеет права создавать военные и полувоенные формирования», лишь отражало негативное отношение центральной власти к практике создания таких формирований шейхами племен — при полном бессилии властей решить эту проблему. Подобный подход, с одной стороны, содействовал эволюции социальных институтов в намеченном Конституцией направлении, с другой же — создавал разрыв между законом и практикой, содействуя установлению стереотипа «несоблюдения» закона как нормы и задерживая тем самым развитие правового сознания в йеменском обществе.

Наиболее актуальными с точки зрения возможности осуществления являлись положения Конституции, касавшиеся системы органов центральной власти. Высшим законодательным органом государства провозглашался Консультативный совет (ст. 44). В его руки передавался контроль над органами исполнительной власти (ст. 45). Конституция определяла порядок созыва этого органа и его функции. Ответственность за выработку общей политики государства и контроль над ее осуществлением она передавала в руки Республиканского совета, который представлял собой коллективного главу государства (ст. 73). Исполнительную власть в республике должен был осуществлять Совет министров во главе с премьер-министром. Что касается системы управления на местах, то в условиях, когда бóльшая часть территории страны была практически поделена между племенами во главе с полновластными шейхами, касающиеся этого вопроса статьи Конституции носили опять-таки чисто декларативный характер.

* * *

Восьмилетняя гражданская война в Йемене была завершена. Однако желанная стабилизация внутриполитической обстановки так и не наступила — в правящих кругах развернулся новый виток борьбы за власть.

Наиболее влиятельной частью этих слоев, выражавшей интересы умеренных феодально-племенных кругов, торговой буржуазии, консервативной части интеллигенции и улемов, продолжала оставаться «хамерская группировка», которую возглавил председатель Республиканского совета аль-Арьяни. Ее поддерживали видные шейхи племен, политические деятели, настроенные на проведение откровенно прозападного курса, а также группа буржуазно-реформистской интеллигенции из числа чиновников, осуществлявших практическое управление страной. Их объединяла общность взглядов на отношения с Саудовской Аравией; стремясь их нормализовать, они в то же время не желали чрезмерного укрепления ее влияния в ЙАР. Их роднило также стремление по возможности не допускать объединения прогрессивных патриотических сил, в которых они видели опасных конкурентов в борьбе за власть (поэтому Конституция 1970 г. строжайшим образом запрещала деятельность политических партий и организаций). Они стремились надежно контролировать регулярную армию, поскольку в ней и после 1968 г. все еще имелись офицеры прогрессивных взглядов. Они ориентировались на улучшение отношений с Западом, прежде всего с США. Важной их целью была исламизация всех сторон йеменской жизни. Выразителями интересов этой группировки наряду с аль-Арьяни были премьер-министр аль-Айни, Ахмед Нуман, аль-Куршуми и др.

В роли соперников этой группировки выступали представители консервативной части феодально-традиционалистских кругов, объединившихся с бывшими сторонниками монархического режима и вернувшимися в республику просаудовски настроенными лицами. Эту группировку возглавили главнокомандующий вооруженными силами ЙАР генерал аль-Амри и вернувшийся после заключения Джиддинского соглашения бывший министр монархического «правительства», ставший затем членом Республиканского совета, Ахмед аш-Шами. Ее поддерживали тяготевшие к Саудовской Аравии шейхи племен, некоторые старшие офицеры армии, консервативные слои духовенства и интеллигенции. Они стремились к активному сотрудничеству с Саудовской Аравией, к более тесным контактам с арабскими монархическими режимами, а также с империалистическими силами Запада; будучи ярыми антикоммунистами, настаивали на свертывании отношений с социалистическими странами. Они требовали подавления прогрессивных и патриотических сил, выступали поборниками строжайшего соблюдения духа и буквы исламского вероучения.

Задача одного из руководителей этой группировки, генерала аль-Амри, состояла в том, чтобы вернуть себе пост премьер-министра и сосредоточить в своих руках всю полноту военной и гражданской власти. Его действия в этот период носили откровенно реакционный характер, поскольку были направлены на окончательное подавление прогрессивных сил, еще остававшихся в армии и в государственном аппарате. При этом он не счи-

тался с тем, что его тактика порождает в армии раскол и тем самым ее ослабляет. Честолюбивые политические амбиции главнокомандующего находили активную поддержку со стороны Саудовской Аравии.

Начало мирного периода существования республики было омрачено обострением отношений между двумя крупнейшими конфедерациями племен — хашед и бакиль. Последняя уже на протяжении нескольких лет выступала с требованием предоставить ей те же права, которыми располагали племена хашед и их шейх аль-Ахмар. Конфликт грозил принять форму открытых военных действий племен бакиль против регулярной армии, поддерживавшей племена хашед.

Не было единства и среди прогрессивных сил страны. Их попытка создать единый фронт так и не увенчалась успехом. Главной причиной этому послужили разногласия, которые существовали на протяжении длительного периода времени между баасистами и ДАН, а затем, после реорганизации последнего, с РДПЙ. Эти разногласия поддерживались и разжигались деятелями «хамерской группировки», совместно с которыми баасисты выступили во время переворота 5 ноября 1967 г. В течение последующих лет, несмотря на то что баасисты вошли в правительство и заняли посты в государственном аппарате, руководство «хамерской группировки» сумело сначала ослабить движение баасистов в Йемене, а затем и подавить его.

Раскол блока феодальных сил в правящей группировке республиканцев (1971—1974)

С окончанием гражданской войны борьба за власть среди группировок разной социальной ориентации, входивших в правящую верхушку общества ЙАР, отнюдь не завершилась. Обострились противоречия между представителями крайней консервативной группировки, выражавшие в первую очередь интересы племенной верхушки, и сторонниками умеренных буржуазных реформ, придерживавшихся прозападной внешнеполитической ориентации. Промежуточное положение между ними занимали умеренные традиционалисты. Вторая из названных групп в первой половине 70-х годов еще не сложилась окончательно; будучи достаточно аморфной в политическом отношении, она на этом этапе тяготела к блокированию с умеренными традиционалистами.

Как ни велика была роль личных амбиций в борьбе политических лидеров, от исхода ее зависело решение намного более важных вопросов, чем распределение ведущих государственных постов,— от нее зависело будущее ЙАР. Рассматриваемому периоду было суждено во многом определить путь дальнейшего развития страны — характер ее экономического роста, направ-

ление и темпы ее социальной эволюции, содержание и формы развертывания политического процесса.

С началом мирного периода государственное строительство занимает одно из центральных мест в политической жизни страны. Хотя Конституция ЙАР была опубликована в конце 1970 г., процесс формирования государственно-политических структур республики был еще весьма далек от завершения, поскольку, как отмечалось выше, Конституция не столько описывала, сколько намечала основные направления развития этого процесса, причем в самой общей форме.

Сразу же после опубликования Конституции 1970 г. началась подготовка к выборам в Консультативный совет. В январе 1971 г. был обнародован первый в истории Йемена Закон о выборах в этот высший орган законодательной власти [244, 06.01.1971]. Согласно Закону в выборах имел право участвовать любой йеменец, достигший 18-летнего возраста, кроме душевнобольных и осужденных за уголовные преступления или преступления, «связанные с честью и благонадежностью». Каждый избиратель имел один голос, т. е. в ходе выборов мог голосовать только один раз — в своем избирательном округе.

Число кандидатов от провинций определялось пропорционально численности их населения. Кандидат имел право баллотироваться в одном округе. Если кандидат находился на государственной службе, он должен был уйти в отставку со своего поста до начала выборов. Закон определял наказания за нарушения положения о выборах (тюремное заключение сроком до трех месяцев или штраф до 500 риалов).

Дату выборов устанавливал Республиканский совет, а центральную избирательную комиссию назначал его председатель.

Закон предписывал исполнительным органам неукоснительно выполнять положение о выборах, а на министра внутренних дел возлагал обязанность издавать необходимые распоряжения и указы для их претворения в жизнь.

В феврале 1971 г. началась интенсивная подготовка к выборам: был объявлен состав центральной избирательной комиссии, сформированы подкомиссии, в обязанности которых входил контроль за ходом избирательной кампании. Ряд министров, выдвинувших свои кандидатуры в Консультативный совет, подали в отставку.

С конца февраля по начало марта в провинциях проходили выборы. В середине апреля был обнародован полный состав Консультативного совета. В него вошли 159 человек; из них 80% были избраны, а 20% — назначены [244, 18.02, 12.04.1971]. Председателем совета был избран глава конфедерации хашед шейх Абдалла бен Хусейн аль-Ахмар. Факт этот был весьма показателен: последующие годы деятельность Консультативного совета практически полностью контролировали консерваторы, главой которых был аль-Ахмар. В социальном отношении в Совете абсолютно преобладали представители феодально-племен-

ной верхушки и компрадорской буржуазии. Подавляющее число мест в нем (около 90) принадлежало шейхам и тесно связанным с ними офицерам, а также улемам-фундаменталистам. Меньшинство составляла йеменская интеллигенция, политические воззрения которой формировались под влиянием, с одной стороны, либерализма западного толка, а с другой — племенных и еще не оформившихся националистических представлений.

Захватив командные позиции в высшем законодательном органе, феодально-племенные круги рассчитывали при поддержке клерикальных элементов закрепиться и в других высших органах государства. Однако выборы в Республиканский совет 26 апреля 1971 г. не принесли им безусловной победы. Его председателем вновь стал лидер умеренных националистов аль-Арьяни, получивший наибольшее число голосов, а его членами — шейх Мухаммед Али Осман и генерал Хасан аль-Амри.

Изменения в расстановке социально-политических сил в результате выборов в высшие органы государственной власти свидетельствовали о продолжавшейся борьбе в правящей группировке; под давлением консервативных элементов шел процесс дальнейшего ее поправения, ушло в отставку правительство аль-Айни, экономическая политика которого вызывала недовольство многих шейхов племен.

В первой половине 1971 г. в стране произошло резкое падение курса йеменского риала. Подскочили цены на товары первой необходимости, в то время как заработная плата осталась на прежнем низком уровне. Царившие в стране коррупция и хозяйственная анархия усугубляли и без того огромные финансово-экономические трудности. Среди широких слоев населения нарастало серьезное недовольство. Поскольку в государственной казне не было средств для финансирования программы экономического восстановления, а надежды на достаточно эффективную саудовскую и западную помощь не оправдались, правительство аль-Айни вынуждено было для преодоления финансового кризиса предпринять шаги, направленные на сокращение непроизводительных расходов,— прежде всего прекратить выплату субсидий шейхам племен. Эта мера вызвала резкий протест родо-племенной знати, а в конце февраля 1971 г. кабинет аль-Айни был вынужден уйти в отставку.

Новое правительство сформировал бывший член Республиканского совета Ахмед Мухаммед Нуман. Выходец из крупной феодальной семьи Худжарии, он был известен в Йемене как политический деятель умеренного направления, один из основателей движения «Свободные йеменцы» в 30—50-х годах. В середине 60-х годов Ахмед Нуман занимал пост премьер-министра республиканского правительства. В мае 1970 г. он вместе с вернувшимся в Северный Йемен министром монархического «правительства» Ахмедом аш-Шами был введен в состав Республиканского совета. Яркая и пользующаяся широкой популярностью в стране и за рубежом фигура Ахмеда Нумана, прозападные симпатии которого были хорошо известны, по расчетам членов Республиканского и Консультативного советов, прекрасно подходила для поста премьер-министра. В задачи его на рассматриваемом этапе входило, в частности, значительное расширение связей Йемена с западными странами и консервативными арабскими режимами, от которых надеялись получить необходимую финансовую и экономическую помощь [272, 1971, № 3, с. 387; 244, 26—27.04.1971].

3 мая 1971 г. был оглашен состав нового правительства. В социальном отношении оно почти ничем не отличалось от предшествующего правительства [244, 03.05.1971].

24 мая правительство Нумана сделало официальное заявление, адресованное Консультативному совету, в котором была изложена политическая программа нового кабинета. Оно состояло из четырех разделов — об упорядочении государственных финансов, реорганизации административного аппарата, внешней политике ЙАР и «социальных и этических проблемах» [169, с. 367—384; 244, 25.05.1971].

В первом разделе подробно рассматривались причины, породившие сложное финансовое положение, в котором оказалась республика. Финансовые неурядицы создавали труднопреодолимые препятствия на пути решения многих экономических проблем, а также служили источником недовольства населения. Программа явилась первым в истории ЙАР документом, содержащим статистические сведения, касающиеся дефицита платежного баланса и источников его покрытия как в исследуемый период, так и в предшествующий. В Заявлении подчеркивалась необходимость использования правительством иностранных займов и кредитов таким образом, чтобы они приносили максимальный экономический эффект. Однако конкретные пути преодоления трудностей в документе определены не были.

Во втором разделе была подвергнута критике деятельность госаппарата, который из-за плохой организации и некомпетентности чиновников не справлялся со своими задачами. Упорядочить работу государственных учреждений возможно, лишь пополнив их компетентными людьми и используя опыт зарубежных специалистов, говорилось в Заявлении; однако детального плана проведения административной реформы в нем не содержалось.

Значительное место в документе было отведено вопросам, связанным с организацией вооруженных сил, сил безопасности, местного самоуправления, а также расширению сети социальных учреждений — школ, больниц, сферы услуг — и подготовке национальных кадров.

Заявление гласило, что внешняя политика ЙАР будет ориентирована на соблюдение принципов позитивного нейтралитета, уважение Устава ООН, выполнение обязательств, принятых в рамках международных организаций. Особо подчеркивалась

важность развития добрососедских отношений с Саудовской Аравией. Специальный пункт был посвящен отношениям с Южным Йеменом: в нем выражалось намерение углубить координацию действий двух государств в области торговли, культуры, образования и содействовать достижению йеменского единства.

Заключительная часть Заявления, озаглавленная «Проблема проблем», содержала обращение к членам Консультативного совета с призывом оказать всемерную поддержку правительству в осуществлении намеченных мероприятий. Республику, говорилось в нем, постигла страшная болезнь, имя ей — эгоизм; пора осознать это и постараться излечиться от нее. Слова эти недаром были обращены к членам Консультативного совета, подавляющее большинство в котором составляли шейхи. Республика ежемесячно расходовала огромные суммы на субсидии феодально-племенной знати. Попытки предшествующих правительств аль-Куршуми и аль-Айни сократить эту часть непроизводительных расходов наталкивались на сопротивление шейхов племен. Теперь на этот путь встало правительство Ахмеда Нумана.

В объявленной программе кабинета Нумана наибольшую сложность представляло осуществление финансово-экономических мероприятий. Отсутствие достаточных финансовых средств грозило вынудить уйти в отставку новое правительство, как и его предшественников, поскольку без таких средств претворение в жизнь намеченных социально-экономических преобразований было невозможно.

Понимая всю сложность своей задачи, Ахмед Нуман в интервью газете «Ас-Саура» выдвинул идею разделения ответственности за разрешение внутренних проблем ЙАР между правительством, с одной стороны, и Консультативным и Республиканским советами — с другой. В частности, он заявил, что «Совет министров — это инструмент исполнения воли Республиканского совета». И далее добавил: «Отношения между правительством и двумя советами (Консультативным и Республиканским.— *Е. Г.*) тесно переплетены. Совет министров связан узами ответственности как с Республиканским, так и с Консультативным советами» [244, 10.05.1971].

Попытка Нумана переложить часть ответственности за решение поставленных в программе задач на плечи Консультативного совета вызвала несогласие его председателя шейха аль-Ахмара. В той же газете он отметил, что в своем интервью Нуман выразил не официальную точку зрения, а лишь свою собственную. Он подчеркнул, что подобная политика может привести лишь к смешиванию функций законодательных и исполнительных органов [244, 12.05.1971].

Столкновение двух точек зрения на проблему ответственности за осуществление программ социально-экономического и политического развития страны свидетельствовало о том, что среди йеменского руководства отсутствовало единство мнений. Наметившееся ранее размежевание правящего блока на умеренную

и консервативную группировки с начала 70-х годов стало проявляться все сильней.

Правительство Нумана основную часть финансовых средств надеялось получить от западных и арабских стран, поэтому оно рассчитывало значительно расширить и укрепить свои отношения с ними. Основное внимание уделялось при этом более тесному сближению с Саудовской Аравией [266, 28.09.1971].

С приходом нового правительства к власти последовала целая серия визитов в Саудовскую Аравию представителей армии, руководителей министерств, шейхов племен. В середине июня с завершением официальной поездки туда главы Республиканского совета аль-Арьяни было подписано совместное саудовско-йеменское коммюнике, в котором сообщалось о дальнейшем укреплении отношений между двумя странами во всех областях [272, 1971, № 4, с. 522]. Однако саудовская сторона не пошла на безоговорочную поддержку северойеменского режима.

После провозглашения правительством ЙАР политики «открытых дверей», направленной прежде всего на улучшение отношений с Западом, некоторые западные и арабские страны, а также международные (в том числе общеарабские) фонды предоставили Йемену ряд займов. Однако полученная финансовая помощь оказалась недостаточной [266, 28.09.1971]. Надежды на субсидии связывались прежде всего с Саудовской Аравией; между тем последняя выражала готовность участвовать в финансировании йеменских программ лишь в обмен на усиление конфронтации ЙАР с НДРЙ и развертывание против последней открытых военных действий.

Такая позиция Саудовской Аравии значительно затормозила осуществление программы правительства Нумана. Не сумев преодолеть кризисного состояния экономики и анархии в государственном аппарате в центре и на местах, оказавшись бессильным приостановить дальнейшее ухудшение материального положения широких масс, Ахмед Нуман 12 июля 1971 г. обратился с открытым письмом к народу. Вкратце повторив программные установки, изложенные в майском Заявлении, он сформулировал требования, осуществление которых помогло бы, с его точки зрения, несколько исправить бедственное финансово-экономическое положение, в котором находилась страна. Во-первых, говорилось в письме, крупные торговцы, землевладельцы, гражданские и военные чиновники должны «урегулировать свои отношения с государственной казной», т. е. погасить все свои задолженности. Во-вторых, получатели субсидий (шейхи племен в первую очередь) должны от них добровольно отказаться на трехмесячный срок. В обоснование этого требования Нуман заявил, что эта категория лиц, располагая значительными собственными средствами, не понесет в результате этого особого ущерба, поскольку получаемые от государства суммы не являются определяющими в их бюджете.

Однако, как и следовало ожидать, обращение Нумана не

только не получило поддержки наиболее влиятельной политической силы того времени — шейхов племен, но, наоборот, вызвало их открытое недовольство. Это привело к тому, что 20 июля правительство Ахмеда Нумана, пробыв два месяца у власти, вынуждено было уйти в отставку [71, с. 3—20; 272, 1971, № 4, с. 522].

Частые смены правительства свидетельствовали о политической нестабильности в стране. При этом правящая верхушка демонстрировала свою неспособность решить финансовые и экономические проблемы ЙАР. В стране росло недовольство. Уже в июле в Сане прошли демонстрации государственных служащих, требовавших не только выплаты задержанной заработной платы, но и проведения административных реформ и борьбы с коррупцией.

В ответ консервативное руководство республики, не довольствуясь репрессиями против демонстрантов, решает нанести удар по оставшимся в госаппарате и в армии представителям прогрессивных сил. Если кампания разгрома Народного сопротивления и чистки в рядах армии была направлена в основном против лиц, связанных с организациями бывшего ДАН и Национальным фронтом Южного Йемена, то теперь оно направило острие репрессий против полулегальной деятельности йеменских баасистов — их бывших союзников, оказавших в 1967—1968 гг. значительную поддержку умеренным традиционалистам и консерваторам, когда те пришли к власти.

Для решения этой задачи была выдвинута «сильная личность» — генерал Хасан аль-Амри, главнокомандующий вооруженными силами ЙАР, неоднократно занимавший пост премьер-министра [266, 28.09.1971]. Он пользовался доверием значительной части офицеров и шейхов племен и имел поддержку со стороны Саудовской Аравии, которая, хорошо знавшая неприязнь аль-Амри к южнойеменскому режиму, надеялась с его помощью активизировать деятельность в ЙАР противников этого режима в лице бежавших оппозиционеров и северойеменских племен.

20 августа аль-Арьяни предложил аль-Амри сформировать правительство, и 24 августа был оглашен состав нового кабинета. Наряду с представителями умеренно настроенной интеллигенции и военными в него впервые вошел один из руководителей южнойеменской оппозиции, бывший руководитель ФЛОСИ Абдалла аль-Аснадж. Как отмечали источники НДРЙ, назначение южнойеменского контрреволюционера, ярого противника прогрессивного режима в НДРЙ на высокий пост в Северном Йемене явилось прямым следствием подписания в июне 1971 г. саудовско-йеменского коммюнике, в своей основе направленного против НДРЙ.

Объективное положение дел в стране обусловило совпадение целого ряда пунктов программы нового правительства и прежнего. Характерно, что с первых шагов своей деятельности правительство аль-Амри, как и его предшественник, столкнулось с

вопиющей коррупцией — казнокрадством, взяточничеством и пр.

В интервью агентству «Саба» аль-Амри заявил, что его правительство решило провести административную реформу и исправить все ошибки военного времени и последующего периода. Но самая трудная проблема, которая стоит перед новым правительством, подчеркнул он,— это проблема экономическая. Премьер остановился также на необходимости поднять культурный уровень народа, в частности ликвидировать неграмотность взрослого населения — как мужчин, так и женщин, взяв за пример опыт армии. В его интервью прозвучала угроза в адрес тех, кто в своих действиях будет исходить не «из исламской веры и йеменской действительности, а из идей, импортируемых из-за границы» [244, 26.08.1971].

Попытки правительства осуществить некоторую, хотя бы частичную, реорганизацию государственного аппарата, естественно, натолкнулись на сопротивление высших чиновников. Конфликтная ситуация возникла и в отношениях премьер-министра с феодально-племенной верхушкой. Этому способствовала получившая распространение в армейских кругах листовка, в которой аль-Амри заявлял о том, что не может далее оставаться на посту главы правительства по вине «тех, кто в свое время отсиживался в других городах и за границей в трудные для республики дни» (имелась в виду блокада Саны) [150, с. 258—260]. Правящая группировка во главе с председателем Республиканского совета аль-Арьяни усмотрела в действиях аль-Амри угрозу своим позициям, опасаясь, что он хочет с помощью армии захватить власть в стране, и решила устранить его. Армия в последний момент перешла на их сторону. 1 сентября аль-Амри принудили подать в отставку. Он был снят с поста главнокомандующего вооруженными силами и члена Республиканского совета (одновременно должность главнокомандующего была ликвидирована). 3 сентября аль-Амри, лишенный всех полномочий, был выслан из страны [244, 03.05.09, 1971].

Как показали августовские события, связанные с кратковременным пребыванием у власти аль-Амри, феодально-племенная группировка, включавшая шейхов племен, кади и улемов, представлявших наиболее преданную традициям консервативно настроенную часть населения, обладала к этому времени значительной силой. Правда, ее руководитель шейх аль-Ахмар и поддержавший его в тот момент аль-Арьяни сомневались в верности армии и опасались ее выступления, полагая, что среди офицеров есть много сторонников аль-Амри. Факты, однако, показали, что и в армии позиции консерваторов были достаточно сильны. Таким образом, на рассматриваемом этапе армия, будучи в принципе носителем центростремительной тенденции, не противостояла центробежной силе племен.

Устранение с политической сцены аль-Амри привело к дальнейшему укреплению позиций лидера умеренных традиционалистов аль-Арьяни и лидера консерваторов аль-Ахмара. Стре-

мясь как можно полнее подчинить своему влиянию армию, они позаботились о том, чтобы на пост заместителя верховного главнокомандующего вооруженными силами ЙАР (которым объявлялся президент ЙАР) назначить Мухаммеда аль-Арьяни, сородича президента, происходившего из одного с ним сельского клана, а на пост начальника генштаба — полковника Хусейна аль-Мисвари, родственника шейха аль-Ахмара. Чтобы надежно контролировать все вооруженные формирования в стране, они добились решения правительства о включении отрядов «народной армии», т. е. племенных ополчений, в состав армии [244, 06.09.1971; 218, с. 255].

О реакции офицерства на предпринятые шаги свидетельствует документ, опубликованный в начале сентября 1971 г., под названием «Мнение главного командования вооруженных сил ЙАР по поводу современного положения и возможные директивы» [69]. «Мнение главного командования» представляет особый интерес, поскольку позже, после прихода армии к власти в 1974 г., многие положения этого документа были положены в основу правительственного курса. Его авторы отмечали, что в то время, как страна охвачена глубочайшим кризисом, часто сменяющие друг друга правительства не только не выработали общей программы социально-экономического и политического развития республики, но и не смогли провести необходимые усовершенствования государственного аппарата. Как и во времена имама, в них царит фаворитизм, клановость, корыстолюбие, интересы дела подчинены личным интересам. Назначения на ответственные посты осуществляются на основе знакомств и связей, без учета способностей и деловых качеств назначаемых.

Заметим, что приведенная критика имела в тот период веские основания. С приходом к власти феодально-племенных кругов их представители стали интенсивно насаждать в госаппарате в центре и на местах своих сторонников, исходя из племенных, клановых, родственных и прочих связей. Особенно преуспели в деятельности подобного рода шейхи — депутаты Консультативного совета, видевшие задачу свою в том, чтобы обеспечить присутствие «своих людей» на всех ступенях бюрократической иерархии. Аналогичный процесс происходил в армии, где также господствовали племенные связи и ориентации; особенно «ограничивалось и затруднялось продвижение по службе офицеров-шафиитов» [218, с. 257].

Описываемое явление отражало действие широко отмечаемых в йеменском обществе центробежных тенденций, порожденных феодальной раздробленностью, на уровне аппарата управления. Даже у лиц, претендовавших на должности в центральных органах власти, местные интересы зачастую перевешивали общегосударственные. При этом для Йемена, как и для некоторых других развивающихся стран, характерно, что первыми носителями общегосударственных ценностей выступали представители армейских кругов, образовывавшие своего рода ядро нарождавшегося централизованного государства. Неправильно полагать, подчеркивалось в документе, что революционный процесс должен протекать спонтанно — экономическое, политическое и государственное строительство должо носить планомерный характер, и в основу его необходимо положить специально выработанную долговременную программу. Законодательная власть в стране должна находиться в руках людей, сознающих свою ответственность за судьбу народа. Мера этой ответственности определяется законом, за нарушение которого должны быть предусмотрены соответствующие наказания. Государству нужно вести тщательный учет своих финансов. Его политика должна быть направлена на сокращение неоправданных трат. Следует прекратить государственные дотации тем, кто не служит государству, тщательно учитывать доходы и расходы государственных и смешанных предприятий, усовершенствовать систему сбора закята.

Особенно большое значение в документе придавалось укреплению власти на местах. Многие его пункты были направлены на создание эффективных мер контроля над шейхами племен (об укреплении власти на местах, о закяте, о прекращении дотаций и пр.). Это свидетельствовало о том, что авторы его считали одной из своих важных задач пресечение центробежных тенденций, главным носителем которых в северойеменском обществе была родо-племенная знать. Во всемерном укреплении центральной власти они видели залог успешного решения стоявших перед ЙАР проблем.

Напряженная внутриполитическая обстановка и финансово-экономический кризис вынудили председателя Республиканского совета аль-Арьяни прибегнуть к традиционной для него политике балансирования. В русле этой политики 18 сентября 1971 г. формирование нового правительства он вновь поручил Мохсену аль-Айни. Расчет при этом был таков: поскольку надежды предыдущих правительств на получение финансово-экономической помощи от Саудовской Аравии и от стран Запада не оправдались, традиционалисты полагали, что с приходом к власти аль-Айни расширятся контакты ЙАР с прогрессивными арабскими режимами и улучшатся несколько охладившиеся отношения с социалистическими странами.

К этому времени политическая позиция аль-Айни претерпела некоторую трансформацию. Породнившись посредством женитьбы с одним из лидеров консервативного крыла, шейхом Абу Лухумом, он, с одной стороны, стал в большей степени склонен к компромиссам с этим направлением, а с другой — благодаря появившейся столь сильной поддержке стал чувствовать себя увереннее в проведении своего курса. Хотя состав кабинета был обновлен незначительно, назначение аль-Айни свидетельствовало о победе сторонников более гибкого внешнеполитического курса, предусматривавшего поддержание хороших отношений как с Западом, так и с Востоком.

Об определенных сдвигах во внешней политике ЙАР свидетельствовал состоявшийся в начале декабря 1971 г. визит председателя Республиканского совета аль-Арьяни в Советский Союз. Обе стороны подписали совместное коммюнике, в котором говорилось о плодотворном сотрудничестве СССР и ЙАР в области здравоохранения, культуры и подготовки национальных кадров. Во время переговоров были рассмотрены перспективы сотрудничества и намечены пути его конкретной реализации [222, 20.12.1971].

Проводимая руководством ЙАР политика балансирования на международной арене была связана с необходимостью учитывать интересы обеих политических группировок, образовывавших в это время правящую верхушку. По своей социально-классовой природе эти группировки были довольно близки. Первую группировку отличало преимущественное влияние шейхов северных районов, а также вернувшихся после заключения Джиддинского соглашения 1970 г. монархистов и сторонников движения «братьев-мусульман». Она выступала за тесное сотрудничество с Саудовской Аравией, считая ее главным партнером Северного Йемена на Аравийском полуострове и основным источником возможной финансово-экономической помощи. Сторонников второй группировки объединяло стремление проводить гибкий независимый внешнеполитический курс и по отношению к Востоку, и по отношению к Западу. Они выступали за ограниченные контакты с Саудовской Аравией.

Наибольшее расхождение между двумя группировками коренилось в их подходе к вопросу об отношении с прогрессивным режимом в Южном Йемене. От этого вопроса была неотделима саудовская проблема. Шейхи центральных и южных районов ЙАР, примыкавшие ко второй группировке, были противниками открытой конфронтации с НДРЙ. Они полагали, что политика лавирования даст им значительно большие преимущества, чем сотрудничество с Саудовской Аравией. Шейхи же северных и северо-восточных районов, имевшие давнишние связи с правительством Эр-Рияда, поддерживая его курс, выступали поборниками открытых враждебных действий против НДРЙ, рассчитывая в обмен за свою безоговорочную лояльность получить эффективную многостороннюю помощь.

Подписание соглашения между Саудовской Аравией и ЙАР в Джидде в 1970 г. открыло путь для проникновения саудовского влияния в Йемен. Оно приняло форму широкой экспансии, охватившей все сферы йеменской жизни — политическую, экономическую, военную, культурную. Вернувшимся в страну монархистам, многие из которых были тесно связаны с Саудовской Аравией, были предоставлены места в органах государственной власти, административном аппарате, армии. ЙАР согласилась оставить в сфере саудовского влияния северные районы страны, прежде всего провинцию Сааду. Кроме того, как это подчеркивали представители северойеменских прогрессивных сил, правительство Йемена отказалось от своего старого требования — возвращения ему Наджрана, Джизана и Асира [225, 26.07.1970], отошедших к Саудовской Аравии после йеменско-саудовской войны 1934 г.

Джиддинское соглашение и прямо и косвенно способствовало тому, что ЙАР все больше подпадала под влияние Саудовской Аравии и шла в фарватере ее политики. Как уже отмечалось, оно содержало требование пресечения деятельности сил, выступавших за развитие Йемена по пути ускоренного национального прогресса, прежде всего в армии. Поскольку пункты соглашения предусматривали проведение политики конфронтации с НДРЙ, Саудовская Аравия с согласия северойеменских властей приняла участие в организации актов агрессии против Южного Йемена, постоянной базой которых стала ЙАР. Во внешнеполитической сфере Саудовская Аравия толкала правящую верхушку ЙАР на постепенный отказ от сотрудничества с социалистическими странами и сближение с Западом, в первую очередь с США [225, 26.07.1970; 248, 14.09.1972; 267, 1976, № 76, с. 53—55].

Мухаммед Али аш-Шихари в своей книге «Политические контуры саудовской агрессии против Йемена» отмечает, что наряду с политическим давлением Саудовской Аравии на ЙАР саудовцы использовали и религиозный фактор, содействуя «распространению в Йемене ваххабитского мазхаба [7], бывшего всегда знаменем, под которым действовал саудовский экспансионизм на Аравийском полуострове с момента зарождения саудовского государства» [151, с. 66—67]. В ЙАР с помощью Саудовской Аравии активизировались «братья-мусульмане». Они постепенно стали захватывать контроль над сферами образования и культуры, продвигали своих ставленников в полицейском аппарате городов и деревень ЙАР. При их непосредственном участии и при поддержке феодалов и шейхов племен в Йемене начали создаваться вооруженные отряды, получившие название «Исламский фронт». Однако своим успехам в Йемене Саудовская Аравия была обязана не столько идеям ваххабизма, получившим в ЙАР неоднозначное название «ихвания» («братство»), сколько золоту и деньгам, поступавшим в страну для вербовки проводников саудовского влияния.

По сведениям арабской прессы, в мае 1970 г. в отдельных городах и районах ЙАР произошли столкновения с представителями прогрессивных сил, организованные «братьями-мусульманами» под лозунгом «борьбы с безбожием и коммунизмом». Беспорядки произошли, в частности, в г. Дамаре (Средний Джебель) и Ходейде [225, 26.07.1970].

Во многих городах страны начались преследования баасистов и их сторонников, особенно из числа молодежи. В связи с этим в стране была выпущена листовка «Воззвание к арабскому народу Йемена. О последних акциях реакционных сил» [88]. В ней говорилось, что наиболее реакционные силы в лице «бра-

тьев-мусульман» повели наступление на молодежь, обвиняя ее в атеизме и приписывая ей «создание политических партий». Инициаторами этой кампании были реакционные элементы, сторонники создания «исламского государства» и члены «Ассоциации братья-мусульмане»,— «эти агенты международного империализма, действующие не только в Йемене, но и в масштабах всей арабской нации». «Почему это движение против молодежи,— говорилось в листовке,— началось в период экономического спада в стране, явившегося результатом многолетней войны, которую вели против Йемена реакционные силы, поддерживаемые Саудовской Аравией и империализмом? Почему же эти силы в Йемене не стремятся разрешить возникшие трудности? Может быть, причина этого состоит в том, что за их спиной находятся империалистические и реакционные государства, требующие активизации борьбы против молодежи? Какова позиция этих сил по основным вопросам внутренней и внешней политики Йемена? Каково их отношение к Саудовской Аравии — источнику постоянной агрессии против революции и республики?» [88].

Составители листовки от имени Партии арабского социалистического возрождения (Баас) призвали народ «подняться и, сохраняя бдительность, выступить против преступной деятельности реакционных и проимпериалистических элементов, направленной против молодежи в армии, гражданских организациях, университете, средних школах...». Необходимо объединение и сплоченность, писали они, необходимо «забыть второстепенные разногласия», выступить «против реакции тех, кто пытается уничтожить республику и ее завоевания».

В начале 70-х годов ареной наиболее острой борьбы стали сельские районы. Упрочение в стране власти феодалов привело к росту налоговых сборов с крестьян и все возрастающему ухудшению их материального положения. Ситуация обострилась вследствие следовавших один за другим неурожаев. По стране прокатилась волна крестьянских выступлений против феодалов.

Начиная с 1971 г. в районах Ибба, Реймы, Рады (Средний Джебель), а также в районах, прилегающих к границе с Южным Йеменом — Катабы, Хаши, Дымта и Эль-Бейды, развернулось повстанческое движение. Были сформированы вооруженные отряды под руководством «Организации революционного сопротивления», созданной членами бывшего ДАН [267, 1976, № 74, с. 54—55]. Используя стихийное недовольство сельских жителей усилившейся эксплуатацией со стороны шейхов племен и феодалов, они организовывали выступления крестьян и диверсионные акты против эксплуататоров. Под их воздействием в некоторых районах началось движение за передачу земли безземельным крестьянам. Власти ЙАР квалифицировали эти действия крестьян как «террористические», приписывая их «коммунистическому влиянию Адена».

Вскоре в среднем районе Джебеля в вооруженную борьбу

против отрядов Организации революционного сопротивления включился «Исламский фронт». По своему значению военные действия здесь вышли за рамки локального столкновения — сюда переместился центр борьбы между крайними реакционерами и радикалами революционного толка, которых представляла Организация революционного сопротивления. Хотя ее создатели, члены расколовшегося ДАН, не вошли в РДПЙ, они поддерживали с ней тесные связи. Под влиянием РДПЙ Организация ориентировалась на быстрое кардинальное переустройство йеменского общества, с использованием методов партизанской войны и «красного террора».

Как уже упоминалось, этот курс был провозглашен РДПЙ еще на первом съезде. После съезда партия в течение некоторого времени находилась в состоянии колебаний и организационной неустойчивости, что со всей очевидностью показала ее первая чрезвычайная конференция 1970 г.

В конце мая — начале июня 1970 г. состоялся второй съезд РДПЙ. На съезде была принята программа партии, ее устав и разработан документ под названием «Стратегические планы РДПЙ в современных условиях».

В программе был дан подробный анализ социально-экономических и политических условий, существовавших в Северном Йемене накануне революции. Отсталая экономика в тот период базировалась на феодальных производственных отношениях, включавших элементы рабского труда. Экономическое развитие в разных районах страны носило неравномерный характер. В деревне после революции 1962 г. феодальные производственные отношения продолжали доминировать, в то время как в городе зародился капиталистический способ производства. Программа определяла состав революционных сил Северного Йемена, входивших в РДПЙ, как «рабочий класс», крестьянство, бедняки и интеллигенция». Она формулировала выдвигавшиеся партией задачи и лозунги в области политики, экономики, общественных отношений, образования, культуры и здравоохранения [79].

Устав определял РДПЙ как «социалистическую, рабочую партию — борющийся авангард йеменского народа». В нем утверждалось, что партия стоит на марксистских позициях, «руководствуясь марксистско-ленинским учением, ведет борьбу против существующего феодального строя, против класса феодалов».

Согласно уставу, доступ в партию был закрыт для лиц феодального и буржуазного происхождения; исключение могло быть сделано только для тех из них, кто мог доказать свое неучастие в эксплуататорской деятельности, кто трудом добывал себе пропитание и занимал «четкую классовую позицию, враждебную существующей в стране феодальной и буржуазной эксплуатации». В партию не принимались члены других политических партий и организаций.

На съезде была рассмотрена организационная структура РДПП. Ее высшим органом был объявлен съезд. Работу в провинциях возглавляли провинциальные партийные организации. Первичные парторганизации — ячейки — руководили «повседневной борьбой широких масс, разъясняя им политику партии, организуя и мобилизуя народные массы».

Подготовительные кружки, сформированные из кандидатов в члены партии, в основную организационную структуру включены не были. Кандидаты партии становились ее полноправными членами «по мере приобретения заслуг перед партией».

Устав предусматривал участие всех членов партии в работе массовых общественных организаций — рабочих, крестьянских, студенческих и др. [167].

Согласно принятым на втором съезде документам, стратегической целью РДПЙ являлось «строительство государства народной демократии во главе с рабочим классом и его авангардом — партией». Главным и единственным методом осуществления этой цели съезд провозгласил «народно-освободительную войну после ее тщательной подготовки». Она включала такие формы борьбы, как вооруженное восстание, мятеж, выступления племен, партизанское движение и т. п. [190].

Основную роль в такой войне съезд отвел крестьянству — «объективно и реально существующему классу, наиболее многочисленному, составляющему большинство в стране». Крестьянство совместно «со смешанным классом», включающим «рабочих с наделами и ремесленников, которые связаны с деревней укладом жизни и мышлением», должны были стать движущей силой революции, а его боевым ядром — «беднейшее и безземельное крестьянство в союзе с медленно растущим рабочим классом под руководством партии». Себя РДПЙ именовала «рабочей партией по своей организации и образу мыслей». Поддержку революционным силам, по мнению участников съезда, должны были оказать «трудящиеся массы мелкой буржуазии, ремесленники и другие антифеодальные силы». Съезд в связи с этим отметил, что РДПЙ должна «пересмотреть свое отношение к некоторым группам торговой буржуазии, которая в определенных случаях может стать составной частью широкого объединенного фронта революционных сил».

По оценкам уже упоминавшегося выше документа РДПЙ в 1979 г. «Об опыте деятельности РДПЙ с критических позиций», второй съезд переоценил уровень зрелости северойеменского общества в тот момент, взяв ошибочный курс на социалистическую революцию через «народно-освободительную войну». Принятие этой установки было следствием усилившегося воздействия на РДПЙ авантюристических «левацких» идей. Встав на этот неверный путь, партия, уделяя чрезмерное внимание вооруженной борьбе, пошла на свертывание борьбы политической.

Этой линией руководствовалась и Организация революционного сопротивления, фактически игравшая роль военных формирований РДПЙ. Как уже говорилось, ее деятельность разворачивалась в основном в среднем районе Джебеля. Ее члены осуществляли террористические акты, взрывали и поджигали дома ненавистных им шейхов и феодалов и т. п. О своих действиях они оповещали население, распространяя среди него листовки [84].

С переходом РДПЙ к открытой вооруженной борьбе ее руководство предложило лидерам других прогрессивных группировок обсудить вопрос создания общенационального фронта. В переговорах, состоявшихся в начале января 1972 г., принимала участие группа марксистского направления — партия Народно-демократический Союз (НДС), созданная летом 1970 г. на базе действовавшей в стране молодежной организации — Союза йеменской демократической молодежи (СЙДМ) [8], прошедшей к этому времени пятилетний путь активной политической деятельности, а также руководство йеменской Баас.

В результате встречи была опубликована листовка под названием «Диалог, состоявшийся между национальными силами НАР: Союзом йеменской демократической молодежи, Партией арабского социалистического возрождения и Революционно-демократической партией Йемена» [164]. В листовке отмечалось, что на этой встрече была обсуждена политическая ситуация в стране и выяснены отношения между представителями национальных сил разных направлений в связи с общим убеждением в необходимости единства. «Имевшиеся между участниками разногласия,— говорилось в ней далее,— были следствием их идеологических расхождений, результатом субъективизма их мелкобуржуазного мышления, являвшегося следствием общей отсталости страны». Признав плодотворность такого диалога, стороны приняли решение продолжить его в дальнейшем, с тем чтобы способствовать улучшению взаимопонимания, а следовательно, и взаимоотношений между национальными силами ЙАР.

Таким образом, высказавшись в пользу сотрудничества, участники встречи признали возможность объединения патриотических сил в общенациональном фронте. Переворот 5 ноября 1967 г. они единодушно квалифицировали как «феодальный и реакционный». Эта оценка свидетельствовала об изменении политических воззрений баасистов, принимавших в перевороте непосредственное участие на стороне феодально-традиционалистских сил против прогрессивно-патриотических. Об августовских событиях 1968 г. говорилось, что они «явились результатом реакционных действий империализма в целях ликвидации новых прогрессивных сил». Политическая обстановка, сложившаяся в республике к началу 1972 г., была в этом документе охарактеризована как «захват власти феодалами и реакционерами, противниками революционных сил на Севере и национально-демократического режима на Юге». Единство мнений по таким кардинальным проблемам свидетельствовало о сближении политических позиций участников встречи.

Судя по тексту листовки, руководители трех политических партий не высказали своего отношения к охватившей среднюю часть Джебеля партизанской войне, развернутой Организацией революционного сопротивления. Подчеркнем, что эта организация формально не входила в РДПЙ, хотя фактически выполняла роль ее боевых отрядов. Тот факт, что в листовке эта проблема была обойдена молчанием, следует объяснить, видимо, тем, что ее участники, придерживаясь различных точек зрения на роль вооруженной борьбы, не сумели достичь соглашения по этому вопросу. Известно, однако, что руководители СЙДМ в опубликованных ими в этот период программных документах и политических заявлениях предпочтение отдавали не военным, а политическим формам борьбы.

* * *

В начале 70-х годов по мере укрепления взаимоотношений ЙАР с Саудовской Аравией, усиления ее влияния на все стороны северойеменской жизни и роста конфронтации саудовцев с НДРЙ отношения между ЙАР и НДРЙ стали резко обостряться. К этому времени политическая эволюция двух йеменских государств осуществлялась в диаметрально противоположных направлениях. НДРЙ после 1969 г. по мере укрепления власти левого крыла Национального фронта все более целенаправленно шла по пути социалистической ориентации: там был осуществлен целый комплекс мероприятий в интересах широких народных масс — национализированы банки и иностранные предприятия, проведена радикальная аграрная реформа, укреплялась народная милиция и т. д. На Севере же политический курс отражал узкоклассовые интересы правящей верхушки — феодально-племенной знати и частично крупной торговой буржуазии, содействуя, с одной стороны, сохранению в северойеменском обществе отживших социальных институтов, а с другой — отчасти способствуя развитию капиталистического производства, о чем красноречиво свидетельствовала принятая правительством программа экономической либерализации, призванная обеспечить определенные льготы местному капиталу и западным фирмам и компаниям. Южный Йемен, разорвав отношения с США, активизировал свои связи со странами социалистического содружества; Северный Йемен, наоборот, возобновил свои контакты с ФРГ и некоторыми другими капиталистическими странами, направлял усилия на восстановление отношений с США и все более сближался с Саудовской Аравией и другими консервативными арабскими режимами.

Обострению отношений между ЙАР и НДРЙ способствовало прежде всего давление саудовских правящих кругов на руководство ЙАР, с тем чтобы заставить его перейти от кампании пассивных действий к открытой конфронтации с НДРЙ [218, с. 414].

Курс Национального фронта НДРЙ и его реализация в социально-экономической и политической областях вызывали противодействие арабской реакции и сил империализма. Саудовская Аравия к началу 70-х годов была единственной из арабских стран — членов ЛАГ, которая категорически отказалась признать НДРЙ как независимое государство. Она превратила свою территорию, а также южные пограничные районы ЙАР в базу вооруженных провокаций против НДРЙ, осуществлявшихся силами наиболее реакционных слоев южнойеменской эмиграции.

Враждебные действия Саудовской Аравии против НДРЙ временами принимали форму открытой агрессии. Так, еще в 1969 г. эмигранты из Южного Йемена, обосновавшиеся в лагерях на территории Северного Йемена, близ южнойеменской границы, используя помощь саудовцев, начали военные действия против НДРЙ в районе Шарура (область Руб-эль-Хали). В конце 1969 г. произошел вооруженный конфликт между Саудовской Аравией и НДРЙ из-за пограничного пункта Эль-Вадиа, который был захвачен саудовцами, как база для агрессии против НДРЙ и на территории которого был создан лагерь южнойеменской контрреволюции [250, 1979, № 955, с. 42]. В октябре—ноябре 1970 г. на саудовско-южнойеменской границе произошли новые крупные стычки южнойеменских сил с «Армией освобождения Хадрамаута и Махры», созданной на территории Северного Йемена бежавшими из НДРЙ противниками нового режима, при энергичной поддержке саудовцев [267, 1976, № 74, с. 55].

Надо отметить, что южнойеменская контрреволюция пользовалась также поддержкой империалистических кругов. Международные нефтяные компании проявляли столь сильную заинтересованность в этом регионе, что американские империалисты даже угрожали начать здесь прямое военное вмешательство. В мае 1972 г. в южнойеменской газете «Ас-Саури» сообщалось, что «Нефтяные компании и силы реакции создали так называемую „Армию национального спасения“, которую обучают американские офицеры. Цель этой армии — оккупация Хадрамаута и Махры, отторжение этих районов от Демократического Йемена под тем предлогом, будто бы они не являются частью его территории, и превращение их в опорную базу для нанесения удара по нашему режиму» [245, 30.11.1972]. Неблагожелательный отклик среди арабской общественности на действия Саудовской Аравии в отношении НДРЙ вынудили ее изменить свою политику в йеменском регионе и попытаться свергнуть прогрессивный режим в Южном Йемене, столкнув два йеменских государства.

В это время руководство ЙАР решило использовать конфликтную ситуацию на Аравийском полуострове в своих интересах и начало оказывать определенное давление на Саудовскую Аравию, делая вид, что идет на сближение с Южным

Йеменом и намеревается проводить общий с ним курс в политической, экономической и военной областях, направленный, в частности, против Саудовской Аравии. В связи с этим летом 1970 г. в Таизз прибыла южнойеменская делегация во главе с премьер-министром НДРЙ, которая обсудила с северойеменским руководством вопрос о возможности объединения двух йеменских государств. На встрече было решено создать двусторонние комитеты для подготовки объединительных мероприятий. На этом дело и остановилось. В ноябре 1971 г. министр информации НДРЙ Абдалла аль-Хамери вел снова в Таиззе переговоры по этой проблеме с президентом ЙАР аль-Арьяни, однако практических результатов они не принесли [267, 1976, № 74, с. 55; 202, с. 175—193].

Подобный политический шантаж давал руководству ЙАР возможность получать максимальную финансовую помощь от Саудовской Аравии, включая и средства, которые предназначались для ведения подрывных действий против НДРЙ. В то же время руководство ЙАР, не желая идти на открытую конфронтацию с Южным Йеменом, предпринимало энергичные усилия по сдерживанию северойеменских племен от военных столкновений с армией НДРЙ. Они, получая оружие и значительные суммы денег от Саудовской Аравии, а также разделяя ее идеологические концепции, требовали от правительства ЙАР начала военных действий.

Как ни выгодна была правящим кругам ЙАР тактика лавирования, социальная природа тогдашнего режима объективно толкала их в сторону сближения с Саудовской Аравией и конфронтации с НДРЙ. Новое ухудшение отношений между ЙАР и НДРЙ в марте 1972 г. привело к закрытию сухопутной границы между двумя государствами.

По мере усиления напряженности между ними возрастал поток взаимных обвинений. Руководство НДРЙ выражало недовольство тем, что власти ЙАР оказывали поддержку южнойеменским эмигрантам в создании военных лагерей в пограничных районах, поощряли их террористическую деятельность, направленную против деятелей Национального фронта и мирного населения НДРЙ. Правительство ЙАР, со своей стороны, обвиняло НДРЙ в сотрудничестве с находившимися в подполье деятелями прогрессивно-патриотических сил ЙАР. В первые месяцы 1972 г. средства массовой пропаганды ЙАР и НДРЙ развернули широкую кампанию взаимных нападок.

Саудовская Аравия, не удовлетворяясь результатами своих усилий, направленных на активизацию военных действий ЙАР против НДРЙ, а также испытывая разочарование от ухода в отставку своих сторонников в руководстве ЙАР — аш-Шами и аль-Амри, еще во второй половине 1971 г. приступила к установлению более тесных прямых контактов с северойеменскими племенами и увеличила субсидии их шейхам [239, 25.02.1972]. В результате они стали еще энергичнее выдвигать перед правительством требование начать военные действия против НДРЙ.

Разжиганию антиюжнойеменских настроений среди традиционалистски настроенных феодально-племенных кругов и эскалации военных приготовлений в ЙАР послужил инцидент, который произошел в Бейхане в феврале 1972 г.: взрывом бомбы, подложенной неизвестными лицами в палатку главного шейха влиятельного племени хаулян Наджи бен Али аль-Гадера, приглашенного для переговоров, были убиты сам шейх, ряд других шейхов и многие из их большой свиты. Аль-Гадер, в течение долгого времени выступавший на стороне монархистов, получил огромные суммы денег и уже в середине 60-х годов превратился из второстепенного шейха со 120 вооруженными людьми в важнейшего шейха конфедерации бакиль с тысячами людей под своим командованием. После национального примирения в 1970 г. он признал республику, но при этом активно выступал против прогрессивного режима в Южном Йемене [197а, с. 128—129; 267, 1976, № 74, с. 54].

В связи с этим убийством в первых числах марта в г. Джахане (район Хаулян) собрались шейхи племени хаулян. Они квалифицировали происшедший инцидент как акт, противоречащий традициям гостеприимства, о чем решено было оповестить других шейхов и договориться с ними о времени и месте встречи всех шейхов племен страны.

Спустя несколько дней в Эр-Рауде, в окрестностях столицы, собрались шейхи племен всего Йемена, за исключением Тихамы и провинций Таизз, Ибб и Саада. Осудив убийство в Бейхане, ее участники договорились о созыве общейеменской конференции шейхов племен.

Эта конференция состоялась в марте 1972 г. в местечке Эль-Хазияз, к югу от Саны. Возглавили ее шейхи Абдалла бен Хусейн аль-Ахмар, Синан Абу Лухум, аль-Авады и Нуман бен Кайд бен Раджих. Состав участников был тот же, что на встрече в Эр-Рауде, в основном в ней были представлены главы племен из районов Хауляна, Хариба, Эль-Бейды и из других юго-восточных территорий. На конференции были приняты следующие решения: в каждой провинции должен быть создан военный комитет (штаб) во главе с одним из местных шейхов. Главные шейхи племен образуют верховный комитет (командование), который занимается, в частности, регулированием отношений между племенами и Саудовской Аравией. Конференция подчеркнула целесообразность создания межплеменных ополчений, мобилизация в которые должна была осуществляться по племенам и начаться в ближайшее время. Участники конференции заявили о своем намерении развернуть репрессивные акции в отношении лиц, поддерживающих связи с Южным Йеменом или симпатизирующих ему. В частности, шейхами конфедерации бакиль был низложен ее главный шейх Амин Абу Рас (сам он в конференции не участвовал), в свое время сотрудничавший с прогрессивными силами ЙАР; на его место был поставлен

ярый противник режима НДРЙ шейх Синан Абу Лухум. Было также решено оказать помощь эмигрантам из Южного Йемена, получившим политическое убежище в ЙАР.

Таким образом, шейхи Северного Йемена выразили готовность начать открытую вооруженную борьбу против южнойеменского режима. Их решимость еще более возросла после состоявшегося в марте 1972 г. пятого съезда Национального фронта НДРЙ, провозгласившего своей идеологией научный социализм. С весны 1972 г. шейхи пошли на фактическое объявление войны НДРЙ [250, 11.12.1972]. Еще раз подчеркнем, что на рассматриваемом этапе шейхи, опиравшиеся на свои племенные ополчения, представляли весьма внушительную военную силу, а их влияние на политическую жизнь ЙАР носило едва ли не решающий характер.

К этому времени в правящем блоке при всем том, что уровень социально-политической однородности его участников был довольно высок, наблюдался различный подход к сложившейся в стране политической ситуации. В этом блоке можно было выделить три основные группировки.

Наиболее умеренную позицию занимала группировка аль-Арьяни. Ее поддерживали заместитель командующего вооруженными силами Мухаммед аль-Арьяни и заместитель премьер-министра по внутренним делам Ибрахим аль-Хамди. Опорой ей служили находившиеся под их командованием части армии. Она стремилась поддерживать сбалансированные отношения с Саудовской Аравией и НДРЙ и не давать племенам возможности развязать военные действия против НДРЙ.

Вторую воинственную группировку возглавлял начальник генерального штаба полковник аль-Мисвари. Наиболее активными его сторонниками часто выступали влиятельный шейх Синан Абу Лухум и его многочисленные родственники, занимавшие ответственные посты в армии. Эта группировка поддерживала прямые контакты с Саудовской Аравией и, выражая мнение большинства шейхов, призывала к немедленным военным действиям против НДРЙ.

Третью группировку, колебавшуюся между сторонниками мира и войны, представлял премьер-министр аль-Айни. Напомним еще раз, что он был связан родством с Синаном Абу Лухумом, что оказывало определенное воздействие на позицию его и всей группировки в вопросе об отношении к НДРЙ. В целом, однако, аль-Айни поддерживал миролюбивую политику аль-Арьяни. Совместными усилиями оба они, опираясь на умеренно настроенную интеллигенцию и сторонников буржуазных преобразований, сдерживали направленные против НДРЙ устремления шейхов северных племен. Аль-Арьяни и аль-Айни в своей стратегии исходили из простого расчета: только относительно независимый от Саудовской Аравии внешнеполитический курс мог гарантировать ЙАР возможность мирного существования, в условиях которого эти политические лидеры надеялись укрепить центральные органы власти и расширить свою социальную базу, создав тем самым предпосылки для проведения самостоятельной внутренней политики в интересах тех слоев, которые они представляли. Таким образом, мир для них был главным фактором, который мог обеспечить создание достаточно влиятельного противовеса двум политическим силам, постоянно шедшим рука об руку,— Саудовской Аравии и шейхам племен.

К третьей группировке был близок и шейх аль-Ахмар. Выступая от лица части шейхов своего племени, он не желал принимать участия в военных действиях против НДРЙ, которые рассматривались многими шейхами лишь как месть за убийство шейха аль-Гадера. Дело в том, что при жизни аль-Гадера его отношения с аль-Ахмаром развивались в русле межплеменного соперничества, хотя в период гражданской войны и получили политическую окраску: первый выступал на стороне монархистов, а второй — республиканцев. О том, сколь велико было в Йемене 70-х годов влияние на политику племенного мышления, говорит тот факт, что в этот критический для ЙАР момент аль-Ахмар руководствовался при выборе своей политической позиции в первую очередь своими племенными антипатиями.

На рассматриваемом этапе стоявшие у власти представители умеренного крыла феодальной верхушки и сотрудничавшие с ними буржуазные деятели, даже выступая с единых позиций, не могли противостоять влиянию шейхов. Под контролем племен находилась бóльшая часть территории страны, в то время как власть центрального правительства распространялась в основном на главные города ЙАР и ее южные районы. На стороне шейхов были и военные преимущества. Они не только располагали племенными ополчениями, вооруженными новейшей техникой; на их стороне выступала также значительная часть регулярной армии, находившаяся под командованием родственников шейхов и членов их племен. Убийство шейха аль-Гадера мобилизовало их сплоченность. Конечно, столь полное единодушие, которое продемонстрировала встреча в Эр-Рауде и особенно в Эль-Хазиязе, могло сохраняться относительно короткое время, однако этого было достаточно, чтобы шейхи племен смогли добиться поворота правительственного курса в нужном им направлении.

Первая реакция правительства ЙАР на убийство шейха аль-Гадера была достаточно пассивной. Однако после посещения аль-Айни Эр-Рияда, где состоялась конференция министров иностранных дел исламских государств, отношение к Южному Йемену изменилось. Правительство ЙАР опубликовало резкое заявление в адрес НДРЙ. За ним последовала широкая пропагандистская кампания, в ходе которой ЙАР обвиняла Аден в проведении террористических актов, в дестабилизации положения на границе путем скопления там войск и обстрелов пограничных деревень. НДРЙ, со своей стороны, заявила, что власти Саны причастны к организации убийств ряда южнойеменских граж-

дан и пограничных инцидентов, осуществлявшихся с территории ЙАР южнойеменскими контрреволюционерами из «Армии национального спасения», руководимой Абд аль-Кауви Маккави.

К марту 1972 г. напряженность между ЙАР и НДРЙ значительно усилилась. Южный Йемен заявил, что «ЙАР, финансируемая Саудовской Аравией, превратилась в базу южнойеменской контрреволюции. Против Адена ведется беспощадная война». ЙАР, со своей стороны, закрыла общую границу и запретила экспорт в НДРЙ фруктов, овощей и ката [239, 25.02.1972; 40, 1972, март].

К началу лета 1972 г. кризис в отношениях ЙАР и НДРЙ несколько ослаб — кампания взаимных нападок была прекращена, хотя отдельные акты диверсий и террора продолжались. Правые силы ЙАР активизировали в это время свою деятельность в других областях. В июне они провели в состав Республиканского совета третьим его членом вместо аль-Амри кади Абдаллу аль-Хаджари, бывшего министра монархистского правительства, сторонника просаудовского курса, вернувшегося в ЙАР после 1970 г. 1 июля председатель Республиканского совета аль-Арьяни и премьер-министр аль-Айни приняли в Сане государственного секретаря США В. Роджерса, в результате чего были возобновлены прерванные в 1967 г. дипломатические отношения между двумя странами [244, 02.07.1972].

Временное затишье было использовано южнойеменской оппозицией для укрепления своих позиций. В июне 1972 г. они вынесли решение о скорейшем объединении Йемена военным путем, что отвечало интересам как самой южнойеменской оппозиции, прежде всего сторонников аль-Маккави, так и интересам ОАР и Ливии.

Дело в том, что конфликт между двумя йеменскими государствами оказался к тому времени в центре внимания руководителей арабских стран. ОАР и Ливия (последняя оказала южнойеменским оппозиционерам в ЙАР военную помощь, а ОАР еще в конце 50-х — начале 60-х годов, т. е. до выхода Национального фронта на политическую арену, была тесно связана с ФЛОСИ и оказывала ей всестороннюю помощь) делали ставку на аль-Маккави, с тем чтобы после ликвидации существующего в НДРЙ режима создать объединенный Йемен, в котором ведущую роль играли бы националистические элементы, способные противостоять саудовскому влиянию. Саудовская Аравия, в свою очередь, рассчитывала на традиционалистские и религиозные круги ЙАР, в частности на шейхов племен и духовенство, с помощью которых она надеялась, разгромив НДРЙ, поставить весь Аравийский полуостров под свой контроль, превратив его в оплот арабского консерватизма.

В течение лета постепенно активизировались феодально-племенные силы ЙАР, прежде всего шейхи племен. В конце июля они провели в Таиззе конференцию, целью которой было оформление блока сил, выступавших под лозунгом «Единство йеменской земли» [248, 1972, № 388, с. 11]. На конференции было принято коммюнике, в котором, в частности, говорилось: «В целях продолжения унаследованных традиций и сохранения йеменской земли, основываясь на вере в том, что народ — единственный источник власти, собравшиеся представители наиболее влиятельных слоев населения всех провинций ЙАР, исходя из существующей в Йемене обстановки, изучили все выдвинутые предложения и сочли необходимым обратиться к правительству со следующими требованиями: осуществить в стране административную реформу, подвергнуть чистке от левых элементов государственный аппарат и министерство информации».

Совещание, говорилось в коммюнике, призывает к выработке Национального пакта — документа, в котором была бы сформулирована платформа для объединения «всех патриотических сил, готовых участвовать в едином фронте борьбы с мятежниками и раскольниками». Под «патриотическими силами» подразумевались главным образом шейхи племен, которые, по замыслу авторов документа, должны были, преодолев межплеменную рознь, сосредоточить свои усилия на подавлении «мятежников и раскольников», т. е. антифеодальных сил — прежде всего крестьян, выступавших преимущественно в районе Среднего Джебеля против притеснений со стороны феодалов. Вместе с силами безопасности и армией, говорилось в документе, «представители патриотических сил (т. е. шейхи племен.— *Е. Г.*) обязуются ликвидировать подрывные банды и очистить страну от подрывных элементов». Для этого каждое племя должно самостоятельно охранять свои границы и проходящие по его территории коммуникации, не допускать на своих землях деятельности «подрывных элементов», которые подлежат уничтожению, а их имущество — конфискации. Такая же участь должна постигнуть каждого, кто будет сотрудничать с «подрывными элементами» или оказывать им помощь продовольствием, снаряжением и оружием.

Поляризация социальных сил содействовала новому обострению отношений между ЙАР и НДРЙ. В конце лета 1972 г., а точнее, с приходом аль-Хаджари к власти им были получены от саудовцев значительные суммы денег, предназначавшиеся для открытия в пограничных районах ЙАР новых лагерей эмигрантов и усиления регулярных воинских частей [274, 1973, № 233, с. 28]. Активизировался процесс инфильтрации из ЙАР в НДРЙ южнойеменских контрреволюционеров.

К началу сентября находившиеся на территории ЙАР военные формирования ФЛОСИ и отряды, отколовшиеся от Национального фронта НДРЙ, создали «Объединенный национальный фронт» во главе с аль-Маккави. Свои контрреволюционные устремления деятели Фронта прикрывали лозунгами немедленного объединения ЙАР и НДРЙ мирными или военными средствами. Их поддерживали многие официальные лица ЙАР, а также руководство ОАР и Ливии [240, 13.10.1972; 244, 04 и 10.10.1972].

Вопрос объединения двух йеменских государств рассматривался в «Пакте о единстве», составленном в Бейруте южнойеменской контрреволюционной эмиграцией. В нем предлагалось включить в состав правительства ЙАР видных деятелей эмиграции и объявить его правительством, представляющим обе Йемена [224, 04.10.1972]. В сложившихся условиях, когда режимы Северного и Южного Йемена отличались друг от друга столь коренным образом, лозунг немедленного объединения не мог быть практически осуществлен. Включение его в повестку дня в тот момент соответствовало интересам арабской реакции и международного империализма, стремившихся к свержению прогрессивного режима в НДРЙ и ликвидации национально-освободительного движения в этом районе арабского мира.

В начале сентября 1972 г. на совещании министров иностранных дел арабских государств в Каире было принято решение о создании Комитета по примирению ЙАР и НДРЙ в составе представителей пяти государств — ОАР, Сирии, Кувейта, Алжира и Ливии — во главе с заместителем секретаря ЛАГ Мухаммедом аль-Яфи [119]. Министр иностранных дел Кувейта — член Комитета по примирению — в начале сентября посетил Сану и Аден и передал руководству НДРЙ план по урегулированию отношений, выработанный правительством аль-Айни.

План включал пять пунктов. Первый пункт касался возвращения на родину беженцев с Юга. По ориентировочным данным, в ЙАР к этому времени их насчитывалось около 80 тыс. Этот вопрос имел большое значение и неоднократно рассматривался в выступлениях, интервью и заявлениях политических деятелей ЙАР. План предусматривал также выплату Южным Йеменом компенсации за убийство шейхов племен, прежде всего аль-Гадера; возмещение Южным Йеменом стоимости конфискованной весной 1972 г. собственности торговцев, бежавших на Север; прекращение диверсионных актов на территории ЙАР и урегулирование пограничного вопроса, т. е. эвакуацию из района Хариба войск НДРЙ, куда они были введены в период гражданской войны по просьбе правительства ЙАР. Что касается проблемы единства Йемена, то, говорилось в плане, руководство ЙАР «приветствует и идею единого йеменского государства, и идею федерации» двух государств [244, 02.10.1972].

Мировая пресса в это время отмечала, что руководство ЙАР, рассматривая вопрос о единстве, видело свою цель прежде всего в «свержении марксистского режима в Адене, который оно рассматривало как препятствие в деле объединения». В этом случае оно готово было пойти на создание коалиционного правительства с участием деятелей Национального фронта и изгнанных из Южного Йемена сторонников ФЛОСИ [267, 1976, № 74, с. 55; 239, 25.02.1972].

Руководство НДРЙ, ознакомившись с планом ЙАР, 4 октября передало Комитету по примирению свои условия нормализации отношений между ЙАР и НДРЙ. План НДРЙ предусматривал: ликвидацию лагерей контрреволюции на территории ЙАР, отвод северойеменских войск и племенных ополчений из приграничных районов, запрещение деятельности на территории ЙАР враждебных режиму Адена политических организаций, открытие границы с НДРЙ и возобновление торговли, восстановление деятельности смешанных комиссий, проведение совещания руководителей обоих государств по вопросу о дальнейшем развитии отношений между двумя странами [119, с. 10—11].

Благодаря тому что обе стороны четко сформулировали свои позиции, возникла реальная основа для продолжения диалога. Это, однако, не устраивало арабскую реакцию и империалистические силы. По их вине урегулировать назревший конфликт между двумя йеменскими государствами оказалось невозможным. Спровоцировать же военные действия между ЙАР и НДРЙ не представляло особого труда, поскольку горючий материал уже имелся: вдоль границы были сосредоточены готовые к войне отряды племен, армейские соединения ЙАР, отряды «Объединенного национального фронта» южнойеменской контрреволюции.

26 сентября 1972 г., в десятую годовщину йеменской революции, отряды контрреволюционеров при поддержке северойеменских племен перешли границу НДРЙ и начали наступление в четырех направлениях — в районах Катабы, Эр-Рахиды, Эль-Бейды и Хариба. На каждом направлении военные действия возглавлял либо военный деятель, либо шейх племени. На Катабском направлении были сосредоточены отряды «Объединенного национального фронта». Таким образом, вооруженные пограничные столкновения, ранее ограничившиеся районом Катабы, переросли в военные операции, охватившие значительную территорию.

Действия ЙАР были квалифицированы премьер-министром НДРЙ Али Насером Мухаммедом как агрессия против Демократического Йемена. Правительство НДРЙ обратилось к ЙАР с призывом прекратить огонь, однако власти последней под вымышленным предлогом захвата южнойеменскими войсками северойеменского города Катабы отказались выполнить его (2 октября 1972 г.). Правительство ЙАР в многочисленных заявлениях обвиняло южнойеменскую сторону в развязывании военных действий и захвате пограничных северойеменских городов; правительство НДРЙ категорически отвергало эти обвинения.

Хотя инициаторы войны рассчитывали на быструю победу, полагая, что в НДРЙ начнутся антиправительственные выступления, их планы оказались ошибочными. Военные действия приняли затяжной характер.

До начала октября бои в основном проходили в пограничных районах. 8 октября положение изменилось: части армии ЙАР захватили остров Камаран, принадлежавший НДРЙ, и предприняли нападение в районе Эд-Далэ. С этого момента йеменский кризис приобрел иной, чем раньше, характер: южно-

йеменская контрреволюция совместно с племенами и регулярной армией ЙАР приступили к проведению широкомасштабных военных операций, направленных на оккупацию южнойеменских территорий. Однако, несмотря на отдельные прорывы, их натиск натолкнулся на упорное сопротивление со стороны вооруженных сил и отрядов народной милиции НДРЙ, которые успешно отражали атаки противника. В результате северойеменская сторона потерпела неудачу. Исход этот был предрешен: вооруженные формирования, выступавшие против НДРЙ, были плохо подготовлены, недисциплинированны, разобщены; младшие офицеры и солдаты регулярной армии ЙАР вообще не хотели участвовать в войне против НДРЙ.

Чтобы приглушить резонанс поражения, правительство ЙАР после некоторого перерыва вновь выдвинуло на повестку дня вопрос о единстве Севера и Юга. 9 октября оно заявило членам Комиссии по примирению, прибывшим в Сану, что путь к урегулированию внутрийеменского конфликта лежит только через объединение ЙАР и НДРЙ, которое сможет «успокоить племена и армию» [240, 13.10.1972]. Правительство НДРЙ, со своей стороны, указав, что войска Южного Йемена выполняют обязательство по прекращению огня, потребовало возвращения оккупированного острова Камаран. Кроме того, оно заявило, что, согласно полученным им из Бейрута сведениям, Северный Йемен готовится при поддержке Саудовской Аравии к оккупации южнойеменского острова Перим. Эта акция, подчеркнула южнойеменская сторона, является составной частью плана американского империализма, направленного на свержение неугодного США прогрессивного режима на юге Аравийского полуострова [240, 13.10.1972; 251, 27.10.1972].

13 октября, после почти трехнедельных боевых действий между ЙАР и НДРЙ, Комитет по примирению опубликовал обращение к воюющим сторонам. Комитет предложил, чтобы обе стороны прекратили огонь и окончательно приостановили военные действия, а также прервали пропагандистскую кампанию, которую вели их средства массовой информации; чтобы был осуществлен взаимный отвод войск на 10 км в глубь своих территорий; чтобы обе стороны избегали концентрации войск на границе. Наблюдение за осуществлением этих условий должно было быть возложено на военную комиссию, сформированную из представителей обоих государств и ЛАГ. В обращении предлагалось также, чтобы делегации Северного и Южного Йемена встретились во второй половине октября 1972 г. в Каире для переговоров под наблюдением ЛАГ. Делегации должны были сформулировать связанные с осуществлением йеменского единства проблемы, которые подлежали рассмотрению на общейеменской конференции в верхах, время и место которой предстояло уточнить во время встречи в Каире.

Обращение Комитета по примирению было принято правительствами ЙАР и НДРЙ.

Война 1972 г. между двумя йеменскими государствами явилась результатом воздействия на местную ситуацию сил далеко не локального характера. Не случайно не только прогрессивная йеменская, но и мировая пресса считали, что она спровоцирована арабской реакцией и мировым империализмом, а выдвинутый инициаторами военных действий лозунг единства Йемена служил лишь претворению в жизнь поставленной ими цели — свержение прогрессивного национально-демократического строя в Южном Йемене [151, с. 71; 240, 13.10.1972]. Преобразования, осуществленные в НДРЙ, представляли, с их точки зрения, потенциальную угрозу существовавшей системе социальных отношений не только в ЙАР, не только на Аравийском полуострове, но и в рамках всего арабского мира. Согласно разработанным реакцией планам, НДРЙ должна была быть уничтожена, а ее территория расчленена; провинции Хадрамаут и Махра, став независимыми государствами, должны были войти в так называемую Федерацию Саудовской Аравии, остальные провинции НДРЙ — войти на правах федерации в ЙАР. Крайне реакционные элементы не собирались, однако, довольствоваться только расправой с НДРЙ; они стояли за уничтожение прогрессивных завоеваний, осуществленных и в Северном Йемене, пресечение национально-освободительного движения в Омане и других странах Персидского залива и установление империалистического контроля над месторождениями нефти и других полезных ископаемых на Аравийском полуострове и в Персидском заливе [119, с. 9—10].

С 21 по 28 октября 1972 г. в Каире при посредничестве ЛАГ проходила встреча делегаций двух йеменских государств. Обсуждались предложения сторон по урегулированию спорных вопросов, а также выдвинутый правительством НДРЙ проект объединения двух государств. В соответствии с ним правительства Северного и Южного Йемена в качестве первого шага к единству должны были приступить к созданию Верховного совета Йемена, Всейеменского совета (с участием министров обеих сторон) и отраслевых советов (совет по общему координированию, по кооперации в области образования, культуры, здравоохранения, экономики, обороны, законодательства, информации и др.). В функции Верховного совета вменялось изучение и рассмотрение всех дел, связанных с координацией политики обоих правительств [119, с. 33—34].

Участники встречи опубликовали совместный документ под названием «Текст Соглашения между ЙАР и НДРЙ о восстановлении йеменского единства», подписанный премьер-министрами двух йеменских государств и всеми членами Комитета по примирению [244, 31.10.1972]. В документе говорилось, что обе стороны пришли к общему мнению относительно создания единого йеменского государства с единым правительством, столицей, флагом и гербом, единой законодательной, исполнительной и судебной властями. Система правления в будущем госу-

дарстве должна быть «республиканской, национальной, демократической». Конституция единого Йемена будет гарантировать «политические и личные свободы всем слоям населения». Единое государство будет стоять на страже всех завоеваний сентябрьской и октябрьской революций.

В принятом документе были подробно рассмотрены меры, призванные служить созданию единого Йемена. Предусматривалось проведение встреч президентов двух государств для выработки конкретного плана объединения. Предполагалось создать рабочую комиссию с равным числом представителей от каждой стороны и восемь подкомиссий: по разработке проекта конституции; по делам внешних сношений, дипломатических и консульских представительств; по финансово-экономическим делам; по делам законодательных и судебно-процессуальных органов; по делам образования, культуры и информации, по делам местного самоуправления; военную, а также по делам здравоохранения и административного управления.

По завершении разработки проект конституции должен был быть представлен на рассмотрение законодательным комитетам, главам государств, а затем вынесен на общенародный референдум. После одобрения народом конституция вступит в силу.

Соглашение подписали с южнойеменской стороны Али Насер Мухаммед и северойеменской — Мохсен аль-Айни.

Ими было подписано также соглашение о нормализации отношений между ЙАР и НДРЙ. Главы правительств обоих йеменских государств выразили готовность содействовать этому процессу, который включал очищение от войск обеих сторон районов, захваченных после 26 сентября 1972 г., отвод войск и открытие границы, предоставление всем покинувшим свою страну права вернуться в свои родные места, взаимное прекращение подрывных действий и всякого рода деятельности, направленной против другой стороны, закрытие лагерей эмигрантов, назначение личных представителей от глав двух государств ответственными по контролю за выполнением соглашения, проведение встречи глав государств 25 ноября 1972 г. Все условия этого соглашения должны были быть осуществлены в течение месяца [244, 31.10.1972].

Каирское соглашение получило позитивную оценку в выступлении председателя Республиканского совета Абдаррахмана аль-Арьяни на открытии Консультативного совета 18 ноября 1972 г., озаглавленном «Главенство народа — путь к йеменскому единству» [180, с. 3—15]. «Единство,— подчеркнул аль-Арьяни,— это не эмоциональное требование; оно тесным образом связано с решением наиболее важных и значительных задач, ради этого йеменцы ведут свою борьбу»; достичь же этой цели возможно только в условиях единства и «полной концентрации всех сил народа».

Аль-Арьяни определил три главных направления, по которым он считал необходимым прилагать усилия для успешного

продвижения Йемена по пути экономического, социального и политического прогресса. Главное место он отвел «подъему уровня жизни народа». Это «не легкая задача» в условиях культурной отсталости, ограниченности имеющихся у Йемена возможностей и неблагоприятной современной международной обстановки». Однако у йеменского народа нет иного выхода; и он должен сделать все, чтобы «развитие осуществлялось по пути справедливости во имя того, чтобы Йемен шел в ногу с современным миром».

Касаясь второго направления — развития экономики, аль-Арьяни подчеркнул, что для того, чтобы это развитие «приобрело цивилизованный смысл, чтобы оно было разносторонним, необходимо развивать политическую жизнь, вовлекать в нее народные массы, внедрять в практику свободу, насаждать среди населения чувство патриотизма, привлекать народные массы к сознательному участию в управлении государственными делами». Условием достижения успеха на этом направлении должно быть, по словам аль-Арьяни, дальнейшее совершенствование системы, основанной на принципе аш-шура.

Таким образом, аль-Арьяни солидаризировался с господствовавшей в феодально-племенных кругах точкой зрения на Маджлис аш-шура как на институт, выражающий интересы широких народных масс. Правда, он не уточнил, в каком направлении должен был, по его мнению, идти процесс совершенствования.

На третьем направлении, говорилось в выступлении председателя Республиканского совета, следует «осуществить коренную перестройку национальных институтов и правительственных органов, чтобы они могли эффективно содействовать выполнению стоящих перед нацией задач».

Представив этот план, аль-Арьяни подчеркнул, что успешное претворение его в жизнь возможно только в результате «достижения йеменского единства. Оно является главным и важнейшим условием осуществления поставленных целей развития общества».

Аль-Арьяни подчеркнул, что подписание Каирского соглашения — это только первый шаг на пути дальнейших переговоров о единстве двух стран. Поэтому от своего имени и от имени членов Республиканского совета он обратился к членам Консультативного совета с призывом содействовать успешному развитию этого «великого исторического процесса». Он отметил, что вручение им «Текста Соглашения» — это не просто «бюрократическая процедура», а акция, обращенная к их чувству долга. Откликнувшись на этот призыв, члены Совета должны «совместными усилиями обеспечить выполнение Соглашения, с тем чтобы затем перейти к следующему этапу».

Выступление аль-Арьяни перед членами Консультативного совета, среди которых преобладали шейхи племен, весьма показательно. Хотя в Каирском соглашении только в общих чертах

были намечены основы будущего объединенного государства, даже сам факт начала переговоров настораживал шейхов и вызывал их опасения. Уже на этом этапе они выступили с резкой критикой в адрес премьер-министра аль-Айни, обвинив его в чрезмерных уступках Южному Йемену, и категорически отвергли его предложение о включении в состав нынешнего правительства некоторых умеренных деятелей накануне предстоящих переговоров глав обоих государств.

Следующим шагом в осуществлении соглашения о восстановлении йеменского единства была встреча президентов ЙАР и НДРЙ в Триполи при посредничестве ливийского лидера Муаммара Каддафи. Она проходила с 26 по 28 ноября 1972 г. и завершилась подписанием нового документа — «Полного текста Соглашения о единстве между двумя частями Йемена» [99, с. 17—30; 231, 1972, № 33, с. 5—8]. В нем объявлялось о создании восьми совместных рабочих комиссий: по выработке конституции, по иностранным делам, по экономике и финансам, юридическим вопросам, образованию, здравоохранению, военным вопросам и по административным делам. В принятом документе в несколько новой трактовке давалось определение политических основ объединенного государства. Говорилось, что «государство будет стремиться к осуществлению социализма исламского арабского образца на основе принципа социальной справедливости, отвергающего все формы эксплуатации». Общественная собственность была объявлена «основой развития общества». В то же время гарантировалось «сохранение частной собственности при условии, что она не участвует в эксплуатации». Избранная форма правления именовалась в этом документе «национальной демократией». Было запланировано создание «единой политической организации» с участием в ней широких народных масс. В «Полном тексте соглашения» была подтверждена взаимная приверженность традиционным духовным ценностям. Ислам был признан официальной религией, шариат — главным источником законов [85].

Многие статьи Триполийского соглашения были составлены в общей форме, что позволяло каждой стороне толковать их по-своему. Это, в частности, касалось ст. 6, в которой говорилось о стремлении предполагаемого единого Йемена к «осуществлению социализма исламского арабского образца». Эта формулировка была принята северойеменцами, хотя руководство ЙАР после 1967 г. никогда не выступало за социализм и не поддерживало социалистических лозунгов. В своих выступлениях перед йеменской общественностью политические деятели ЙАР объясняли свое согласие на эту формулировку тем, что под социализмом, о котором говорится в Соглашении, подразумевается исламская традиция, а против этого положения не будет выступать ни один человек ни на Севере, ни на Юге.

Ст. 9 Соглашения предусматривала создание единой политической организации объединенного Йемена по типу Арабского

социалистического союза в Ливии. Это положение было приемлемо для северян, но не для южан, поскольку на Юге уже существовала сильная политическая партия — Национальный фронт НДРЙ, стоявшая на марксистских позициях.

Для обоих государств позитивное значение имело не столько содержание статей Триполийского соглашения, сколько сам факт его подписания. Были прекращены военные действия в пограничных районах, и мирная ситуация приобрела определенную стабильность. Весьма существенным было то, что Соглашение обязывало северойеменское руководство прекратить деятельность бежавших из Адена контрреволюционеров и ликвидировать их лагеря. Эта статья полностью отвечала основной цели НДРЙ — пресечь натиск контрреволюции с территории Северного Йемена.

Соглашение, с одной стороны, обеспечивало условия для того, чтобы лозунг немедленного объединения двух йеменских государств, выдвинутый реакционными и империалистическими силами, с повестки дня был снят; с другой — оно содействовало постепенному развертыванию процесса налаживания контактов между ЙАР и НДРЙ. Такие совместные мероприятия, как встречи на высшем уровне, вели к созданию взаимного доверия и снимали опасность возникновения нового военного конфликта.

Следует, однако, отметить, что, как правильно отмечается в статье Томаса Кожиновски «Между сотрудничеством и конфронтацией. Отношения между Саной и Аденом и вопрос о единстве Йемена», «вопрос о национальном единстве нельзя рассматривать в отрыве от идеологических основ политических систем». Автор статьи подчеркивал, что Южный Йемен в вопросе о единстве занимал четкую позицию: единство могло быть осуществлено только при условии коренного изменения политической системы Северного Йемена. Однако перспективы осуществления этого условия оценивались в НДРЙ ошибочно. Там полагали, что в условиях слабой центральной власти на Севере перед действовавшими в ЙАР прогрессивными силами открывалась возможность расширения политической борьбы, проникновения в государственные организации и даже захвата власти. Подобная точка зрения оказывала на ситуацию в Северном Йемене негативное воздействие, толкая на авантюристические шаги представителей некоторых политических сил [202, с. 175—193].

Налаживание отношений с Южным Йеменом имело большой политический резонанс в ЙАР. Этот поворот событий, несомненно, означал поражение тех действовавших на Севере реакционных сил, которые выступали за свержение южнойеменского режима. Консультативный совет ЙАР на своем заседании 10 декабря 1972 г. одобрил Соглашение о единстве, подписанное в Триполи 28 ноября. Одновременно он направил благодарность аль-Арьяни и выразил ему полную поддержку в деле объединения всех йеменцев «под флагом исламского шариата», а также

«поблагодарил Каддафи за усилия, которые он предпринял в деле осуществления йеменского единства, являющегося шагом на пути к полному арабскому единству» [244, 11.12.1972].

Оказавшись перед лицом крушения своих планов, направленных против НДРЙ, консервативные круги Северного Йемена стали прилагать энергичные усилия, чтобы восстановить свои пошатнувшиеся позиции. Активную помощь в этом им оказывала Саудовская Аравия, которая не одобрила ни Каирское, ни Триполийское соглашения. Стремясь активизировать противников мирного курса, она щедро их субсидировала, делая при этом ставку на сепаратистские устремления шейхов племен.

Вскоре после заключения Триполийского соглашения северойеменская реакция перешла в открытое наступление, избрав своей мишенью премьер-министра аль-Айни. Во время своего пребывания на посту главы правительства он при поддержке аль-Арьяни пытался осуществить хотя бы некоторые реформы, в целом отвечавшие интересам нарождавшейся национальной буржуазии. Его внутренняя политика была направлена на укрепление позиций центральной власти, а следовательно, против власти шейхов племен.

Еще до ратификации Каирского соглашения аль-Айни, зная несогласие членов Консультативного совета и некоторых офицеров с проводившейся им политикой, выдвинул следующие условия своего дальнейшего пребывания на посту главы правительства: ограничение прерогатив Консультативного совета; роспуск Республиканского совета и передача всех его полномочий президенту; создание министерства обороны, которому должны были быть переданы полномочия главного командования вооруженными силами; предоставление президенту полной свободы в назначении членов нового правительства [242а, 07.01.1973]. Эти условия были направлены на то, чтобы ослабить позиции феодально-племенной верхушки и содействовать выдвижению в центральные органы власти сторонников реформ.

В ответ на требования аль-Айни в конце декабря 1972 г. по инициативе его оппонентов Консультативный совет принял решение сформировать из своего состава комиссию для расследования причин «ухудшившегося положения в стране». Как было сообщено в отчете комиссии, ею были «обнаружены злоупотребления со стороны правительства, установлены и факты нарушения им законов... Управление финансовыми, административными и экономическими органами велось недостаточно эффективно... Правительство аль-Айни умышленно шло на эти конституционные нарушения и преднамеренно пренебрегало мнением законодательного органа, что привело к образованию огромного разрыва между законодательной и исполнительной властями». Правительству аль-Айни ставилась также в вину его неспособность «обеспечить общую безопасность», в результате «во многих районах ЙАР деятельность террористов не встречала должного сопротивления» [229, 01.01.1973].

После этой акции Консультативного совета, в котором подавляющее большинство составляли шейхи племен, аль-Айни был вынужден в последних числах декабря 1972 г. уйти в отставку. Обязанности премьер-министра временно было поручено исполнять послу ЙАР во Франции Мухаммеду Ахмеду Нуману.

Правительственный кризис осложнялся ухудшением финансового и экономического положения страны, поскольку Саудовская Аравия в ответ на заключение упомянутых выше соглашений приостановила помощь правительству ЙАР и обещала ее возобновить только после сформирования нового правительства во главе с аль-Хаджари. Под саудовским давлением он, как уже говорилось, был избран в июне 1972 г. в Республиканский совет, а 30 декабря в нарушение конституции назначен премьер-министром нового кабинета. В его состав вошли 19 человек. Пять из них были введены впервые, они заняли посты премьер-министра, министра иностранных дел, министра по делам вакфов, государственного министра по делам развития и министра внутренних дел (возглавлявшего силы безопасности). Трое министров правительства аль-Айни не вошли в состав нового кабинета. Пост министра экономики занял Абдалла аль-Аснадж [253, 02.01.1973].

Ориентацию нового правительства ярко характеризует факт включения в его состав таких деятелей, как Мухаммед Нуман и Ахмед Абдо Саид,— активных сторонников ориентации на Саудовскую Аравию и Запад. А назначение на пост министра внутренних дел Мухаммеда Али аль-Аква преследовало цель укрепить репрессивные органы, с тем чтобы подавить оппозицию и покончить с крестьянским движением в Среднем Джебеле.

О репрессивных действиях нового кабинета свидетельствовала информация, появившаяся в прессе ЙАР и других арабских стран. Так, сообщалось, что в Сане начались аресты представителей демократических сил, а в Средний Джебель направлены войска для подавления повстанческого движения. В ходе широких карательных операций уничтожались дома и посевы, расстреливались и подвергались арестам крестьяне, подозревавшиеся в оказании поддержки партизанам, выступавшим против местных шейхов и феодалов [250, 05.03.1973; 244, 07.01.1973].

К началу 1973 г. внутриполитическое положение в стране оставалось напряженным: кризисные явления продолжали нарастать, значительно повысились цены на предметы первой необходимости, что привело к дальнейшему ухудшению материального положения широких слоев населения и росту их недовольства.

В этой обстановке новое правительство обнародовало свою политическую программу. Ее изложил аль-Хаджари в своем выступлении на заседании Консультативного совета 30 января [161; 169, с. 396—406]. «Страна не может развиваться без связи с прошлым,— сказал он.— Сегодня деятельность правительства

должна быть направлена на укрепление устоев республики, ус
тановление мира и возрождение естественного единства Йеме
на... Самой главной, самой серьезной, самой актуальной задачей
правительства, требующей от него максимум последовательно
сти, на данном этапе является практическое осуществление со
глашения о единстве». Это единство, подчеркнул премьер-ми
нистр, будет способствовать «улучшению работы правительст
венного аппарата, повышению национального дохода, обеспече
нию безопасности».

Таким образом, заявление нового премьер-министра свиде
тельствовало о том, что реакционные круги, пришедшие к вла
сти, решили поддержать популярный в народе лозунг единства
и этим ограничиться. В своей практической деятельности пра
вительство аль-Хаджари саботировало требования Каирского и
Триполийского соглашений. В частности, близ границы с НДРЙ
продолжали дислоцироваться крупные соединения войск ЙАР,
а в глубинных районах страны открывались новые лагеря юж
нойеменских контрреволюционеров [274, 1973, № 233, с. 28].

Вторая задача нового правительства, по словам премьера,
заключалась в проведении реформы административного аппа
рата. На насущность этой задачи аль-Хаджари указал в декаб
ре 1972 г. в беседе с представителями прессы [244, 31.12.1972].
Среди административных учреждений, функционировавших к
этому времени в Северном Йемене, не было единообразия: ча
стично они были унаследованы от дореволюционного режима,
многие другие спонтанно возникли в ходе революционных пре
образований. Зачастую номинально созданные институты на
практике отсутствовали. Разделение функций между админи
стративными органами возникло стихийно; отсюда широкое рас
пространение дублирования, усложнения бюрократической про
цедуры. Права и обязанности должностных лиц были очерче
ны крайне расплывчато, что создавало благоприятную почву
для коррупции, повсеместно распространенной в административ
ном аппарате страны. Между тем задача строительства сильно
го централизованного государства, решение которой имело клю
чевое значение для модернизации ЙАР, была неотделима от
проблемы создания бесперебойно работающей административ
ной машины. Для многих руководящих деятелей это было оче
видно. Недаром многие предшественники аль-Хаджари на про
тяжении ряда лет подымали этот вопрос.

В начале 1972 г. председатель Республиканского совета
аль-Арьяни в одном из своих интервью остановился на необхо
димости перестройки работы административных органов. Он
подчеркнул, что административная структура должна четко
подразделяться на министерства, управления, департаменты и
т. д., причем круг обязанностей каждого органа должен быть
жестко очерчен. Аль-Арьяни заметил, что во времена имамата
административная система была неразвита, всеми ключевыми
проблемами распоряжался сам имам. Республике пришлось на

чать строительство государства фактически на пустом месте.
Трудности были велики. ЙАР не располагала подготовленными
кадрами для организации административной работы (в отличие
от Южного Йемена, где после ухода англичан остался отлично
отлаженный административный аппарат). Сложность проблемы
была связана еще и с тем, что среди населения ЙАР преобла
дали неграмотные, общий культурный уровень был крайне ни
зок, что усугубляло дефицит кадров и затрудняло нормальную
деятельность административного аппарата. Подготовку к адми
нистративной реформе в ЙАР надо начинать с создания учеб
ного заведения для служащих, подчеркнул аль-Арьяни.

Касался этой проблемы в своих выступлениях и аль-Хаджа
ри. Он неоднократно заявлял о намерении своего правительства
покончить со взяточничеством, подкупом и другими проявлени
ями коррупции. Излагая правительственную программу перед
членами Республиканского совета, он особо подчеркнул необхо
димость пересмотра кадровой политики правительства и нала
живания работы административных органов на местах. Из кон
кретных планов правительства в этой сфере можно указать на
подготовку закона о служащих, который должен был бы содей
ствовать улучшению положения мелких и средних чиновников.

Программа правительства предусматривала также некото
рые меры, направленные на стабилизацию финансово-экономи
ческого положения ЙАР. Правда, как гласило заключение спе
циальной комиссии, сформированной для изучения программы
кабинета аль-Хаджари, неясным оставалось, из каких источни
ков могут быть извлечены средства для их финансирования.

На практике размах деятельности правительства аль-Хаджа
ри оказался намного более скромным, чем на бумаге. Оно пошло
на ослабление гнета государственного налогообложения в де
ревне. Был, в частности, принят закон о новом распределении на
лога закят. Согласно этому закону, половина собранных средств
передавалась «на местные нужды». В тогдашней ситуации
это была уступка не столько крестьянству, сколько местной фео
дально-племенной верхушке, которая могла распоряжаться по
лученными средствами по своему усмотрению. Новое правитель
ство отменило систему танафиз (принудительного сбора недои
мок с крестьян).

В ответ на выражения общественного недовольства бедст
венным положением со снабжением населения товарами первой
необходимости в Консультативном совете состоялись по этому
поводу дебаты. «Козлом отпущения» стала местная торговая
буржуазия, в адрес которой прозвучали обвинения в искусствен
ном завышении цен, торговых махинациях, получении огромных
барышей и пр. Было решено создать специальное агентство для
осуществления контроля над ценами и импортом. Правитель
ство, таким образом, сделало ловкий шаг: хотя принятые ме
ры заведомо не решали проблемы снабжения, оно продемон
стрировало народу свою «озабоченность» благосостоянием

граждан [218, с. 21—22]. В то же время в его руках оказался рычаг давления на значительную часть йеменской торговой буржуазии, поскольку от правительственного агентства зависело, кому будет предоставлена возможность активно заниматься предпринимательской деятельностью.

С приходом к власти нового кабинета произошли сдвиги в расстановке социально-политических сил в стране и усилился процесс их поляризации. К началу 1973 г. на политической арене ЙАР фигурировали три группировки. Первую составляли феодально-племенные верхи, религиозные деятели и часть высших военных. Во вторую входили умеренные элементы, представлявшие интеллигенцию, молодежь и офицеров. Третья объединяла прогрессивные элементы — сторонников РДПЙ, баасистов и СЙДМ.

Внутри правящей группировки также не было единства. Война 1972 г. углубила ее внутренние противоречия, а с заменой аль-Айни на посту премьер-министра аль-Хаджари в рядах ее произошел раскол. Два образующих ее феодальных крыла приобрели четкие очертания — консервативное во главе с аль-Хаджари и шейхом аль-Ахмаром и умеренное во главе с аль-Арьяни [151, с. 72—73]. На политический курс правительства аль-Хаджари активное воздействие оказывали наиболее консервативные элементы феодально-племенных кругов. По мере усиления их позиций снижалась роль умеренных из числа гражданской и военной интеллигенции. Последние еще охотнее, чем раньше, стали блокироваться с теми немногочисленными элементами, которые представляли в правящем блоке интересы крупной буржуазии и временами составляли оппозицию консервативной группировке. В борьбе с ней они иногда шли даже на установление контактов с демократическими силами, представлявшими мелкую буржуазию города и деревни, прогрессивную интеллигенцию и зарождавшийся рабочий класс.

В политическом отношении эти силы оставались разобщенными. Предпринятая за год до этого, в начале 1972 г., попытка создания общенационального фронта с участием трех партий (см. выше) зримых результатов не принесла в основном из-за борьбы руководителей этих партий за лидерство в рамках фронта. Однако переговоры по этому вопросу не прекращались. Имели место и отдельные попытки организовать совместные действия. Так, 3 октября 1972 г., после начала войны между ЙАР и НДРЙ, в адрес Комитета по примирению было направлено письмо, подписанное пятью политическими партиями и организациями — СЙДМ, РДПЙ, Организацией революционного сопротивления, баасистами и организацией «Фронт 26 сентября». В последний входили сторонники президента ас-Саляля и генерала Абдаллы Джузейлана, одного из активных участников подготовки и осуществления революции 26 сентября 1962 г. [174, 03.10.1972]. Характеризуя обстановку в ЙАР, авторы письма отмечали, что «реакционное правительство под нажимом

Саудовской Аравии и США арестовало сотни людей... из числа молодежи, рабочих, студентов, офицеров... Монархисты заняли места республиканцев в высших органах власти, административном аппарате и армии». Правительство действует «против революции и революционных сил». «В экономике, в финансах страны царит анархия», свирепствует инфляция, огромные суммы денег скопились у крупных шейхов племен. Господствующий в стране блок феодальных сил значительно ослабил армию, изгнав из ее рядов прогрессивных офицеров.

Обращаясь к Комитету по примирению, авторы письма заявили, что они ждут от него содействия в деле ликвидации лагерей наемников, прекращения террора, направленного против прогрессивных деятелей, освобождения политических заключенных. Правительство ЙАР, говорилось в письме, должно отказаться от практики изгнания из государственного аппарата лиц, придерживающихся прогрессивных взглядов, всем гражданам должна быть предоставлена свобода политической и общественной деятельности. В нем подчеркивалось, что Комитету по примирению следует посетить районы, где ведутся военные действия. Это письмо представляет интерес главным образом как документ, свидетельствующий о дальнейших попытках объединения прогрессивных партий и организаций. Число их росло, и лишь разобщенность мешала им превратиться во влиятельный фактор политической жизни ЙАР.

Наиболее массовой и пользующейся в стране известностью была Революционно-демократическая партия Йемена. В 1972 г. она провела еще один чрезвычайный съезд, на котором особое внимание было обращено на кризис в партии и в национально-демократическом движении. Выводы и рекомендации съезда нашли отражение в документе под названием «Важное политическое заявление» [93]. В нем было подчеркнуто, что современный Йемен делится не на две, а на три части — Юг, Север и территорию, занятую Саудовской Аравией. Этим заявлением прогрессивные демократические силы напоминали общественности о приближении срока возврата после 40 лет оккупации Саудовской Аравией территорий Асира, Наджрана и Джизана их истинному владельцу — Йемену.

В документе отмечалось, что пришедшие к власти после переворота 5 ноября 1967 г. реакционные силы, заключив в 1970 г. Джиддинское соглашение, широко открыли двери для проникновения в страну международных компаний. В результате положение широких народных масс еще более ухудшилось. Об этом говорили направленные против феодалов и шейхов крестьянские волнения, вспыхивавшие в разных частях страны. Из солидарности с крестьянством «рабочие и солдаты направлялись из городов в сельскую местность, где совместно с жителями деревень подняли оружие против феодалов». Особенно успешно их действия развернулись в Среднем Джебеле, в округах Рейма-Отман, Эль-Бейды и др.

Специальный раздел документа касался проблемы кризиса в национально-демократическом движении. Съезд партии считает, говорилось в нем, что «кризис в РДПЙ и других дружественных партиях связан с тем, что экономическое и социальное положение Йемена рассматривается ими с буржуазных и мелкобуржуазных позиций. Это и является причиной их безынициативности. Сейчас перед национально-демократическими силами стоит важная задача — они должны взять на себя руководство массами, которые все активнее включаются в борьбу с феодалами и шейхами. Съезд призвал усилить борьбу масс против сил реакции во всех провинциях страны.

Решение антифеодальных задач должно сочетаться с борьбой «за захват власти революционными силами» — провозгласил съезд. Выдвижение этого тезиса, сочетание с установкой на вооруженную борьбу свидетельствовало о том, что к этому времени руководство РДПЙ еще не отказалось от своих левацких лозунгов. Касаясь методов «освобождения крестьян от эксплуатации и угнетения со стороны феодалов и шейхов», съезд, продолжая линию, сформулированную в программе РДПЙ в 1970 г., снова сделал акцент на необходимости вооруженных форм борьбы. Был выдвинут и вопрос о наделении крестьян землей, однако в рассматриваемом документе он детально не разрабатывался. На съезде вновь подымался вопрос о создании национального фронта, который бы объединил все действующие в ЙАР прогрессивные и демократические силы на борьбу против феодализма.

Съезд выдвинул лозунг борьбы «за йеменское единство с национально-демократическим содержанием». Смысл его состоял в том, что Северный Йемен должен был заимствовать принятую на Юге политическую систему, на этой основе предполагалось создать единое Йеменское «национально-демократическое государство». Съезд высказался за развитие национальной экономики, «свободной от империалистического рынка», «за освобождение от средневековой отсталости, за освоение современной цивилизации во всех сферах».

В Заявлении особо отмечена необходимость «борьбы за укрепление и защиту революционного режима на Юге Йемена». Эта установка была использована руководством РДПЙ в качестве одного из доводов в пользу сохранения партией своих вооруженных отрядов.

В уже упоминавшемся выше документе РДПЙ 1979 г. «Об опыте деятельности РДПЙ с критических позиций» второй съезд был оценен весьма критически. Во-первых, он продемонстрировал организационную слабость партии. В качестве казуса в этом документе указывается, что на втором съезде в члены ЦК были избраны лица, даже не являвшиеся членами РДПЙ. Во-вторых, он повторил установки предыдущего съезда, не отказавшись от левоэкстремистских лозунгов, и подтвердил политическую линию, краеугольным камнем которой было использование методов вооруженной борьбы, что не соответствовало сложившимся тогда в стране условиям.

Оживление наблюдалось и в других сферах политической жизни ЙАР. В феврале 1973 г. при активном участии аль-Арьяни и Мухаммеда Нумана в Сане началась подготовка к созданию массовой политической организации «Йеменский союз» [207, с. 827]. Идея такой организации и раньше не была чужда руководству ЙАР. На рассматриваемом этапе она стала актуальной в связи с Триполийским соглашением. В ст. 9 Соглашения говорилось о создании в рамках единого государства общейеменской «политической организации, в которую входят все производящие слои народа, заинтересованные в революции, борьбе против отсталости и пережитков эпохи имама и колониализма» [99, с. 17—30]. Формально мотивируя необходимость создания в ЙАР массовой политической организации тем, что в НДРЙ уже есть аналогичная организация в лице Национального фронта, руководство Северного Йемена стремилось при помощи Йеменского союза укрепить свою власть. Столкнувшись с ростом политической активности населения (зачастую принимавшей нежелательное для него направление), оно решило поставить политический процесс в стране под свой контроль. Именно этой задаче в первую очередь служило создание Йеменского союза в рассматриваемый период.

Был образован учредительный комитет Йеменского союза. В его состав вошли видные шейхи, крупные торговцы, представители армии и интеллигенции консервативного толка. Инициатором ее создания выступал председатель Республиканского совета аль-Арьяни. Он предложил созвать первое заседание комитета 18 февраля 1973 г. в помещении Консультативного совета [244, 13.02.1973]. Дата и место заседания, а также название создаваемой организации были весьма примечательны.

Как известно, в середине 30-х годов против правящей семьи Хамид ад-Динов развернулось оппозиционное движение, объединявшее в своих рядах феодальную интеллигенцию, нарождающуюся буржуазию и некоторых шейхов племен. В 1948 г. участники этого движения убили имама Яхью и создали 18 февраля 1948 г. первое конституционное правительство. Оно просуществовало недолго, около трех недель, после чего наследный принц Ахмед с помощью верных племен восстановил власть свергнутой династии. Это движение на протяжении более 20 лет своего существования имело несколько названий. Наиболее известное из них «Свободные йеменцы». Уже в 50-х годах находившиеся в эмиграции сторонники этого движения создали «Йеменский союз». Особенно значительную роль эта организация играла в Каире, где ею руководили Мухаммед Махмуд аз-Зубейри и Ахмед Мухаммед Нуман. Абдаррахман аль-Арьяни также являлся одним из ее активных деятелей. Именно поэтому в начале 70-х годов создатели новой общественно-политической организации присвоили ей наименование «Йеменский со-

юз», тем самым подчеркивая, что они являются прямыми наследниками революционных традиций антимонархического движения. Йеменский союз — старый и новый — это нечто единое, хотели сказать они; он никогда не прерывал своей деятельности, участвовал и в подготовке и осуществлении революции 1962 г., и в борьбе с контрреволюцией, а теперь один из его старых лидеров, Абдаррахман аль-Арьяни, по праву занял видное место в руководстве республикой.

Определенный политический смысл имел и выбор места созыва учредительного комитета Йеменского союза. Консультативный совет являлся высшим законодательным органом ЙАР. Аль-Арьяни в своих выступлениях постоянно подчеркивал, что члены Консультативного совета — это представители йеменского народа. Таким образом, Йеменский союз должен был появиться на свет под покровительством закона и народа. Но этого мало. Приветствуя создаваемый Йеменский союз, члены Консультативного совета — шейхи племен по преимуществу — демонстрировали свою «причастность» к революции, а следовательно, свое право на власть. Стремление принять «революционную окраску» стало на этом этапе характерной особенностью тактики многих деятелей феодально-племенной верхушки. Таким путем они хотели подвести прочный фундамент под свои политические претензии, завоевать популярность масс. Несколько позднее, в июне 1974 г., в проекте устава конгресса йеменских племен они заявляли: «Во всех движениях, направленных на вступление Йемена в жизнь современной эпохи, племена Йемена находились в авангарде всех остальных слоев народа, принимавших участие в национальной борьбе» [144, с. 3—20]. Между тем известно, что лишь небольшая часть шейхов входила в оппозицию имамам, дважды же, в 1948 и 1955 гг., они помогали Хамид ад-Динам вернуть трон.

О том, что политический расчет инициаторов Йеменского союза был именно таков, свидетельствует и текст обращения аль-Арьяни к членам учредительного комитета: «С того момента, **как движение Свободных йеменцев укрепило основы народной власти и утвердило национальную независимость** (подчеркнуто нами.— *Е. Г.*), наступил новый этап патриотической деятельности, этап восстановления единства йеменского народа, ибо только единство соответствует требованиям новой жизни». Ту же мысль он выразил и в своем выступлении на открытии первого заседания Союза: «Мы собрались на это историческое заседание, чтобы внести новый вклад в дело национальной борьбы. Эта борьба разворачивалась начиная с движения Свободных йеменцев до свершения нашей славной революции 26 сентября 1962 г. ...» [244, 19.02.1973].

Каковы же были задачи Йеменского союза по замыслу его основателей? В своем обращении к участникам заседания аль-Арьяни сказал, что у руководства республикой, которому приходится решать очень широкий круг проблем, не остается вре-

мени для «обобщения опыта прошлого и составления прогнозов на будущее». Поэтому, мол, и «возникла настоятельная необходимость в создании такого органа, который бы осуществлял изучение и анализ событий в их взаимосвязи и помогал руководителям страны выполнять их каждодневные обязанности. В этом и состоит задача политической организации».

В выступлении аль-Арьяни задачи и цели Йеменского союза были определены более пространно. Во-первых, он должен был «способствовать развитию патриотизма, укреплению престижа Йемена... чтобы йеменский народ мог... идти в ногу с современной цивилизацией... руководствуясь своими традициями и исламским учением... чтобы исламскому учению не грозили ни застой, ни извращения под воздействием экстремистских взглядов». Во-вторых, благодаря Йеменскому союзу массы должны были получить «возможность участвовать в управлении страной и осуществлять контроль за деятельностью правительства». Союз «призван содействовать претворению в жизнь законов, выполнению планов развития; он должен не допускать, чтобы народ или его часть оказались под диктатурой одного класса, одной группы, одной партии или одного человека». (Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с апелляцией феодальных кругов к якобы несовместимости принципов ислама с системой личной власти.) В-третьих, Йеменский союз должен был наблюдать за деятельностью всех имеющихся в стране общественных организаций, «давать ей правильное патриотическое направление, ограждать эти организации от самовластия и оппортунизма». В-четвертых, на него ложилась задача подготовки политических кадров для «проведения в жизнь здоровой демократии, соответствующей принципам Постоянной конституции».

«Желая разрешить классовые противоречия мирными средствами, а также выполняя пункты Триполийского соглашения о единстве Северного и Южного Йемена о необходимости создания единой йеменской организации, которая объединила бы все слои йеменского общества, искренне заинтересованные в достижении полного йеменского единства, мы решили создать единую политическую организацию Северной части Йемена»,— читаем мы в выступлении аль-Арьяни. Не касаясь затронутых в процитированных отрывках политических проблем, подчеркнем, что за настойчиво проводимой идеей единовластия просматриваются признаки формирования у правящей верхушки ЙАР националистической идеологии. Это особенно интересно потому, что в данном случае мы имеем дело с документами, отражающими в первую очередь позицию феодально-племенных слоев. В той мере, в какой представители этих слоев отождествляли себя с идеей централизованного государства, они становились носителями этой идеологии. Мысль о возможности создания массовой политической организации, главной характеристикой которой является ее **общенациональный** характер, также, несомненно, связана с набором националистических идей. Об этом говорит опыт

создания подобных политических образований в других развивающихся странах. Конечно, в Северном Йемене середины 70-х годов эти идеи носили еще зачаточный характер.

На этом же заседании был принят устав Союза, избран его председатель — Аль-Арьяни, генеральный секретарь — аль-Аснадж, члены временного политического бюро (11 человек), им поручалось выработать Хартию национальных действий, обсуждение которой намечалось на 1 мая 1973 г.

Заметим, что и через обращение аль-Арьяни, и через его выступление на первом заседании Йеменского союза красной нитью проходит мысль о необходимости внутреннего единства. На новом этапе, этапе деятельности Союза, говорилось в обращении, «**мы покончим с расколом** (подчеркнуто нами.— *Е. Г.*) и всеми его последствиями». Невозможно «приумножить свои достижения без патриотической народной организации, которая собрала бы под свои знамена все слои народа». Йеменский союз должен опираться на «йеменскую идеологию и на высокое исламское учение... стремиться к созданию собственных йеменских концепций, основанных на настоящем страны и ее историческом прошлом...».

Принципы, положенные в основу создания Йеменского союза, получили дальнейшее развитие в его уставе. Видную роль при его составлении играл идеолог союза Мухаммед Салем Басендва, видный политический деятель Южного Йемена в период английского господства. Согласно уставу, Союз был призван защищать республиканский режим и принципы революции. Он был обязан выполнять положения конституции. Специальный пункт был посвящен вопросу йеменского единства, которое «осуществляется по мере разрешения разногласий с Югом». Условием успешного развития «является сохранение национального суверенитета». Это развитие должно сопровождаться возрождением йеменской арабской, исламской культуры. При этом «народ не должен подпасть под власть какого-либо одного класса, одного слоя, одной партии или одной личности».

Таким образом, основатели Йеменского союза видели в нем некую надклассовую организацию, объединявшую все классы и слои населения ЙАР. Его деятельность должна была быть направлена на устранение классовых противоречий и смягчение социальных различий. Однако даже в уставе обнаруживала себя классовая направленность деятельности этой организации. Так, в главе II при определении стоящих перед Йеменским союзом задач говорилось, что Союз должен оказывать помощь правительству в идейном обосновании принятых им политических, экономических и социальных мероприятий и вести борьбу с прогрессивными течениями и партиями [162, с. 567—575].

С созданием Йеменского союза резко обострилась борьба за власть в правящей верхушке. Начались столкновения между председателем Республиканского совета аль-Арьяни и премьер-министром аль-Хаджари.

Создание массовой политической организации имело большое значение для консолидации сторонников аль-Арьяни — деятелей умеренного направления. Они составляли большинство в руководстве Йеменского союза, хотя были в его составе и сторонники аль-Хаджари. Тем не менеее при существовавшем соотношении сил было очевидно, что именно аль-Арьяни удастся влиять на правительственный курс. Ему было это крайне необходимо, поскольку умело проводившаяся им на протяжении длительного времени политика лавирования между консервативными и умеренными элементами, между шейхами различных племен, между Саудовской Аравией и НДРЙ к этому времени зашла в тупик.

В столкновениях аль-Арьяни и аль-Хаджари активное участие принимала Саудовская Аравия — на стороне своего ставленника аль-Хаджари. Как считает аш-Шихари, после подписания Каирского и Триполийского соглашений о мирном восстановлении йеменского единства Саудовская Аравия, неодобрительно встретившая эту договоренность, стала считать, что и аль-Арьяни и аль-Айни «вышли из повиновения» [151, с. 72].

В это время в мировую прессу просочился слух о том, что премьер-министр аль-Хаджари намеревается отстранить аль-Арьяни от власти, опираясь на помощь Саудовской Аравии, шейхов племен и на находящийся под его полным контролем Консультативный совет. Появилось также сообщение, что аль-Хаджари без согласия аль-Арьяни пытался организовать возвращение в страну бывшего премьера аль-Амри, высланного из ЙАР в начале сентября 1971 г., который должен был, сменив на посту главнокомандующего армии одного из родственников аль-Арьяни, повести войска на подавление крестьянского движения в Среднем Джебеле [267, 1978, № 79, с. 81].

Подобные слухи были не безосновательны, поскольку 17 марта 1973 г. в Саудовской Аравии с визитом находилась северойеменская правительственная делегация в составе аль-Хаджари, Мухаммеда Нумана и аль-Мисвари. Официально она подписала северойеменско-саудовское коммюнике о расширении и углублении дружественных связей между двумя странами. В то же время, по заявлению прогрессивных организаций ЙАР, член делегации Мухаммед Нуман подписал также с Саудовской стороной секретное соглашение, которое «признавало постоянными и окончательными сложившиеся к этому времени границы между ЙАР и Саудовской Аравией» [87]. Тем самым йеменские территории Асир, Наджран и Джизан, оккупированные саудовцами в результате войны с имамом в 1934 г., должны были окончательно перейти под саудовский суверенитет.

26 марта 1973 г. представители пяти прогрессивных партий— РДПЙ, НДС, Йеменской партии труда, Партии народного авангарда и Баас (проиракской ориентации) — впервые опубликовали совместное заявление, в котором вскрыли антинародную, антинациональную сущность политики правительства аль-Хад-

жари и осудили подписание соглашения о границе между ЙАР и Саудовской Аравией, охарактеризовав его как «предательство национальных интересов... Передача йеменских территорий является нарушением государственного суверенитета, ответственность за это несут Республиканский и Консультативный советы». Представители пяти партий обратились к руководителям страны с требованием занять ясную позицию в вопросе о суверенитете и независимости ЙАР, «сформировать патриотическое правительство, которое бы защищало национальную независимость страны, добивалось возвращения йеменских территорий и выполнило условия соглашений о единстве, подписанных в Каире и Триполи». В заявлении содержался также пункт о необходимости предоставить народу демократические свободы и освободить заключенных [87]. Опубликование этого документа явилось свидетельством начавшейся политической консолидации прогрессивных патриотических сил.

Политика аль-Хаджари дала саудовцам возможность оказывать весьма значительное влияние на северойеменский курс. Руководство ЙАР все более решительно порывало с принципами мирного воссоединения двух йеменских государств на демократической основе. Работа двусторонних комиссий, занимавшихся проблемами, связанными с единством, была постепенно заморожена. Официальные власти отстраняли прогрессивно настроенных лиц от работы в государственных учреждениях и армии. По указке саудовцев, совершались акты террора, направленные против демократических деятелей и сторонников единства [265, 26.06.1973; 267, 1976, № 74, с. 66].

С весны 1973 г. начался новый тур приготовлений ЙАР к войне с НДРЙ. Саудовская Аравия еще активней продолжала вооружать отряды йеменских племен. Она сделала попытку примирить шейхов соперничающих между собой конфедераций племен хашед и бакиль, чтобы направить их совместные усилия на подавление антифеодального крестьянского движения в южных округах ЙАР, в частности в Эль-Бейде и Дымте, расположенных вблизи границы с НДРЙ. При поддержке Эр-Рияда там активно действовал «эскадрон смерти», наводя ужас на жителей; его члены мучили и убивали сторонников прогрессивно-патриотических организаций, взрывали школы и т. д. [274, 1973, № 233, с. 28]. Шейхи племен, со своей стороны, были серьезно обеспокоены тем, что крестьянское движение на юге может охватить и северные районы. Однако политический расчет саудовцев шел еще дальше — за счет перемещения к границе НДРЙ военных формирований племен они надеялись дестабилизировать пограничную ситуацию. Вдоль границы ЙАР и НДРЙ при участии Саудовской Аравии были созданы новые военные лагеря для частей регулярной армии и южнойеменской контрреволюции.

В мае на границе двух йеменских государств вновь стали вспыхивать пограничные инциденты. Северойеменские войска

подвергали обстрелам позиции южан в Мукейрасе. НДРЙ заявила протест и потребовала прекращения этих актов агрессии. Во второй половине мая на южнойеменской границе в районе Хадрамаута сосредоточилось большое количество саудовских войск, а в районах Катаба, Эд-Далэ, Эль-Бейды — северойеменских [252, 09.07.1973].

К лету 1973 г. благодаря финансовой поддержке Саудовской Аравии укрепились позиции правых сил в ЙАР. Число сторонников аль-Хаджари возросло не только среди феодально-племенной знати, но и среди чиновников госаппарата и офицеров — выходцев из феодальных семей. Аль-Хаджари раздавал по своему усмотрению огромные суммы денег, поступавшие из Саудовской Аравии в департамент племен («маслахат аль-кабаиль»).

Дальнейший натиск правых сил произошел в связи с убийством влиятельного феодала члена Республиканского совета шейха Мухаммеда Али Османа. Консервативные деятели из правящей группировки обвинили в этом убийстве Организацию революционного сопротивления, поддерживаемую властями НДРЙ, и попытались использовать его для дальнейшего наступления на прогрессивные силы в ЙАР и обострения конфронтации с НДРЙ [206, с. 827; 274, 1973, № 233, с. 28].

В связи с убийством шейха Османа западноевропейский журнал «Магреб-Машрек» писал, что «эта акция саудовцев направлена против левой оппозиции (в ЙАР.— *Е. Г.*) и Южного Йемена; ее следует рассматривать как серьезный удар, нанесенный процессу объединения». В результате этого инцидента, сообщается в журнале, национально-патриотические силы ЙАР подверглись жестоким репрессиям. Республиканский совет, членом которого был Осман, больше не мог контролировать положение в стране. Началось открытое противоборство между главой государства аль-Арьяни и премьер-министром аль-Хаджари. «Последнего безоговорочно поддерживает Саудовская Аравия, а он наряду с правительством держит в руках еще и Консультативный совет» [267, 1978, № 79, с. 81].

В середине мая 1973 г. в районе Хасаба (район г. Саны) была созвана конференция шейхов. На ней присутствовало руководство ЙАР — гражданское и военное. В центре внимания был вопрос о крестьянских выступлениях на юге страны. Участники конференции потребовали от правительства обеспечить безопасность и стабильность в юго-восточных районах и «очистить эти районы от подрывных и террористических элементов», защитить граждан и их имущество, а также выступить гарантом «неприкосновенности шейхов, которые подвергаются покушениям и террору».

Под предлогом борьбы с повстанцами шейхи настаивали на глобальном наступлении на позиции демократических сил. Председателю Республиканского совета, премьер-министру и главнокомандующему вооруженными силами ЙАР предлага-

лось очистить государственный аппарат, министерства, армию и общественные организации от «партийных, террористических и злостных элементов». Участники конференции потребовали, чтобы власти ЙАР «предоставляли убежище беженцам, эмигрантам и изгнанникам из своих родных мест, а также пострадавшим во время террористических актов в районах Дымт, Рада, Эль-Бейда, Хариб и др.». Они заявили, что им «удалось договориться об учреждении высшего общеплеменного совета по делам безопасности, в задачи которого входит улаживание межплеменных конфликтов, решение межплеменных проблем, установление между племенами добрых отношений» [229, 16.06.1973].

В напряженной внутриполитической обстановке в первых числах июня в Сане состоялись совместные заседания членов всех высших органов государственной власти — Республиканского и Консультативного советов, Совета министров, руководства Йеменского союза, главного командования вооруженными силами и губернаторов провинций. Присутствовавшие в основном представляли наиболее консервативные круги. Они потребовали возвращения в страну «сильной личности» — генерала Хасана аль-Амри, который, по их мнению, был способен быстро покончить с «террористической и подрывной деятельностью», подготовить армию к войне с НДРЙ, очистить госаппарат и армию от «партийных элементов». Участники одобрили замораживание работы смешанных йеменских комиссий по единству [244, 05.06.1973; 267, 1976, № 74, с. 66].

Председателю Республиканского совета аль-Арьяни удалось убедить собравшихся в нецелесообразности возвращения аль-Амри в ЙАР. Борьбу с «подрывной деятельностью» решено было сосредоточить на местах. Участники заседания высказались в пользу предоставления полномочий местным властям — губернаторам провинций, командирам воинских подразделений и сил безопасности, чтобы они при поддержке шейхов покончили с «терроризмом и диверсиями». Всем должностным лицам и жителям «вменялось в обязанность задерживать лиц, создававших беспорядки, и препровождать их в районные и провинциальные центры». В случае оказания сопротивления разрешалось их убивать [244, 05.06.1973; 218, с. 256].

В стране начались массовые аресты прогрессивно настроенных лиц, особенно среди офицеров. По сообщению газеты «Ас-Саура», еженедельно заседавшая комиссия с участием саудовских офицеров «вычищала» офицерский состав, многих увольняя в отставку или переводя на гражданскую службу за «неподчинение дисциплине и военному уставу». Более 700 крестьян, рабочих, военных и студентов были незаконно арестованы и преданы суду. Многие активисты антифеодального движения на юге страны, профсоюзов и нелегальных политических партий и организаций были убиты или брошены в тюрьмы. В Сане начались судебные процессы над «диверсантами», целью которых

было показать общественности «причастность» НДРЙ к «подрывной деятельности» в ЙАР [252, 09.07.1973].

Первая волна массовых арестов прошла еще в начале 1973 г. Вторая началась после убийства шейха Османа. Особенно усердствовали шейхи племен, действовавшие при поддержке полиции и армии. Под флагом борьбы с «саботажем» и «терроризмом» специально созданный трибунал приговорил многих к смерти или к различным срокам тюремного заключения. Как писал английский исследователь Р. Стуки, приговоренные «в большинстве случаев были простыми, необразованными людьми, доведенными до предела отчаяния угнетением со стороны шейхов. Шейхи официально злоупотребляли данными им полномочиями и властью, которую они имели благодаря своим вооруженным отрядам: они взимали с людей чрезмерные налоги, на которые ни каноническое, ни гражданское законодательство не давало им права. Люди, бессильные перед лицом голода и непомерных поборов, начинали борьбу, не думая о своей жизни и свободе» [218, с. 255—257].

На «кампанию по борьбе с терроризмом и диверсиями» накладывалась борьба за власть в правящей верхушке, которая принимала все более острые формы по мере углубления раскола между консервативными традиционалистами во главе с аль-Хаджари и аль-Ахмаром и умеренными традиционалистами во главе с аль-Арьяни, который, согласно западным оценкам, выступал за политику ограниченного прагматизма. Пользуясь значительной поддержкой Консультативного совета, армии и шейхов племен, аль-Хаджари приступил к чистке государственных учреждений от сторонников аль-Арьяни и других деятелей умеренного толка. Они, в свою очередь, обратились к главе государства с меморандумом, в котором потребовали устранения просаудовской фракции аль-Хаджари и нормализации отношений с Южным Йеменом [271, 1973, № 8; 252, 09.07.1973].

Летом 1973 г. стало очевидным, что, несмотря на принятые меры, умеренные не в силах противодействовать натиску своих противников, широко пользовавшихся помощью Саудовской Аравии. Не одобряя политики репрессий, аль-Арьяни покинул столицу и перебрался на юг страны в Таизз, а в начале августа под предлогом болезни вылетел в Сирию. В это время в ЙАР стали распространяться слухи о том, что аль-Арьяни подал в отставку [267, 1978, № 79, с. 81; 274, 1974, октябрь, с. 36—39].

Отъезд аль-Арьяни примерно совпал по времени с прекращением отступления умеренных традиционалистов; приостановился ранее происходивший отток их сторонников в лагерь противника. Среди умеренных начался постепенный процесс сплочения.

Между тем деятельность правительства аль-Хаджари вызывала все большее недовольство йеменской общественности. Особенно сильно возмущало ширящееся вмешательство Саудовской Аравии во внутренние дела ЙАР — ее усилия развязать войну

между ЙАР и НДРЙ, организуемые ею репрессии против деятелей прогрессивных сил Северного Йемена, попытки вернуть в страну генерала аль-Амри, денежные подачки, раздаваемые чиновникам, офицерам и шейхам, поддерживавшим просаудовский курс аль-Хаджари. Сторонники аль-Арьяни выразили недовольство действиями премьер-министра, который, воспользовавшись отсутствием аль-Арьяни, освободил группу арестованных из числа «братьев-мусульман» и помог им переправиться в Саудовскую Аравию.

Признаком падения престижа аль-Хаджари было также письмо, направленное аль-Арьяни во время его пребывания в Сирии. В нем видные общественные и политические деятели, правительственные чиновники, офицеры, некоторые шейхи племен, представители интеллигенции весьма критически отозвались о деятельности правительства аль-Хаджари. В письме отмечалось, что просьба аль-Арьяни об отставке была скрыта даже от членов Консультативного совета, однако «подготовительный комитет Всеобщего народного конгресса по исправлению существующего положения», сформированный в результате многочисленных собраний, проходивших по всей стране, рассмотрел эту просьбу и пришел к заключению, что она не может быть удовлетворена. Однако возвращаться в страну аль-Арьяни рекомендовалось не раньше, чем будет выполнен ряд условий: должен быть ликвидирован Республиканский совет, а его полномочия переданы президенту республики с внесением соответствующей поправки в конституцию; руководство должно стоять на страже национального суверенитета и независимости страны и добиваться выполнения Каирского и Триполийского соглашений о йеменском единстве.

Авторы письма ставили вопрос о предоставлении населению демократических свобод и об организации свободных выборов в Консультативный совет. Национальное правительство, говорилось в нем, должно пользоваться доверием народа и добиваться решения кардинальных задач, в частности перечисленных в рассматриваемом документе. Оно должно проводить политику мира, отказаться от использования методов войны при решении любых проблем, касающихся отношений между Севером и Югом. Позитивный нейтралитет должен стать краеугольным камнем внешнеполитического курса ЙАР.

В сфере внутренней политики они требовали, чтобы правительство добивалось преодоления финансового кризиса и прилагало усилия к оздоровлению административной системы. «Разложенцы, саботажники и предатели должны быть преданы суду»,— говорилось в письме. Ставился вопрос о реорганизации национальной экономики, с тем чтобы она «служила интересам страны и не превращалась в арену эксплуатации и кровавой классовой борьбы». Крестьянские волнения на юге страны должны быть прекращены. Правительству следует осуществлять контроль над армией и силами безопасности, добиваясь их превращения в «орудие защиты революции, контроля над революционным процессом, выполнения целей революции и охраны независимости страны».

Письмо также требовало «установления достойных отношений между правительством и народом и между гражданами». Эти отношения должны основываться на «справедливости, равенстве, отсутствии эксплуатации». Необходимо добиваться «централизации государства», с одной стороны, укрепляя центральную власть, с другой — подавляя племенной сепаратизм, который, будучи следствием феодальной формы правления, сдерживает национальное развитие страны.

В заключение письма «подготовительный комитет Всеобщего народного конгресса по исправлению существующего положения» заявлял, что выполнение выдвинутых требований явится началом новой политической жизни, и еще раз подчеркивал, что на иных условиях возвращение аль-Арьяни в ЙАР невозможно [82].

Мы столь подробно изложили текст этого письма, поскольку в нем были сформулированы требования недовольных правлением консервативных кругов, близких к умеренным традиционалистам, которые в тот период являлись второй по степени влияния силой в стране.

Со времени появления слухов об отставке аль-Арьяни, всколыхнувших различные социальные слои йеменского общества, курс правительства стал подвергаться все более резкой критике. Как уже отмечалось выше, особенно острое общественное осуждение вызывали тесные контакты с Саудовской Аравией (за спиной которой стояли империалистические силы). Противники просаудовской политики считали, что ЙАР не должна идти на поводу у Саудовской Аравии, что отношения между двумя странами должны строиться на принципе равноправия. ЙАР следует проводить независимую от Саудовской Аравии и любой другой страны политику и поддерживать мирные отношения с соседями — снова и снова требовала оппозиция. Эти положения, как уже говорилось выше, составляли основное содержание программы мира и строительства, изложенной аль-Арьяни еще в 1969 г. на открытии первой сессии Национального совета [65].

Предметом острых разногласий были отношения ЙАР с НДРЙ. Усиленно пропагандировавшаяся сторонниками аль-Хаджари и Саудовской Аравией программа войны вызывала резкие протесты, не считаться с которыми было невозможно. С осени 1973 г. началась постепенная нормализация отношений между ЙАР и НДРЙ. На конференции неприсоединившихся стран в Алжире в сентябре состоялась серия встреч президентов двух йеменских государств, в результате которых была достигнута договоренность о прекращении «саботажа соглашений о единстве», возобновлении поисков путей их осуществления [272, 1974, № 1, с. 51]. Снова начали работать смешанные комиссии. Был подписан ряд соглашений по экономическим вопросам,

в реализации которых были заинтересованы оба государства. При посредничестве ЛАГ в ноябре 1973 г. в Каире был начат новый раунд переговоров о единстве ЙАР и НДРЙ [272, 1974, № 2, с. 170].

Нормализация отношений вступила в новую фазу после визита в Таизз и Ходейду председателя Президентского совета НДРЙ в ноябре 1973 г. Было подписано совместное коммюнике о прекращении террористической деятельности с обеих сторон. Горячий прием президенту Южного Йемена был оказан жителями городов и деревень по пути его следования [244, 15.11.1973; 245, 15.11.1973].

В начале 1974 г. отношения между двумя йеменскими государствами продолжали улучшаться. Заметно активизировалась деятельность комитетов и комиссий на разных уровнях, занимавшихся проблемой единства. В первой половине мая в Аден выехала северойеменская экономическая делегация. Она заявила о готовности ЙАР пойти на расширение торговли с НДРЙ и более тесное сотрудничество с ней в области экономического развития. 10 мая 1974 г. между представителями ЙАР и НДРЙ состоялись переговоры на высшем уровне. Значительное внимание на них было уделено вопросу принадлежности островов Красного моря и пограничным проблемам.

Размораживание процесса объединения Северного и Южного Йемена не означало прекращения борьбы в правящей группировке ЙАР. Каждая из сторон стремилась расширить свою социальную базу и, главное, привлечь на свою сторону возможно большее число сторонников из среды лиц, занимавших ответственные посты. Это было крайне необходимо в условиях неразвитости общественной жизни, отсутствия легальных политических партий. В поддержку умеренной группировки и выдвинутой ею программы мира выступила Ассоциация улемов, представлявшая политическую религиозную организацию, отколовшуюся от «братьев-мусульман». Это была важная победа умеренных, поскольку под вопрос ставилось единство консервативной группировки.

Росту рядов сторонников аль-Арьяни и формированию общественного мнения в его пользу способствовала развернутая на страницах печати кампания критики в адрес правительства аль-Хаджари. Правительство обвиняли в бездеятельности, в широко распространенных среди чиновничества злоупотреблениях властью в целях личного обогащения, в отсутствии товаров первой необходимости, в росте дороговизны, который привел к снижению уровня жизни подавляющего числа йеменских семей. Сторонники аль-Арьяни обвиняли правительство в том, что оно не урегулировало конфликты между племенами, тянувшиеся еще со времени гражданской войны, не сумело установить эффективного контроля на окраинах республики и др. Они указывали, что правительство попустительствовало шейхам, которые не полностью сдавали в государственную казну собран-

ные налоги. Центральная власть, заявляла оппозиция, должна активно внедряться в жизнь племен; между тем строительство дорог, школ и больниц осуществлялось далеко не на всех племенных территориях. Все настойчивей выдвигалась мысль об изменении состава «общего руководства», т. е. правительства и Консультативного совета, при сохранении в прежнем составе Республиканского совета.

О росте недовольства курсом правительства аль-Хаджари свидетельствовало, в частности, письмо, адресованное аль-Арьяни группой лиц, в которую входили представители национально-демократических сил, общественные деятели, члены влиятельных семей, некоторые шейхи. Письмо содержало просьбу к председателю Республиканского совета обратить внимание на массовые аресты, на условия содержания арестованных в тюрьмах. Авторы письма призывали аль-Арьяни, использовав свое «конституционное право в осуществлении общей политики государства и контроля за ее исполнением», отдать приказ об освобождении политических заключенных и «прекращении преследований молодежи со стороны аппарата безопасности» [186].

Таким образом, в начале 1974 г. в стране сложилась острая политическая ситуация, усугублявшаяся серьезными экономическими трудностями.

5 февраля был опубликован президентский декрет о передаче контроля над административными делами, производством, «национальным развитием», общественными службами трем членам Республиканского совета. В ведение аль-Арьяни отошли министерства внутренних дел, обороны и иностранных дел, аль-Хаджари — финансов, экономики, вакфов, местного самоуправления, Ахмеда Нумана — «национальное развитие», общественные службы, министерства образования, информации, а также Йеменский союз и Консультативный совет [169, с. 119—120]. Таким образом, вся внутри- и внешнеполитическая деятельность правительства аль-Хаджари, Консультативного совета и Йеменского союза оказалась в руках Республиканского совета. Практически это означало передачу верховной власти председателю Республиканского совета аль-Арьяни.

Через пять дней был опубликован новый декрет президента об освобождении аль-Хаджари от обязанностей премьер-министра. Таким образом, в борьбе между аль-Арьяни и аль-Хаджари последний потерпел поражение [272, 1974, № 2, с. 170].

Победа умеренных традиционалистов над консерваторами не в последнюю очередь была обусловлена ростом в стране национально-патриотических сил. К началу 1974 г. некоторые прогрессивные партии, действовавшие нелегально, пересмотрели свои идеологические концепции и заявили о переходе на позиции марксизма. К их числу относилась партия Баас просирийской ориентации. Ее пятым съездом, прошедшим в 1973 г., было принято решение о том, что отныне партия в своей деятельности будет руководствоваться марксистской идеологией и поэтому по-

рывает с общеарабской Баас. Партия приняла новое название — Партия народного авангарда [10].

На съезде отмечалось, что йеменская Баас представляет такие социальные силы, как крестьянство, рабочий класс, мелкая буржуазия, солдаты, офицеры, интеллигенция. Их объединяет совместная борьба против феодалов и компрадоров. В стране господствует реакционный режим, он должен быть свергнут и заменен демократическим.

В решениях съезда было уделено внимание созданию общейеменского национального фронта. Съезд в связи с этим высказался за создание в Северном и Южном Йемене двух разных фронтов, объяснив это несходством социальной природы режимов в ЙАР и НДРЙ. Съезд одобрил соглашения, заключенные в Каире и Триполи, констатировал, что единство может быть осуществлено только в результате борьбы демократических сил [146].

В 1973 г. активизировалась деятельность марксистской партии Народно-демократический союз (НДС), созданной на базе молодежной организации Союз йеменской демократической молодежи. Партия была немногочисленная. В ее рядах были представлены студенты, революционная интеллигенция, мелкие служащие, рабочие (текстильной фабрики в Сане, цементного завода в Баджиле, порта в Ходейде), солдаты, низшие офицеры. В нее входили некоторые бывшие члены организации «Свободные офицеры». Партия имела свой печатный орган «Нидаа аш-шааб».

В проекте программы НДС отмечалось, что в современных условиях партия видит свою задачу в том, чтобы руководить «политической и экономической борьбой рабочих, крестьян и трудящихся масс, проводить работу по разоблачению реакционной идеологии, господствующей в йеменском обществе» [134]. НДС выступал за объединение всех национально-демократических сил в рамках единого национального фронта, за создание общенационального коалиционного правительства, которое бы «стояло на страже суверенитета страны и ее национальной независимости, проводило антиимпериалистический внешнеполитический курс... выступало за осуществление экономических, социальных и политических преобразований, за предоставление народу демократических свобод, за разработку конституции, гарантирующей демократические права широким народным массам».

Для достижения йеменского единства НДС считал необходимым действовать в двух направлениях: во-первых, вести борьбу за претворение в жизнь лозунга единства, имея в виду мирный путь объединения Северной и Южной частей Йемена, и, во-вторых, добиваться сохранения демократического режима на Юге, поскольку самим фактом своего существования он создавал возможность для решения вопроса единства на национально-демократической основе.

НДС поддерживал дружественные отношения с обеими баасистскими партиями, хотя между ними имелись расхождения по политическим вопросам. Руководители трех партий выступали против лозунга «народной войны» в условиях ЙАР того периода. С ним в этом вопросе соглашалось демократическое крыло РДПЙ. НДС придерживался точки зрения, что террористическая деятельность в конечном счете вела к ослаблению прогрессивных сил страны, поскольку давала реакционному руководству ЙАР повод организовывать массовые преследования представителей демократической прогрессивной общественности. Руководство НДС выступало за расширение участия членов партии в работе общественных организаций, в частности профсоюзов, поощряя тем самым легальные формы борьбы в политических условиях ЙАР. Заметим, что руководство РДПЙ категорически отказывалось от легальной борьбы.

В 1970 г. в ЙАР была создана на базе нескольких групп интеллигенции Партия труда. Она тоже заявила, что в своей деятельности будет руководствоваться марксистско-ленинской идеологией.

В начале 1974 г. пять политических партий — РДПЙ, НДС, Баас, Партия народного авангарда и Партия труда — опубликовали совместное заявление, второй документ после 1973 г. Если в первом была высказана общая точка зрения по конкретному вопросу, связанному с соглашением о границах, то теперь, по существу, впервые была сформулирована единая точка зрения на проблемы социально-экономического и общественно-политического развития страны [92].

В заявлении был подвергнут резкой критике курс правительства аль-Хаджари, которое «еще больше ухудшило положение народа и увеличило переживаемые страной трудности, попирая свободу, суверенитет и независимость родины. Оно открыло настежь двери страны иностранным миссионерским организациям, компаниям и монополистическим банкам, поставив под удар независимость и безопасность страны и затруднив участие национального капитала в ее независимом развитии». В заявлении указывалось, что сотни граждан оказались в тюрьмах, где они подвергаются притеснениям и пыткам; «цены выросли до чудовищных размеров, жизненные условия народа не гарантируют выживания». В своей внешней политике правительство аль-Хаджари «демонстрирует верность арабской реакции и международному империализму, враждебно относится к патриотическому режиму на Юге, препятствует осуществлению единства мирными демократическими средствами».

В заявлении от имени «патриотического освободительного движения ЙАР» был сформулирован ряд требований демократического характера.

В политическом разделе требовалось предоставить «демократические свободы народным массам и их патриотическому и демократическому авангарду». Предлагалось внести в конститу-

цию статьи, гарантирующие более широкие свободы народу и защиту его интересов. Было выдвинуто требование пересмотра закона о выборах в сторону увеличения числа представителей городов в Консультативном совете (при этом преследовалась цель сокращения числа шейхов, которые занимали в Консультативном совете непропорционально большое место). В заявлении говорилось, что в деревне также необходимо ввести систему тайных прямых выборов.

В разделе экономики заявление требовало «стимулировать развитие общественного сектора и оказывать помощь частному», а также «урегулировать аграрные отношения», пойдя на «прекращение репрессий» в южных провинциях страны, а также отменить все еще существующие феодальные повинности. Подчеркивалось, что в своей экономической деятельности правительство должно «руководствоваться научными планами и программами».

В социальном разделе выдвигались требования разрешения проблемы безработицы, демократизации образования, введения обязательного бесплатного обучения. Преподавание должно вестись на равно высоком уровне как в городе, так и в деревне. Был поставлен вопрос об «упразднении племенных армий». Ассигнования, ранее использовавшиеся шейхами для военных целей, предлагалось пустить на «благоустройство и развитие деревень». Это требование было направлено на ослабление власти и могущества шейхов племен. Государственные субсидии, которые они ранее расходовали на племенные ополчения и собственные потребности, должны расходоваться, по мнению пяти партий, на нужды всех соплеменников, которым раньше перепадала весьма незначительная их часть.

В заявлении подчеркивалось, что ЙАР в своей политике должна «постоянно и терпеливо проводить курс на осуществление единства йеменских земель мирным демократическим путем в соответствии с Каирским и Триполийским соглашениями и договоренностью, достигнутой на встрече в Алжире».

Таким образом, подписанное пятью прогрессивными партиями заявление явилось первым реальным шагом на пути к дальнейшего сближения и создания Национально-демократического фронта ЙАР.

* * *

3 марта 1974 г. было сформировано новое правительство в составе 20 человек во главе с Хасаном Мекки. Десять из них занимали посты в предшествующих правительствах.

Новое правительство включало как военных, так и гражданские лица. Среди них были деятели умеренных взглядов, выразители интересов компрадорских кругов, представители монархистов, независимые, офицеры сентябристы (входившие во «Фронт 26 сентября»). Два поста (министра иностранных дел и министра социальных дел и труда) были предоставлены ярым

противникам НДРЙ — Абдалле аль-Аснаджу и Мухаммеду Базиндва [272, 1974, № 3, с. 299].

Отстранение аль-Хаджари с поста главы правительства не привело к существенному ослаблению консерваторов, которые продолжали сохранять влиятельные позиции в высшем эшелоне власти». Главным содержанием борьбы в правящем блоке было решение вопроса о путях дальнейшего развития страны. Решение всех внутренних и внешнеполитических проблем, начиная с осуществления социально-экономических реформ и кончая отношениями с соседями — Саудовской Аравией и НДРЙ, в конечном счете зависело от выбора генерального направления политического развития ЙАР. Разумеется, общность классовых интересов обусловливала близость позиций причастных к правящей верхушке сил по целому ряду вопросов; тем не менее, учитывая переходный характер переживавшегося тогда ЙАР исторического этапа, нельзя не признать, что в исторической перспективе исход борьбы между тремя основными группировками правящих классов мог иметь далеко идущие последствия.

Выступая на пресс-конференции, вновь назначенный премьер-министр указал, что стране предстоит преодолеть значительные трудности в области экономики, снабжения и административной работы. Что касается внешней политики, то он подчеркнул, что ЙАР будет по-прежнему поддерживать дружественные связи со всеми странами, с которыми у нее установлены отношения. «Братская близость» сохранится в отношениях с Саудовской Аравией. ЙАР будет стремиться к объединению с Югом.

19 марта 1974 г. Хасан Мекки выступил перед членами Консультативного совета с изложением политической программы своего правительства [169, с. 419—434]. Программа предусматривала проведение реформ в различных областях. Особое внимание было уделено укреплению армии и сил безопасности.

В центре выступления стояли проблемы развития страны и претворения в жизнь первой в истории Йемена трехлетней программы социально-экономического строительства на 1973/74—1976/77 гг. В отличие от своих предшественников Мекки представил Консультативному совету статистические разработки и конкретные цифры. На трехлетний период развития было ассигновано 832 млн. риалов, из них 26% шло на развитие транспорта и связи (строительство новых дорог, сооружение телефонной сети), 23% — на образование, включая высшее, 17% — на развитие сельского хозяйства (план предусматривал подъем животноводства, овощеводства и рыболовства), в том числе на подготовку специалистов, и 7% — промышленности (строительство новых предприятий, увеличение мощности цементного завода в Баджеле, увеличение добычи соли в Эс-Салифе; часть этих средств предполагалось выделить на поддержку национального частного сектора).

Программа предусматривала проведение реформ админи-

стративного аппарата, финансовой системы, а также осуществление некоторых ведомственных реформ в рамках отдельных министерств.

В политическом разделе программы говорилось о том, что правительство будет продолжать курс на объединение ЙАР и НДРЙ и содействовать деятельности смешанных комиссий.

Касаясь внешнеполитических задач, Хасан Мекки заявил, что проводимая в отношении арабских государств политика будет исходить из устава ЛАГ и исламской религии. Он подчеркнул, что со странами Аравийского полуострова и Персидского залива ЙАР стремится развивать сотрудничество в области техники и культуры. Со всеми остальными дружественными странами она будет строить отношения на основе принципов позитивного нейтралитета, неприсоединения при строгом соблюдении Устава ООН.

Политическая программа Хасана Мекки была одобрена членами Консультативного совета.

Весной 1974 г., несмотря на кажущуюся разрядку политического положения в ЙАР, связанную с уходом аль-Хаджари, борьба в правящем блоке продолжала нарастать. К этому времени в ней отчетливо просматривались три крупные группировки: представителей консерваторов возглавлял шейх аль-Ахмар, во главе умеренных феодальных кругов стоял аль-Арьяни, а выразителем интересов компрадоров был Ахмед Нуман [250, 29.04.1974]. В группу аль-Ахмара входили крупные шейхи и занимавшие ответственные посты офицеры — аль-Мисвари, Абу Шавариб, аль-Мутаваккиль и др., сторонники Союза йеменских народных сил, клан аль-Вазиров, многие сейиды, деятели, связанные с движением «братьев-мусульман». К группировке примыкали и некоторые буржуазные деятели, придерживавшиеся консервативной ориентации. Эта группировка выступала за сохранение в стране традиционной феодальной структуры и господство племенной аристократии. Она была решительным противником буржуазных свобод, коммунистической идеологии, развития дружественных связей с Южным Йеменом и социалистическими странами.

Вторую группировку составляли сторонники аль-Арьяни. В нее входили значительная часть кади, клан аль-Арьяни, многие старшие и средние офицеры армии. Свой политический курс она связывала с проведением ограниченных реформ — и в сфере экономики, и в сфере управления. Сторонники ее готовы были «подновить» отжившие свой век феодальные установления. Председатель Республиканского совета аль-Арьяни на протяжении многих лет успешно осуществлял гибкую политику в отношении Саудовской Аравии и НДРЙ. Он не выступал против своего северного соседа, но хотел положить конец его безмерно разросшемуся влиянию. Что касалось южного соседа, то аль-Арьяни предпочитал конфронтации мирный диалог.

С аль-Арьяни блокировалась небольшая группа Ахмеда Ну-

жана, выступавшая за развитие по капиталистическому пути, расширение экономических и политических связей с Западом и проведение политики «открытых дверей». Они считали, что интересы капиталистического развития требуют совершенствования госаппарата и всей системы управления. Они стремились добиться изменения состава Консультативного совета за счет сокращения числа консерваторов и увеличения умеренных (в чем их поддерживал аль-Арьяни и его сторонники). Нуман считал также необходимым укреплять Йеменский союз и расширять сферу его деятельности, с тем чтобы он превратился в действующую политическую организацию, способную на деле организовать мелкобуржуазные слои города, привлечь на свою сторону сельскую буржуазию, мобилизовать все ресурсы на цели развития, предотвратить классовые столкновения появившегося рабочего класса с предпринимателями-капиталистами.

Несколько особое положение занимала в правящем блоке группировка аль-Айни — клана Абу Лухумов. Как уже говорилось, аль-Айни и Абу Лухум были связаны семейными узами; причем, несмотря на то что они придерживались разной политической ориентации (у первого была репутация «либерала», второй принадлежал к наиболее консервативным кругам), родственные связи зачастую перевешивали политические соображения. Кроме того, среди шейхов Абу Лухум выступал в качестве антагониста аль-Ахмара. Это означало, что, будучи солидарным с последним, когда превалировали классовые интересы, он время от времени стремился выступать на политической арене независимо от своего более влиятельного соперника. Позиции лидеров определяли характер всей группировки, в которую входили многие старшие и средние офицеры армии (среди них было немало лиц из семьи Абу Лухумов), мелкие шейхи — противники аль-Ахмара, крупная компрадорская буржуазия, интеллигенция. Группировка была очень неустойчивой, периодически распадалась на консервативную и умеренную подгруппы, однако часто выступала как единая (и весьма влиятельная) сила.

Особое место в правящем блоке занимала группа активных противников НДРЙ. Она в основном объединяла лиц, бежавших с Юга после ухода англичан в 1967 и особенно после прихода левого крыла Национального фронта к власти в 1969 г. В нее входили торговцы, военные, мелкие чиновники, интеллигенция. Их мировоззрение складывалось не без влияния британского тред-юнионизма и либерализма. Два ее лидера — аль-Аснадж и Басендва — входили в правительство Хасана Мекки. Они выступали против группировок Нумана и аль-Хаджари, хотя в любой момент, чтобы добиться большей власти, могли пойти на компромисс с одной из них.

Надо еще раз отметить, что к рассматриваемому времени в процессе формирования находился еще один политический блок, не входивший в правящую группировку, но уже располагавший достаточной силой для того, чтобы в некоторых ситуациях ока-

зывать на ее курс определенное влияние. Мы имеем в виду прогрессивные демократические силы, представленные главным образом пятью названными выше политическими партиями. Находясь на нелегальном положении, они не имели своих представителей в высших органах власти, каждая из них, взятая в отдельности, была немногочисленна и слаба. Однако их попытки выступать единым фронтом продемонстрировали, что в сложившейся ситуации они превращались в политический фактор, имевший определенный вес. Можно констатировать относившиеся к этому периоду первые попытки сближения между некоторыми умеренными деятелями, имевшими доступ к высшей власти, и представителями демократических сил.

К началу лета 1974 г. в центре политической жизни Северного Йемена находилась борьба группировок аль-Арьяни — Нумана и аль-Ахмара. Между тем необходимы были срочные меры для того, чтобы вывести республику из перманентного состояния внутриполитического кризиса и определить пути дальнейшего развития страны. Поэтому общественность ЙАР все более негативно относилась к непрекращавшимся столкновениям в правящем блоке.

Как ни парадоксально, но за время существования правительства аль-Хаджари, несмотря на щедрую помощь Саудовской Аравии, которая не только предоставляла в его распоряжение огромные финансовые средства, но и, прямо вмешиваясь в дела ЙАР, оказывала энергичное давление на его противников, ожидавшегося укрепления группировки консерваторов не произошло. Наоборот, умеренные традиционалисты и национальная буржуазия объединились и укрепили свои позиции в целом ряде государственных органов.

К середине 1974 г. на уровне центральной власти сторонники двух противоборствующих сил занимали примерно равное положение и пользовались почти одинаковым влиянием на политическую жизнь страны. В это время консерваторы предприняли ряд попыток поднять своих сторонников на периферии против правительства Хасана Мекки, которое ими было объявлено «коммунистическим». С этой целью шейх аль-Ахмар отправился в племя хаулян, известное своими симпатиями к «братьям-мусульманам», чтобы договориться с шейхами о выступлении против центрального правительства. Он обратился к ним с призывом поддержать аль-Хаджари в Республиканском совете [250, 29.04.1974].

Тогда же активизировалась деятельность эмира Мухаммеда бен аль-Хусейна, члена семьи бывшего имама. Он попытался организовать выступления жителей Эль-Джауфа, одного из окраинных районов, который был плацдармом монархических сил на протяжении всех лет гражданской войны, против аль-Арьяни, обвинив его в «сотрудничестве с коммунистами».

Сложность, напряженность и противоречивость политической ситуации, сложившейся к середине 1974 г., хорошо отражена в

статье, появившейся в египетской газете «Аль-Ахрам». Ее автор, анализируя политическое положение в ЙАР, писал, что конфликт в верхах достиг своей кульминации еще осенью 1973 г., во время визита президента НДРЙ в Ходейду. Председатель Консультативного совета аль-Ахмар и премьер-министр аль-Хаджари встретиться с ним отказались. Высшие государственные органы, особенно правительства, оказались практически полностью парализованы [228, 16.06.1974].

Политический кризис в ЙАР был столь глубок, что шейх аль-Ахмар, председатель Консультативного совета, бригадный генерал, главный проводник политического влияния Саудовской Аравии и ЙАР, единомышленник аль-Хаджари, был вынужден выступить с обвинением в адрес правительства последнего. В конце декабря 1973 г. он обнародовал «Программу национальной деятельности и реформы правления», обращенную к республиканскому руководству и всему йеменскому народу. В ней говорилось, что в аппарате управления царит взяточничество и разложение, ответственные лица беззастенчиво продвигают по службе «своих людей», разбазаривая находящиеся в их распоряжении средства, не заботясь о том, что их действия в конечном счете приводят к задержке поступательного развития страны. Правительство должно нести ответственность за нарушение законов, которые оно само издает [191, с. 3—53].

Конфликт между двумя противоборствующими силами — консерваторами и умеренными — еще более обострился летом 1974 г. в связи с раскрытием в Сане антиправительственного заговора. Консерваторы во главе с аль-Ахмаром и аль-Хаджари требовали немедленной расправы над арестованными заговорщиками. Аль-Арьяни же выступал за проведение расследования дела в соответствии с юридическими нормами страны.

В этой крайне напряженной ситуации на политической арене страны в качестве третьей силы появляется армия. На первых порах заместитель главнокомандующего вооруженными силами подполковник Ибрахим аль-Хамди предпринял попытки примирить конфликтующие стороны, однако они оказались безуспешными. Между аль-Арьяни и аль-Ахмаром состоялось несколько бурных встреч, но договоренности достичь так и не удалось [203, с. 36—39]. 13 июня аль-Арьяни, «движимый высшими национальными интересами страны», направил официальное письмо председателю Консультативного совета с просьбой принять его отставку с поста председателя Республиканского совета. Одновременно он отдал приказ принять все необходимые меры для защиты Саны от нападения племен, приведя столичный гарнизон в боевую готовность. Вслед за ним в отставку подал второй член Республиканского совета — Ахмед Нуман [103, 13.06.1973]. Третий член Совета, Абдалла аль-Хаджари, находился в это время за пределами страны.

Шейх аль-Ахмар переслал письмо аль-Арьяни и Нумана Ибрахиму аль-Хамди, который в тот момент был единственным

представителем военного руководства, находившимся в стране, начальник генштаба Хусейн аль-Мисвари заместитель главнокомандующего Мухаммед аль-Арьяни были за границей. В своем письме аль-Ахмар также заявил об отставке с поста председателя Консультативного совета. Как писал он, в ситуации, когда необходимо «вывести страну из состояния кризиса», он передает власть армии, и «вы,— обращался он к аль-Хамди,— несете ответственность за обеспечение всеобщей безопасности и установление в стране стабильности. Да изменится положение в стране к лучшему» [163].

Письма об отставке глав государства и высшего законодательного органа страны, направленные в адрес аль-Хамди, свидетельствовали о том, что в ситуации царившего в стране развала армия оказалась единственной внушительной силой, которая могла противопоставить надвигавшемуся хаосу свою организованность и сплоченность.

Таким образом, 13 июня 1974 г. в результате обострения до крайней степени политического кризиса в стране, вызванного расколом правящего блока сил на две группировки — умеренную и консервативную — и развернувшейся между ними борьбой, в ситуации глубокого экономического и финансового кризиса, на фоне растущей неудовлетворенности общественности Северного Йемена политикой верхов, с особой остротой был поставлен вопрос о выборе пути развития ЙАР. В результате после семи лет гражданского правления к власти в стране вновь пришла армия.

Глава III

«ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ» И СТРОИТЕЛЬСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА (1974—1985)

Приход к власти военных и начало «Исправительного движения» (1974—1978)

Переход власти в руки армии и сил безопасности был вызван в первую очередь слабостью прежнего руководства ЙАР. Разъедаемое коррупцией, неспособное к быстрым и решительным действиям, оно было не в состоянии справиться с сепаратистскими устремлениями шейхов племен, нараставшими народными волнениями, деятельностью вооруженных формирований разной политической ориентации, фактически не могло контролировать положение в стране. Это и подготовило почву для формирования новой правящей коалиции во главе с представителями офицерства.

Армия ЙАР, как и во многих других молодых государствах, в условиях неразвитости современных социально-экономических и политических структур, при отсутствии экономически доминирующего класса, медленном размывании феодально-племенных устоев, отсутствии в стране массовых политических организаций и политической пассивности населения занимала особое положение в обществе. Она выступала в качестве довольно самостоятельной политической силы. Как и в других странах, «где нация,— как отмечал Г. И. Мирский,— еще проходит этап становления, где слабы общенациональные связи, где семейные, родовые, племенные, региональные связи определяют сознание людей в большей степени, чем чувство принадлежности к одной общности» [46, с. 8—9], армия в ЙАР была наиболее активным и дееспособным носителем центростремительных тенденций, выполняя роль цементирующего фактора в ходе развертывания процесса складывания национальной общности.

В советских исследованиях, касающихся проблемы армии в развивающихся странах Востока, отмечалось, что армия в них играет роль государственного и одновременно особого политического института. С одной стороны, армия — неотъемлемая часть аппарата государства, а с другой — разновидность политической организации, весьма отличная от партии, „традиционных" организаций различных классов» [54, с. 5]. Эта характери-

стика целиком относится и к северойеменской армии. Следует отметить, что армия ЙАР подчинялась непосредственно президенту республики, функции которого исполнял председатель Республиканского совета. В стране отсутствовал такой орган, как министерство обороны [1]. Это обусловливало бóльшую самостоятельность армии, бóльшую ее независимость и повышало социальную роль высшего офицерства.

Пришедшая 13 июня 1974 г. к власти армия ЙАР выступила, таким образом, в качестве централизаторской политической силы — тем более внушительной, что она, как и всякая армия, имела более жесткую организационную структуру. В условиях Северного Йемена с его политической отсталостью и почти полным отсутствием оформившихся политических образований партийного типа это преимущество имело особенно большое значение. Правда, к моменту прихода армии к власти вооруженные силы страны не были единым организмом, в чем сказалось влияние центробежной тенденции. Они делились на три части: регулярную армию, армию резерва и «народную армию», т. е. племенные ополчения.

Эти ополчения полностью находились под контролем шейхов, и политическая ориентация их целиком определялась взглядами их руководителей. Так, племенные ополчения провинций Ходейда (где губернатором был шейх Синан Абу Лухум) и Таизза поддерживали аль-Арьяни и его блок. А «народная армия», во главе которой стоял шейх аль-Ахмар, выступила на стороне бывшего премьер-министра аль-Хаджари.

Однако традиции племенных ополчений проникли и в вооруженные силы, подчинявшиеся центральному правительству. Составлявшие их две части — регулярная армия и армия резерва — находились под контролем двух разных лиц. Поскольку личная лояльность играла в йеменской армии весьма значительную роль, каждый из командующих стремился поставить во главе подчиненных ему соединений и частей своих людей. Нетрудно себе представить, что в критической ситуации действия армий определялись в первую очередь намерениями их командующих, поскольку связь «командующий — офицеры» была прочнее, чем связь «центральная власть — командующий». Единое командование, которое находилось в руках председателя Республиканского совета, в тот период носило чисто номинальный характер. И хотя офицерство как социальная группа по своим взглядам тяготело к идее сильного централизованного государства, единство йеменской армии было очень относительно. В рассматриваемое время армия резерва в большей степени, чем регулярная, симпатизировала консервативному крылу. Следует добавить, что «собственные» политические ориентиры имели и каждый род войск, а временами и более мелкие подразделения. Разобщенность армии еще более усугубляла сложное взаимодействие сил после военного переворота.

Пришедшие к власти офицеры прежде всего позаботились

о том, чтобы обезопасить страну от внешнего вмешательства. Сразу же после бескровного переворота 13 июня министр по делам единства ЙАР вылетел в НДРЙ, после чего президент Южного Йемена заявил, что переворот в Йемене — это внутреннее дело страны и что арабские государства не должны в него вмешиваться.

В тот же день было опубликовано «Первое заявление Движения 13 июня» [2]. В нем весьма расплывчато говорилось о том, что «вооруженные силы и силы безопасности будут идти по пути укрепления республиканского режима, с тем чтобы в стране воцарилась справедливость, добро и изобилие». К населению был обращен призыв «участвовать в строительстве родины, в создании консультативной демократической системы правления», чтобы каждому человеку было гарантировано «спокойствие, благоденствие, безопасность, возможность пользоваться свободой и правами».

В заявлении в общих чертах было охарактеризовано положение в стране на момент переворота («атмосфера туманности») и перечислены обстоятельства, приведшие армию к власти,— развал старой социально-политической системы, коррупция административного аппарата, недееспособность государственных органов, разруха в сфере финансов. Вновь сообщалось об уходе в отставку председателей Консультативного и Республиканского советов, деятельность которых, однако, была «высоко оценена вооруженными силами». Изучив сложившееся в стране положение, говорилось в заявлении, армия «взяла на себя полную ответственность за сохранение суверенитета и независимости страны и решение стоящих перед ней политических проблем». С этой целью, гласил документ, сформирован Совет командования во главе с Ибрахимом аль-Хамди (имена остальных шести членов Совета командования в заявлении приведены не были). В заключение население призывалось «сохранять спокойствие, оберегать существующий режим и содействовать стабильности» [81, с. 19].

В тот же день Совет командования объявил о введении в стране чрезвычайного положения. В основных городах страны был установлен комендантский час. В обращениях к личному составу армии и сил безопасности, а также ко всем гражданам ЙАР Совет еще раз подчеркнул необходимость добиваться всеобщей безопасности и стабильности.

На следующий день, 14 июня, было опубликовано еще 12 постановлений. Главные из них предусматривали: «замораживание деятельности Консультативного совета», «приостановку действия Конституции до установления в стране нормального положения», расширение состава Совета командования с 7 до 10 человек, повышение окладов низшим военным чинам в армии и силах безопасности, роспуск Йеменского союза, «создание комиссий во всех провинциях для пересмотра дел заключенных и освобождения невиновных». Специальное постановление «О воз-

рождении составленного военными проекта исправительных решений» [81, с. 21—27] предусматривало возвращение к рассмотрению документа, выпущенного офицерами под названием «Мнение главного командования вооруженных сил ЙАР по поводу настоящего момента и возможные директивы» еще в сентябре 1971 г.

Хотя из прежних высших органов власти ЙАР остался один Совет министров, возглавляемый Хасаном Мекки, военные власти заявили, что гражданское правление будет восстановлено и ему будут переданы все полномочия, «как только для этого представится возможность».

В первые же дни после переворота армейское руководство сформулировало свою программу.

Во внутренней политике Совет командования видел свою первоочередную задачу в том, чтобы приступить к основанному на принципах планирования строительству «государства закона и порядка» и провести финансовую и административную реформы, направленные на устранение ошибок, допущенных прежним руководством. Он призвал народ к борьбе с коррупцией, взяточничеством, казнокрадством и дороговизной. Было заявлено о подготовке мероприятий, направленных на повышение жизненного уровня народа. Совет командования заявил, что в своей внешней политике он будет укреплять отношения с арабскими и другими дружественными странами, придерживаться принципов Устава ООН, а также двусторонних соглашений и договоров, заключенных ЙАР с другими государствами [244, 16.06.1974].

События в ЙАР широко комментировались на страницах арабской и западной прессы. С первых же дней предпринимались попытки квалифицировать переворот, установить, чьим социальным и политическим интересам он соответствовал.

Такие факты, как отсутствие в тот момент в стране многих политических деятелей, связанных с Саудовской Аравией (аль-Хаджари, аль-Мисвари и др.), приостановка новыми властями деятельности Консультативного и Республиканского советов, в которых преобладали консервативные элементы, роспуск Йеменского союза, также известного своей консервативной ориентацией и т. п., вызывали предположение, что переворот носил «левый» характер.

Фигура самого Ибрахима аль-Хамди в то время представлялась достаточно противоречивой. Выходец из семьи кади, в первые годы революции он служил мелким чиновником в муниципалитете г. Дамара (Средний Джебель). Он слыл сторонником реформ, направленных на укрепление национальной независимости. До 1968 г. входил в ДАН, затем порвал с этим движением. У него были довольно тесные связи с группировкой аль-Хаджари и «братьями-мусульманами», т. е. с наиболее реакционными кругами Йемена. Он неоднократно выражал свои симпатии Саудовской Аравии. В западной прессе публиковались его высказывания о том, что ему «надоела коррупция и полити-

ческий хаос» и что «в один прекрасный день придется в это вмешаться» [274, 1974, октябрь, с. 36—37]. В свете этих сведений переворот оценивался как соответствовавший интересам крайне правых сил, опиравшихся на Саудовскую Аравию. Высказывались мнения, что «переворот явился делом рук просаудовских элементов в йеменской армии» [283, 1975, февраль, с. 40—41], что «йеменская армия, возглавляемая вождями племен, вынудила существующее руководство уйти в отставку» [272, 1974, № 4, с. 409] и т. п. В переданных же египетской прессой сообщениях из Саны говорилось, что большинство членов Совета командования нельзя отнести ни к правым, ни к левым; по словам «Аль-Ахрам», они скорее являются «представителями центристского направления, заботящимися о национальных интересах Йемена и симпатизирующими прогрессивным силам» [228, 15.06.1974].

Подобные разноречивые отклики на северойеменские события показывают, сколь сложна и неоднозначна была в это время ситуация в ЙАР.

15 июня военное руководство сделало новое политическое заявление о причинах, побудивших армию выступить и обусловивших создание Совета командования. Совет «будет находиться во главе государства до окончания кризиса, после чего власть будет передана гражданским лицам». В документе вновь была выражена благодарность аль-Арьяни и аль-Ахмару за их деятельность. Заявление призывало йеменский народ поддерживать действия Совета командования [94, с. 30—32].

16 июня в столице был отменен комендантский час, восстановлена телефонная связь с внешним миром, открыты аэропорты. Ушедшему с поста председателя Республиканского совета аль-Арьяни было разрешено покинуть страну. Перед его отлетом в Сирию ему были оказаны почести как бывшему главе государства.

18 июня были опубликованы еще два постановления Совета командования, в которых сообщалось о назначении бывшего заместителя главнокомандующего полковника Мухаммеда аль-Арьяни послом в Великобританию, а бывшего начальника генштаба полковника Хусейна аль-Мисвари — послом в Египет. Менее чем за одну неделю все возможные претенденты на власть, а также лица, особенно из числа офицеров, в отношении которых у нового руководства были сомнения в их лояльности, были смещены со своих постов, а наиболее «опасные» высланы из страны. Правда, в столице остался шейх аль-Ахмар, возглавлявший влиятельную группировку гражданских и военных кругов. На его стороне могли выступить некоторые армейские части, а также преданные ему отряды племен. Линия поведения аль-Ахмара во многом отражала отношение к событиям племенной знати, с которой как с политической силой нельзя было не считаться. В этот момент у аль-Хамди не было иного выхода, как попытаться заручиться поддержкой шейхов.

К этому времени среди шейхов племен не было единства. Глубокие племенные и политические разногласия, существовавшие между ними в период гражданской войны, не прекратились и в последующие годы. В окраинных племенах, территории которых до установления мира в стране находились под контролем монархистов, были особенно сильны сепаратистские настроения, фактически эти племена не подчинялись центральной власти.

Крупнейшая конфедерация племен хашед считалась республиканской. Большинство входивших в нее племен поддерживало главного шейха конфедерации аль-Ахмара, и, следовательно, их «верность» республике зависела от отношения к ней главного шейха. Правда, часть племен хашед сохраняла независимость от аль-Ахмара. Феодальная верхушка конфедерации хашед была тесно связана с Саудовской Аравией, получала от нее оружие, деньги, продукты и товары; на территории конфедерации саудовские деньги имели более широкое хождение, чем йеменские.

Были среди племен и такие, которые твердо поддерживали республику и служили ей опорой. Так, племена бакиль (второй по величине конфедерации зейдитских племен) в большей своей части последовательно выступали на стороне республики.

Еще раз подчеркнем, что в Северном Йемене племенной фактор играл весьма значительную, а порой и определяющую роль. Под его воздействием внутриполитическая обстановка в стране приобретала особую противоречивость. Временами положение еще более усугублялось вследствие вмешательства Саудовской Аравии, главной опорой которой в ЙАР являлись племена.

Аль-Хамди, придя к власти, надеялся положить конец, как он часто говорил, «изнуряющей вражде» между центральной властью и племенами. Проблема эта, однако, была далеко не так проста. Особенно большие сложности были связаны с конфедерацией хашед и ее верховным шейхом аль-Ахмаром, возглавлявшим группировку наиболее консервативно настроенных шейхов, улемов, высших офицеров и влиятельных гражданских лиц. Как уже указывалось выше, эту группировку активно поддерживала Саудовская Аравия.

На начальном этапе после прихода Совета командования к власти аль-Хамди удалось наладить отношения с шейхами. 18 июня в местечке Маамар (территория племен хашед) был созван съезд представителей йеменских племен. На нем выступил шейх аль-Ахмар с сообщением о тех изменениях, которые произошли в стране в результате «Исправительного движения 13 июня». С призывом поддержать это движение выступил шейх крупного и влиятельного племени бени-матар Ахмед Али аль-Матари. Съезд высказался в поддержку «всех правительственных заявлений и решений, которые опубликовал Совет командования со времени своего создания». Особенно импонировали шейхам те заявления новых властей, которые касались приверженности шариату и принципам ислама. Съезд подчеркнул, что в деятельности армейского руководства важно, что Совет командования «приостановил деятельность Консультативного совета, а не распустил его, заморозил конституцию, а не ликвидировал ее... что им было выказано уважительное отношение к принципу совещательности аш-шура и конституции». Шейхи высказались за сотрудничество с новыми властями на всех уровнях и заявили о своем намерении «способствовать упрочению мира, стабильности и безопасности, а также вести борьбу против подрывной деятельности», в том числе «инспирируемой из-за рубежа». Все эти решения были зафиксированы в документе под названием «Внутренний устав Высшего совета съезда йеменских племен» [144, с. 3—20].

Заручившись хотя бы формальным одобрением шейхов, Совет командования решил сделать следующий шаг по пути своего закрепления: на другой день, 19 июня, он опубликовал первую конституционную декларацию, определившую систему правления на так называемый переходный период [107, 30.06.1974; 222, 21.06.1974]. Согласно декларации, законодательная и исполнительная власть в течение этого периода сосредоточивалась в руках Совета командования. Этот орган определял политику государства, а его председатель осуществлял общее руководство, одновременно являясь главнокомандующим вооруженных сил. Правительство наделялось «исполнительной и административной властью и несло ответственность за осуществление общей политики государства», разрабатываемой Советом командования. Суд был объявлен независимым; он должен был осуществлять свои функции на основе шариата. В течение переходного периода осуществляется задача восстановления «истинной конституционной демократической жизни». Декларация подтверждала права и обязанности граждан, зафиксированные в Конституции 1970 г. Интересно, что в этом документе содержалось положение о возможном отчуждении собственности «в общественных интересах в определенных законом случаях и за определенную компенсацию».

В тот же день Совет командования направил письмо Мохсену аль-Айни, в котором говорилось, что, учитывая его «опыт участия в патриотической деятельности и политической борьбе», Совет поручает ему сформировать правительство. В сделанном в связи с этим заявлении Совета говорилось, что в задачу нового кабинета будет входить проведение реформ в различных областях жизни страны [173, с. 37; 222, 21.06.1974].

В ответном письме аль-Айни выразил согласие сотрудничать с Советом командования во имя того, чтобы «страна развивалась по пути революции и создания государства закона и порядка». Он высоко оценил «патриотические действия» аль-Хамди и согласился сформировать правительство. Его правительство, заявил аль-Айни, «будет осуществлять требования народа, контролировать цены, продолжать претворять в жизнь эконо-

мические проекты, осуществлять мероприятия, направленные на развитие культуры, информации и образования». Действуя «в соответствии с исламским шариатом и арабской моделью», ЙАР будет «сохранять отношения со всеми дружественными и братскими странами, особенно с теми из них, которые в течение многих лет оказывают помощь ЙАР, в первую очередь с Саудовской Аравией» [171, с. 38—39].

22 июня был объявлен новый состав правительства из 21 человека, причем состав правительства был пестрым — в него входили гражданские и военные лица, зейдиты и шафииты, три человека принадлежали к фамилиям кади, три — были выходцами из семей шейхов. Политический спектр его был также разнообразным: от умеренных либералов и лиц прогрессивных взглядов до представителей «братьев-мусульман» и сторонников «третьей силы».

По-прежнему в него входил аль-Аснадж (на посту министра коммуникации), ярый противник НДРЙ. С учетом плана проведения административной реформы в составе правительства были оставлены еще семь прежних министров, имевших хорошие профессиональные качества и обширные связи в племенах, хотя в прошлом они были замешаны в коррупции [107, 30.06.1974, 66а, с. 146—147].

Премьер-министр аль-Айни, занявший также пост министра иностранных дел, выступая на пресс-конференции, подтвердил, что ЙАР и впредь будет укреплять отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами Запада и Востока. Он заявил о намерении правительства продолжить переговоры с НДРЙ с целью создания единого йеменского государства в соответствии с Каирским и Триполийским соглашениями. Внутренняя политика правительства будет направлена в первую очередь на развитие экономики, прежде всего сельского хозяйства. Совет министров намерен претворить в жизнь программу промышленного строительства; при этом премьер-министр указал на необходимость рационального использования имеющихся предприятий [222, 26.06.1974].

Обратимся еще раз к оценке сложившейся в Северном Йемене ситуации, сделанной по горячим следам событий — через неделю после прихода военных к власти. Исходя из того, как были распределены ответственные посты в государстве, французская «Монд» полагала: «Северные племена, пользующиеся поддержкой Саудовской Аравии, разделили власть между собой... Гражданские функции были переданы племени бакиль — клану Абу Лухумов через главу правительства Мохсена аль-Айни, родственника шейха Синана Абу Лухума, перед этим смещенного с поста губернатора Ходейды. Власть военную передали шейху аль-Ахмару, главе племени хашед, который добился также назначения своего родственника, блестящего и необузданного Муджахида Абу Шавариба, начальником генштаба йеменской армии». Что касается аль-Хамди, то при сложившейся расстановке сил, считала «Монд», «ему предназначалась роль марионетки» [273, 21.01.1977].

Оценка эта, однако, грешит односторонностью. В действительности власть в стране была поделена между молодыми офицерами и племенной знатью, прежде всего наиболее крупных конфедераций — хашед и бакиль. В то же время важные должности получили и лица, представлявшие развивавшуюся и постепенно приобретавшую вес национальную буржуазию. Комментатор «Монд» не понял значения «армейского фактора» в жизни ЙАР — ни степени его воздействия на ситуацию в стране, ни, главное, его социальной направленности. Он не смог разглядеть в ней весьма самостоятельную политическую силу. Отсюда и его ошибочный прогноз о функции аль-Хамди. Кстати, в то время аналогичные заблуждения были широко распространены на Западе.

Кто же из военных занял после 13 июня ведущее положение в руководстве? Хотя состав Совета командования довольно часто менялся, мы вправе говорить о наличии в правящей верхушке относительно стабильного «военного ядра». Большинство входивших в Совет офицеров были довольно хорошо известны в стране. Помимо полковника аль-Хамди это подполковник Яхья Мутаваккиль из известной семьи сейидов, в прошлом посол в Египте; шейх, подполковник Муджахид Абу Шавариб, близкий родственник аль-Ахмара, командующий военным округом Хадджа, командир частей «Аль-Маджд» («Слава»); майор Абдалла Абд аль-Алим, командующий парашютно-десантными войсками; подполковник Ахмед аль-Гашими, командующий танковой бригадой; подполковник Али Шейба, командующий авиацией; подполковник Али ад-Дуббаи, заместитель начальника генштаба вооруженных сил; подполковник Хамуд Бейдар и два родственника шейха Синана Абу Лухума — подполковник Али, командующий армией резерва, и подполковник Дирхем, командующий военным округом Таизз [274, 1974, октябрь, с. 36—39].

Хотя часть их сохраняла тесные связи с племенами, на рассматриваемом этапе «корпоративные» армейские узы значили для них больше, чем узы племенные. В это время не наблюдалось никаких признаков, которые бы свидетельствовали о том, что офицеров разделяли какие-то серьезные разногласия. «Единодушие» в рядах офицерства отражало определенный уровень осознания военными руководителями той специфической роли, которую суждено было играть в условиях Северного Йемена армии как выразительнице идеи национального единства. Конечно, в соответствии с уровнем национальной зрелости (вернее, «недозрелости») йеменского общества это единство было непрочным, однако факт, что на рассматриваемом этапе армия осознавала себя и объективно являлась силой объединяющей. Выдвинутый военными лозунг создания «государства закона и порядка» острием своим был направлен в первую очередь против децентрализаторских тенденций, носителями которых высту-

пали племена, и уж во вторую — против коррупции. Эта позиция находит себе подтверждение в дальнейшей деятельности армейского руководства.

В этом отношении показателен тот факт, что офицеры вернулись к рассмотрению «Мнения главного командования вооруженных сил ЙАР» 1971 г. и заявили, что после внесения некоторых корректив документ этот будет претворен в жизнь. Теперь акцент делался на следующих установках этой программы. Правительство должно формироваться не по религиозному или клановому признаку, а исходя из деловых качеств привлекаемых в него лиц. Поэтому военные выступили за включение в новый кабинет «технических специалистов». Их линия в отношении Консультативного совета заключалась в том, что деятельность этого органа должна быть приостановлена до тех пор, пока не будут четко сформулированы его права и обязанности. Из документа 1971 г. был заимствован и тезис о том, что вооруженные силы предназначены для ведения военных действий, а в мирное время должны участвовать в строительных работах.

Что касается практической деятельности нового правительства, то им была предпринята серия мер, направленных на улучшение работы финансовых и административных органов в соответствии с намеченной Советом командования программой. Был опубликован Закон о подоходном налоге. Им облагались все йеменцы (и иностранцы, если это предусматривалось в их контрактах), работавшие в государственных и частных учреждениях и компаниях. Налог с заработной платы составлял от 3 до 15%, с прибылей предприятий — от 6 до 18% [126, с. 8—9].

13 июля был принят Закон о создании центрального аппарата по контролю и учету — в столице и провинциальных центрах. В функции его входили контроль за доходами и расходами, за заработной платой, служебными повышениями, использованием предоставляемой помощи, покрытием долгов государству, выплатой пенсий, сбором налогов в денежной и натуральной формах, надзор за государственной собственностью, проверка учетных книг госучреждений и пр. Контроль должен был осуществляться в течение всего года, в конце финансового года предполагалось проводить ряд специальных проверок [123, с. 54—58]. Принятие этого закона ставило своей целью положить конец разбазариванию и хищениям государственных средств.

Одновременно был принят Закон об административной прокуратуре, в обязанности которой входил контроль за соблюдением законов финансовыми и административными органами, разбор и изучение жалоб, касающихся работы госучреждений. Этот закон преследовал задачу налаживания нормального функционирования государственного аппарата.

В конце июля было опубликовано постановление о создании Высшей комиссии по исправлению. В ее обязанности входила проверка выполнения решений, направленных на совершенствование финансовой и административной систем. В комиссию, возглавляемую подполковником Хамудом Бейдаром, вошли девять членов, из них два офицера. В провинциях и районах действовали отделения Высшей комиссии [185, с. 65].

Был опубликован Закон о переписи населения страны — первой переписи в истории Йемена. Согласно Закону, перепись должна была проводиться каждые десять лет. Эта задача была поручена созданной незадолго до этого Центральной плановой организации.

В течение первых полутора месяцев после начала «Движения 13 июня» был принят ряд решений, касавшихся армии. Опубликовано постановление о приостановке присвоения воинских званий на два года. Чин подполковника объявлялся самым высоким в армии. Объявлялось, что право иметь вооруженные силы является прерогативой государства. Оно осуществляет набор в армию, выплачивая военнослужащим установленное жалованье. Были приняты меры по улучшению военной подготовки, произведены перестановки в военном командовании. Подтверждалось, что полковник Ибрахим аль-Хамди является председателем Совета командования и главнокомандующим вооруженными силами страны. Его заместителем и членом Совета командования был назначен подполковник Муджахид Абу Шавариб, начальником генштаба (и тоже членом Совета командования) — подполковник Али ад-Дуббаи.

Таким образом, на первом этапе «Движения 13 июня» укрепление центральной власти осуществлялось по двум направлениям: с одной стороны, за счет совершенствования центрального аппарата путем создания действенной системы контроля и обеспечения бесперебойного снабжения государства необходимыми финансовыми средствами; с другой — за счет ослабления сепаратистских устремлений племен. Племена, хотя бы номинально, были лишены права иметь свои вооруженные силы.

«Замораживая» продвижение внутри армейской иерархии, власти стремились предотвратить нежелательные изменения в командном составе за счет новых людей. С повышением роли армии в жизни общества после 13 июня понятие «армейская карьера» приобрело дополнительный общественный вес. Естественно было ожидать, что представители социальных сил, чье значение снизилось с приходом к власти военных, попытаются использовать каналы внутриармейского продвижения, чтобы компенсировать свои потери. Задаче сохранения статус-кво было подчинено и ограничение лестницы чинов званием подполковника.

Таким образом, армия, выступавшая под лозунгом создания «государства закона и порядка», первыми своими мероприятиями затронула основные надстроечные институты, положив начало созданию новой структуры государственной власти. Если традиционная структура власти фактически носила полицентрический характер, поскольку власть имама в племенах была номинальной, то новая структура, по замыслу ее создателей, дол-

жна была быть моноцентрической. В рассматриваемый момент центральная власть получила определенный перевес над отдельными очагами власти шейхов, однако она явно не в состоянии была противостоять объединенным усилиям этих локальных сил. Отсюда установка армейского руководства на сохранение связей с шейхами, его стремление привлечь хотя бы часть из них на свою сторону. Тактика эта носила отчасти вынужденный характер, отчасти же была обусловлена раздвоенностью сознания армейского руководства, которое, с одной стороны, уже выражало общенациональные интересы, с другой — еще не изжило племенные представления.

В связи с этим возникает вопрос, интересы каких социальных сил представляло «Движение 13 июня». Как уже отмечалось, выразительницей идеи сепаратизма в северойеменском обществе традиционно выступала феодально-племенная знать, источником могущества и богатства которой была власть на местах, в племенах. Всякое усиление центральной власти неизбежно для нее оборачивалось утратой позиций, уменьшением влияния, потерей доходов. Раздробленность, межплеменная розня стояли на пути развития производительных сил ЙАР, на пути роста торговли, складывания общенационального рынка и т. д. Таким образом, централизаторскую тенденцию в обществе Северного Йемена представляли силы, заинтересованные в экономическом развитии и социальном прогрессе. В многоукладном обществе типа северойеменского блок этих сил объединял под эгидой военных крупную буржуазию и обуржуазившихся феодалов, которых поддерживала средняя и мелкая городская и сельская буржуазия и буржуазная интеллигенция.

Важной характеристикой этого блока являлось заметное влияние в нем представителей слоев промежуточных, между феодально-помещичьим классом и классом буржуазии. Это и оказавшиеся причастными к некоторым видам бизнеса шейхи, и втянутые в капиталистическую сферу производства помещики. Собственно буржуазные слои Северного Йемена к тому времени находились на самой начальной стадии осознания себя как класса, поэтому свои классовые интересы они понимали весьма смутно, политически вели себя непоследовательно и были подвержены воздействию феодальных и даже феодально-племенных элементов. Как политическая сила они выступали только в блоке с представителями социальных слоев, не порвавших с феодальным способом производства, поэтому антифеодальное содержание их программы было смазано. Это выражалось в том, что рассматриваемый блок сил, нацеливаясь на форсирование развития страны, связывал эту возможность в первую очередь с реформами в области надстройки, направленными на создание сильного государства, но не решался ставить вопрос о кардинальной перестройке всей системы социально-экономических отношений.

В этих условиях появилась тенденция к приобретению государством высокого уровня самостоятельности. Это явление характерно для обществ многих развивающихся стран, «обществ, не имеющих ярко выраженного экономически доминирующего класса, обществ с незавершенным процессом классовой дифференциации, с преобладанием мелких производителей, мало или совсем не включенных в систему капиталистического товарного производства» [52, с. 333]. В середине 70-х годов в Северном Йемене только началось строительство сильного централизованного государства в русле национальной программы, которую выдвинула армия (тоже часть государственного аппарата). Придя к власти в острый момент развития страны, когда ни один класс, ни одна политическая группировка не могли взять на себя руководство страной, чтобы вывести ее из состояния кризиса, чреватого потерей национальной независимости, армия встала во главе страны. В этот момент она выступила как носительница национального императива. Полагая себя силой надклассовой, она, естественно, представляла определенные социальные слои, группировавшиеся вокруг нее и отчасти ее питавшие.

В сложившихся условиях военной диктатуры не возникло, поскольку офицерство должно было делить власть с представителями буржуазных кругов и умеренными традиционалистами. В правящий блок входили и отдельные шейхи, в том числе крупные. Возглавил его полковник аль-Хамди. Ему противостоял блок консервативных сил во главе с шейхом аль-Ахмаром. В него входили феодально-племенная знать, традиционалистски настроенная интеллигенция, в том числе военная; к этому блоку примыкали сторонники «братьев-мусульман» и «третьей силы», за которыми стояла Саудовская Аравия и империалистические круги США. По сравнению с первым блоком его отличали бо́льшая однородность и цельность.

После 13 июня в центре политической жизни ЙАР находилась постепенно нараставшая борьба между феодально-консервативными кругами и армией. Проводимый военными политический курс был направлен против фактической независимости шейхов племен. Стремясь к упрочению центральной власти, армия добивалась создания более демократического по составу Консультативного совета. Она выступала за расширение полномочий лиц, занимавших ведущие посты в руководстве государством. Представители феодально-племенных слоев, в свою очередь, требовали возвращения им прежних привилегий — и на местах (где их только чуть-чуть потеснили), и в центре.

Несмотря на то что позиции шейхов были сильней, офицерство проводило наступательную стратегию, однако при этом вынуждено было прибегать к тактике маневрирования в отношении племенных сил, чтобы избежать прямого с ними столкновения. За любое «ущемление» их интересов ему приходилось платить определенными уступками. Оплотом шейхов на уровне центрального аппарата государственной власти был Консультативный совет. Приостановив его деятельность, армейское руковод-

ство нанесло ощутимый удар по правам феодально-племенной знати, которая, в сущности, была отстранена от государственного управления. Это, естественно, вызвало возмущение шейхов. Чтобы снять напряженность, пришлось предоставить видным шейхам и их родственникам ряд ответственных постов в высших органах государства.

Под влиянием шейхов, а также из страха перед распространением в армии прогрессивных идей в начале сентября 1974 г. был опубликован Закон № 93, запрещавший партийную деятельность в вооруженных силах [125, с. 66—67]. Поводом к его принятию послужила неудавшаяся попытка переворота, предпринятая незадолго до этого группой офицеров.

Ст. 1 Закона гласила, что «офицерам и солдатам вооруженных сил и сил безопасности запрещается высказывать партийную точку зрения, быть членами политических партий, участвовать в их деятельности, присутствовать на партийных собраниях и заниматься пропагандой». Ст. 2 давала определение, что такое партия с точки зрения йеменского руководства. «Партия — это группа, общество или организация, ставящая перед собой политические задачи, вне зависимости от ее названия». За нарушение Закона предусматривалась смертная казнь или пожизненное тюремное заключение для того, кто являлся «организатором, руководителем или членом руководства партии», для остальных — тюремное заключение от семи лет до пожизненного.

Несмотря на уступки, недовольство феодально-племенной знати продолжало нарастать. Главной ее претензией было «замораживание» деятельности Консультативного совета. Чувствуя себя неуверенно, Совет командования вынужден был в конце октября 1974 г. опубликовать «Конституционную декларацию по поводу упорядочения высшей государственной власти на переходный период». Это была новая уступка руководства феодально-племенным кругам.

В документе Совет командования объявлялся коллективным главой государства. Ему передавались функции Республиканского совета, определенные Конституцией 1970 г. Председатель Совета считался президентом республики. За ним закреплялись полномочия главнокомандующего вооруженными силами. В его компетенцию входило подписание договоров и издание законов в соответствии с положениями конституции.

Самая важная часть декларации касалась Консультативного совета — она объявляла о возобновлении его деятельности в соответствии с его уставом. Это давало возможность шейху аль-Ахмару после четырех месяцев неустанной борьбы вновь занять видное место в аппарате центральной власти.

Новая декларация продлила переходный период с шести месяцев до одного года, обосновав это тем, что за это время придется провести такие важные и ответственные мероприятия, как внесение изменений в конституцию и опубликование нового

закона о выборах. В декларации содержалось положение о возобновлении действия Конституции 1970 г., приостановленной в июне 1974 г. [114, с. 2].

После опубликования Конституционной декларации 1974 г. был сформирован новый состав Совета командования. Численность его была сокращена до семи человек. Наряду с аль-Хамди и аль-Айни в него вошли лица, представлявшие влиятельные феодально-племенные кланы,— подполковники Муджахид Абу Шавариб, Дирхем Абу Лухум, Яхья Мутаваккиль и Ахмед аль-Гашими.

Опубликование Декларации и последовавшие за ней назначения, казалось, приглушили на время противоречия между основными политическими силами ЙАР. Так, на встрече шейхов племен в г. Рейде в январе 1975 г. они заявили о своем «подчинении центральному правительству» [268, 1977, № 35, с. 16]. Военное руководство расценило этот факт как свой первый крупный успех в ходе «кампании национального примирения» — между Советом командования во главе с аль-Хамди и группировкой шейха аль-Ахмара.

Тем не менее политическая ситуация в стране продолжала оставаться нестабильной. Ухудшились отношения с Южным Йеменом. По сообщениям западной прессы, дислокация южнойеменских войск вблизи северойеменской границы в июле 1974 г. вызвала настороженность руководства ЙАР [272, 1974, № 4, с. 417]. Были прекращены переговоры Севера и Юга по вопросам объединения. В средней части Джебеля продолжались действия партизан. Однако, помня печальный исход войны 1972 г., когда хорошо вооруженная и обученная южнойеменская армия нанесла поражения северойеменским войскам, руководство ЙАР в целом ориентировалось на мирное развитие отношений с НДРЙ.

Положение осложнялось вмешательством Саудовской Аравии в дела ЙАР. На протяжении всех предшествовавших лет, начиная с 1970 г., Саудовская Аравия оказывала значительную финансовую помощь правительству Северного Йемена. Эта помощь, по оценочным данным, составляла около четверти йеменского бюджета, причем предоставлялась она на условии определенных политических уступок с йеменской стороны. Имея отношения с центральным правительством, Саудовская Аравия одновременно продолжала укреплять свои неофициальные связи с шейхами племен, снабжала их оружием и деньгами, что, естественно, вело к укреплению влияния племенного фактора на жизнь ЙАР. Посольство Саудовской Аравии регулярно передавало субсидии йеменским офицерам и чиновникам, чтобы иметь своих сторонников в государственном аппарате ЙАР [283, 1975, № 2, с. 40—41]. Не случайно подполковник Яхья Мутаваккиль, член Совета командования, министр внутренних дел, заявил: «Мы хотим иметь хорошие отношения со всеми странами, отдавая приоритет Саудовской Аравии, так как эта страна является

нашим соседом и оказывает нам большую помощь» [203, с. 36—39].

В этой ситуации отношение нового руководства ЙАР к Саудовской Аравии было весьма двойственным. К началу 1975 г. аль-Хамди удалось наладить контакты ЙАР с арабскими и другими дружественными странами, добившись от них необходимой помощи — займов, а также поставок вооружения для йеменской армии. Это, однако, не устраивало Саудовскую Аравию — она стала требовать ограничения экономических и военных связей ЙАР с другими странами. В Йемен были направлены две саудовские делегации: одна — для обсуждения вопроса о новом вооружении для йеменской армии, вторая — для урегулирования проблем экономической помощи. Речь шла о строительстве инфраструктурных объектов и нефтеочистительного завода [250, 02.01.1975]. Судя по сообщениям прессы, этот вопрос стоял тогда достаточно остро; не исключено, что он явился одной из причин ухода в отставку правительства аль-Айни.

Незадолго до этого в Красном море близ берегов ЙАР были обнаружены залежи нефти. Аль-Айни, отстаивая самостоятельный экономический путь страны, заявил о намерении создать национальную нефтяную компанию. Саудовская Аравия немедленно выступила с контрпредложением о создании смешанной саудовско-северойеменской компании, в рамках которой ей была бы фактически предоставлена неограниченная власть. Это предложение было аль-Айни отвергнуто [283, 1975, № 2, с. 41]. Бейрутская газета «Аль-Хуррия» писала по этому поводу, что аль-Айни, «известный противник саудовской монополии в Йемене, пытался установить отношения с другими арабскими странами, с тем чтобы Йемен не подпал целиком под саудовское влияние» [250, 02.01.1975].

Не желая обострять своих и без того не очень теплых отношений с Саудовской Аравией и с шейхом аль-Ахмаром, аль-Хамди объявил о роспуске правительства аль-Айни. 16 января 1975 г. временным исполняющим обязанности премьер-министра был назначен полковник Абд аль-Латиф Дейфалла. Правда, отставку аль-Айни можно было квалифицировать и как свидетельство возросшего влияния Совета командования, прежде всего самого аль-Хамди, который, успокоив Саудовскую Аравию заверениями в своей «искренней преданности», незамедлительно начал осуществлять собственную стратегическую линию, направленную на устранение с ответственных постов в высших органах власти представителей феодально-племенной знати и связанных с ней лиц.

Как уже отмечалось выше, аль-Айни, с одной стороны, слыл прогрессивным деятелем, сторонником независимого пути развития Йемена, а в прошлом был известен как руководитель йеменских баасистов. Поэтому он представлял собой нежелательную фигуру для Саудовской Аравии и аль-Ахмара, и, следовательно, его отставка с поста премьер-министра должна была

быть благосклонно ими принята. Добавим, что для аль-Ахмара аль-Айни был представителем соперничавшего с ним клана Абу Лухумов. С другой же стороны, аль-Айни, под влиянием семейных связей к началу 70-х годов эволюционировал в сторону сближения с феодально-племенной верхушкой. К рассматриваемому моменту он фактически стал выразителем интересов шейхов. После переворота 1974 г. группировка аль-Айни — Абу Лухумов в своем политическом поведении все реже руководствуется традицией межплеменной вражды и все чаще классовыми соображениями, которые толкали ее на союз с аль-Ахмаром против представителей умеренного крыла. Это ставило аль-Айни в ряды противников политического курса аль-Хамди.

25 января 1975 г. был объявлен новый состав правительства. Его возглавил Абд аль-Азиз Абд аль-Гани, выпускник экономического факультета Колорадского университета, бывший директор Центрального йеменского банка, неоднократно занимавший посты в правительстве ЙАР. Прозападные и просаудовские симпатии Абд аль-Гани были хорошо известны, и его кандидатуру на пост главы правительства одобрили в Эр-Рияде [283, 1975, № 2, с. 40—42]. Приход к власти Абд аль-Гани был воспринят многими, особенно за рубежом, как победа сторонников просаудовского курса, хотя он не был столь одиозной фигурой, как бывший премьер-министр аль-Хаджари (стремившийся тем не менее вновь занять этот пост).

В новое правительство вошли 23 человека, из них 13 в составе предыдущего кабинета не были. В большинстве своем это были технические специалисты. Ряд постов получили военные: подполковник Яхья аль-Мутаваккиль — министра внутренних дел, полковник Абд аль-Латиф Дейфалла — министра транспорта. Министром иностранных дел стал Абдалла аль-Аснадж.

Завоевав, таким образом, расположение Саудовской Аравии, аль-Хамди сумел убедить короля Фейсала продолжать оказывать помощь центральному правительству во избежание возникновения в стране взрывоопасной обстановки. Это должно было способствовать укреплению позиций армейского руководства. (Заметим, что параллельно, как и раньше, саудовские деньги и оружие получали шейхи племен.)

Обезопасив себя от возможных враждебных действий сторонников Саудовской Аравии, прежде всего всесильного шейха аль-Ахмара, аль-Хамди предпринял шаги, направленные на ослабление позиций феодально-племенной знати. Под лозунгом борьбы с «центрами сил» он начал удалять с занимаемых постов, прежде всего в вооруженных силах, лиц, связанных преимущественно с северными племенами. Так, в мае 1975 г. были смещены два брата Али и Дирхем Лухумы, в июне был снят с поста заместителя главнокомандующего Муджахид Абу Шавариб, а в июле — с поста министра внутренних дел Яхья Мутаваккиль. «Вакансии» аль-Хамди заполнял своими сторонниками.

Аль-Хамди видел свою задачу в том, чтобы подорвать

власть шейхов (в первую очередь аль-Амхара и Абу Лухума) не только в центральных органах власти — в Сане, но и на местах, в племенах. Этой цели призваны были служить мероприятия правительства, направленные на повсеместное распространение кооперативных обществ по развитию и на укрепление регулярной армии.

Легко себе представить, что в ответ шейхи поднимали свои племена против центральной власти, организовывали заговоры, направленные на саботаж политики правительства и подрыв централизаторских усилий Саны. Военное решение проблемы племен было на этом этапе правительству не по силам. Аль-Хамди решил прибегнуть к средствам дипломатии.

После долгих усилий ему удалось уговорить короля Фейсала (а затем Халеда) помочь укреплению центральной власти в ЙАР, выплачивая субсидии не шейхам племен и чиновникам государственных учреждений, а правительству [252, № 116, 06.09.1976, с. 20]. Саудовская Аравия вынуждена была пойти на этот шаг, хотя он, бесспорно, подрывал власть шейхов, на которых в течение достаточно длительного времени опирался Эр-Рияд. Эту цену ей пришлось заплатить за создание более стабильной ситуации в Северном Йемене. Крайняя бедность населения, неустойчивая политическая конъюнктура, связанная с постоянными племенными распрями и разногласиями между правительством и шейхами, непрекращавшееся партизанское движение в Среднем Джебеле превращали Северный Йемен в глазах саудовских руководителей в постоянный очаг нестабильности, а в потенции и в источник революционной угрозы. Этого рода опасения не без оснований усиливались сознанием того, что бок о бок с ЙАР йеменцы в НДРЙ приступили к коренной перестройке всей системы экономических, социальных и политических отношений, на которых покоился охраняемый Саудовской Аравией порядок. Чтобы надежно оградить и ЙАР, и Аравийский полуостров, и вообще весь арабский мир, на роль политического лидера которого претендовала Саудовская Аравия, от соблазна последовать путем Южного Йемена, саудовским руководителям было нужно, чтобы в Северном Йемене царил покой, а во главе его стояло сильное правительство.

Социально-экономические преобразования правительства Абд аль-Гани были направлены на развитие в ЙАР капиталистических отношений. Они были призваны содействовать укреплению позиций национальной буржуазии и ее росту, ускорению экономического развития страны. Для этого предполагалось прибегнуть к привлечению в национальную экономику иностранных капиталовложений.

В русле этой политики в августе 1975 г. был опубликован Закон о национальных и иностранных инвестициях в экономику, который обеспечивал местным и иностранным инвесторам более льготные условия, чем в других странах Ближнего и Среднего Востока [124, с. 1—9]. В соответствии с ним эти инвестиции ос-

вобождались от большинства налогов на первые пять лет. По истечении этого срока вложенный капитал мог быть изъят его инвесторами и вывезен за границу. Инвесторы не платили ни таможенных пошлин, ни налогов на прибыль. Закон об инвестициях 1975 г. явился первым крупным мероприятием республиканского правительства, направленным на стимулирование роста частнокапиталистического сектора.

Для активизации деятельности частного капитала была создана целая система финансово-кредитных учреждений: Промышленный банк Йемена, Банк сельскохозяйственного кредита, Строительный банк. К участию в них был привлечен иностранный капитал.

Социально-экономические преобразования в ЙАР осуществлялись при опоре на преимущественную помощь Саудовской Аравии. Только она одна предоставляла ЙАР более половины средств, необходимых для покрытия дефицита платежного баланса. О значении этой помощи можно судить хотя бы по тому, что в 1973 г. стоимость экспорта покрывалась импортом менее чем на $^1/_{10}$, в 1974 г.— на $^1/_{16}$, а в дальнейшем дефицит еще более возрос [129, 1974, с. 27; 252, № 99, 11.01.1976].

* * *

После возобновления деятельности Консультативного совета осенью 1974 г. единоборство между соперничавшими группировками в ЙАР вспыхнуло с новой силой. Предметом разногласий в этот раз стал вопрос о главе государства. Согласно конституции, коллегиальным главой государства считался Республиканский совет. Аль-Хамди настаивал на признании индивидуальным главой государства президента страны. При этом он делал все возможное, чтобы ограничить полномочия Консультативного совета: это позволило бы ему сосредоточить в своих руках всю полноту власти, что для него было необходимым условием создания сильного централизованного государства. Добиваясь укрепления своих позиций, аль-Хамди рассчитывал на то, что в новом составе Консультативного совета будут преобладать его сторонники, а не шейха аль-Ахмара, как это имело место в прошлом. Он надеялся, что в результате проводившейся в 1975 г. первой в истории страны переписи населения удастся перераспределить избирательные округа таким образом, чтобы будущие выборы обеспечили ему большинство мест в Консультативном совете (включая те, на которые он осуществлял назначения согласно конституции).

В мае 1975 г. Совет командования объявил о создании Высшего комитета по наблюдению за выборами в Консультативный совет. Он был наделен правом вносить поправки в конституцию. Чтобы не вызывать беспокойства Саудовской Аравии относительно происходящих в ЙАР перемен, Совет командования назначил главой этого комитета просаудовского деятеля, бывшего главу правительства Абдаллу аль-Хаджари.

В начале июня 1975 г. был опубликован новый Закон о выборах [42]. Согласно ему, выборы должны были быть тайными, равными и прямыми (предыдущий закон предусматривал трехстепенные выборы). Предполагалось создать 128 избирательных округов, от каждого из которых избирался один депутат. По числу жителей округа должны были быть примерно равны. Право голоса предоставлялось только мужчинам. Согласно закону, победившим на выборах считался кандидат, собравший относительное большинство голосов избирателей. Если этому условию будет соответствовать несколько кандидатов, вопрос должен решаться посредством жеребьевки.

Эта статья закона вызвала возражения аль-Хамди. Он считал, что победа на выборах должна определяться на основе не относительного, а абсолютного большинства признанных действительными голосов. Аль-Хамди полагал, что принцип относительного большинства приведет ко второму туру голосования, что неизбежно вызовет борьбу кандидатов. Включение же в эту борьбу племен (подавляющее большинство избирательных округов находилось на территории племен) приведет к распылению сил сторонников председателя Консультативного совета.

Аль-Хамди настаивал также на внесении поправок в статьи закона, касавшиеся процедуры формирования избирательной комиссии, ее численности, состава и т. д. Вызваны они были все тем же стремлением аль-Хамди заполучить для своей группировки как можно больше мест в Консультативном совете.

Предложения президента были отвергнуты Консультативным советом. А Высший комитет по наблюдениям за выборами так и не приступил к своей деятельности.

Против новой системы выборов, как и следовало ожидать, выступили и влиятельные шейхи племен во главе с аль-Ахмаром. Они требовали, чтобы по окончании «переходного периода», 22 октября 1975 г., деятельность государственных органов власти строилась строго в соответствии с первоначальным текстом Конституции 1970 г., рассчитывая, что в этих условиях значительно сократится роль Совета командования во всех сферах йеменской жизни, поскольку конституция предоставляла право назначать состав этих органов Консультативному совету.

Военные же во главе с аль-Хамди отказались признать правомочность Консультативного совета, поскольку срок его полномочий уже истек 22 октября 1975 г.

В конце октября в Эр-Рауде шейхи мелких племен созвали по инициативе Совета командования «народную конференцию», чтобы «поддержать политику главы государства, направленную на ослабление власти крупных феодалов». В столице и Таизе были организованы демонстрации в поддержку созыва конференции [215, 1976, № 103, с. 21]. Участники ее приняли требование о роспуске Консультативного совета, «поскольку он не выражал стремлений и чаяний народа и сдерживал процесс исправления». Обратившись к Совету командования, они подчеркнули необходимость создать в стране «климат, благоприятствующий проведению свободных и демократических парламентских выборов».

Конференция выразила солидарность с «решительными мероприятиями президента, призванными служить созданию единой и могучей национальной армии» и направленными на ликвидацию разобщенности внутри армии и сил безопасности. Ее участники высказались в поддержку создания в провинциях и районах «народных» исполнительных комитетов для борьбы с коррупцией. Они целиком одобрили внутреннюю и внешнюю политику аль-Хамди [128, с. 252].

Тогда же состоялась и конференция представителей традиционалистски настроенной интеллигенции — крупных улемов, членов апелляционного суда, муфтиев, специалистов по шариату и др. В решении этой конференции утверждалось, что в течение всего «переходного периода», начиная с 13 июня 1974 г., положение в стране оставалось крайне острым. Это, однако, не помешало развертыванию начатых под руководством аль-Хамди позитивных процессов, как-то: объединение армии и сил безопасности, активизация кооперативного движения, претворение в жизнь экономических проектов. Подобные мероприятия «способствовали сближению народа и руководства». В связи с этим участники конференции выразили благодарность президенту и заявили о своей готовности поддерживать усилия руководства, направленные на «возрождение исламского шариата». Они высказались за дальнейшее пребывание аль-Хамди на посту президента и призвали йеменский народ содействовать осуществлению его политики [90, с. 253—254].

Совершенно очевидно, что и «народная конференция», и конференция феодальной интеллигенции были организованы сверху — республиканскими властями, которые стремились создать хотя бы видимость национального единства, чтобы более убедительно выглядели его дальнейшие шаги по укреплению центральной власти.

Демонстративно ссылаясь на решения обеих конференций, Совет командования 23 октября 1975 г. опубликовал новую конституционную декларацию — третью по счету [117]; в ней провозглашалось начало нового переходного периода. В ст. 1 этого документа говорилось о том, что «конституционная декларация от 22 октября 1974 г. утрачивает силу в связи с истечением срока ее действия». С 22 ноября 1975 г. «прекращалась деятельность Консультативного совета, поскольку закончился дополнительный срок, предоставленный ему в соответствии с декларацией от 22 октября 1974 г.». Ст. 2 провозглашала, что в течение нового переходного периода будет действовать Конституция 1970 г.; однако «Совет командования, представляющий руководство государством, будет обладать всеми прерогативами Республиканского совета, зафиксированными в конституции». Ст. 3 объявляла председателя Совета командования главой го-

сударства и главнокомандующим вооруженными силами и, ссылаясь на конституцию, облекла его всеми полномочиями президента. Ст. 4 подтверждала необходимость проведения новых выборов в Консультативный совет «под наблюдением Высшего комитета по наблюдению за выборами и в соответствии с правилами, определенными законом о выборах». Декларация была утверждена председателем Совета командования. Таким образом, был окончательно распущен Консультативный совет и вся полнота власти в стране вновь сконцентрировалась в руках одного лица.

На данном этапе Совет командования видел свою задачу в том, чтобы добиться ослабления политических противников за счет расширения и укрепления своей социальной базы. Под лозунгом привлечения широких слоев населения к участию в общественно-политической деятельности и претворения в жизнь принципов буржуазной парламентской демократии он стал пропагандировать кооперативные общества по развитию, возникшие в стране после революции 1962 г., и всячески поощрять их деятельность. Будучи своего рода ассоциациями взаимопомощи, они выполняли хозяйственные функции, а в период гражданской войны формировали крестьянские отряды для защиты революции. В 1973 г. законодательным актом им было присвоено название «Местные кооперативные организации развития» и определена их административно-хозяйственная роль. Тем самым в условиях ЙАР они стали, по существу, органами государственной власти, через которые проводилась политика центрального правительства на местах. В рассматриваемый период они находились в процессе становления. Аль-Хамди видел в кооперативных обществах своеобразный инструмент для распространения влияния центрального правительства на сельское население. Он стремился превратить их «в опору мелких крестьян против шейхов племен, часто являвшихся еще и крупными землевладельцами». Создававшиеся кооперативы должны были «нести ответственность за осуществление в стране социально-экономических преобразований» и стать средством борьбы широких народных масс с отсталостью в целях строительства нового Йемена [275, 17.02.1979].

Следующим шагом в направлении укрепления центральной власти было опубликование Советом командования в октябре 1975 г. декрета о деятельности Высшей комиссии по исправлению [272, 1976, № 1, с. 76]. Ей в обязанности был вменен контроль над деятельностью не только государственных органов, но и шейхов как в аппарате центральной власти, так и на местах. Вне зависимости от того, каковы были практические последствия этого декрета, его можно рассматривать как признак начала наступления центральной власти на силы сепаратизма.

Попытка государства ограничить привилегии феодально-племенной знати вызвала усиление процесса консолидации противников режима аль-Хамди в лице шейхов крупных племен и свя-

занных с ними офицеров армии, уволенных аль-Хамди в отставку. Шейх аль-Ахмар и Синан Абу Лухум, враждовавшие прежде, активизировали взаимные контакты. В ответ на их общее обращение Саудовская Аравия возобновила выплату им денежных средств [225, 11.05.1975].

В середине ноября 1975 г. шейхи, объединившиеся с уволенными из армии старшими офицерами, созвали конференцию в Хамере, которая осудила аль-Хамди «за узурпацию власти». Используя обычный для традиционалистов набор доводов против «единоличного правления», участники конференции заявили, что власть в стране должна быть передана лицам, избранным «волею народа в соответствии с положениями конституции». Поскольку, согласно конституционной декларации от 22 октября 1974 г., срок полномочий правительства истек, власть его незаконна и, следовательно, оно обязано уйти в отставку. На президента аль-Хамди, власть которого тоже объявлялась незаконной, была возложена ответственность за царивший в стране беспорядок, насильственные действия армии в отношении гражданского населения, политический разброд, роспуск Консультативного совета до того, как были проведены выборы его нового состава [42].

Конференция выработала план действий против аль-Хамди, включавший окружение столицы племенными ополчениями под командованием шейхов и военных и ее захват [250, № 764, 15.03.1976].

Ибрахим аль-Хамди, хорошо осведомленный о деятельности шейхов, предоставил событиям развиваться своим чередом. В день праздника жертвоприношения (Ыйд аль-адха) начался ожидавшийся мятеж племен против центрального правительства в Среднем Джебеле. Его поддержали губернатор провинции Таизз и один из крупнейших феодалов провинции Ибб [252, 1976, № 103, с. 21]. Сторонники аль-Хамди подверглись арестам, многие были убиты.

Однако благодаря быстрым и решительным действиям президента мятеж был подавлен мирными средствами — отстранением губернатора провинции Таизз с его поста и заменой его сторонником аль-Хамди. Тем самым попытка реакционных сил расправиться с военными, стоявшими во главе центральной власти в Сане, потерпела провал, а авторитет государства и популярность президента возросли. Перед аль-Хамди встала задача закрепления своей победы. Он решал ее на двух направлениях: с одной стороны, продолжая наступление на феодально-племенные круги мирными средствами, с другой — добиваясь роста популярности политики республиканского руководства среди населения.

На протяжении первой половины 1976 г. аль-Хамди произвел ряд перестановок в правительстве, в аппарате министерств и в вооруженных силах, сняв с должностей лиц, связанных с племенами. Были приняты меры для более успешного проведе-

ния социально-экономических преобразований. Благодаря налаживанию статистической службы был упорядочен сбор налогов. Создана комиссия по продовольственной программе. Организовав контроль со стороны общественных организаций, эта комиссия сумела стабилизировать розничные цены на основные продукты питания. Эти меры получили широкую поддержку населения.

В налаживании экономики существенную помощь ЙАР оказывали другие арабские страны, прежде всего нефтедобывающие, а также международные организации и западные фирмы. К этому времени они уже уверовали в возможность аль-Хамди стабилизировать ситуацию в Северном Йемене и сделали ставку на укрепление его власти.

Особенно интенсивно развивались йеменско-саудовские отношения. Саудовская Аравия придерживалась своей обычной политики: оказывая ЙАР весьма значительную помощь, она постоянно настаивала на ее «увязывании» с «политическим поведением» северойеменского руководства; чем больше оно соответствовало саудовским интересам, тем щедрее был Эр-Рияд. Этот курс находился в резком противоречии с политикой национальной независимости, которую провозгласили аль-Хамди и его сторонники [267, 1976, № 74, с. 64; 252, 1976, № 99, с. 17].

Со времени прихода военных к власти остро встал вопрос о необходимости укрепления армии. Военное руководство выдвинуло программу коренной ее реорганизации и перевооружения. Саудовская Аравия задалась целью поставить этот процесс под свой контроль и при этом целиком привязать северойеменскую армию к западному вооружению. В конце апреля 1976 г. в американской прессе появилось сообщение о том, что Саудовская Аравия предоставила ЙАР 139 млн. долл. на закупку оружия, естественно не без политических условий [272, 1976, № 4, с. 538].

В декабре 1975 г. состоялся визит аль-Хамди в Саудовскую Аравию. В ходе этого визита были рассмотрены вопросы двустороннего йеменско-саудовского сотрудничества. Для решения общих экономических, политических, культурных и военных вопросов был создан координационный комитет на уровне министров.

К этому времени изменилась позиция Саудовской Аравии в отношении НДРЙ: с ее стороны появилась заинтересованность в нормализации отношений с Южным Йеменом.

Это было вызвано политической ситуацией, сложившейся на Аравийском полуострове в середине 70-х годов. Беспокойство Саудовской Аравии вызвала активизация экспансионистской деятельности шахского Ирана на полуострове. По просьбе султана Кабуса Иран ввел свои войска в Оман. Затем, как сообщала западная пресса, он предпринял попытку установить более тесные контакты с ЙАР, хотя попытка эта не встретила энтузиазма со стороны аль-Хамди [252, 1976, № 116, с. 15], она вызвала еще большую настороженность Саудовской Аравии, которая считала себя признанным лидером этого района. Чтобы ограничить иранское влияние пределами Дофара, Саудовской Аравии было необходимо установить добрососедские отношения не только с Северным, но и с Южным Йеменом. При этом саудовские правящие круги рассчитывали на содействие ЙАР, но толкать ее на сближение с НДРЙ они могли себе позволить, лишь будучи абсолютно уверенными в стабильности северойеменского режима. Денежные субсидии Саудовской Аравии в известной степени помогли аль-Хамди укрепить центральную власть, начать модернизацию ее структур, ограничить племенной сепаратизм. Действия аль-Хамди в тот момент совпадали с интересами Саудовской Аравии, стремившейся сохранить свою политическую гегемонию на Аравийском полуострове.

В этой связи вызывает интерес отношение к режиму аль-Хамди национально-демократических сил полуострова, представленных как руководством Южного Йемена, так и многими деятелями на Севере. Весьма показательно мнение по этому поводу уже упоминавшегося нами крупного йеменского историка Мухаммеда Али аш-Шихари. В его книге «Письма к Ибрахиму аль-Хамди» [153, с. 1—352] подобрана переписка автора с южнойеменскими руководителями относительно политического курса аль-Хамди, а также его письма, адресованные непосредственно самому аль-Хамди. Аш-Шихари выразил в книге не просто свое личное мнение, а позицию целого круга политических деятелей, сходную с авторской. В ней даны оценки деятельности аль-Хамди на фоне широкой панорамы политических событий того периода. Хотя многие из этих оценок позднее были пересмотрены, они представляют интерес, поскольку дают возможность рассмотреть политическую жизнь того времени во всей ее сложности.

В письме аш-Шихари к руководителям Южного Йемена от 17 июня 1974 г. недавний приход армии к власти в Северном Йемене расценивается как «реакционный переворот». Автор письма в тот момент полагал, что за переворотом стояли «ястребы из числа военных, феодалов — просаудовцев и сторонников США», что он «своим острием направлен против йеменского национального движения и режима НДРЙ».

Близкая по смыслу оценка «Движения 13 июня» и в письме аш-Шихари от 2 июля 1974 г., также адресованном южнойеменскому руководству. В нем говорится о двух точках зрения на «переворот»: согласно первой, план его «был разработан иракскими баасистами, а его истинным вдохновителем являлся Синан Абу Лухум»; согласно второй, «за переворотом стояли Саудовская Аравия и США, осуществившие его для того, чтобы предупредить приход к власти прогрессивных сил» [153, с. 25—26]. Письмо это, во-первых, демонстрирует, сколь запутанной была политическая обстановка в ЙАР в момент прихода армии к власти, сколь противоречивы были первые мероприятия аль-Хамди; во-вторых, оно свидетельствует и о том, что прогрессивные дея-

тели того периода (а их было немало) твердо верили в возможность прихода демократических сил к власти в ЙАР.

Для противодействия политической линии аль-Хамди аш-Шихари считал необходимым создать «широкий фронт всех революционных и патриотических организаций», который бы включал просирийских баасистов, насеристов, независимых, а также и более широкие демократические движения. Аш-Шихари полагал, что к фронту присоединятся и колеблющиеся представители буржуазии. По его мнению, фронт «должен базироваться на Хартии национальных демократических действий», а в основу его политики должны быть положены Каирское и Триполийское соглашения с их установкой на достижение йеменского единства мирным путем». Политика фронта должна определяться «с согласия всех сторон, участвующих в движении» [153, с. 27—30].

Год спустя после начала «Исправительного движения 13 июня» аш-Шихари существенно пересмотрел свои оценки личности аль-Хамди и его политики. Об этом он откровенно говорил в письме, адресованном аль-Хамди. В нем приветствовались мероприятия, осуществленные правительством к тому времени. Оправдываясь, аш-Шихари ссылался на то, что «ранее Ваша линия не была столь четко выражена. Теперь она прояснилась». В письме одобрялась идея создания централизованного государства и высказывалась решительная поддержка ведущих к этой цели мероприятий. «Йеменцы от Саны до Адена не останутся безразличными к курсу правительства ЙАР,— говорилось в нем,— и будут все более последовательно его отстаивать по мере его претворения в жизнь».

Аш-Шихари выступал за создание современных политических институтов. Он, в частности, писал, что «в современную эпоху политические движения должны опираться на современные отношения в рамках политических организаций и партий. Создание политических организаций (партий) будет способствовать национальному возрождению страны» [153, с. 40—41]. Как и многие другие политические деятели зоны национально-освободительных движений, аш-Шихари был поборником межклассовой коалиции в рамках единой политической партии (организации). Он отмечал, что успех начатого дела возможен только при условии создания такой организации.

Эту мысль разделяли все его единомышленники. Широкое участие прогрессивных и демократических сил в представительных органах власти, создание единого фронта и строительство массовой партии они считали прелюдией к образованию «Единой йеменской социалистической партии». Эта идея неоднократно повторяется и в письмах аш-Шихари к аль-Хамди, написанных в 1975—1976 гг. [153, с. 114—117].

К середине 70-х годов политическая жизнь в ЙАР значительно активизировалась. Помимо шести основных левых политических партий и организаций — РДПЙ, «Йеменские революционные борцы», НДС, Баас, Партия народного авангарда и Партия труда,— к числу демократических организаций относилась также группа «насеристов». После подписания Садатом соглашения в Кэмп-Дэвиде в 1978 г. она распалась на два течения — проливийское, или «Фронт отказа», и проегипетское, выступившее под лозунгом «Знание и вера». Реакционные элементы поддерживали «братьев-мусульман» и другие религиозные фундаменталистские организации, возглавляемые Ассоциацией улемов (Аль-Джам'ыя аль-ильмия), которая тоже выступала в роли политической организации. Между этими двумя противоположными политическими полюсами находилась масса подчас совсем небольших группировок колеблющихся.

Чтобы охарактеризовать позицию национально-патриотических сил в рассматриваемый период, обратимся к некоторым аспектам деятельности Партии труда. Эта партия провела свою первую конференцию только в сентябре 1975 г., хотя она возникла еще в начале 70-х годов.

Интересны исторические оценки, сделанные конференцией. По поводу революции 26 сентября 1962 г. в принятых партией программных «Решениях ЦК Партии труда ЙАР» говорилось, что объявленные тогда шесть революционных принципов являются «выражением стремлений мелкой и средней буржуазии и феодального крыла просветителей» [187, с. 19]. В документе отмечался упадок национального арабского движения вследствие израильской агрессии 1967 г. и усиления в нем мелкобуржуазного влияния. В результате произошло снижение уровня и йеменского национального движения. Переворот 1967 г., был расценен Партией труда как захват власти «феодалами-просветителями» которые, не решившись изменить республиканскую форму правления, пытались «подорвать республику изнутри». В результате их деятельности «форма сохранилась, а революционное содержание было выхолощено».

В «Решениях» дан анализ 70-дневной обороны Саны. Ряды ее защитников, говорилось в документе, «формировались из представителей различных классов, оппозиционных феодальным и империалистическим силам». Во время защиты столицы «высшие военные чины, государственные деятели и политики, крупные шейхи бежали из Саны, а мелкие офицеры, взявшие на себя руководство вооруженными силами, начали постепенно переходить на революционно-демократические позиции» [187, с. 28].

«Движение 13 июня», говорилось в «Решениях», пришло к власти в результате разногласий в правящей группировке. Руководство ЙАР «делает все для укрепления центральной власти государства на всей территории страны. Это имеет большой позитивный смысл. Положительной стороной деятельности правительства является его попытка осуществить исправление в области финансов и административного управления».

В то же время авторы «Решений» вынуждены отметить, что «революционная деятельность в стране отсутствует, профсоюзы,

крестьянские, студенческие, женские и другие союзы не функционируют». При существующем положении дел «организовать политические выступления населения практически невозможно». Весьма низкий уровень политического сознания и ограниченный политический опыт населения ЙАР являются «главным препятствием на пути развития классовой борьбы». Можно ли в таких условиях ставить вопрос о вооруженной борьбе?—спрашивается в документе. В этом вопросе нашли подспудное выражение разногласия между Партией труда и РДПЙ, отстаивавшей тактику вооруженной борьбы. Авторы документа отвечали на него отрицательно. Они считали, что необходим этап экономической борьбы, чтобы сформировать «в народе» классовое самосознание и укрепить его революционную твердость; только после этого «можно будет применять разные формы борьбы, в том числе и вооруженную» [187, с. 40—41].

Таким образом, Партия труда недвусмысленно высказалась против вооруженной борьбы, которую вела в то время РДПЙ. В этом вопросе Партию труда поддержали НДС, Партия народного авангарда и Баас.

В документе рассматривалась также проблема йеменского единства. Ее претворение в жизнь возможно, отмечалось в нем, на основе Каирского и Триполийского соглашений. Инструментом решения этого вопроса должен был стать единый национальный фронт всего Йемена — Северного и Южного [187, с. 43].

Знакомство с политическими программами и документами целого ряда партий ЙАР свидетельствует о том, что проблема единого общенационального фронта прогрессивных сил обеих частей страны в середине 70-х годов стояла довольно остро. Ее решение во многом зависело от ответа на вопрос об отношении северойеменцев к Национальному фронту Южного Йемена. Это отношение, однако, не было однозначным, порой даже в рамках одной партии.

Об этом свидетельствовало, в частности, письмо, адресованное руководству Партии труда группой членов филиала этой партии в Сирии [172]. В нем говорилось, что еще в 1970 г. в ЙАР была создана Партия рабочих и крестьян [3], переименованная затем в Партию труда. Партия заявила о своем признании марксистско-ленинских принципов. Однако авторы письма весьма критически отзывались о разных аспектах деятельности Партии труда и, в частности, выражали свое полное несогласие с точкой зрения ее руководства на проблему создания единой партии и единого национального фронта.

В ЙАР и НДРЙ, говорилось в письме, «действуют два разных по своей социальной природе режима, перед ними стоят разные социальные и политические задачи». Поэтому установка на создание единой партии для Севера и Юга является «явной политической и теоретической ошибкой». Две партии должны существовать параллельно — одна на Севере, другая — на Юге. Между ними «должно осуществляться координирование и сотрудничество с тем, чтобы они обе шли в едином направлении — в направлении объединения Йемена на прогрессивной основе вопреки силам империализма и реакции».

Столь же ошибочным, говорилось в письме, является тезис о создании единого национального фронта. В интересах «национальной борьбы прогрессивных сил необходимо создать два национальных фронта — на Севере и на Юге». Они также должны четко координировать свои действия и искать возможные формы сотрудничества, с тем чтобы каждый из фронтов мог успешно выполнять национальные и социальные задачи для своего района Йемена и добиваться создания предпосылок для объединения Йемена на прогрессивной и демократической основе».

В заключение письма его авторы объявляли о своем выходе из партии.

Аналогичный раскол произошел в 1975 г. в Партии народного авангарда. Разные точки зрения на проблему единства были представлены и в партии Баас, однако ей удалось сохранить единство, и она продолжала нелегально действовать как в Северном, так и в Южном Йемене, главным образом в среде студенчества [228а, 24.07.1978].

В середине 70-х годов шесть левых патриотических партий и организаций ЙАР заявляли о своей приверженности марксизму и идее йеменского единства, хотя полного единодушия по этому вопросу у них не было. Их оценки положения в стране и взаимоотношений ЙАР и НДРЙ, как правило, совпадали. Особняком среди них стояла РДПЙ, являвшаяся наиболее массовой и популярной партией. Однако возобладание экстремистского крыла в руководстве РДПЙ привело к тому, что практическая деятельность партии все более принимала террористические формы. Особенно в Среднем Джебеле, где действовала «народная революционная армия». Односторонний курс РДПЙ на вооруженные методы борьбы негативно отзывался на всех левых силах в стране, которые становились наряду с РДПЙ жертвами преследований со стороны властей. Не случайно в документе РДПЙ 1979 г., подвергшем критическому пересмотру предыдущую деятельность партии, говорилось, что, «когда „Движение 13 июня“ пришло к власти, положение РДПЙ и других левых сил было крайне сложным. Ситуация складывалась неблагоприятно. Десятки людей находились в тюрьмах, сотни бежали из страны, многие погибли... Вооруженная борьба показала, что таким путем осуществить поставленную цель (т. е. прийти к власти.— *Е. Г.*) невозможно» [96, с. 15].

Накопленный РДПЙ практический опыт и более глубокое знакомство ее членов с теорией научного социализма постепенно готовили условия для пересмотра левацких установок партийного руководства. После окончания учебы в социалистических странах в Йемен вернулись и влились в ряды партии грамотные, хорошо подготовленные кадры. РДПЙ начала расши-

рять свои связи с прогрессивными партиями как самой ПАР так и других арабских стран. Особенно продуктивными для нее были контакты с коммунистическими партиями. Они способствовали более глубокому пониманию членами РДПЙ марксистско-ленинской теории, помогали им более трезво и верно проанализировать существовавшую в стране ситуацию, выработать правильную стратегию и тактику.

Со второй половины 70-х годов точка зрения руководства и рядовых членов РДПЙ на вооруженную борьбу как на единственную эффективную форму деятельности партии начала меняться. В партийных документах того времени говорилось по этому поводу: «Вооруженная борьба не является единственной тактикой... Партия пришла к выводу, что существуют и другие формы борьбы» [96, с. 16—17].

РДПЙ приступила к организационной перестройке своей деятельности. Она начала создавать свои ячейки «на основе как производственного, так и географического принципов». Ее агитаторы стали проникать в племена, устанавливая контакты с мелкими шейхами и влиятельными семьями. Конечно, в большинстве случаев эти люди прямо или косвенно были связаны с племенем, в котором им поручили работать, и, являясь формально членами племени, находились фактически под его защитой.

РДПЙ распространила свою деятельность и на глубинные районы страны. Одним из самых крупных успехов партии стало установление связей с северными и северо-восточными зейдитскими племенами и создание в них своих ячеек. Руководство РДПЙ начинало понимать, что «для того, чтобы партия смогла вернуться к политической борьбе, необходимо было развивать отношения с другими левыми группами, с тем чтобы создать единый национальный фронт и таким образом соединить левые силы в одну организацию» [96, с. 17—18].

Вопрос о создании общенационального фронта ставился левыми партиями и организациями еще с 60-х годов, когда были предприняты первые попытки объединения некоторых из них, однако все эти образования оказывались весьма аморфными и недолговечными. Впервые действовавшие в стране политические партии и организации смогли выработать единую точку зрения на эту проблему в январе 1974 г. К этому времени между ними уже в течение длительного времени велись переговоры о создании единого национального фронта.

В начале 1973 г. был выработан проект политической программы «Национального демократического фронта» (НДФ) ЙАР, подписанный РДПЙ, НДС, Партией труда, баасистами обеих ориентаций, Организацией йеменских революционных борцов [135]. В своем окончательном виде этот документ был принят в феврале 1976 г. под названием «Политическая программа НДФ» [77].

Она состояла из введения и шести частей — политической,

экономической, о проблемах образования и культуры, социальных вопросах, вооруженных силах, международной политике и межарабском единстве.

Политические задачи общенационального фронта формулировались следующим образом: «защита национальной независимости и национального суверенитета»; «борьба за уничтожение эксплуататорских феодальных отношений и влияния крупных монополий, за установление демократического национального режима... путем перестройки государства, с тем чтобы оно служило целям народа и охраняло его завоевания»; «борьба за демократические свободы» — свободу деятельности партий и профсоюзов, свободу демонстраций и забастовок, освобождение политических заключенных, прекращение террора и репрессий, военного подавления крестьянских движений» и т. д. В специальном пункте Программы среди других политических задач национального фронта указывалось «объединение йеменской родины мирным путем на национальной демократической основе путем развития взаимопонимания между двумя частями Йемена и осуществления координации действий в экономической, политической и культурной сферах».

В экономическом разделе, составлявшем вторую часть Программы, провозглашалась «борьба за свобождение национальной экономики от империализма», выдвигалось требование «создания современной национальной производительной экономики... на научной плановой основе», говорилось о необходимости «стимулировать деятельность национального капитала с ориентацией на создание производственных объектов с целью создания базы национальной экономики». Экономическая программа предусматривала предоставление льгот и оказание помощи «национальным промышленникам, торговцам и ремесленникам», защиту национального производства от иностранной конкуренции, создание ремесленных кооперативов. Программа ставила на повестку дня принятие закона об аграрной реформе и подчеркивала «необходимость установить максимальные размеры земельных владений в зависимости от плодородия почв». Она включала пункты об оказании помощи крестьянам, о поощрении создания сельскохозяйственных кооперативов всех видов, организации хозяйств на государственных землях», развитии животноводства, строительстве предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, развитии рыбных ресурсов, оказании помощи рыбакам и создании рыболовецких кооперативов. (Заметим, что выдвижение аграрной программы имело большое значение, поскольку правящий блок избегал касаться этой проблемы.)

Раздел третий предусматривал «развитие и распространение новой национальной культуры» и борьбу с «засильем империалистических и реакционных идей». В нем говорилось о необходимости широкого распространения «образовательных и культурных организаций»; о «демократизации образования... повышении

его уровня, особенно в сельских районах... борьбе за ликвидацию неграмотности и обучении взрослых».

В четвертом, социальном разделе был поставлен вопрос о «воплощении в жизнь закона о труде и разработке закона о социальном и медицинском обеспечении». Выдвигалось требование «определить минимальный уровень заработной платы и лимитировать продолжительность рабочего времени на производстве». Специальный пункт раздела предусматривал борьбу со всевозможными пережитками, которые «насаждаются феодалами для упрочения своего положения, разрушения национального единства йеменского народа и затруднения его социальной борьбы». Программа выдвигала требование о предоставлении женщине равных прав с мужчиной в социальной, экономической и политической областях, а также в сфере общественной деятельности. Поднималась проблема «утечки рабочей силы за границу». Программа ставила вопрос об использовании экономических мер для прекращения эмиграции и включения вернувшихся на родину йеменцев в общественную жизнь страны.

В пятой части, касавшейся вооруженных сил и сил безопасности, говорилось об их перестройке, повышении боеспособности. Этот процесс рассматривался как часть «борьбы народа за свободу и социально-экономический прогресс».

В области внешней политики программа выдвигала требование «осуществления сотрудничества с арабскими народами, борющимися за свободу, демократию, социальный прогресс и мир», и оказания им поддержки и помощи. В программе осуждались политика расизма во всех ее формах и агрессивные войны, поддерживался принцип мирного сосуществования государств с различными социальными системами, заявлялось о поддержке прав народов на самоопределение, о необходимости расширения дружеских отношений с социалистическими странами и государствами, борющимися за национальное освобождение, демократию и мир.

11 февраля 1976 г.— день принятия Политической программы—стал днем рождения Национально-демократического фронта ЙАР (НДФ). В него вошли пять политических партий и организаций — РДПЙ, Партия труда, Организация йеменских революционных борцов, Партия народного авангарда и НДС. В последующие годы к нему примкнула организация «Фронт народных сил 13 июня».

По сообщениям некоторых западных источников, после опубликования своей программы НДФ добился «легализации своего движения» [211, с. 10—14]. Думаем, однако, что это утверждение ошибочно. О существовании Фронта знали и политические деятели ЙАР, и рядовые йеменцы. Фронт публиковал и распространял свои заявления, обращения, воззвания, но официально он не был легализован. Хотя политическая линия НДФ должна была импонировать руководству ЙАР — если и не во всех пунктах, то, во всяком случае, в тех, которые касались укрепления

централизованного государства и сокращения влияния племенных шейхов, а также политики в отношении Саудовской Аравии. Совпадали и их взгляды на проблему Южного Йемена.

Фронт пользовался в ЙАР известными симпатиями со стороны прогрессивной интеллигенции, чиновников, офицеров, мелкой буржуазии. Довольно активно выступало за него население столицы и южных районов страны. Согласно программе НДФ, социальная база Фронта охватывала «прогрессивные независимые национальные элементы, некоторых шейхов, религиозных деятелей, национальное купечество, а также крестьян, рабочих и угнетенные слои народа» [105, с. 107—108].

В стране ощущалась глубокая потребность в реформах, особенно в экономической области. Социальная ограниченность и неуверенность в собственных силах сдерживали общественную инициативу даже тех деятелей из правящего блока, которые ориентировались на капиталистическое развитие страны. НДФ впервые в истории Северного Йемена обратился к общественности страны с широкой программой антифеодального демократического содержания. Эта программа отражала чаяния народных масс — крестьянства, рабочего класса, национальной буржуазии — всех, кто был заинтересован в ускоренном социальном, экономическом и политическом развитии республики, в создании сильного демократического Йемена.

В политическое руководство НДФ вошли представители всех участвовавших в нем политических сил, а также «независимые» деятели. Ввиду того что среди участников Фронта самой массовой политической организацией была РДПЙ, число ее представителей в руководстве было наибольшим. Это не могло не сказаться на деятельности НДФ, воздействуя на весь последующий ход развития прогрессивных сил ЙАР.

Президент аль-Хамди, официально не признавая НДФ, шел на контакты с руководителями Фронта, стремясь противопоставить его влиянию феодально-племенной верхушки. Используя политику балансирования между крайними политическими полюсами, он надеялся с ее помощью осуществить реформы в области экономики и государственного устройства.

Политика поощрения частного предпринимательства привела к некоторой активизации экономической деятельности. В 1976 г. было завершено выполнение первой трехлетней программы социально-экономического развития страны. Определенные достижения в экономической сфере подготовили почву для составления и принятия правительством первого пятилетнего плана развития. Хотя внешнеторговый баланс из года в год сводился со значительным дефицитом, его удавалось покрывать за счет растущих поступлений от переводов йеменских эмигрантов и иностранных субсидий. Значительная часть расходов по бюджету (около 30%) оплачивалась за счет субсидий Саудовской Аравии. Начавший работать в январе 1977 г. саудовско-йеменский координационный комитет принял решение о предоставлении

ЙАР экономической помощи в размере 140 млн. долл. Кроме того, Саудовская Аравия взяла на себя обязательства оплатить осуществление в ЙАР 64 проектов развития; в основном это были школы, больницы, дороги и артезианские колодцы [220, 24.03.1977].

В июне 1977 г. республика приступила к реализации первого пятилетнего плана социально-экономического развития. В течение пяти лет, используя накопленный опыт, необходимо было перейти от ограниченных проектов к развернутому плановому экономическому строительству, с тем чтобы к концу пятилетки значительно укрепить экономическую независимость страны, повысить жизненный уровень народа, добиться самообеспечения страны продовольствием, создать костяк промышленной базы.

Приоритет отдавался развитию транспорта и средств связи — на это отводилось 25% капиталовложений. Это был вполне оправданный путь, поскольку модернизировать экономику было возможно, только приблизив к городам и магистральным путям глубинные районы страны. Географическое своеобразие Северного Йемена заключается в большой разбросанности, раздробленности, удаленности друг от друга селений. Чтобы максимально исследовать все имевшиеся в стране ресурсы, необходимо было преодолеть эту особенность за счет развития инфраструктуры. Выдвинутую аль-Хамди программу активно поддерживали сельские жители, которые «впервые увидели в государстве не что иное, чем просто инструмент принуждения» [273, 22—23.01.1978]. В пятилетнем плане была подтверждена политика «открытых дверей». В годы его осуществления в экономике ЙАР были представлены государственный, смешанный, частный и кооперативный секторы. Иностранному капиталу были предоставлены льготы наравне с национальным.

По мере претворения в жизнь социально-экономических мероприятий и усовершенствования механизма экономики началось постепенное укрепление позиций центральной власти на местах. В известной степени этому способствовало распространение кооперативных обществ развития. В условиях отсутствия в стране массовых организаций они способствовали вовлечению широких слоев населения в общественную деятельность. Их значение было особенно заметным в глубинных районах страны. Избранные в руководящий состав обществ простые, вчера еще совсем бесправные, соплеменники почувствовали возможность оказывать воздействие на политику местных властей. Они стали временами возражать племенным шейхам, когда те покушались на общественные интересы. Кооперативные общества все заметней превращались в реальную базу центральной власти на местах.

В первой половине 1976 г. аль-Хамди предпринял ряд перестановок в правительстве, однако окончательно новый кабинет был сформирован только в августе. Он предложил кандидатуры некоторых лиц, тесно связанных с племенами. Такую уступку пришлось сделать в связи с растущим недовольством феодально-племенной знати центральной властью. Шейх аль-Ахмар, оказавшийся не у дел после ликвидации Консультативного совета, отправился в «свою столицу» Хамер, откуда начал нападки на аль-Хамди, требуя «возвращения страны к нормальной конституционной жизни».

Чувствуя, что их влияние в стране падает, шейхи активизировались. В начале января 1977 г. недалеко от Саны состоялась новая конференция племен, на которой выступили главные шейхи двух самых крупных конфедераций племен—хашед и бакиль — аль-Ахмар и Синан Абу Лухум (после смерти главного шейха бакиль Амина Абу Раса он не был избран его преемником). Объединив свои силы, шейхи объявили «священную войну» аль-Хамди, режим которого они рассматривали как «коммунистический и безбожный» [268, 1977, № 37, с. 10—14].

Лидеры собравшихся на конференцию племен представили аль-Хамди меморандум из 14 пунктов с перечислением своих требований. Главные из них предусматривали все то же «возвращение к нормальной конституционной жизни»; формирование нового правительства, пользующегося доверием племен; удаление из правительства и военного руководства лиц, которые используют свое положение в личных целях; уважение племенных нужд и традиций, поскольку, как считали шейхи, племена — главные защитники независимости и суверенитета Йемена; пересмотр законов, принятых без участия Консультативного совета, при условии строгого соблюдения принципов ислама; эффективное и последовательное согласование политики ЙАР с требованиями Саудовской Аравии; амнистию политическим «преступникам», обвиненным в оппозиции к режиму; пересмотр статуса политических беженцев с Юга и др. [268, 1977, № 37, с. 10]. Суть выдвинутых требований состояла в предоставлении племенам большей власти в масштабах государства и проведении более тесного сотрудничества с Саудовской Аравией. В качестве подтверждения «серьезности намерений» феодально-племенной верхушки отряды племен то и дело провоцировали стычки с частями регулярной армии.

В ответ на действия племен аль-Хамди провел несколько встреч с руководителями НДФ. На них были выработаны совместные решения, предусматривавшие распространение эффективного контроля центральной власти на всю территорию страны, создание сильной национальной армии, прекращение иностранного вмешательства в дела ЙАР, ограничение влияния племен [204, с. 654].

Чтобы получить поддержку демократических сил страны и таким образом укрепить свои позиции, аль-Хамди пошел на улучшение отношений с Южным Йеменом. В середине февраля 1977 г. в г. Катабе, расположенном недалеко от границы с НДРЙ, состоялось совещание глав государств Северного и Южного Йемена; на нем была достигнута договоренность о создании так называемого Президентского совета с участием прези-

лентов обоих государств, военачальников, представителей министерств. Совет должен был собираться каждые шесть месяцев. Задача его заключалась в том, чтобы следить за осуществлением принятых сторонами решений и руководить деятельностью смешанных комиссий в различных областях. На встрече было принято также решение о создании подкомиссий по экономике, планированию и торговле. Их задача заключалась в изучении возможностей сотрудничества в сфере экономического и социального развития. Была достигнута договоренность о том, что каждая из сторон считала другую своим представителем в тех странах, где у нее не было дипломатических представительств [40, 1977, февраль; 224, 17.02.1977; 272, 1977, № 2, с. 203].

Установление аль-Хамди контактов с левыми силами и его начавшийся диалог с НДРЙ побудил традиционалистов-консерваторов сделать все возможное для нормализации отношений между государством и племенами. В роли посредника между аль-Хамди и аль-Ахмаром выступил аль-Хаджари, которому удалось убедить шейхов пойти на примирение с аль-Хамди. К этому их вынудило, в частности, и то обстоятельство, что в связи с сокращением притока денег из Саудовской Аравии они испытывали значительные финансовые трудности, преодолеть которые им обещал аль-Хаджари. Он также заверил шейхов, что аль-Хамди дал предварительное согласие на замедление процесса проведения в жизнь социальных мероприятий и обещал пойти на некоторое охлаждение отношений с НДРЙ [268, 1977, № 35, с. 13, 16].

Боязнь усиления левых сил в стране и улучшения отношений с Южным Йеменом привела к тому, что шейх аль-Ахмар, больше года находившийся в «своей столице» Хамере, в феврале 1977 г. вернулся в Сану. Несколько ранее в столицу возвратился Муджахид Абу Шавариб.

Таким образом, удачно балансируя между традиционалистами и левыми, между Саудовской Аравией и НДРЙ, аль-Хамди смог дипломатическим путем уладить разраставшийся конфликт и вернуть аль-Ахмара в столицу, где было легче контролировать его деятельность [273, 21.01.1978]. Ему удалось договориться с шейхом о том, что племена прекратят нападения на части регулярной армии, а шейхи не станут противиться проводившимся правительством финансовой и административной реформам.

Идя на уступки, каждая из сторон надеялась, что в дальнейшем конфликт будет разрешен в ее пользу. Шейх аль-Ахмар рассчитывал, что влияние в будущем Консультативном совете останется за ним и его сторонниками, а сам он вновь будет избран председателем этого органа; аль-Хамди же полагал сократить в нем число представителей племен за счет пополнения Совета образованными молодыми офицерами и чиновниками [262, 1977, № 11, с. 26].

Начавшееся примирение оказалось лишь временной передышкой. Политическая напряженность в стране в целом не была преодолена. В апреле 1977 г. в Лондоне при невыясненных обстоятельствах был убит кади аль-Хаджари, деятель крайне консервативного направления, тесно связанный с Саудовской Аравией и северными племенами. Его поездка в Англию была вызвана предполагавшимися переговорами с королем Саудовской Аравии Халедом по целому ряду актуальных политических проблем юга Аравийского полуострова, в том числе и по вопросу урегулирования отношений между шейхами северойеменских племен и центральной властью. Этот вопрос оставался актуальным, поскольку договоренность аль-Ахмара и аль-Хамди оказалась формальной и конфронтация между ними не ослабевала [262, 1977, № 15, с. 4].

Убийство аль-Хаджари было воспринято шейхами как отказ аль-Хамди от своих обещаний, которые он дал аль-Хаджари и саудовскому руководству. В мае — июне отношения между аль-Хамди и аль-Ахмаром продолжали ухудшаться. Северные племена расширили свои военные действия и от мелких нападений перешли к перехвату военных конвоев, блокированию и минированию дорог к северу от Саны и т. п.

В начале августа 1977 г. аль-Ахмар собрал 40-тысячное племенное ополчение и захватил г. Сааду и окружающий горный район. Его адресованный шейхам призыв к совместному выступлению против центральной власти был поддержан небольшим числом северных и северо-восточных племен, племена же центральной части страны от выступления уклонились. В результате наступления племенных ополчений страна практически оказалась разделенной: шесть провинций севера и северо-востока находились под контролем шейхов во главе с аль-Ахмаром, а шесть провинций юга и юго-запада — под контролем правительства.

В августе регулярная армия развернула при поддержке танков и авиации военные действия против мятежных племен [205, с. 793] и достигла значительных успехов. Быстрые контрмеры, принятые аль-Хамди, подняли его авторитет и нанесли серьезное поражение престижу феодально-племенной знати. Выступление правительственных сил против племенных ополчений было первой такого рода акцией центральных властей в республиканский период. Оно свидетельствовало о возросшей мощи регулярной армии и укреплении центральной власти в стране. Поражение шейхов племен принципиально изменило их роль в социально-политической жизни ЙАР.

В то же время, несмотря на то, что позиции шейхов племен ослабли, военные события лета 1977 г. показали, что ни одна из конфликтующих сторон не смогла добиться решающей победы. Наступил период «равновесия сил». Чтобы разрядить напряженное положение в стране, было только одно средство — пойти на взаимные уступки.

В начале сентября 1977 г. при посредничестве короля Халеда было достигнуто политическое примирение сторон [267, 1978,

№ 79, с. 12]. Аль-Ахмар и аль-Хамди заключили соглашение (а вернее, перемирие), по которому аль-Ахмару была предоставлена должность заместителя председателя Совета командования по делам племен, Синану Абу Лухуму — заместителя председателя Совета командования по экономическим вопросам, Абу Шавариб — члена Совета командования. Аль-Хамди согласился на проведение выборов в Консультативный совет (хотя дата не была определена) и официальное оформление трехтысячной «народной армии». Вооружать и финансировать эту армию должно было правительство, а командовать ею — Абу Шавариб. Аль-Хамди вновь предоставил главам племен ряд постов в правительстве и дал согласие на свободное передвижение шейхов по стране с их собственной вооруженной охраной. Со своей стороны, шейхи обязались сдать тяжелое оружие и вывести свои отряды из зоны недавних боевых действий в северо-восточных районах, которые находились под их контролем [204, с. 656].

Заключение столь «неравноценного» на первый взгляд соглашения еще раз свидетельствовало о том, что, несмотря на возросшую роль государства, позиции племен оставались еще весьма значительными. Однако, как показал опыт, влиятельность лица, получившего то или иное назначение, зависела не только (а часто и не столько) от поста, сколько от политического удельного веса назначаемого, поэтому уступка аль-Хамди оказалась не столь уж большой. Соглашение, заключенное аль-Хамди с шейхами, в конечном счете способствовало укреплению позиций государства, как, впрочем, и его личных, внутри страны и за ее пределами. Что же касается шейхов, то, как верно отмечал лондонский журнал «Мидл Ист», их «успехи» в этом конфликте с государством «скорее свидетельствовали об их окончательном поражении» [268, 1977, № 35, с. 16]. Действительно, продолжать истощающие страну военные действия против племен для аль-Хамди смысла не было: военное превосходство центральной власти было очевидным, хотя для того чтобы окончательно покончить с племенной вольницей, возможностей у нее еще было недостаточно.

Однако достигнутый аль-Хамди успех, положивший начало постепенному нарушению политического равновесия в пользу центра, оказалось возможным оценить в полной мере лишь значительно позднее. Этому в немалой степени способствовали действия Саудовской Аравии, политика которой все более и более стала склоняться на сторону северойеменского правительства. Ее обильные дары, раньше доставшиеся в основном племенам, теперь потекли щедрым потоком в государственную казну.

Заключенное аль-Хамди и аль-Ахмаром соглашение вызвало отставку некоторых членов правительства. Подавший в отставку министр труда в своем письме премьер-министру так объяснил этот шаг: северные, восточные и западные районы страны находятся под контролем племен, «которые делают все, чтобы сохранить там свою автономную власть, стремясь превратить

эти территории в „пояс противостояния" прогрессивному наступлению». В этих условиях нельзя идти на уступки шейхам племен. Возвращение к политической деятельности аль-Ахмара, Абу Лухума и Абу Шавариба — это «бедствие для народа и отступление назад на многие годы». Саудовская Аравия, хотя и идет на расширение контактов с правительством, тем не менее стремится сохранить упомянутые районы «независимыми», т. е. оставить их под контролем шейхов, которые смогут в будущем оказать определенное давление на политику центральных властей [250, 07.11.1977, с. 24—25].

«Ни логика, ни необходимость,— говорилось в письме,— не могут оправдать того обстоятельства, что все проблемы народа Йемена решаются с помощью Саудовской Аравии». Необходимо избавиться от всех форм саудовской помощи, даже от «финансовой, которая идет на покрытие бюджетного дефицита». Правительство должно приступить «к формированию высшего Консультативного совета, который возьмет на себя обязанность изучить положение в северных и восточных районах страны и рассмотрит обстоятельства мятежа шейхов» [250, 07.11.1977, с. 25].

В своей антисаудовской направленности автор письма весьма последователен. Опасаясь установления полного контроля Эр-Рияда над северойеменскими делами, он считает необходимым разорвать все имеющиеся связи ЙАР с Саудовской Аравией. Однако руководство республики, сознавая ограниченность своих возможностей, не могло (да и не хотело) идти на такой шаг, а в качестве рычага воздействия на саудовскую политику использовало свои отношения с НДРЙ.

Когда после прихода аль-Хамди к власти наметился процесс улучшения взаимоотношений между ЙАР и НДРЙ, аш-Шихари по этому поводу писал: «Офицеры, отстаивавшие путь реформ во имя модернизации, которые подняли лозунг финансового и административного исправления и создания современного централизованного государства закона и порядка, понимали, что дальнейший путь невозможен без диалога с патриотическим движением, без создания мирного климата в отношениях с демократическим режимом южной части родины. Здесь они неизбежно столкнулись со стеной влияния Саудовской Аравии и ее сторонников из числа крупных феодалов» [151, с. 74]. Тем не менее военное руководство продолжало придерживаться дружественного курса в отношении НДРЙ.

Северный и Южный Йемен регулярно проводили встречи руководящих деятелей разных уровней по вопросу объединения двух йеменских государств. Начиная с 1974 г. шел постоянный обмен визитами на уровне министров. Главы двух государств встречались на совещаниях руководителей неприсоединившихся государств в Рабате в 1974 г. и Коломбо в 1976 г.

В результате посещения Северного Йемена президентом НДРЙ в феврале 1977 г. было принято решение о создании совместного комитета по проблеме объединения на уровне минист-

ров обороны, экономики, торговли, планирования и иностранных дел. Комитет должен был собираться каждые шесть месяцев. Начали регулярно работать комиссии, сформированные на Триполийской конференции [207, с. 827; 224, 17.02.1977].

Определенные результаты были достигнуты и в сфере налаживания экономических и культурных связей. Были рассмотрены вопросы о торговле сельскохозяйственными продуктами и об отмене таможенных пошлин. Заключено соглашение между национальными банками. Создана единая организация писателей и литераторов Йемена, достигнута договоренность об изучении истории в школе по программе, разработанной совместной комиссией. Все это подтверждало на практике стремление обеих стран заложить прочную основу для восстановления единства Йемена [244, 26.09.1977]. Тем не менее условия для реального объединения Йемена в политической ситуации того периода отсутствовали, и с этим не могли не считаться трезво мыслящие деятели обеих сторон.

В рассматриваемые годы в отношениях между государствами Аравийского полуострова и в мировой политике вообще существенное место стала занимать проблема Красного моря. Это было связано с целым рядом причин, в первую очередь с изменениями в политической ситуации в этом районе земного шара.

До 1974 г. доминирующее военное положение в бассейне Красного моря занимали США. Этим они были обязаны в первую очередь императорской Эфиопии, которая предоставила США возможность разместить военные базы на своей территории. Важными позициями вблизи Баб-эль-Мандебского пролива располагал Израиль. Он добился своего присутствия на некоторых островах, примыкающих к проливу, после того как они были переданы Эфиопии Великобританией перед ее уходом с юга Аравийского полуострова. Координируя свои действия с США, Израиль разрабатывал планы, направленные на установление своего контроля над Баб-эль-Мандебом, готовясь «нанести удар по тылам арабов» [212, с. 71—84; 245, 02.03.1972; 249 11.02.1982].

После революции 1974 г. в Эфиопии США вынуждены были уйти из Красноморского бассейна.

В течение первой половины 70-х годов вопрос судоходства по Красному морю и через Баб-эль-Мандебский пролив стал приобретать все большую актуальность, привлекая пристальное внимание многих стран, заинтересованных в международном судоходстве. В связи с этим активную политическую деятельность развернула Саудовская Аравия. Свои усилия она направила на создание конфедерации государств Аравийского полуострова и стран Красноморского бассейна, которые бы поддержали ее политику, направленную на превращение Красного моря в «арабское озеро». Правительство ЙАР поддержало эту политику. Оно выступило за установление смешанного контроля (ЙАР, НДРЙ и Джибути) над Баб-эль-Мандебским проливом и подписание

международной конвенции, подобно той, которая регулировала проход судов по Суэцкому каналу и через Босфор, но этот проект вызвал резкое несогласие многих стран. В отличие от ЙАР, НДРЙ отстаивала идею превращения Красного моря в зону мира и безопасности [267, 1976, № 74, с. 67].

Для ЙАР и НДРЙ проблема Красного моря, особенно его островов, представляла особый интерес. Во время войны 1972 г. между Северным и Южным Йеменом войска ЙАР захватили остров Камаран, переданный НДРЙ Великобританией после ее ухода в 1967 г. из региона. Многочисленные консультации и переговоры, происходившие между представителями двух йеменских государств, не внесли значительных изменений в существующее положение: о-в Камаран продолжал оставаться под контролем ЙАР.

В 1976 г. Саудовская Аравия с новой силой возобновила свои усилия по превращению Красного моря в «арабское озеро мира», используя и дипломатические и экономические средства привлечения союзников. Помимо ЙАР ее поддерживали Кувейт и ОАЭ.

Против этого блока выступила группа соседних арабских государств: Судан, Египет и Сирия [261, 1977, октябрь, с. 72—80]. В начале 1977 г. они провели ряд встреч на высшем уровне; в результате было подписано секретное соглашение о создании «объединенного политического командования» стран Красноморского бассейна. Примерно тогда же под лозунгом «Красное море — арабское озеро» в Джидде состоялась встреча военных экспертов Саудовской Аравии, Северного Йемена, Судана и Египта.

В марте 1977 г. в Таиззе при активном участии аль-Хамди открылась конференция четырех государств бассейна — ЙАР, НДРЙ, Судана и Сомали. Хотя Саудовская Аравия на ней не была представлена, это, как писали западные обозреватели, «не мешало Эр-Рияду играть первую роль за кулисами» [261, 1977, октябрь, с. 81]. Северный Йемен четко придерживался той точки зрения, что «по своему стратегическому и политическому положению Красное море фактически представляет собой внутреннее арабское озеро». По проблеме Баб-эль-Мандеба ЙАР считала, что «единая стратегия... должна быть направлена на усиление йеменского присутствия в этом районе посредством увеличения разнообразной поддержки обоим йеменским государствам» [249, 11.02.1982]. Таким образом, северойеменская концепция в значительной степени отражала позицию Саудовской Аравии.

Концепция Южного Йемена следующим образом была сформулирована в отчетном докладе ЦК Йеменской социалистической партии ее первому съезду: «Безопасность Красного моря должна означать и безопасность всех стран и народов, населяющих его бассейн. Осуществление этого возможно только путем превращения Красного моря в зону постоянного мира и безо-

пасности» [45, с. 13—14]. НДРЙ выступила за свободное судоходство через Баб-эль-Мандебский пролив.

В заключительном коммюнике конференции в Таиззе говорилось: «Чтобы Красное море стало зоной мира и согласия, государства региона должны приложить максимум усилий для достижения этой цели путем консультаций и координации действий» [232, 1977, № 154, с. 7; 261, 1977, октябрь, с. 81].

Таким образом, конференция в Таиззе не поддержала Саудовскую Аравию, консервативные арабские режимы и стоящие за ними силы империализма во главе с США; по одной из острых проблем региона была принята южнойеменская формулировка. Не случайно английский ежегодник «Мидл Ист Энуэл Ревью» по этому поводу писал, что аль-Хамди «считал, что благодаря более тесному сближению двух стран (ЙАР и НДРЙ.— *Е. Г.*) в Аравии может возникнуть влиятельный блок, который сможет лучше торговаться с Саудовской Аравией. В 1977 г. аль-Хамди еще больше сошелся с аденским правительством, и конференция, которую он организовал в марте с участием двух Йеменов, Судана и Сомали для обсуждения безопасности Красного моря, была расценена в Саудовской Аравии как сигнал тревоги» [269, 1979, с. 419].

Не добившись своего, «Саудовская Аравия, а за ее спиной США» стали добиваться «установления контроля над морем и проливом посредством использования так называемых межарабских сил». Аль-Хамди же, со своей стороны, как пишет аш-Шихари, «создал для защиты входа в Красное море... специальное воинское формирование в 3 тыс. человек... Это и явилось одной из главных причин его гибели» [153, с. 260—261].

Политическая обстановка, сложившаяся в стране к осени 1977 г., требовала от аль-Хамди четко определить дальнейшую направленность своего внутри- и внешнеполитического курса. Его политика балансирования, упомянутая выше, не могла быть длительной, вызывая недовольство, подозрения и неуверенность у всех сил, участвовавших в политическом процессе. Аль-Хамди рисковал остаться в изоляции.

Несмотря на то что руководители НДФ пытались установить с аль-Хамди контакты, он не пошел на сотрудничество с ними, а следовательно, и со всеми национально-патриотическими силами. Как писал аш-Шихари, аль-Хамди и другие военные сторонники «реформ во имя модернизации» так и не смогли до конца понять, что создание современного централизованного государства невозможно «без диалога с патриотическим движением, без создания мирного климата отношений с демократическим режимом Южной части» Йемена. Столкновение с саудовской реакцией и ее североййеменскими сторонниками стало неизбежным. «Не обладая достаточной решимостью для осуществления радикальных мер в отношении саудовских агентов... в армии, государственном аппарате и аппарате безопасности», аль-Хамди пал от руки убийцы [151, с. 74—75].

В этой связи представляют интерес следующие замечания французского журналиста Жана Гейра, сделанные еще при жизни аль-Хамди: «Президент аль-Хамди кажется обреченным: проклинаемый феодалами, вызывающий подозрение у саудовцев, он ведет борьбу в усиливающейся изоляции, так как отказывается опереться на националистические и левые силы, которые являются его естественными союзниками. Его методы вызывают раздражение даже у его самых близких сторонников. Пользуясь успехом у масс, он становится нетерпимым и ни с кем не консультируется...» [273, 21.01.1978].

11 октября 1977 г., накануне отъезда аль-Хамди в Аден для встречи с руководящими деятелями Южного Йемена (это должен был быть первый официальный визит североййеменского лидера в НДРЙ, он был убит при не совсем выясненных обстоятельствах.

В связи с убийством аль-Хамди НДФ сделал заявление. В нем отмечалось, что это убийство «является осуществлением прямых планов американского империализма йеменскими руками». Эта преступная акция «преследовала цель избавиться от аль-Хамди, политика которого характеризовалась относительной независимостью от американского и саудовского курсов». Аль-Хамди добивался «осуществления реформы административного аппарата, направленной на его модернизацию, претворения в жизнь строительства некоторых современных проектов развития, пресечения влияния крупных феодалов и шейхов племен, связанных с соседним реакционным режимом». США и Саудовская Аравия были обеспокоены «сближением двух частей Йемена и заключением соглашения о выработке совместной позиции в отношении проблемы Красного моря и Баб-эль-Мандебского пролива. Эти силы не устраивала позиция нейтралитета аль-Хамди в отношении Эфиопии и происходившей вокруг Красного моря борьбы» [250, № 839, 07.11.1977, с. 24].

Конечно, главными врагами аль-Хамди были шейхи племен, которых он отстранил от управления государством и лишил значительных денежных субсидий, составлявших, по некоторым сведениям, около 300 тыс. долл. в год [264, 13.10.1977]. Аль-Хамди подавил мятеж племен, в котором участвовало около 40 тыс. человек. После удара, нанесенного им по племенной независимости, роль и влияние шейхов в йеменском обществе начали падать и уже никогда не восстановились в прежнем объеме.

Расхождения аль-Хамди с феодально-консервативными кругами не сблизили его с национально-прогрессивными силами. Трудно со всей ответственностью говорить о причинах, препятствовавших этому альянсу, но, видимо, не последнее место среди них занимало влияние левацких элементов на демократическое движение ЙАР, выразившееся в применении авантюристической тактики вооруженной борьбы.

11 октября было объявлено о сформировании нового состава Совета командования. Председателем его стал бывший член

Совета подполковник Ахмед Хусейн аль-Гашими; за ним же сохранялся пост верховного главнокомандующего вооруженными силами. Членами Совета стали премьер-министр Абд аль-Азиз Абд аль-Гани и бывший член Совета Абдалла Абд аль-Алим. 12 октября Совет командования объявил о том, что правительство сохраняется в прежнем составе.

С заявлением о политическом курсе страны выступил министр иностранных дел аль-Аснадж. Он подтвердил верность прежнему курсу и приверженность ЙАР принципам ООН и ЛАГ. «Исправительное движение будет продолжено и впредь,— заявил он.— Вооруженные силы и силы безопасности будут защищать революцию и ее принципы при всех обстоятельствах» [204, с. 657; 268, 1977, № 37, с. 11].

В течение первой недели правления аль-Гашими внутриполитическая обстановка в стране была крайне напряженной. Достаточно сказать, что во время похорон аль-Хамди население столицы обвиняло в его убийстве нового председателя Совета командования.

Аль-Гашими, придя к власти, столкнулся с теми же проблемами, что и его предшественник. Он оказался между двух полярных сил — шейхами северных племен во главе с аль-Ахмаром и левыми, объединенными в НДФ. Шейхи, связанные с Саудовской Аравией, требовали осуществления соглашения, подписанного аль-Хамди и аль-Ахмаром в сентябре 1977 г. о проведении выборов в Консультативный совет.

12 октября 1977 г. шейх аль-Ахмар открыл дороги на север и восток страны, перекрытые с начала года; однако примирения между ним и центральной властью не произошло. Аль-Ахмар был недоволен тем, что аль-Гашими (хотя он и происходил из племени хашед, а его брат был одним из влиятельных шейхов конфедерации) занял пост главнокомандующего, а не передал его родственнику аль-Ахмара подполковнику Абу Шаварибу.

Аль-Гашими усложнил положение, заявив в конце 1977 г., что он не намерен поддерживать диалога с вождями племен, пока они не будут с уважением относиться к государству и соблюдать законность [267, 1978, № 79, с. 12]. После этого аль-Ахмар отказался поддерживать режим аль-Гашими, так как последний якобы нарушил соглашение, подписанное аль-Хамди. В действительности же аль-Ахмар отказался от сотрудничества с аль-Гашими, поскольку в действиях нового главы Совета командования он усмотрел тенденцию к дальнейшему укреплению центральной власти.

Об обострении отношений центрального правительства с племенами свидетельствовало интервью министра иностранных дел ЙАР французской газете «Монд». Министр сказал, что шейхи выступают против любых усилий государства, направленных на развитие страны. Племена — это государства в государстве; пока сохраняется такое положение, «влияние правительства в армии не может быть полным». Необходимо положить конец

«неподчинению племен», поскольку страна остро нуждается в стабильности для решения стоящих перед ней задач экономического развития [273, 22—23.01.1978].

Аль-Гашими, рассматривая кооперативные общества развития как инструмент укрепления власти центра на местах, продолжал начатый аль-Хамди курс на развитие в стране кооперативного движения. Наряду с выполнением важных политических функций этим обществам поручалось строительство всевозможных объектов (в основном инфраструктуры) в сельских районах страны.

В ноябре 1977 г. аль-Гашими выступил на собрании руководства Всеобщей федерации йеменских кооперативных обществ. В своей речи он остановился на значении кооперации в жизни Йемена. «Кооперация [4] — это истинный путь строительства Йемена,— сказал он,— путь к возрождению его цивилизации». Он подчеркнул, что «кооперация — это черта йеменской сущности», что предки йеменцев создавали цивилизацию и «воздвигали великие плотины в сотрудничестве и кооперации». Именно этим путем следует идти в «создании нового Йемена». Аль-Гашими заверил собравшихся в том, что руководители страны «не пожалеют ни усилий, ни средств для успеха дела кооперации». Он призвал кооператоров ответственно относиться к тому, чтобы спекулянты не могли воспользоваться «народными средствами, средствами кооператоров», и подчеркнул, что будет лично контролировать кооперативное движение. В заключение от имени Совета командования и правительства он сделал важное заявление «об отчислении 75% закята в пользу кооперативов и об освобождении кооперативов от таможенных сборов» [231, 1977, № 9, с. 18].

Значение этого мероприятия было очень велико. Отчисление 75% от государственного налога на нужды кооперативов обеспечивало укрепление их экономических позиций, давало им большую независимость от традиционно-племенных институтов власти, в которых определяющую роль играли шейхи, родо-племенная знать. Эта мера способствовала упрочению авторитета центральной власти в глазах рядовых соплеменников.

Политика предоставления экономической самостоятельности кооперативным обществам была прямо направлена на подрыв влияния и власти шейхов племен, а это, в свою очередь, должно было неизбежно привести к ослаблению племенных связей и, следовательно, к постепенному размыванию племенных структур и распаду племенных отношений.

Таким образом, первые шаги аль-Гашими свидетельствовали о том, что курс йеменского руководства на строительство централизованного государства остался неизменным.

Однако наряду с мерами по укреплению центральной власти аль-Гашими, стремясь уменьшить недовольство шейхов, постарался установить более тесное сотрудничество с саудовцами и «умиротворить северные племена». Правда, урегулировать все

противоречия и добиться стабильности ему не удалось. Положение нового лидера оставалось довольно сложным [269, 1979, с. 420].

Сразу после прихода аль-Гашими к власти он не смог заручиться поддержкой многих влиятельных офицеров армии. В условиях Северного Йемена это означало, что он не был уверен, что подчинявшиеся этим офицерам части будут выполнять его приказы и не пустят в ход оружие против войск, защищающих правительство. В оппозиции к новому главнокомандующему оказался член Совета командования майор аль-Алим, который сам претендовал на пост председателя. Не поддержали аль-Гашими и парашютно-десантные войска. Против него была настроена также бригада «Амалика» («Гиганты»). Раньше ею командовал убитый вместе с аль-Хамди его брат Абдалла. Некоторые подразделения «Амалика», сформированные из членов племени бакиль, к которому принадлежал и их бывший командир, обвинили аль-Гашими (который, как говорилось, принадлежал к хашед) в этом убийстве. Не желая оставаться под его командованием, многие недовольные дезертировали в Аден [205, с. 795].

Все эти обстоятельства вынудили аль-Гашими начать чистку в армии. Прежде всего она была направлена против друзей и сторонников аль-Хамди. Арабская пресса писала в те дни: «За убийством аль-Хамди последовали аресты десятков высших офицеров, как и десятков гражданских лиц из числа патриотов, сторонников аль-Хамди». Были репрессированы также многие лица, принадлежавшие к национально-патриотическим партиям и организациям или им симпатизировавшие. Особенно значительной была волна арестов в Таиззе. На фоне этих событий следовало ожидать крупных политических изменений. «Идет волна широких политических перемещений,— писал бейрутский журнал „Аль-Хуррия“.— Аль-Гашими готовится осуществить изменения в структуре власти и в политике страны» [250, 07.11.1977, с. 24].

К этому времени напряженные отношения установились у аль-Гашими и с Национально-демократическим фронтом. Руководство НДФ выдвинуло перед аль-Гашими ряд требований, среди них — легализация деятельности партий и профсоюзов, создание Консультативного совета с участием левых сил, проведение социальных и административных преобразований, освобождение политических заключенных. Во внешней политике они призывали придерживаться курса на объединение Йемена и требовали прекращения вмешательства Саудовской Аравии в дела ЙАР [205, с. 794]. Западные корреспонденты так комментировали действия НДФ: «Впервые прогрессивные силы безбоязненно подняли свой голос, чтобы легальными методами навязать стране демократический диспут» [267, 1978, № 79, с. 14]. Национально-патриотические силы, видимо, действительно чувствовали себя достаточно уверенно.

Выдвинутые НДФ требования, особенно касавшиеся социальных преобразований и участия левых в деятельности Консультативного совета, были расценены шейхами племен как покушение на их права. Пытаясь оказать на правительство давление в противоположном направлении, они стали настаивать на возобновлении выплаты правительством денежных субсидий племенам, хотя эти субсидии представляли значительное бремя для йеменского бюджета. Вскоре в племенах начались волнения, и аль-Гашими предпочел умиротворить племена, вновь начав выплату им денег. Эта уступка вызвала резкое недовольство НДФ. Тогда глава государства приступил к широкой кампании арестов среди членов НДФ и патриотически настроенных деятелей. Сильнее прочих пострадала Партия труда, которая особенно настойчиво выступала за сближение с НДРЙ. НДФ осудил действия властей.

Брожение в стране усилилось. В крупных городах на юге — Таиззе и Ходейде — прокатилась волна антиправительственных демонстраций, а в сельских районах, граничащих с НДРЙ, произошли антифеодальные волнения племен [205, с. 795]. Под воздействием этих событий отношения ЙАР с НДРЙ стали более натянутыми. Чтобы как-то успокоить общественность, аль-Гашими в ноябре 1977 г. освободил около 300 арестованных, в том числе по политическим мотивам. Однако эта мера не могла ликвидировать конфликт между государственной властью и ее политическими противниками справа и слева — феодально-племенной знатью и национально-патриотическими силами.

Стремясь нормализовать политическую обстановку в стране, аль-Гашими обратился к испытанному средству своих предшественников: он попытался переключить внимание своих противников на новую проблему, с тем чтобы хотя бы на время отвлечь их от критики центрального руководства и по возможности стравить их друг с другом. В начале декабря 1977 г. было объявлено о созыве Всеобщего народного конгресса с участием представителей всех социальных слоев и политических групп. Целью его было объявлено «национальное примирение». Для его подготовки был создан подготовительный комитет, в который вошли представители государственной власти, деятели кооперативного движения, влиятельные лица. Однако Всеобщий народный конгресс смог собраться только в августе 1982 г.

В середине января 1978 г. аль-Гашими при посредничестве Саудовской Аравии пошел на примирение с шейхами аль-Ахмаром и Синаном Абу Лухумом. В начале февраля 1978 г. он увеличил жалованье военнослужащим в армии и силах безопасности. Солдаты стали получать дневной рацион ката [207, с. 827]. Было разрешено вернуться в ЙАР некоторым старшим офицерам, отправленным еще аль-Хамди в «почетную ссылку», а также лицам, придерживавшимся консервативных и реакционных взглядов.

6 февраля 1978 г. Совет командования опубликовал новую

конституционную декларацию, объявившую о создании Учредительного народного собрания (УНС). Оно было задумано как представительный консультативный орган при Совете командования с перспективой перерастания в выборный парламент страны. Он должен был состоять из 99 членов, которых назначал Совет командования сроком на два-три года. В состав УНС должны были входить представители всех политических групп и социальных слоев из всех районов страны. С одобрения Совета командования УНС должно было избирать президента республики и двух вице-президентов. В обязанности председателя Совета командования входил созыв сессий УНС каждые шесть месяцев [133, с. 13—16].

УНС должно было давать свои рекомендации президенту, делать предложения о внесении поправок в конституцию и проекты законов. На него были возложены обязанности Комитета по выборам и Комиссии по кодификации шариата. Он также призван был участвовать в рассмотрении бюджета и изучении разнообразных вопросов, связанных с экономической, социальной, культурной и внешнеполитической деятельностью страны.

Комментируя создание УНС, аль-Гашими подчеркнул, что собрание может представлять разные политические и социальные слои лишь в том случае, если его члены будут назначаться, а не избираться. В действительности же в ситуации, когда глава государства пользовался в стране столь ограниченной поддержкой, как аль-Гашими, он был особенно остро заинтересован в том, чтобы укомплектовать новый орган своими сторонниками. Особенно сильная угроза исходила от феодально-племенных кругов. Необходимо отметить такой любопытный факт: назначение членов УНС осуществлялось на основе предварительного обсуждения кандидатур влиятельными лицами из числа торговой буржуазии, интеллигенции, военных. Затем с их согласия списки кандидатов передавались шейху аль-Ахмару для консультаций [42]. Подавляющее большинство членов УНС составили жители северных районов страны — шейхи, кади, военные, представители интеллигенции и чиновники, незначительно «разбавленные богатеющей буржуазией Саны и Ходейды» [269, 1979, с. 420].

Процесс создания УНС нес на себе печать особенностей йеменской жизни того времени. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что УНС формировалось не путем выборов, а путем назначений. Проведение выборов при тогдашней расстановке сил позволило бы феодально-племенной знати получить большинство в УНС. Важно также, одобрение каких социальных слоев должны были получить кандидаты, чтобы стать полноправными членами УНС. Это — армия, возглавлявшая государство; торговая буржуазия, быстро богатевшая и завоевывавшая господствующие позиции в экономике, понемногу начинавшая оказывать влияние на политику страны; интеллигенция, преимущественно связанная с кади, шейхами и представлявшая

в тот период служилую и религиозную элиту; племена, могущество которых было все еще значительно. Именно интересы этих социальных сил и представляла правящая верхушка северойеменского общества в тот период.

Создание УНС продемонстрировало, что на политической арене страны росло число гражданских деятелей. Из 99 мест в УНС у армии (продолжавшей играть ведущую роль в ЙАР) было всего 12 [244, 20.12.1978].

24 февраля 1978 г. был опубликован закон, определявший структуру, функции и прерогативы УНС и его комиссий, а 25 февраля открылась первая сессия Собрания. На ней выступил аль-Гашими. Оценив создание УНС как значительное событие в жизни страны, ознаменовавшее возвращение ЙАР к демократическим нормам конституции, он заявил, что, как только Собрание разработает закон о выборах, в стране будут проведены свободные выборы [244, 26.02.1978].

Председателем УНС был избран Абд аль-Керим аль-Араши, известный политический деятель из знатной семьи зейдитских сейидов. Членам комиссии Собрания по конституционным и законодательным вопросам было поручено подготовить предложения о будущем государственном устройстве страны и процедуре замены Совета командования Президентским советом.

Учредительное народное собрание находилось в те дни в центре внимания йеменской общественности. Прогрессивные круги считали, что УНС должно представлять демократические тенденции. Они выражали недовольство слишком значительным числом в нем консервативных деятелей, связанных с феодально-племенной знатью и крупной буржуазией. Раздавались голоса, что аль-Гашими снова передал власть в стране шейхам племен после того, как они были лишены ее в период правления аль-Хамди [205, с. 798].

В начале марта 1978 г. появились сообщения о столкновениях между племенами хашед и бакиль в районах Амрана, Хамера, Рейды. Арабская пресса сообщала разные версии причины столкновений. По одной из них, инициатором столкновений был майор Муджахид аль-Кохали, сподвижник аль-Хамди, командовавший правительственными войсками в районе Амрана. Он напал со своими людьми на армейскую часть, захватив большое количество оружия. После этого аль-Кохали поднял племя бени суфьян (входившее в конфедерацию бакиль) против племени хашед [250, 27.11.1978, с. 30—32: 267, 1979, № 83, с. 18].

Антиправительственные настроения среди прогрессивных сил и выступление племен под командованием армейского офицера вызвали новую волну массовых арестов среди членов НДФ. В знак протеста против репрессий прогрессивные силы созвали общенародную конференцию в марте 1978 г. в Сааде. Ее участники призвали к укреплению национально-патриотических сил в обоих йеменских государствах и потребовали предоставления народу политических прав и прекращения преследования левых

сил. Они добивались, чтобы заново был образован УНС из 54 человек и Президентский совет из 7—9 членов.

Представители феодально-племенных кругов, в свою очередь, также выражали недовольство. Они рассчитывали получить в УНС большинство мест, как раньше в Консультативном совете, чтобы таким образом захватить власть в стране. Однако их ожидания не оправдались. Наиболее влиятельные фигуры из консерваторов — шейхи аль-Ахмар и Абу Лухум и их креатура Абу Шавариб — не были включены в состав УНС (предполагалось, что они войдут в будущий Президентский совет).

Во второй половине апреля 1978 г. Совет командования обнародовал еще одну конституционную декларацию, которая расширяла права УНС, предоставив ему решать вопрос о порядке функционирования высшего органа государственной власти — Президентского совета [244, 18, 19.04.1978]. Декларация наделила УНС и другими важными полномочиями, хотя утверждение законов и государственного бюджета временно осталось в сфере компетенции председателя Совета командования.

22 апреля УНС принял решение о форме государственного правления. Собрание подтвердило прежнее положение, что высшая власть в стране принадлежит президенту республики, который одновременно является главнокомандующим вооруженными силами.

Президент избирается на пятилетний срок после объявления результатов голосования. Он осуществляет свои полномочия в соответствии с конституцией и конституционной декларацией. Совет командования упразднялся. Вместо него создавался Президентский совет из президента и двух вице-президентов [133, с. 17].

На следующий день УНС большинством голосов избрал президентом аль-Гашими. Правительство подало в отставку, однако Абд аль-Гани остался на посту премьер-министра до назначения нового кабинета.

После роспуска Совета командования бывший его член Абд аль-Алим, которому не достался пост главнокомандующего вооруженными силами, отказался от должности вице-президента и других назначений. Официально его отказ был мотивирован несогласием с политическим курсом аль-Гашими, направленным на укрепление отношений с Саудовской Аравией в ущерб отношениям с НДРЙ. Аль-Гашими, по словам Абд аль-Алима, отошел от политики аль-Хамди, единомышленником и преемником которого его считали в армии. В знак протеста он со своими сторонниками — парашютистами и бойцами бригады «Амалика» — направился на юг страны в Худжарию и захватил г. Турба на границе с НДРЙ. Оттуда он еще раз заявил о своем несогласии с политикой центральной власти. Местное население мятеж не поддержало, и в конце мая он был подавлен войсками таизского гарнизона, которыми командовал подполковник Али Абдалла Салех. Абд аль-Алим и несколько его сторонников бежали в НДРЙ, откуда вскоре перебрались в Ливию [272, 1978, № 4, с. 469; 205, с. 799; 207, с. 827].

К концу мая 1978 г. политическая обстановка в стране несколько стабилизировалась, и аль-Гашими смог осуществить инспекционную поездку по южным районам республики, посетив Ходейду, Таизз и Худжарию.

30 мая был объявлен новый состав правительства, сформированного Абд аль-Азизом Абд аль-Гани. В него снова вошли представители армии, торговой буржуазии, феодально-племенных кругов. На пост министра иностранных дел вновь был назначен аль-Аснадж, а председателя Центральной плановой организации — Мухаммед Басендва (оба бывшие деятели Южного Йемена, неоднократно входившие в правительства Северного Йемена) [244, 31.05.1978].

Правительство, продолжая политику своих предшественников, взяло курс на социально-экономические преобразования. В международных отношениях оно придерживалось принципов позитивного нейтралитета и неприсоединения. Правда, под влиянием аль-Гашими зависимость ЙАР от Саудовской Аравии за девять месяцев его правления значительно углубилась, что отразилось на отношениях Йемена с другими странами. Важным фактором в развитии йеменско-саудовских связей стал приезд в Сану военной саудовской делегации в апреле 1978 г. Отношения же ЙАР с НДРЙ резко ухудшились. На границе спорадически вспыхивали военные стычки, перераставшие порой в вооруженные столкновения [267, 1979, № 84, с. 15—16].

К июню 1978 г. отношения центральной власти с некоторыми шейхами племен и влиятельными офицерами все еще не были окончательно урегулированы. Тактика балансирования аль-Гашими еще нуждалась в корректировке. Определенную надежду в отношении урегулирования спорных вопросов и создания сбалансированной государственно-административной системы аль-Гашими возлагал на деятельность УНС.

Однако процесс постепенной нормализации внутриполитической обстановки в ЙАР был вновь нарушен убийством президента в конце июня 1978 г.

Поиски современной государственно-политической структуры ЙАР (1978—1985)

Президент аль-Гашими был убит в результате взрыва бомбы в чемодане южнойеменского эмиссара, явившегося к нему в кабинет. Сразу после убийства аль-Гашими был заново сформирован Президентский совет во главе с председателем УНС аль-Араши; в него вошли помимо аль-Араши премьер-министр Абд аль-Гани, подполковник аш-Шейба и командующий Таизским военным округом Али Абдалла Салех. Были проведены пере-

становки в армии: главнокомандующим вооруженными силами был назначен аш-Шейба, а Салех — его заместителем и начальником генштаба. УНС объявило, что новый президент будет избран в ближайшее время в соответствии с конституцией.

Для расследования убийства президента аль-Гашими был создан комитет из семи человек [205, с. 801]. Руководство ЙАР обвинило в убийстве власти НДРЙ. Правительство же Южного Йемена, со своей стороны, опубликовало заявление, в котором «выразило скорбь в связи с убийством» аль-Гашими и «глубокое негодование по поводу преступных и коварных действий, которые в течение всего лишь восьми месяцев привели к гибели и президента аль-Хамди и президента аль-Гашими» [40, 07.1978]. Человек, причастный к убийству аль-Гашими, был личным представителем председателя Президентского совета НДРЙ Салема Рубейя Али. Поэтому руководство правящей в НДРЙ Объединенной политической организации Национальный фронт (ОПОНФ) потребовало от главы Совета объяснений. Тот, не подчинившись, попытался поднять мятеж, но потерпел неудачу, был схвачен и по приговору суда расстрелян.

Тем не менее правительство ЙАР разорвало дипломатические отношения с НДРЙ и обратилось в ЛАГ с требованием созвать экстренное заседание. На чрезвычайном заседании Совета ЛАГ, собравшемся 1 июля 1978 г. на уровне министров иностранных дел, представитель ЙАР стал настаивать на исключении Южного Йемена из состава Лиги. 15 членов ЛАГ не без давления Саудовской Аравии заявили о разрыве дипломатических и экономических отношений с НДРЙ. Многочисленные посреднические попытки, в частности Ясира Арафата, не привели к налаживанию отношений между ЙАР и НДРЙ.

В ЙАР началась широкая кампания, направленная против Южного Йемена. Власти, разжигая в стране антиаденские настроения, обвиняли руководство НДРЙ во вмешательстве во внутренние дела ЙАР, в нарушении южнойеменскими судами и самолетами границ Северного Йемена в районе Баб-эль-Мандебского пролива. Они осуждали НДРЙ за поддержку левых сил ЙАР. Обострение отношений привело к концентрации войск на границе между двумя государствами и возобновлению вооруженных столкновений. ЙАР потребовала создания военной комиссии ЛАГ после обвинения ее со стороны НДРЙ в оккупации двух южнойеменских деревень [269, 1979, с. 421; 272, 1978, № 4, с. 469]. В то же время ЙАР высказалась против какого-либо иностранного посредничества между конфликтующими сторонами.

17 июля на чрезвычайном заседании УНС Али Абдалла Салех, один из четырех членов Президентского совета, подавляющим большинством голосов был избран президентом страны и главнокомандующим вооруженными силами ЙАР. Его избранче поддержал и шейх аль-Ахмар.

На следующий день Салех выступил с программной речью.

Он обещал продолжать развивать экономику страны, улучшать ее административную систему, укреплять армию и силы безопасности, в «рамках свободы и демократии заниматься строительством современного централизованного государства — государства закона и порядка». Вице-президентом был избран аль-Араши. За ним был сохранен пост председателя УНС [205, с. 802; 244, 19.07.1978].

Были проведены значительные перестановки в командном составе армии, правительстве, государственном аппарате, местной администрации. В августе в УНС были введены шейхи аль-Ахмар и Садик Амин Абу Рас — сын шейха конфедерации бакиль, умершего в мае того же года [267, 1979, № 83, с. 15].

Новые власти начали широкую волну арестов оппозиционеров, особенно среди офицеров, многих из которых обвиняли в причастности к антиправительственным мятежам. Массовые репрессии, однако, еще более обострили политическую обстановку в стране, которую сильно лихорадило после повторного убийства президента. Напряженные отношения с НДРЙ привели к дестабилизации положения на пограничных территориях. На севере и северо-востоке ЙАР то и дело происходили вооруженные столкновения правительственных войск с племенами. Беспорядки охватили и ряд внутренних районов [250, № 892, 27.11.1978, с. 31]. К осени социальный размах антиправительственных настроений значительно возрос. Вновь активизировались оппозиционные группировки в армии.

Как уже говорилось выше, недовольство, зревшее в среде офицерства после убийства аль-Хамди, вылилось в форму открытых мятежей — в феврале 1978 г. под руководством майора Муджахида аль-Кохали и в мае того же года под руководством подполковника Абдаллы Абд аль-Алима. Абд аль-Алим и примкнувшие к нему военные были заочно приговорены к смертной казни. Не разделявшие политического курса аль-Гашими офицеры, ощущавшие себя частью ведущей политической силы ЙАР того периода — армии, обвиняли правящую верхушку в углублении зависимости страны от Саудовской Аравии, ухудшении состояния экономики и росте инфляции, которая, по некоторым данным, достигла к этому моменту 40% в год, в снижении жизненного уровня населения и т. д. Руководители страны справедливо видели в этих выступлениях главный источник опасности для их власти. Армия была их оплотом, и раскол в ее рядах существенно подрывал возможности центральной власти сопротивляться сепаратизму племен. Поэтому расправа над «мятежниками» была короткой и жестокой. Последовавшие за ней чистки значительно ослабили командный состав армии, резко сократили число демократически настроенных офицеров.

15 октября 1978 г. остатки оппозиционного офицерства предприняли еще одну попытку с помощью танков, пехоты и военной полиции захватить власть в Сане. Инициаторами выступления была группа офицеров — членов нелегальной организации

«Фронт народных сил 13 июня», созданной вскоре после убийства аль-Хамди. Фронт состоял из сторонников убитого президента, насеристов и «независимых». Одним из его организаторов был майор Муджахид аль-Кохали. Мятеж был подавлен совместными усилиями войск внутренних дел и армейскими частями, руководимыми заместителем начальника генштаба.

Если судить по масштабу последовавших репрессий, мятеж вышел далеко за рамки армии и охватил значительный слой гражданского населения: после непродолжительного следствия и суда 9 офицеров были казнены; через несколько дней суд вынес смертные приговоры 13 гражданским лицам, среди которых были чиновники высоких рангов.

По официальной версии, этот последний мятеж был инспирирован пронасеровскими элементами. Власти в Сане обвинили в причастности к нему Ливию, что привело к ухудшению отношений между двумя странами [267, 1979, № 83, с. 15—20].

Несмотря на расправу, «Фронт народных сил 13 июня» не прекратил своего существования. По некоторым неофициальным сведениям, свою организационную завершенность он приобрел именно после провала попытки переворота 15 октября. В это время Фронт принял свою «Поэтапную политическую программу» [78, с. 2—32].

Программа делилась на две части. В первой рассматривалась деятельность аль-Хамди и его сторонников во внутренней сфере, на общеарабском и международном уровнях после прихода их к власти. В ней были особо выделены те начинания аль-Хамди, которые были одобрены Фронтом и взяты им на вооружение для последующего претворения в жизнь.

Вторая часть программы, в свою очередь, делилась на два раздела. Первый содержал изложение теоретических установок составителей программы. Их концепция в своей основе базировалась на положениях насеризма. Свои высшие духовные ценности идеологи Фронта связывали с исламом; он, говорилось в программе, является источником «энергии и мысли». Йеменский народ провозглашался частью «единой арабской нации». Однако первым шагом Йемена к вхождению в такую нацию должно стать осуществление йеменского единства.

В документе проводилась мысль о том, что процесс общественного развития должен основываться на комплексном использовании арабского исламского наследия и достижений современной науки. Подчеркивая недопустимость изоляции страны от мирового процесса, составители программы особо отмечали, что при выборе «йеменского пути» необходимо избирательно подходить к «общечеловеческой мысли», но ни в коем случае не вносить в йеменскую жизнь «готовый опыт» других стран. Должен быть выработан свой, йеменский опыт, своя, йеменская модель развития.

Главным методом борьбы за претворение в жизнь «демократических принципов» является мирный диалог. Именно он

ведет к разрешению любых противоречий, подчеркивали авторы этого документа, решительно противопоставляя эту тактику терроризму. Условием осуществления политических свобод является обеспечение социальными гарантиями. Специальный пункт программы декларировал сохранение и защиту собственности в трех ее формах — общественной, кооперативной и частной. Все они должны быть использованы для развития производства.

Во втором разделе рассматривались конкретные задачи внутренней и внешней политики ЙАР. Цель внутренней политики — «строительство централизованного государства закона и порядка». Осуществление этой цели во многом зависит от вооруженных сил и сил безопасности, которые должны отвечать требованиям современности и по технической оснащенности, и по форме организации. Нельзя допускать, чтобы армия служила интересам «оппортунистических сил», ее высшее призвание — служение делу народа. Чтобы вооруженные силы могли успешно защищать революцию и ее достижения от врагов, они должны подчиняться единому военному командованию.

В программе предлагалось создать современное судопроизводство. Суд должен быть независимым и подчиняться только закону, судебная система — основываться на принципах справедливости.

Государство должно осуществлять опеку над кооперативным движением и оказывать ему поддержку. Уникальный опыт, накопленный благодаря «Движению 13 июня», демонстрирует огромные возможности кооперации в условиях северойеменской действительности. В кооперативном движении приняли активное участие различные социальные силы и группы, объединенные общей целью — обеспечить ускоренное развитие страны. Эффективность кооперации особенно высока в тех местностях, где только в последние годы фактически на пустом месте начали создаваться школы, поликлиники, дороги, артезианские колодцы. Кооперативы действовали там в тесном сотрудничестве с государственными органами.

Программа придавала большое значение деятельности «комиссий по исправлению». Необходимо расширить компетенцию этих комиссий и обеспечить оптимальные условия для их работы. Лица, которые препятствуют этому, подвергаются административным взысканиям.

Нужно добиваться расширения профсоюзного движения. Его деятельность должна осуществляться мирным демократическим путем с использованием диалога.

В программе подчеркивалось, что социально-экономическое развитие страны надо рационально осуществлять на плановой основе. Положительный опыт, накопленный в ходе претворения в жизнь первого пятилетнего плана, составленного при непосредственном участии аль-Хамди и специалистов, «стал самым большим достижением» «Движения 13 июня». Необходимо использовать этот опыт и расширять сферу его применения.

В специальном пункте отмечалась роль государства в воспитании молодого поколения. Следует прививать духовные и моральные ценности, зафиксированные в исламской традиции, смолоду. Юношество должно идти путем приобретения знаний.

Вторая половина этого раздела программы была посвящена вопросам внешней политики. В ней говорилось о необходимости «подтвердить и углубить взаимодействие между йеменским народом и другими арабскими народами как части и целого» во имя успешной борьбы против империализма, сионизма и расизма. ЙАР должна: укреплять отношения равноправия со всеми арабскими государствами, которые «уважают суверенитет и придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела других стран»; укреплять и расширять отношения с мусульманскими государствами; оказывать помощь национально-освободительным движениям; выступать против ядерной войны.

В Заключении программы говорилось, что она «преследует цель исправить революционные процессы в стране, организовать борьбу с господством Саудовской Аравии и положить конец ее вмешательству во внутренние дела ЙАР... Мы требуем возврата йеменских территорий — Асира, Наджрана и Джизана».

Таким образом, составители программы «Фронта народных сил 13 июня» не остались безучастными к документу, разработанному военными в 1971 г. и положенному аль-Хамди в основу своего курса. Заимствованные из этого документа принципы, сплавленные с практическими достижениями из опыта правления аль-Хамди, определили основные ее положения. Главным ориентиром составителей была приверженность политике аль-Хамди, последователем которого они себя считали.

После разгрома выступления 15 октября оставшиеся на свободе члены Фронта пошли на объединение с НДФ, с тем чтобы «сообща в рамках НДФ бороться за достижение целей, выдвинутых политической программой НДФ. Согласно договоренности, НДФ будет осуществлять общее руководство деятельностью всех национально-демократических сил» в стране. Фронт и НДФ подписали совместное заявление [40, 1978, с. 2—3], в котором говорилось, что объединение произошло в результате серии встреч, имевших место между представителями двух организаций в период с 25 декабря 1978 по 5 января 1979 г. Оно «вызвано необходимостью, вытекающей из сложившихся на настоящий момент условий: эти условия требуют мобилизации всех сил и всей энергии йеменского народа на усиление и расширение борьбы», направленной, как подчеркивалось в документе, на «установление национально-демократической власти в Северной части Родины для немедленного достижения объединения обеих ее частей в единый демократический Йемен... Единство йеменской земли и народа во имя осуществления великих целей, провозглашенных революциями 26 сентября и 14 октября, есть единственный путь, гарантирующий независимость и

суверенитет родной земли, стабильность и процветание йеменского народа».

Объединение двух фронтов привело к укреплению НДФ в военном отношении. Это, в свою очередь, способствовало активизации его деятельности в конце 1978 г. на территории между Дымтом и Эль-Бейдой, а также в районах Вади-Бана и Худжария на юге провинции Таизз [267, 1979, № 83, с. 18; 273, 20.12.1980]. Под полным контролем НДФ оказался целый ряд селений, которые стали именоваться «освобожденными деревнями».

НДФ пошел на блокирование с племенами, выразившими готовность оказать ему поддержку. Все чаще стали поступать сообщения о военных действиях с участием ополчений племен, выступавших на стороне НДФ. В конце октября — начале ноября бои происходили в восточных и северных районах страны, в частности недалеко от Харфа и Эль-Джауфа.

В это время президент Салех произвел некоторую перестановку среди старших офицеров, направил верных себе людей в те районы страны, которые до этого времени практически не контролировались центральной властью. Так, военным комендантом Эль-Джауфа был назначен Ахмед аль-Хауляни, в Мариб был направлен Муджахид Абу Шавариб [267, 1979, № 83, с. 16; 244, 04.20.12.1978].

Опасаясь расширения деятельности прогрессивных сил, в конце 1978 г. правительство закрыло штаб-квартиру Всеобщей федерации профсоюзов Йемена, арестовав ряд еще остававшихся на свободе профсоюзных деятелей. Таким образом, эта массовая общественная организация утратила возможность заниматься легальной деятельностью. Но и из подполья профсоюзы атаковали правительство своими требованиями — освободить всех несправедливо осужденных членов профсоюзов; восстановить на работе тех, кто был незаконно уволен; снова разрешить деятельность профсоюзов и провести профсоюзные выборы, чтобы трудящиеся свободно могли избирать своих представителей в руководство профсоюзов [257, 13.09.1978; 38, с. 262—263]. «Насильственные меры, применявшиеся против членов НДФ и других представителей национально-патриотических сил,— писал аш-Шихари,— после гибели аль-Хамди приняли особенно жестокие формы... Преследуя патриотов, власти уничтожали целые деревни, осуществляли массовые казни, убивали детей и стариков» [151, с. 78]. Однако репрессивные меры в отношении прогрессивных демократических сил не могли сдержать зревшего в стране недовольства. В ноябре на севере ЙАР восстал ряд армейских частей, перешедших на сторону НДФ. Продолжались эпизодические стычки отрядов НДФ с армией правительства. О них регулярно сообщалось в прессе Южного Йемена.

В конце октября — начале ноября 1978 г. появились сообщения со ссылками на информированные аденские круги о том, что в Четвертой провинции НДРЙ состоялись встречи делега-

ции племен хашед и бакиль с ответственными лицами из руководства Южного Йемена [267, 1979, № 83, с. 18]. В интервью бейрутской газете «Аль-Хуррия» майор аль-Кохали заявил, что «представители племен, прибывшие в Аден чтобы приветствовать рождение Йеменской социалистической партии[5], явились свидетелями тех значительных перемен, которые произошли за годы независимости в НДРЙ в области промышленности, образования, здравоохранения» [250, 12.12.1978, с. 32]. Смычка между племенными силами и представителями прогрессивного национального движения должна была представляться властям ЙАР весьма опасной. Еще более угрожающей ситуация становилась в силу того, что этот блок поддерживала часть армии. Действия НДФ приняли широкий размах не только в приграничных с Южным Йеменом районах, где одновременно выступали недовольные политикой центрального правительства племена, но и в Среднем районе.

Политическая обстановка, сложившаяся в ЙАР во второй половине 1978 г., отличалась крайней неустойчивостью и, казалось, предвещала возможную смену режима. Демократические силы Адена рассчитывали на возможность прихода к власти прогрессивных патриотических сил во главе с НДФ. Не случайно в совместном заявлении НДФ и «Фронта народных сил 13 июня» говорилось об «установлении национально-демократической власти» в Северном Йемене «для **немедленного** (подчеркнуто нами.— *Е. Г.*) достижения объединения» ЙАР и НДРЙ.

После разрыва дипломатических отношений с Южным Йеменом северойеменское руководство усилило политику изоляции Адена от арабских стран, подвергая резкой критике его политический курс. Конфронтация с Южным Йеменом способствовала дальнейшему укреплению контактов Северного Йемена с консервативными арабскими режимами. Новый импульс получили отношения с Саудовской Аравией, которая увеличила финансовую помощь ЙАР, предназначенную, в частности, на строительство дорог Ходейда — Джизан и Саада — Дахран. С их завершением обе страны были связаны единой дорожной сетью. В декабре 1978 г. президент ЙАР совершил поездку по странам Аравийского полуострова и Персидского залива (Абу Даби, Оман, Маскат), рассчитывая получить от них дополнительную помощь на нужды борьбы против усиливавшейся внутренней оппозиции и ведение военных действий на границе с НДРЙ.

В это же время установились и более тесные связи между руководителями ЙАР и США. На переговорах в Вашингтоне между северойеменскими, саудовскими и американскими представителями обсуждался вопрос о модернизации йеменской армии. США взяли на себя поставку вооружения и обеспечение инструкторами, а Саудовская Аравия — финансовую оплату этой помощи. Прогрессивная общественность ЙАР увидела в действиях президента Салеха однозначное указание на его прозападную и просаудовскую ориентацию.

В конце февраля 1979 г. появились сообщения о том, что США собираются направить в ЙАР крупную партию оружия на сумму более 100 млн. долл. По словам заместителя помощника государственного секретаря США, это оружие предназначалось для «борьбы против Южного Йемена» [222, 28.02.1979].

Отношения между ЙАР и НДРЙ продолжали обостряться. Спорадические военные столкновения переросли в начале 1979 г. в открытые военные действия. «Дух враждебности по отношению к национальному движению и национально-демократическому режиму на Юге достиг такой остроты, что... породил вспышку военных действий в феврале—марте 1979 г.»,— писал аш-Шихари [151, с. 79].

Вооруженные столкновения на границе начались 20 февраля, когда, согласно заявлению МИД НДРЙ, войска ЙАР совершили нападение на территорию Южного Йемена в районе Бейхан — Мукейрас. Части регулярной армии НДРЙ и отряды народной милиции дали отпор северойеменским войскам, однако бои затянулись. Правительство ЙАР, со своей стороны, обвинило в происшедшем Южный Йемен, заявив, что «регулярная южнойеменская армия предприняла широкомасштабное наступление на города Хариб, Катабу и Эль-Бейду» (цит. по [267, 1979, № 84, с. 16]).

В это же время было опубликовано коммюнике НДФ. В нем говорилось, что действующие на территории Северного Йемена вооруженные отряды НДФ установили полный контроль над северойеменскими городами Катабой, Эль-Бейдой и Харибом [222, 28.02.1979]. В ходе столкновения с ними части северойеменской армии понесли серьезное поражение. Успеху сил НДФ содействовала поддержка их местным населением и переход на их сторону некоторых частей северойеменской армии. Как отмечалось в сообщениях западной прессы, со слов военных наблюдателей, это поражение было бы еще больше, если бы на поддержку армии ЙАР «не прибыло несколько племенных отрядов, в каждом из которых насчитывалось по тысяче человек» [268, 1980, январь, с. 35].

Таким образом, основные бои в районе южнойеменской границы развернулись главным образом между частями северойеменской армии, получившими поддержку племенных ополчений, и вооруженными отрядами НДФ.

Тем не менее в конце февраля 1979 г. руководство ЙАР обратилось с жалобой в ЛАГ, обвинив НДРЙ в нападении на Северный Йемен. Оно просило, чтобы Лига обсудила создавшееся положение и вмешалась в конфликт.

При активном посредничестве Сирии, Ирака и Иордании между двумя конфликтующими сторонами 1 марта была достигнута договоренность о прекращении огня, которая должна была вступить в силу с утра 3 марта 1979 г. [222, 03.03.1979]. Генеральный секретарь ЛАГ заявил о созыве чрезвычайной сессии Лиги на уровне министров иностранных дел, специально по-

священной вопросу отношений между ЙАР и НДРЙ. До этого времени посредническая комиссия из представителей Сирии, Ирака и Иордании должна была на месте изучать обстановку, чтобы выяснить причины, вызвавшие конфликт.

Чрезвычайная сессия ЛАГ открылась 4 марта в Кувейте. Ее участники подчеркнули, что конфликт между двумя Йеменами угрожает «нанести ущерб интересам всей арабской нации». Одобрив договоренность от 1 марта, они предложили конфликтующим сторонам не позже чем в десятидневный срок отвести свои вооруженные силы от границы и впредь воздерживаться от вмешательства в дела друг друга. Стороны должны взаимно прекратить враждебную пропагандистскую кампанию, восстановить нормальные торговые отношения и беспрепятственное перемещение граждан. Для наблюдения над развитием процесса нормализации отношений между Северным и Южным Йеменом должна быть создана специальная комиссия из министров иностранных дел Иордании, ОАЭ, Алжира, Сирии, Ирака, Кувейта, представителя Палестины и генерального секретаря ЛАГ. На нее возлагалась обязанность осуществления контроля за выполнением решений чрезвычайной сессии ЛАГ, а также организация диалога между правительствами двух государств с целью осуществления Каирского и Триполийского соглашений. Сессия предложила сформировать военную комиссию по контролю из представителей обеих сторон под эгидой ЛАГ. Комиссия наблюдателей и генеральный секретарь ЛАГ должны были представить на ближайшем заседании Совета ЛАГ отчеты о поэтапном выполнении предложенных решений [100, с. 39—42].

Выполняя решения, принятые сессией, президенты ЙАР и НДРЙ отдали приказ о прекращении огня. Однако, несмотря на это, вооруженные столкновения в приграничном районе продолжались, причем каждая из сторон обвиняла другую в продолжении военных действий.

Активную роль в развитии событий на театре военных действий продолжал играть НДФ. Фронт к этому времени значительно окреп организационно и получил широкую поддержку населения южных районов ЙАР. С помощью перешедших на его сторону частей северойеменской армии его отряды взяли ряд городов и районов этой части ЙАР — Катабу, Хариб, Мариб, Архаб, Нехм, Суфьян, Эль-Джабаль, Бени-Абд и Дымт. Операции сил НДФ широко развернулись в районах Эль-Базыя и Наджд-эль-Джаман [89]. Там, а также в провинциях Ибб и Рада были созданы так называемые освобожденные районы. На удерживаемых Фронтом территориях были созданы при поддержке населения местные органы власти национально-патриотических сил. В создавшейся обстановке установление перемирия и выполнение условий сессии ЛАГ были нереальными без подключения к миротворческому процессу НДФ. Между тем Фронт отказался признать соглашение о прекращении огня, поскольку, как заявили его лидеры, он не был представлен в качестве равноправного участника на чрезвычайной сессии ЛАГ в Кувейте; поэтому руководство Фронтом считало себя свободным в своих действиях.

По мере развития военных успехов НДФ росла вера его участников в возможность превращения Фронта в ведущую политическую силу ЙАР. Примерно в это время его лидеры выдвинули развернутую программу деятельности предполагаемого правительства с участием НДФ. Она предусматривала принятие мер по обеспечению суверенитета и независимости страны, прекращение саудовского и другого иностранного вмешательства в дела ЙАР, освобождение политических заключенных, проведение экономических и социальных реформ, принятие новой конституции, выборы в УНС, обеспечивающие участие в нем представителей различных политических сил и др.

Напряженность на границе и в приграничных районах продолжала существовать до конца марта 1979 г. В конце марта в Кувейте при посредничестве эмира Кувейта состоялась встреча президентов ЙАР и НДРЙ. На расширенном совещании 28 марта, в котором приняли участие обе йеменские делегации во главе с президентами, эмир Кувейта, член Революционного комадования и министр планирования Ирака, член Исполкома ООП, послы Иордании и ОАЭ, два президента, Али Абдалла Салех и Абд аль-Фаттах Исмаил, подписали совместную Декларацию о йеменском единстве. Декларация предусматривала создание конституционной комиссии для выработки в четырехмесячный срок проекта конституции единого Йемена. По завершении ее работы должна была состояться встреча двух президентов для утверждения проекта. Каждый из них должен был передать его текст специально созываемым Народным советам для одобрения в качестве проекта. Затем предполагалось провести всеобщий референдум под наблюдением специально созданного комитета во главе с премьер-министрами двух государств. После этого в течение шести месяцев со времени образования упомянутого комитета должны были состояться выборы в единый законодательный орган объединенного Йемена.

Оба президента взяли на себя обязательства придерживаться положений Каирского и Триполийского соглашений и других совместно принятых решений, касающихся объединения Севера и Юга. Была достигнута договоренность о том, что встречи президентов будут происходить попеременно на Севере и на Юге.

В Декларации отмечалось, что «йеменское единство является одним из факторов стабильности, безопасности и мира в этом районе... оно призвано обеспечить единство народа, его прогресс, процветание, равно как и укрепление мира во всем мире...» [83, с. 51—66].

Национально-патриотические силы поддержали нормализацию отношений между Северным и Южным Йеменом. В начале апреля 1979 г. НДФ опубликовал по этому поводу заявление, в котором от имени секретариата Фронта одобрил подписанную

Декларацию 28 марта. В нем отмечалось, что Фронт поддерживает декларацию, поскольку она предусматривает достижение единства Йемена на национально-демократической основе. В дальнейшем, говорилось в заявлении, «Фронт будет воздерживаться от военных действий, прибегая к ним только для защиты», а «свою политическую борьбу за демократию и единство Йемена» он будет вести мирными средствами. При этом НДФ всегда готов выступить против любых попыток «помешать единству или исказить его национально-демократическое содержание», поскольку «только единство может обеспечить безопасность и стабильность» [91].

Таким образом, вторично развязанные в течение 70-х годов военные действия между двумя Йеменами были прекращены в результате усилий руководителей йеменских государств и посредничества арабских стран. Их исход был обусловлен очевидными преимуществами южнойеменской армии над северойеменской. Сознавая это, президент ЙАР пошел на принятие выдвинутых на Кувейтском совещании руководством НДРЙ условий. Как сообщала пресса, главный их пункт касался «вопроса **объединения** (подчеркнуто нами,— *Е. Г.*) Йемена в качестве непременного условия окончательного устранения кризиса в отношениях между обоими государствами... Поскольку вооруженные силы Северного Йемена не могли равняться с южнойеменскими, Сана не могла пойти на риск расширения военных действий» [281, 1980, № 2, с. 187—188; 151, с. 79—80].

Декларация 28 марта положила также конец военным действиям НДФ. По сообщению западногерманского журнала «Ориент», НДФ согласился на прекращение вооруженной борьбы против правительства Саны в обмен на согласие президента Салеха предоставить НДФ возможность участвовать в парламентских выборах и работе правительства [281, 1980, № 2, с. 188—189]. Поэтому НДФ решил продолжать борьбу мирными политическими средствами, как на это указывалось в его заявлении.

Новая тактика борьбы требовала от НДФ существенной организационной перестройки. По мнению его лидеров, на политической арене ЙАР демократические силы должны были выступать не в виде временного неустойчивого объединения нескольких политических групп, а как идеологически сплоченная политическая партия. Эта партия должна быть достаточно сильной и прочной, чтобы навязать северойеменскому руководству выдвинутый НДФ курс. Кроме того, предполагалось, что она будет вести диалог и с южнойеменской ИСП. Это должно было произойти на втором этапе вынашивавшегося руководством НДФ плана. Придя к власти в ЙАР (во что твердо верили авторы этого плана), лидеры НДФ рассчитывали вступить в переговоры с ИСП с целью дальнейшего объединения с южнойеменским режимом и на партийном и на государственном уровнях.

Организационная перестройка преследовала цель объединения левых сил, которые, будучи основным застрельщиком нового курса, чувствовали себя слишком слабыми и разобщенными для успешного проведения его в жизнь. Кроме того, платформа Фронта нуждалась в пересмотре, поскольку «программа и устав НДФ уже не соответствовали общим задачам и целям революции» [96, с. 33—34].

В начале 1979 г. пять левых партий и организаций, входившие в НДФ, создали Партию народного единства (ПНЕ).

Принятая политическая программа новой партии [188, с. 3—68] состоит из введения и пяти глав.

Во введении дано следующее определение ПНЕ: «Партия народного единства является сознательным боевым авангардом рабочего класса и его союзников — крестьянства, революционной интеллигенции и других трудящихся». ПНЕ «ведет борьбу в защиту йеменской революции, за установление национально-демократической власти, создание объединенного демократического Йемена, осуществление важнейших задач национально-демократической революции с социалистической перспективой».

Характеризуя положение в мире, программа отмечала растущую роль мировой социалистической системы, обострение общего кризиса капитализма, подъем национально-освободительных движений и «борьбы против империализма, реакционных и диктаторских режимов за свободу, демократию, социальный прогресс и мир». На фоне этих тенденций ПНЕ, «выступая и против правого и левого уклонов», ведет «упорную борьбу за научный социализм, прочный союз с СССР и другими странами социалистической системы». ПНЕ считает «палестинское сопротивление одной из главных сил арабского национально-освободительного движения», а «условием разрешения ближневосточной проблемы — признание ООП единственным законным представителем палестинского народа».

В главе первой, озаглавленной «Борьба йеменского народа за освобождение, прогресс и единство», рассматривается исторический путь, который прошло йеменское национально-демократическое движение, использовавшее как мирные, так и насильственные формы борьбы с «феодально-компрадорским блоком», пришедшим к власти после «реакционного переворота 1967 г.» Стратегическая линия революции «заключается в борьбе за единство обеих йеменских революций», «единство Йемена на национально-демократической основе, имеющей прогрессивное политическое и экономическое содержание». Эта борьба «неотделима от национальной классовой борьбы, которую ведут революционные силы против сил контрреволюции».

В главе второй «За выполнение задач национально-демократической революции» дан анализ экономического развития страны за годы республики, состояния ее сельского хозяйства, промышленности, финансов. Начиная с 1967 г. в стране протекает интенсивный процесс утверждения капиталистических отношений. С этого времени компрадорская буржуазия ЙАР постепен-

но захватывает позиции в сферах производства, торговли и услуг.

В этой же главе рассмотрена социально-классовая структура северойеменского общества. К концу 70-х годов произошло «ослабление царивших прежде феодальных и полуфеодальных производственных отошений и началось возникновение капиталистических отношений в городе и деревне». Появились два новых класса — буржуазия и рабочие. В деревне, где возникло сложное переплетение феодальных и капиталистических отношений, произошло превращение части крупных землевладельцев в буржуазию, а мелких крестьян — в сельскохозяйственных рабочих. В городе процесс формирования компрадорской буржуазии «сопровождается оживлением ее экономической активности и усилением ее позиций в системе политической власти». Наблюдаются развитие национальной буржуазии, рост средних городских слоев. Рабочий класс как в количественном, так и в качественном отошении все еще остается слабым.

К движущим силам революции на Севере программа относит рабочих, крестьян, патриотически настроенную интеллигенцию, студентов, солдат, офицеров, сержантов, мелкую и национальную буржуазию. «Осуществление задач данного этапа революции зависит от глубины союза этих классов и слоев в рамках Национально-демократического фронта», который является «орудием партии в борьбе за широкие народные массы».

Опираясь на эти силы, ПНЕ «ведет борьбу за установление демократической власти», против саудовского влияния в стране, за единство, повышение жизненного уровня народа, очищение государственного аппарата от лиц, причастных к коррупции, предоставление народу демократических свобод и т. д. «Осуществление задач национально-демократической революции на Севере органически связано с выполнением задач национальной революции на Юге в рамках единства обеих частей Йемена в виде демократического государства с прогрессивными перспективами».

Третья глава программы посвящена «текущим требованиям партии». В ней говорится, что ПНЕ, будучи выразительницей интересов рабочего класса, крестьянства и других трудящихся слоев, ведет борьбу в интересах этих классов и слоев. Она выступает за улучшение их экономического, социального и культурного уровня, предоставление им права иметь такие организации, как профсоюзы. В этой части программы особо был выделен раздел, касающийся борьбы за освобождение женщины, предоставление ей равных прав с мужчиной в экономической, социальной и политической областях.

Четвертая и пятая главы программы посвящены проблемам арабского единства и международной политики. Программа подчеркивает неразрывную связь «борьбы национально-демократической партии за национальный суверенитет, демократию и единство Йемена с общеарабской национально-демократической борьбой за арабское единство с демократическим, антиимпериалистическим содержанием». ПНЕ выступает за «укрепление боевого единства сил революции во всем мире, укрепление интернациональной солидарности во имя совместной борьбы за освобождение, демократию, социализм и мир».

В программе настойчиво проводится мысль о необходимости объединения двух Йеменов в единое демократическое государство на основе принципов на которых была построена НДРЙ. Программа проигнорировала факт существования в северойеменском обществе такого феодального класса, как шейхи племен, не учитывала их военную силу и идеологическое воздействие на рядовых соплеменников.

В принятом ПНЕ уставе [166] было зафиксировано положение о «приверженности партии революционной теории научного коммунизма» и принципу демократического централизма. В уставе отмечалось, что «в интересах единства и сплоченности партии условия членства в ней не допускают участия в работе племенных, региональных или конфессиональных организаций, во фракционной борьбе, раскольнической деятельности».

Согласно уставу, членом ПНЕ мог быть йеменец (или йеменка), достигший 18-летнего возраста, выходец из «рабочих, крестьян, солдат, революционных интеллигентов и других слоев трудящихся, если он принимает партийную программу и устав, работает в одной из партийных организаций, неуклонно соблюдает и выполняет решения партии, платит членские взносы». Устав требовал, чтобы член партии «боролся против буржуазной и феодальной идеологии, течений племенного, конфессионального, изоляционистского и оппортунистического характера, против любых теорий, несовместимых с научным социализмом или искажающих его... выступал за единство Йемена на демократических и социалистических основах».

Большое значение в уставе придавалось принципу коллективного руководства. В основу организационной структуры партии был положен производственно-территориальный принцип: на несколько деревень, предприятий или жилых комплексов приходилась одна низовая партийная организация. Партийные организации района подчинялись районной парторганизации, районные—окружной, окружные—провинциальной. Особое внимание обращается на «строгое сохранение партийных тайн», поскольку партия в тот период работала в нелегальных условиях. Подчеркивалось, что при отборе и распределении кадров ответственные лица не должны исходить из личных симпатий или племенных связей. Член партии не должен «устанавливать никаких связей с работниками органов безопасности и контрразведки, работать в иностранных посольствах и организациях без согласия партии».

Хотя Партия народного единства прошла этап становления, она предпочитала пока что действовать на политической арене от имени НДФ, куда она входила. В результате образования

ПНЕ левые силы приобрели в рамках Фронта значительное преимущество над его остальными участниками. Поэтому образование ПНЕ было отрицательно воспринято в рамках Фронта другими входившими в него политическими силами. Вскоре «Фронт народных сил 13 июня» заявил о своем выходе из НДФ; вышли из него и баасисты. Естественно, это привело к ослаблению НДФ, сокращению его вооруженных формирований, что не могло не сказаться отрицательно на его деятельности в ближайшие годы.

Серьезные разногласия существовали и внутри ПНЕ. Как среди ее руководства, так и среди рядовых членов не было единства мнений, что было вполне закономерно: ПНЕ образовалась в результате слияния партий и групп различной политической ориентации — марксисты, националисты и др. В социальном отношении она представляла собой не столько партию, т. е. организацию на классовой основе, сколько политический блок межклассового типа, объединявший представителей разных классов и слоев — мелкой буржуазии, средних городских слоев, крестьянства, радикально настроенной интеллигенции и пр., сплотившихся на основе общей борьбы против правящего блока. Позитивная программа ПНЕ, зафиксированная в партийных документах, во многом явилась результатом механического перенесения вырванных из контекста установок руководства НДРЙ в северойеменских условиях. Эта программа не пользовалась внутри ПНЕ единодушной поддержкой и вызывала споры. В ней по-прежнему находили отражение старые ошибочные лозунги, абсолютизировавшие вооруженные формы борьбы. Они вновь возобладали в начале 80-х годов, когда руководство ПНЕ захватили лица, ранее входившие в РДПЙ и стоявшие на левоэкстремистских позициях. Под их воздействием ПНЕ, как и РДПЙ в 70-х годах, отказалась от работы в общественных организациях, в частности в профсоюзах, считая их «желтыми». Лидеры ПНЕ заняли бескомпромиссную позицию в отношении возможности переговоров с руководителями ЙАР.

Окончание военных действий и заключение Кувейтского соглашения открыли начало процесса стабилизации в стране. Налаживание политического диалога с НДРЙ вынудило президента Салеха привести состав высших органов власти в соответствие с новой политикой. Из правительства были удалены открытые и непримиримые противники сближения с Южным Йеменом, а их места заняли лица, сочувствовавшие национально-демократическим силам.

Президент Салех заявил о начале нового периода развития страны, охарактеризовав его как «этап строительства демократического общества», в котором равными правами будут пользоваться все социальные группы и политические силы.

С приходом Салеха к власти в центре внимания руководства республики находились проблемы государственного строительства. Стремясь осуществлять политику национального примирения, Салех впервые сформировал совещательный орган при президенте — Маджлис аль-истишари. Среди его 15 членов были гражданские и военные лица, кади, деятели «третьей силы», сторонники «братьев-мусульман» и других политических направлений, за исключением НДФ [273, 20.12.1980]. Во главе Маджлиса аль-истишари стал сам президент, который выносил на его обсуждение наиболее важные политические и государственные вопросы.

8 апреля 1979 г. была обнародована новая конституционная декларация, предусматривавшая изменение ряда положений предыдущих деклараций, касавшихся УНС. Численность Собрания увеличивалась до 159 человек. Декларация предоставила членам УНС право законодательной инициативы и вынесения решений, касавшихся государственного бюджета, а также рекомендаций правительству. На него была возложена ответственность за работу Высшей избирательной комиссии по подготовке ко всеобщим выборам в Народный конгресс [133, с. 22—25]. Таким образом, функции УНС были расширены, его роль в законодательной процедуре возросла, однако ему не было дано право контроля над исполнением законов в жизнь, т. е. право контролировать деятельность правительства. Верховная власть продолжала оставаться в руках президента, у которого были тесные контакты с председателем УНС, являвшимся одновременно заместителем президента.

Назначения на 60 вновь образовавшихся в составе УНС мест осуществил президент. Новые члены представляли разные политические направления. Среди них были и шейхи — аль-Матари, Абу Лухум и др. Следует отметить, что на рассматриваемом этапе шейхи как политическая сила были существенно ослаблены и перестали быть источником смертельной опасности самому существованию молодого государства, как в предыдущие годы. Центральная власть в новых условиях стремилась нейтрализовать сохранившийся негативизм феодально-племенной знати, который вызывал у правительства некоторое беспокойство.

Конституционная декларация 1979 г. не определила срока полномочий УНС. Власти заявили, что УНС будет действовать до открытия сессии Консультативного совета (в качестве парламента) первого созыва. Дата выборов в Совет должна была быть определена президентом Салехом. Однако существовало мнение, что страна к ним еще не готова.

В мае 1979 г. открылась вторая сессия УНС. С речью на ней выступил президент. Он остановился на том, что народу впервые предстоит испытать опыт участия в выборах, опыт управления страной [133, с. 79—81]. В июле 1979 г. впервые были проведены выборы в муниципальные советы. Однако часть депутатов в эти органы были назначены президентом.

Тогда же была осуществлена частичная реорганизация правительства: в его составе увеличилась доля политических дея-

телей умеренной ориентации за счет более консервативных элементов [272, 1979, № 4, с. 492].

Меры, принятые президентом Салехом, укрепили позиции государства, особенно на местах. Контроль центра был установлен в ряде районов, которые до этого были фактически автономны. Положение в стране в целом нормализовалось, что подтвердила поездка президента по провинциям ЙАР.

Укрепление стабильности способствовало углублению и расширению дружественных взаимоотношений с НДРЙ. В начале октября 1979 г. в Сане состоялись переговоры президентов йеменских государств, направленные, как писала западная пресса, «уже не на продление перемирия, а на развитие сотрудничества».

Как уже говорилось выше, в ходе переговоров в Кувейте руководителями двух стран было принято решение после разработки проекта конституции единого йеменского государства провести в обеих странах референдум. Однако положенный срок прошел, а проект конституции разработан не был. Трудность стоявшей перед его составителями задачи заключалась в том, что в проекте «должен быть осуществлен синтез особенностей двух режимов, исключающий их противоречия» [273, 20.12.1980]. Значительная разница в социальной природе НДРЙ и ЙАР не позволила ставить вопрос о фактическом объединении, хотя лозунг единства, как таковой, и имел позитивный политический смысл. В атмосфере взаимного налаживания контактов более интенсивно развивались связи между Северным и Южным Йеменом. Официальные переговоры представителей двух йеменских государств способствовали облегчению условий для взаимных поездок их граждан, росту торгового обмена и т. д. [268, 1980, январь, с. 34—35].

Кувейтские соглашения, подписанные в марте 1979 г., предусматривали урегулирование отношений властей ЙАР и НДФ. В соответствии с этим решением в январе 1980 г. в Сане была проведена серия встреч президента ЙАР с представителями Фронта. Переговоры носили позитивный и конструктивный характер. К концу января была достигнута договоренность о сотрудничестве центрального правительства с НДФ. Обоюдоприемлемое решение было выработано по вопросу о создании национального коалиционного правительства, в состав которого должны были войти представители различных политических сил и партий, но с одобрения Фронта. Была согласована проблема разработки новой конституции ЙАР и Национальной хартии. Достигнута договоренность о проведении прямых свободных выборов в создаваемый Народный конгресс, о расширении политических свобод, в частности об осуществлении на практике свободы деятельности профсоюзов.

Участники переговоров пришли к выводу «о необходимости всестороннего развития страны и создания независимой национальной экономики, развитого сельского хозяйства и промышленности». В области внешней политики договоренность предусматривала «укрепление и сохранение суверенитета и национальной независимости; проведение самостоятельной политики, основанной на взаимном уважении и равенстве; соблюдение принципа мирного сосуществования и неприсоединения, ликвидацию всех попыток вмешательства извне во внутренние дела страны». Стороны особо подчеркнули, что только «государство может сотрудничать с другими государствами... никакие группы, организации или отдельные лица не могут устанавливать контакты с иностранными государствами» [139, с. 1—45].

Переговоры с президентом Салехом генеральный секретарь НДФ Султан Ахмед Омар охарактеризовал, как «важный поворотный момент в политической борьбе йеменского национального движения» [40, 1980, февраль]. Правда, вынесенные на переговорах решения носили более умеренный характер, чем хотелось бы многим руководителям Фронта, в частности лидерам ПНЕ. Известно, что НДФ требовал, чтобы руководство ЙАР выполнило выдвинутые Фронтом условия прежде, чем он «сложит оружие». К ним относились «проведение в стране земельной реформы», устранение из правительства так называемых «сторонников феодализма», уменьшение зависимости от Саудовской Аравии, принятие конкретных мер для объединения с Югом» [268, 1984, апрель, с. 35]. В этом вопросе НДФ пошел на уступки.

Однако договоренность о сотрудничестве между правительством и левой оппозицией фактически не была претворена в жизнь. Продолжавшийся диалог между Салехом и Омаром свелся к обсуждению вопроса о формах участия НДФ в управлении страной. Президент был согласен ввести в правительство членов Фронта, но только «персонально», т. е. без предоставления НДФ официального статуса и портфелей ведущих министерств. Фронт, со своей стороны, был готов согласиться на три места в новом кабинете, чтобы считать, что в ЙАР наконец-то установлен «истинно демократический режим» [273, 18.11.1981].

Взятый руководством ЙАР курс на улучшение отношений с НДРЙ не мог не вызвать беспокойство у Саудовской Аравии. В начале января 1980 г. бейрутский журнал «Аль-Хуррия» сообщал о возникшей напряженности между Северным Йеменом и Саудовской Аравией. Наметившийся разлад проявился особенно остро во время официального визита северойеменской делегации в Эр-Рияд и даже вынудил делегацию покинуть страну досрочно. Как выяснилось в ходе визита, основные противоречия сконцентрировались на четырех направлениях и касались Асира, Джизана и Наджрана, провоцируемых саудовцами пограничных конфликтов; источников приобретения оружия, поскольку ЙАР стремилась их разнообразить и покупать вооружение не только у Запада, но и у Востока; переговоров ЙАР с НДРЙ по поводу единства двух стран. Таковы были основные проблемы, по которым точки зрения ЙАР и Саудовской Аравии не совпадали.

Обеспокоенность у Саудовской Аравии вызывали и переговоры Салеха с руководством НДФ о возможном введении в состав правительства представителей Фронта.

Суммируя причины конфликта, «Аль-Хуррия» отмечал, что недовольство правящих кругов Саудовской Аравии вызывала «известная независимость руководства ЙАР». Раньше в ситуациях подобного рода саудовцам довольно быстро удавалось изменять положение в свою пользу, используя своих сторонников в ЙАР. Теперь же, в начале 80-х годов, хотя и казалось, что «саудовское вмешательство во внутренние дела Северного Йемена возросло, а их стремление оказывать воздействие на политическую обстановку усилилось», в действительности реализовать свои желания саудовцам становилось все сложней [250, 14.01.1980, с. 39].

Проявляемая ЙАР относительная независимость объяснялась тем, что к этому времени несколько сократилась потребность страны в саудовских субсидиях. Присылаемые йеменскими эмигрантами денежные переводы уже в значительной степени покрывали внешнеторговый дефицит, способствуя увеличению национального дохода на душу населения. Разнообразную, временами щедрую помощь оказывали Северному Йемену страны Персидского залива и международные организации. Улучшившееся экономическое положение страны позволило ей более полно удовлетворять свои потребности за счет внутренних ресурсов.

Добиваясь ослабления «непослушного» режима в Северном Йемене и ухудшения его отношений с НДРЙ, Саудовская Аравия в начале 1980 г. прекратила поставки оплаченного саудовцами американского вооружения, первые партии которого были получены йеменцами вскоре после завершения военных действий с НДРЙ весной 1979 г. Были также приостановлены и некоторые другие виды помощи. Одновременно Саудовская Аравия возобновила практику предоставления субсидий некоторым племенам, выступавшим против центрального правительства [193, с. 219—240]. Она также инспирировала целую серию пограничных столкновений, что в условиях отсутствия четко установленной демаркационной линии нетрудно было осуществить: племена из пограничных районов на северо-востоке и северо-западе ЙАР легко было склонить к выступлению на стороне Саудовской Аравии, поскольку излюбленная ими тактика состояла в том, чтобы поддерживать власти той страны, которая больше дает и меньше требует.

Племена, получившие щедрые подачки, провоцировали стычки с гарнизонами регулярной армии ЙАР. Мало того, их представители в столице также подняли свой голос против политики центрального правительства. Хотя депутаты-шейхи не составляли большинства в УНС, как это было в Консультативном совете в прошлом, тем не менее, выступая все заодно, они представляли собой внушительную политическую силу. А в рассма-

триваемый момент веской причиной для такого единства было возможное объединение ЙАР и НДРЙ. Шейхи опасались, что в условиях единого Йемена может существенным образом нарушиться сложившееся равновесие между племенами и изменить-ся религиозная ситуация в пользу шафиитского населения.

Руководство ЙАР не могло игнорировать мнение зейдитской племенной верхушки, поскольку ее влияние в стране все еще было весьма значительным. Достаточно отметить такой факт, как весьма эфемерный контроль государства над районами, расположенными к северу от столицы. Известный французский журналист, автор многочисленных статей о Йемене, Жан Гейра писал, что территории, находившиеся в стороне от магистрального шоссе Сана — Саада, контролировались не столько центральным правительством, сколько шейхом аль-Ахмаром. Как и прежде, он собирал с подвластных ему крестьян закят и «занимался контрабандой к большой выгоде для себя, причем дело было организовано на высоком уровне, так что контрабандисты могли действовать открыто, на самом виду у бессильного государства» [273, 20.12.1980].

О все еще сильном влиянии крупных шейхов свидетельствовал тот факт, что без их вмешательства зачастую было невозможно улаживание межплеменных распрей, часто перераставших в открытые военные столкновения. Так было летом 1980 г., когда между племенами архаб и бени харис развернулись настоящие боевые действия буквально под стенами столицы. Правительство оказалось бессильным их прекратить, и только авторитет шейха аль-Ахмара помог положить конец этой «войне». Что касается традиционной дружбы феодально-племенной верхушки с Саудовской Аравией, то, как писал английский журнал «Мидл Ист», «шейхи остаются орудием Эр-Рияда, используя которое она может исправлять любые неожиданные и нежелательные шаги центрального правительства в Сане, в том числе и в вопросе объединения» [268, 1980, октябрь].

В этом вопросе заодно с феодально-племенной знатью в оппозиции центральному правительству выступала тогда крупная торговая буржуазия. Значительную ее часть составляли крупные торговцы, бежавшие из Южного Йемена после образования там республики и прихода к власти левого крыла Национального фронта в 1969 г. К началу 80-х годов она, активно включившись в предпринимательскую деятельность на Севере, опасалась того, что в случае действительного объединения ей придется столкнуться с серьезными осложнениями вплоть до национализации.

Тем не менее ее отношение к процессу объединения оставалось двойственным, поскольку ослабление напряженности между двумя йеменскими государствами благотворно сказывалось на экономической ситуации в ЙАР.

Заметим, однако, что, несмотря на имевшуюся оппозицию, отношение подавляющего большинства населения к объединению

было однозначно позитивным, и руководство ЙАР не могло этого недооценивать.

Отношение к проблеме единства самого руководства ЙАР было также достаточно сложным. В силу своей классовой природы оно мыслило единство только как результат одностороннего воздействия северойеменской структуры на южнойеменскую, но конкретная расстановка сил не позволяла ему надеяться на подобный исход. Тем не менее оно поддерживало лозунг единства — не только потому, что к этому его вынуждала НДРЙ; лозунг единства был органической частью идеологии «интенсивного йеменского национализма», которая во все большей степени становилась стержнем политического курса правящих кругов ЙАР, их официальной идеологией. Это обеспечивало руководству максимально широкую социальную поддержку, которая являлась необходимым условием осуществления программы модернизации северойеменского общества. Именно в ключе национализма следует рассматривать многие мероприятия правительства Салеха, развернутые в тот период.

В конце мая 1980 г. был опубликован декрет о создании Комитета национального диалога («Маджлис аль-хивар аль-ватани»). Его образованию предшествовали встречи президента с представителями разных политических и социальных сил. В частности, в августе 1980 г. Салех беседовал с главами племен. В своем выступлении перед ними он отметил, что на «всех йеменцах лежит ответственность за преодоление отсталости, унаследованной страной от времен имамов»; шейхи, как и другие граждане страны, «должны внести свой вклад в процесс демократизации общества и укрепления национального единства» [244, 03.08.1980].

В состав Комитета национального диалога вошли 50 назначенных президентом лиц [104, с. 4—6]. Среди них были представители компрадорской буржуазии, интеллигенции, племенной знати.

Основной задачей Комитета объявлялась выработка проекта Национальной хартии — программного документа национальных сил ЙАР, «выразивших готовность сотрудничать с руководством страны в деле осуществления принципов революции 1962 г. и исправительного движения 1974 г.». Об этом говорил президент Салех в октябре 1980 г. на заседании Комитета, проходившем под его председательством. Салех отметил, что основная цель Хартии — это достижение национального единства, поэтому она должна отвечать интересам всех слоев населения страны. Проект Хартии будет передан на общенародное обсуждение, сказал президент. Комитету поручалась выработка анкеты для выяснения мнения о проекте широких слоев народа. Кроме того, члены Комитета должны были встречаться с простыми людьми, разъяснять им положения Хартии, собирать внесенные предложения, систематизировать их и передавать руководству [244, 06.10.1980].

В декабре 1980 г. по всей территории ЙАР были сформированы районные отделения Комитета, которые приступили к сбору высказанных населением пожеланий по поводу опубликованного еще в июне первого проекта Национальной хартии. С учетом этих пожеланий Комитет национального диалога выработал новый проект Национальной хартии.

В августе 1980 г. был опубликован Закон о выборах во «Всеобщий народный конгресс». Право участвовать в выборах гарантировалось каждому мужчине, достигшему 18 лет, имеющему йеменское гражданство не менее чем 10 лет, за исключением лиц, отбывающих наказание, психически неполноценных и пр. Выборы должны быть равными, прямыми и тайными. Баллотироваться в Конгресс могли йеменцы не моложе 25 лет, грамотные, придерживающиеся общепринятых норм поведения, соблюдающие религиозные обряды, не находящиеся на государственной службе [234, 1980, № 3—4, с. 134—140; 244, 02.09.1980].

Сроки выборов во Всеобщий народный конгресс (ВНК) и время его проведения несколько раз переносились. Затяжки объяснялись стремлением властей свести до минимума число противников режима в Конгрессе (шейхов, последователей «братьев-мусульман» и пр.) [273, 20.12.1980].

Формирование Комитета национального диалога и подготовка к выборам в ВНК привели к значительной активизации разнонаправленных политических сил. Положение осложнялось еще больше вследствие вмешательства Саудовской Аравии; в руки ее ставленников снова потекли денежные средства и вооружение.

В первой половине 1980 г. руководители НДФ продолжали периодически встречаться с президентом. Однако переговоры двигались вперед с большим трудом. В ответ на требование НДФ освободить всех находившихся в заключении членов Фронта Салех заявил, что это произойдет лишь тогда, когда под контроль государства будут переданы все так называемые «освобожденные районы». Фронт ответил решительным отказом, после чего вновь начались военные действия между регулярной армией и отрядами НДФ.

В связи с предстоящими выборами власти ЙАР были определенно заинтересованы в урегулировании отношений с НДФ. В августе 1980 г. президенту Салеху удалось добиться подписания соглашения с руководством НДФ о прекращении военных действий. Власти ЙАР освободили из заключения некоторых членов Фронта и разрешили НДФ официально издавать с сентября еженедельную газету «Аль-Амаль».

Однако затишье было кратковременным. В районах Дымт и Эль-Бейда возобновились бои, и в этот момент впервые на стороне регулярных войск выступили отряды «Исламского фронта».

Созданный в конце 70-х — начале 80-х годов на базе различных мусульманских организаций при превалирующей роли

«братьев-мусульман», «Исламский фронт» включал в свои ряды представителей крайней реакции. В городах его поддерживали купцы и часть средних городских слоев, в деревнях — шейхи и близкие к ним соплеменники. Довольно значительную часть «Исламского фронта» составляли маргиналы, люмпены — деклассированные элементы, склонные к политическим крайностям. Их привлекало то, что Фронт выступал «под знаменем ислама», в защиту мусульманских традиций. Маргиналы особенно гордились тем, что их участие в Фронте было обусловлено не меркантильными соображениями, а «велением духа». Отличаясь высокой способностью к социальной мимикрии, они считали себя истинными поборниками веры, противниками коммунистов, марксистов и всех тех, чьи действия были направлены на ликвидацию в стране традиционных устоев. Идеологи же «Исламского фронта» настраивали своих сторонников против централизаторской деятельности государства, выдавая ее за неправомерное покушение на издревле существовавшие обычаи и образ жизни. Среди деятелей «Исламского фронта» были сторонники аятоллы Хомейни, члены секты ваххабитов, «беженцы с Юга», выступавшие за развязывание «холодной войны» с НДРЙ, улемы, обличавшие «безбожников» и «неверных» Юга и Севера, проповеди которых энергично распространялись в виде листовок «братьями-мусульманами». Считалось, что всех их объединял шейх аль-Ахмар.

Влияние «братьев-мусульман» с каждым годом возрастало. Их сторонники были достаточно широко представлены в УНС, в правительстве, армии, органах госбезопасности. Они симпатизировали Саудовской Аравии (недаром «братьев-мусульман» называли «саудовским кланом»). Имели тесные контакты с племенами. На протяжении многих лет они прилагали усилия к тому, чтобы взять под свой контроль различные сферы общественно-политической жизни страны. «Братьям-мусульманам» удалось это осуществить в отношении системы просвещения и высших учебных заведений. Но они стремились не только сохранить преподавание коранических наук на всех ступенях обучения, но и подчинить всю систему воспитания молодежи реакционной идее сохранения в неприкосновенности традиционных устоев. В конце 70-х годов в Северном Йемене получили широкое распространение «религиозные школы» — «маахад ад-дини», или «маахад аль-ислами», в которые принимались ученики начальных школ. При них действовали «военные лагеря», где учащиеся проходили военную подготовку. Содержание этих «школ» и «лагерей» фактически финансировалось Саудовской Аравией. Таким образом «братья-мусульмане» заботились о подготовке бойцов для своих отрядов. Значительным влиянием это движение пользовалось и в начавшем функционировать в 1970 г. Санском университете.

Серьезные столкновения между формированиями НДФ, с одной стороны, и армией и «Исламским фронтом» — с другой,

развернулись в районе Ибба — Катабы. Как сообщал НДФ, «власти ЙАР использовали артиллерию и танки в сочетании с авиацией. Расчищая территорию от сил НДФ, они нападали на мирные деревни и их жителей». О жестокостях, чинимых «Исламским фронтом», сообщал ливанский журнал «Аль-Хуррия»: людей убивали только по подозрению в сочувствии к НДФ [250, № 991, 24.11.1980 и № 993, 08.12.1980]. Отряды «Исламского фронта» повели планомерную борьбу с силами НДФ. Выступая в качестве защитников власти шейхов и крупных феодалов, они заявляли о себе, как о «поборниках справедливости». Кроме того, члены «Исламского фронта» начали террористическую деятельность в городах. Так, в Сане был организован ряд покушений на патриотически настроенных офицеров. «Исламский фронт» пытался воздействовать и на президента Салеха, «обвинив его в излишней терпимости по отношению к действиям НДФ» [273, 20.12.1980].

В активизации «Исламского фронта», росте его рядов выявилась реакция консервативных сил на попытки проведения позитивного диалога правительства с НДФ. Он стал энергично противодействовать любым формам сближения руководства республики с прогрессивными силами. Ему удалось оказать давление на президента во время реорганизации правительства 15 октября 1980 г.: из его состава были выведены лица, считавшиеся либералами и якобы симпатизировавшие НДФ [273, 18.11.1981; 20.12.1980]. В новый кабинет вошли 25 министров, значительную часть среди них составляли политические деятели консервативной ориентации. Представлены были и сторонники «братьев-мусульман» [244, 16.10.1980; 235а, 1980, № 11, с. 6—7].

НДФ, со своей стороны, не ограничиваясь военными формами борьбы, стремился по мере возможностей закрепить свои позиции путем пропаганды своей платформы, в том числе через печать. В январе 1981 г. Фронт опубликовал документ «За истинную Национальную хартию» [139]. В нем наряду с критикой проекта Национальной хартии были обнародованы основные положения программы НДФ, принятой еще в 1976 г. НДФ заявил при этом, что с публикацией этого документа он «вступает в легальную политическую и идеологическую борьбу в дозволенных властью границах».

В начале документа НДФ выражал свое несогласие с методами формирования Комитета национального диалога и его структурой. Разбирая проект Национальной хартии, составители документа отмечали, что в проекте дан односторонний и недостаточно глубокий обзор истории Йемена. Проект игнорировал такой важный вопрос, как вопрос о границах, и вообще не касался проблемы аннексированных Саудовской Аравией йеменских территорий, в чем сказалось саудовское влияние.

Определенный интерес представляет та часть документа, в которой был изложен обзор политической и военной деятельности НДФ в 1979—1980 гг. В разделе «Наше мнение» НДФ пред-

лагал руководству ЙАР провести дискуссию с участием разных политических сил страны, представленных различными партиями и организациями, с участием видных общественных деятелей. Цель дискуссии — выяснить точки зрения на рассмотренные в проекте Хартии проблемы. Впрочем, при существовавшем в тот период многообразии политических мнений и оценок вряд ли такая дискуссия могла привести к взаимопониманию и выработке единого мнения представителями различных социально-политических сил. Для национально-демократических сил такой подход мог представлять интерес как повод для обнародования своих концепций. Очевидно, что официальные власти это предложение устроить не могло, поэтому выдвижение его НДФ носило главным образом пропагандистский характер. Публикация документа «За истинную национальную хартию» позволила НДФ довести до сведения йеменской общественности свои взгляды и оценки и раскрыть содержание задач, за реализацию которых Фронт в течение многих лет вел борьбу.

В апреле 1981 г. руководству НДФ вновь удалось договориться с правительством о прекращении огня. Мирная договоренность, однако, очень скоро была нарушена по вине руководства ЙАР. В июне — августе, как пишет французская «Монд», продолжались ожесточенные бои, в ходе которых с обеих сторон было применено тяжелое оружие. В боевых действиях на стороне правительства наряду с армией продолжал сражаться «Исламский фронт», пользовавшийся поддержкой — финансовой и военной — Саудовской Аравии [273, 18.11.1981; 270, 1981, № 12, с. 49].

Следует указать, что война против НДФ была непопулярна в регулярной армии. Об этом, в частности, свидетельствует западная пресса, которая сообщала, что в июле были арестованы 80 офицеров и четверо из них были расстреляны за отказ участвовать в военных действиях на юге страны.

Между тем генеральный штаб перебрасывал в места боев все новые подкрепления. Его представитель утверждал, что к правительственным силам уже перешли ключевые позиции, ранее контролировавшиеся Национально-демократическим фронтом. В тот период, однако, трудно было определено сказать, на чьей стороне был военный перевес. Обладавший еще значительной силой Фронт пользовался преимуществом в мобильности и в любой момент мог вернуть утраченные им территории [273, 18.11.1981]. Президент и наиболее реально мыслящие офицеры понимали, что военным путем решить конфликт невозможно: война в горных условиях против пользовавшихся партизанскими методами отрядов НДФ требовала от регулярной армии значительного перевеса в живой силе и вооружениях, а таких возможностей в тот период у нее не было.

Правда, с течением времени все активней стали заявлять о себе сторонники «Исламского фронта». Его отряды были сконцентрированы главным образом в Среднем Джебеле,— в тех районах, где действовал НДФ. В конце концов совместно с регулярной армией они нанесли серьезное поражение отрядам НДФ в мае — июне 1982 г. При этом они действовали с невероятной жестокостью: если в деревне обнаруживали хотя бы одного члена НДФ, ее сравнивали с землей, а всех жителей уничтожали. К этому времени боеспособность регулярной армии значительно возросла. Под ее натиском и при поддержке «Исламского фронта» руководство НДФ было вынуждено существенно сократить контролируемую им территорию.

В этот период в рядах НДФ произошли существенные сдвиги. Старые лидеры — Султан Ахмед Омар и другие — были оттеснены, и к руководству в НДФ, так же как и в ПНЕ, пришла новая группировка. Ранее входившая в РДПЙ, она придерживалась радикальных взглядов и стояла за решительную конфронтацию с правительством против каких-либо компромиссов на переговорах с президентом Салехом. Она отрицала также необходимость сотрудничества НДФ с массовыми общественными организациями. Отряды НДФ, полностью подчиняясь новым лидерам, разворачивали боевые действия преимущественно в родных местах этих лидеров. Их акции террористического характера все более лишали НДФ поддержки населения.

В середине июля 1982 г. представители НДФ предприняли еще одну попытку договориться с правительством. Выдвинув требования прекращения военных действий, освобождения политических заключенных и возвращения в страну политических эмигрантов, Фронт заявил, что, со своей стороны, он уйдет из ряда контролировавшихся им районов, где его позиции в то время оставались еще достаточно крепкими. Он выразил также согласие вывезти оттуда среднюю и тяжелую артиллерию. Все это — при условии, если аналогично поступит и «Исламский фронт». Правительство ответило согласием с этими условиями, и договоренность была достигнута.

Месяц спустя представители НДФ заявили, что в соответствии с соглашением его отряды и орудия эвакуированы из Среднего Джебеля, а также из расположенных к западу районов Реймы и Усаба. 15 августа была создана комиссия из представителей НДФ и правительства по контролю за выполнением соглашения. В ее работе должны были принять участие, в частности, президент республики, премьер-министр и ряд других ответственных лиц. Однако в результате активного вмешательства «братьев-мусульман», спровоцировавших новые столкновения, начавшийся диалог был сорван. Под давлением превосходящих сил армии и «Исламского фронта» уцелевшие отряды НДФ отошли на территорию Южного Йемена [268, 1984, апрель].

Таким образом, почти пятилетняя партизанская война, которую вел НДФ с 1978 по 1982 г., закончилась поражением. Причин для этого было немало. Главная из них заключалась в том, что, рассчитывая только на военную силу и пренебрегая общественной поддержкой, лидеры Фронта постепенно привели его к

изоляции как от населения районов, где они действовали, так и от сторонников национально-демократического курса в городах, прежде всего в столице.

Чтобы убедиться, что в Среднем Джебеле ликвидированы «очаги беспокойства», президент Салех предпринял еще в мае поездку в провинции Таизз, Дамар и др. Выступая там перед населением, он призывал «обманутых» вернуться в свои селения, обещая им амнистию [244, 12.05.1982].

Взятый северойеменским руководством курс на строительство сильного централизованного государства продолжался. В это время в его глазах приобрела особую актуальность проблема создания современной армии, способной прочно установить власть государства на всей территории ЙАР. Еще весной 1979 г. под давлением Эр-Рияда президент Салех дал согласие на приобретение оружия американского производства, причем эти закупки обязалась финансировать Саудовская Аравия. Однако очень скоро стало очевидным, что реорганизация йеменской армии, таким образом, целиком ставится в зависимость от саудовского руководства, которое использовало заинтересованность ЙАР в модернизации армии для укрепления своего влияния на ее внутреннюю и внешнюю политику. Чтобы избежать этого, президент Салех решил обратиться с просьбой о продаже вооружения к Советскому Союзу. На такой довольно смелый шаг он смог пойти только после того, как укрепил свои позиции, получил достаточно широкую общественную поддержку, а главное, добился улучшения финансового положения страны.

С тех пор отношения ЙАР и Саудовской Аравии заметно охладели, принимая временами весьма острый характер. Это заставило многих влиятельных йеменцев пересмотреть свое отношение к Саудовской Аравии. Как писал английский журнал «Мидл Ист Экономик Дайджест», «йеменцы не только разочаровались в покровительстве Саудовской Аравии и потенциально США; их стал не удовлетворять климат религиозного фанатизма, насаждавшийся Саудовской Аравией» [270, 1980, № 6, с. 3].

К этому времени северойеменская республика уже прошла достаточно большой отрезок по пути политического развития, роста сознания наиболее социально активной части населения, приобретения ею некоторых навыков участия в политической жизни, овладения механизмом политических институтов. В связи с этим перед руководством ЙАР встала проблема перехода от во многом голословных политических деклараций начального этапа существования ЙАР к планированию конкретных мероприятий, направленных на создание политической машины, способной обеспечить проведение политического курса в интересах правящей верхушки.

Основное внимание на данном этапе было уделено будущей Национальной хартии, которая наделялась многими чертами конституции: имея силу обязательного закона, она должна была определить основные направления социально-экономического и политического развития страны.

Всенародное обсуждение проекта Национальной хартии, начатое еще во второй половине 1980 г., завершилось в сентябре 1981 г. Его исправленный с учетом выраженных мнений вариант был передан руководству страны. Оно должно было установить срок проведения выборов во Всеобщий народный конгресс, которому предстояло утвердить Национальную хартию. Комитет национального диалога, возглавлявшийся Хусейном аль-Макдами, намеревался закончить обработку результатов всенародного обсуждения проекта к концу 1981 г.

Весной 1981 г. были внесены некоторые поправки в избирательный закон. В выборах впервые было разрешено участвовать женщинам. Эти выборы, являясь частью «Исправительного движения», направленного на строительство «государства закона и порядка», призваны были, по заявлению министра информации, способствовать укреплению национального единства страны [270, 1981, № 12, с. 49].

В октябре 1981 г. был опубликован президентский декрет, определивший численность ВНК в 1 тыс. человек; из них 700 должны были избираться путем прямого голосования в декабре 1981 г., а 300 — назначаться президентским декретом летом 1982 г. [104, с. 7].

Выборы в ВНК проходили параллельно с третьими выборами в кооперативные союзы развития. В декабре 1981 г. Высшая комиссия по выборам в кооперативные союзы развития и ВНК сообщила, что они были проведены в два этапа. На первом — были избраны представители населения от волостей (узля). На втором — на уровне района (нахия) — выборщики избрали 700 депутатов ВНК [104, с. 21—47].

Судя по всему, отказ от прямых выборов был обусловлен сложной и напряженной обстановкой: на юге после непродолжительного затишья вновь вспыхнули военные действия; в городах власти провели массовые аресты среди представителей национально-демократических сил. Выборы как в кооперативы, так и в ВНК продемонстрировали успех «братьев-мусульман». Их влияние особенно сильно обнаружилось в городах. В сельской местности, особенно в некоторых районах к северу от Саны, они не получили большинства, так как зейдитские племена считали «братьев-мусульман» приверженцами ваххабитов, т. е. Саудовской Аравии, к которой среди простых йеменцев искони существовала неприязнь.

В августе 1982 г. были опубликованы два декрета президента: первый содержал поименный список 309 назначенных им членов ВНК, второй — решение о созыве Конгресса 24 августа. Характерно, что назначенные президентом лица в большинстве своем представляли либеральное направление: их участие в ВНК было призвано в известной степени уравновесить сторонников правых сил, в основном «братьев-мусульман».

Интересно отметить, что в составе Конгресса наряду с другими политическими силами был представлен и НДФ. Этот жест со стороны правительства призван был продемонстрировать единство **всех** политических сил, поднять престиж ВНК как органа, выражавшего мнение **всей** нации. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся со стремлением североиеменского руководства действовать по общенациональной программе. Заметим, что непоследовательность его в этом вопросе была обусловлена не только сознательным расхождением между политическими декларациями и практикой, но в первую очередь противоречивостью его позиции, невозможностью постоянно совмещать свои классовые интересы с общенациональными.

Состоявшийся 24 августа ВНК утвердил окончательную редакцию Национальной хартии [141, с. 7—120], принял устав Конгресса и избрал свой постоянно действующий руководящий орган — Постоянную комиссию.

Как уже отмечалось, Национальная хартия наделялась силой обязательного закона. В решениях ВНК подчеркивалось, что Национальная хартия должна строго соблюдаться всеми гражданами страны.

Национальная хартия 1982 г. выполняла двойную задачу. С одной стороны, она фиксировала сложившееся положение — регламентировала политическую жизнь республики, определяла принципы государственного устройства, устанавливала основные направления внутренней и внешней политики. С другой стороны, Хартия являлась программным документом. В качестве такового она была направлена в будущее и носила перспективный характер: планировала экономическое строительство, намечала направление эволюции политической системы и пр. По замыслу ее составителей, она должна была обеспечить широкое участие народных масс в процессе социально-экономического развития.

Как писал орган ВНК газета «Аль-Мисак», цель Хартии — «создать йеменскую исламскую модель развития» и наметить курс «социальных преобразований в рамках национального единства». Модель общественного устройства североиеменского общества, «базирующаяся на исламе и исламской идеологии», была составлена с учетом «особенностей современного исторического, политического и идеологического положения государств Аравийского полуострова и Персидского залива. Достижение Хартии в том, что она учитывает самобытность Йемена» [237, 06.12.1982].

Знаменательно, что Национальная хартия была опубликована к 20-й годовщине революции 1962 г.; это как бы подтверждало незыблемость принципов революции и республиканского строя, необходимость следовать этим принципам.

Абд аль-Малик Ода, автор серии статей, опубликованных в «Аль-Мисак», подчеркивал «синтетический» характер Хартии — она сближала прошлое и настоящее, «исламский опыт» и

общемировые достижения. Чтобы оценить это, надо «вникнуть в общие формулировки, порядок параграфов, скрытый и явный смысл слов и предложений, деталей и дополнений, вникнуть в механизм изложения текста, в его редакцию, в формулы, заимствованные из аятов Корана и хадисов сунны». Хартию следует анализировать, «глубоко уясняя смысл оборотов и терминов исламской политической идеологии, европейской и международной политической мысли» [237, 29.11.1982]. Интересно отметить, что в тексте Хартии даны точные определения таких терминов и понятий, как «социальная справедливость», «аш-шура», «народное участие», «оппозиция», «исламское арабское единство», «исламская арабская солидарность», «гражданин», «родина» и др. Таким образом, Национальная хартия отразила идеологические представления националистически настроенной части североиеменского общества.

В преамбуле Хартии говорилось о значении и целях революции 26 сентября 1962 г. В ней отмечалось, что революция «была направлена не только против прогнившего деспотического режима, не только против иностранных колонизаторов... она была направлена против застоя жизни... обрекавшего страну на средневековое существование». Цель революции — «вернуть религии ее изначальную сущность и чистоту» и «совершить скачок из темного средневековья в современный двадцатый век».

Введение Хартии было посвящено истории страны, развитию йеменской цивилизации и форм правления. Древняя йеменская культура, отмечалось в Хартии, «характеризовалась наличием централизованного государства»; йеменский народ искони «гордился своей самобытностью, достоинством и суверенитетом». Затем наступил период упадка и раздробленности. Только на короткий срок исламу удалось восстановить стабильность и укрепить страну, а затем вновь пришел застой и бессилие. В Хартии подробно рассматривается история зарождения и деятельности оппозиционного движения в XX в., анализируются его локальные особенности, влияние на него экономической зависимости страны и «борьбы капиталистических держав за влияние в арабском регионе». «Целью йеменского национально-патриотического движения была борьба против деспотизма, пытавшегося сохранить свое господство, используя „деформированный“ ислам; национальное движение противопоставило ему революционный ислам, ставший целью и средством создания нового йеменского общества» [237, 13.12.1982].

Хартия указывала, что основной силой национального движения после 1955 г. «стала организация Свободных офицеров, которая сыграла решающую роль в революции 26 сентября 1962 г.». Таким образом, впервые после 1973 г. армия была названа в качестве основной политической силы, совершившей революцию. Тем самым подводилась историческая база под тот факт, что в начале 80-х годов она заняла командные позиции в коалиционном блоке, стоявшем у власти. Хартия отмечала

участие в революции таких социальных сил, как «племена, интеллигенция, студенчество», которых «поддержали все слои народа». Особо подчеркивалось, что «большую поддержку йеменской революции и республике оказал египетский народ».

В главе «Ислам — идеология и законодательство» Хартия подтверждала приверженность северойеменского общества нравственным ценностям ислама. Ислам, который является «фундаментом режима», выступает в двух ипостасях: «в качестве мировоззрения (акида) и законодательства (шариат)». «Всякая теория правления... идущая вразрез с исламским мировоззрением и шариатом», отвергается. «Всякая внешняя идеологическая зависимость представляет собой предательство и наносит вред высшим интересам Родины» [237, 13.12.1982].

Йеменская исламская модель развития основывается на «наличии гибких правил и прочных основ ислама». Выбор методов и средств в этих условиях предоставляется разуму. «Разуму будет принадлежать роль и власть, а власть разума означает „иджтихад", т. е. выбор... Разуму принадлежит свобода рассуждения и „иджтихада", умозаключения, поиска и создания режимов и методологий и их преобразования на основе всеобъемлющей исламской ориентации в соответствии с развитием условий жизни».

Большое внимание Национальная хартия уделяет вопросу единства внутри народа, единства народа с правительством, единства общейеменского и арабского. Единство внутри народа (т. е. национальное) основывается на преданности родине, совместном труде и приверженности целям революции. Ставя вопрос о национальном единстве, Хартия категорически осуждала «религиозно-сектантские проявления», а также династические, племенные и партийные, поскольку они «подрывают национальное единство и наносят вред интересам народа и родины». Таким образом, в прокламируемой Хартией политической системе не оставалось места политическим партиям. Хартия провозглашала курс на «прямую демократию» — непосредственное и все более широкое участие народных масс в общественной жизни страны. Йемену в настоящее время, отмечается в Хартии, необходим прочный «внутренний фронт, построенный на единстве национальных позиций». Национальное единство — это основа йеменского и арабского единства. Оно должно осуществляться «методами диалога мирным путем».

В Хартии выдвигалась идея «исламской демократии», которой «руководствуется йеменский народ», выступая против «анархизма и диктатуры», равно как и против «концентрации власти в одних или нескольких руках». В рамках концепции «исламской демократии», как явствует из ее названия, традиционные представления сплетались с понятиями, заимствованными из западных буржуазных теорий. В этом смысле показательны даваемые в Хартии характеристики республиканского строя как «демократического, совещательного (аш-шура), парламентского». Принцип «аш-шура», согласно Хартии, подразумевал право народа на избрание своих руководителей (правителей). Отход властей от этого принципа или использование методов, несовместимых с исламским порядком, считаются незаконными действиями. «Наш республиканский строй,— говорилось в Хартии,— должен базироваться на четких конституционных принципах — народовластия, справедливости и социального равенства, законности, свободы судопроизводства».

Таким образом, Хартия подразумевала создание такой политической системы, в рамках которой весь потенциал активности населения был бы направлен на осуществление национальных задач, а классовые интересы подчинены более «высоким» национальным целям. Недаром она столь решительно высказывалась против партийных, сектантских, династических и племенных проявлений. Заметим, что в этом перечне упоминаются все силы, которые на разных этапах становления северойеменского режима воспринимались правящей верхушкой как противники идеи национального государства. Провозглашенный Хартией лозунг «прямой демократии», в сущности, означал отрицание возможности восприятия общенациональных интересов через призму классовых. На организационном уровне этот лозунг был направлен против всевозможных объединений (классовых в первую очередь), которые стояли бы «между народом и государством». Установка на единство на национальной основе была выражена в Хартии в виде лозунга «все граждане — одна семья».

В Хартии был намечен план «экономического возрождения» страны — путем расширения строительства объектов промышленной и социальной инфраструктуры, увеличения производства сельскохозяйственных и промышленных товаров — прежде всего первой необходимости, регулирования внешней торговли, улучшения контроля за денежным обращением и пр.

Развитие промышленности должно было происходить путем «расширения производственной базы и подъема уровня производства». Материальной основой осуществления принципа равенства Хартия провозглашала «установление справедливого распределения для удовлетворения основных потребностей общества». В ней был зафиксирован принцип «свободы предпринимательства» (и для национального и для иностранного капитала) в рамках «общественных интересов» и подчеркивалась необходимость сотрудничества трех секторов — частного, смешанного и государственного.

Особое внимание в Хартии было уделено вооруженным силам. Это вполне понятно, учитывая роль армии в становлении национальной государственности. Было отдано должное и «народной армии» за ее вклад в защиту революции, республики и разгром сил реакции. Служба в армии, отмечалось в Хартии, является «священной обязанностью каждого, кто достиг призывного возраста». Она «укрепляет у молодежи дух солидарности

и равноправия, чувство долга по отношению к Родине». Вопросы воспитания воинов Хартия связывала с необходимостью усвоения ими культурно-идеологического наследия йеменского народа, что должно было содействовать отказу от племенной приверженности, вырабатывать у солдат чувство патриотизма.

Значительное место в документе отводилось кооперативному движению, которое в Йемене «носит экспериментальный характер и пользуется определенными привилегиями». Отмечались два аспекта деятельности кооперативов: «совместный труд (в рамках кооперативов) имеет моральное значение — для сплочения общества — и материальное — для развития национальной экономики».

С нашей стороны следует отметить, что социальное значение северойеменских кооперативов было еще шире. Как уже упоминалось, активизация кооперативов со стороны властей началась во время правления аль-Хамди. В первую очередь она преследовала цель разрушить традиционные внутриплеменные связи и укрепить влияние центральной власти на местах. Наделив кооперативы экономическими и политическими полномочиями, солидной материальной базой (кооперативы получали 75% от закята и 3% от таможенных пошлин), власти ЙАР стремились противопоставить авторитет кооперативных организаций влиянию на рядовых соплеменников шейхов и родо-племенной знати. Кооперативы не только прокладывали дороги, строили школы и больницы, озеленяли города, участвовали в осуществлении крупных государственных проектов, но и играли ведущую роль в политических кампаниях, в пропаганде курса правительства.

Кооперативные организации защищали интересы трудящихся, пресекали произвол работодателей. Таким образом, они приобрели отдельные черты и профсоюза, и политической организации. Благодаря росту популярности кооперативов произошло расширение опоры государственной власти в низших эшелонах общественной организации. Приобщившись к деятельности кооперативов, масса сельских жителей была интегрирована в общенациональный политический и экономический процесс.

На последующих этапах национального строительства значение кооперативов еще более возросло: расширились их экономические функции, повысилась роль в организации политических движений масс. Со второй половины 80-х годов, используя кооперативы и ВНК, государство стало проникать на самый низкий уровень административной власти, прежде целиком находившейся в руках местных шейхов. Не случайно председателем Всеобщей федерации кооперативных союзов развития является сам президент республики.

Во внешнеполитической части Хартия провозглашала принципы неприсоединения, мирного сосуществования и позитивного нейтралитета. В ней выражалось стремление ЙАР к развитию дружественных отношений и экономического сотрудничества со

всеми государствами мира, особенно с братскими странами Аравийского полуострова и Персидского залива. Провозглашалось, что ЙАР «солидарна с развивающимися странами в их борьбе за новый мировой экономический порядок» и готова оказывать «поддержку национально-освободительной борьбе народов», и прежде всего палестинскому народу. Отвергалась политика расовой дискриминации. Хартия призывала народ «быть осторожным и бдительным, чтобы не стать жертвой неоколониализма, который под новой маской прячет старую сущность колониализма, ставя своей целью экономическое и идеологическое проникновение». Хартия высказалась за объединение двух частей Йемена и «создание в кратчайшие сроки единого процветающего йеменского государства».

Среди прочих политических документов, изданных в стране в течение рассматриваемого периода, Национальная хартия 1982 г. наиболее последовательно и полно выразила националистические воззрения правящих кругов республики. Это тем более интересно, что она содержит достаточно конкретный (хотя и далеко не во всем реалистический) план осуществления национального строительства. Поэтому мы можем назвать эту Национальную хартию программой растущего северойеменского национализма. Документ этот весьма характерен для политической практики развивающихся стран, обладающих авторитарными чертами правления, ориентированными на постепенные капиталистические преобразования. Поскольку правящий блок в ЙАР был тесно связан с феодальным способом производства, антифеодальные настроения выражены в Хартии очень слабо. Ведущая роль в национальном строительстве отводится государству. Ввиду крайне низкого уровня социально-экономического развития общества госкапиталистическая тенденция почти не нашла отражения в документе, хотя со временем она вполне может проявиться, поскольку государство выразило готовность взять на себя значительную часть бремени по созданию национальной экономики. Предпосылку успешного строительства современного государства составители Хартии видели в выдвижении на первое место национальных задач; сила же государства в их представлении в первую очередь ассоциировалась с армией.

Появление в Северном Йемене программы национального строительства было большим шагом по пути формирования современного общества.

Первый этап развития и преобразования страны должен был длиться четыре года и столько же продолжаться срок полномочий ВНК, после этого должны были состояться новые выборы.

Конгресс принял устав ВНК [168]. В нем ВНК определялся как «политический механизм, представляющий различные национальные слои и функционирующий на основе идеологической платформы, сформулированной в Национальной хартии».

Устав определял задачи Конгресса следующим образом:

«Развитие сознания граждан и создание условий для их политической активности в рамках Национальной хартии, борьба за осуществление ее целей и принципов», чтобы в конечном счете «обеспечить участие народа в решении важных вопросов жизни нации».

С принятием устава ВНК из разового собрания представителей широких слоев населения превратился в постоянный политический институт, наделенный чертами законодательного органа. Он также был призван осуществлять контроль над деятельностью провинциальных народных конгрессов. Согласно уставу, ВНК должен был собираться на свои сессии раз в два года. Каждые четыре года его состав должен обновляться, причем 70% депутатов избирается населением, а 30% назначается президентом республики.

Устав определил условия, которым должны были отвечать выдвигаемые кандидатуры в ВНК: иметь йеменское гражданство, быть не моложе 21 года, отличаться «благопристойным образом жизни и поведения», не иметь судимости. В специальной статье отмечалось, что «членам ВНК не представляется каких-либо привилегий или прав, кроме тех, которые оговорены настоящим уставом в качестве задач и обязанностей ВНК и его органов различных уровней». Подчеркивалось, что все депутаты, независимо от того, избраны они или назначены, обладают равными правами. Устав зафиксировал обязанности генерального секретаря ВНК: «руководить работой ВНК и его различных органов для осуществления основных целей ВНК, отвечать за их деятельность». Генеральным секретарем был избран президент Салех.

В период между сессиями ВНК его функции, согласно уставу, возлагались на Постоянную комиссию из 75 членов, причем 50 из них избирались на Конгрессе путем прямого и тайного голосования, а 25 — назначались президентом. Председателем Постоянной комиссии ВНК открытым голосованием был избран президент Салех.

Тогда же был принят «Внутренний устав ВНК и положение о составляющих его структурах» [132]. Этот документ повторил в расширенном виде основные статьи устава ВНК. Интерес представляют те статьи внутреннего устава, в которых говорится о задачах и полномочиях специальных комиссий. Таких комиссий было создано четыре: политическая, по вопросам культуры и «моральной ориентации», по экономике, по административным вопросам и общественному устройству. В обязанность им было вменено оказание помощи Постоянной комиссии «в деле проведения исследований, разработки предложений и директив, проектов планов и программ», направленных на осуществление положений Национальной хартии и резолюций ВНК. Каждая из комиссий включала от 7 до 11 членов Постоянной комиссии. Из своего состава они выбирали председателя.

Политическая комиссия занималась подготовкой мероприятий, имевших отношение к проблеме йеменского единства, решению национальных, исламских и международных вопросов, организации идеологической работы и т. д.

В обязанности Комиссии по вопросам культуры и моральной ориентации входила пропаганда Национальной хартии среди народных масс для «воспитания в них сознательности», разработка планов политических кампаний, «расширение каналов связи с народом путем развития агитации и пропаганды» и пр. В ее ведении находились печать, радио и телевидение.

Касаясь деятельности Комиссии по вопросам культуры и моральной ориентации, внутренний устав подчеркивал необходимость уделять больше внимания «особенностям йеменского мусульманского общества, насаждать демократические ценности»; вести борьбу с течениями, «подрывающими основу национального мировоззрения, образа жизни, принципов и ценностей»; выступать против инакомыслия; развивать у граждан «религиозный и патриотический дух, с тем чтобы еще более укреплять в них любовь к Аллаху и Родине»; «сплачивать граждан и государство» — чтобы каждый человек научился уважать государство, сохранять общественное имущество, памятники культуры и истории, честно выплачивать налоги.

Таким образом, Комиссии по вопросам культуры предстояло внести большой вклад в строительство централизованного государства. Она должна была содействовать формированию нового гражданина в соответствии с идеологией и принципами Национальной хартии, главным содержанием которой было установление приоритета национальных проблем над племенными, клановыми и религиозными. Осуществляя пропагандистскую, просветительскую и воспитательную работу с населением, Комиссия должна была организовать «взаимодействие государства и народа». Ей доверялся контроль над информацией и культурой, образованием и научными учреждениями, общественными, профессиональными и спортивными организациями, органами планирования, социальных дел и труда, а также над организацией, занимавшейся делами йеменцев за рубежом. Вся эта обширная деятельность, говорилось во внутреннем уставе, должна служить идее «сплочения в единый фронт гражданина и государства» на политическом, экономическом и социальном направлениях.

Анализируя деятельность Комиссии по вопросам культуры и моральной ориентации, следует иметь в виду, что на предстоящем этапе главным объектом модернизации в ЙАР должна была стать деревня. В отличие от городов сельские районы представляли собой почти не тронутую современными веяниями целину, где царили феодально-племенные связи и воззрения. Перестройка системы управления должна была носить глубинный характер. Под ее воздействием должна была произойти ломка традиционных структур, с тем чтобы в дальнейшем пересмотру подверглись и старые связи, и старый образ жизни и

мышления и началось формирование новой личности с иными запросами и представлениями.

Немаловажное значение имело избрание президента республики генеральным секретарем ВНК и председателем Постоянной комиссии. По официальным сообщениям, эта мера предусматривала «установление доверия, взаимопонимания и координации между государственными органами и ВНК». Этим, однако, смысл ее не исчерпывался. Ее следует рассматривать в русле последовательно осуществлявшихся руководителями республики мероприятий, направленных на укрепление центральной власти, которая во все большей степени сосредоточивалась в руках президента Салеха. Процесс этот заслуживает двойственной оценки. С одной стороны, он увеличивал опасность установления в стране диктатуры, которая затормозила бы общественное движение в сторону политической активизации все более широких слоев населения; с другой — в нем выявилась тенденция к складыванию более однородной правящей верхушки менее консервативного толка. Хотя военные и занимали ведущие посты в государственном аппарате, армия в Северном Йемене не являлась «политическим гегемоном складывающейся нации и государства» [58, с. 78]. Она не могла выступить в этой роли, хотя такие особенности северойеменского общества, как неразвитость современных социально-классовых структур, отсутствие политических партий и пр., казалось бы, давали ей эту возможность. Препятствием на ее пути стояло наличие все еще крепкой племенной структуры, под воздействием которой в правящий блок кроме тяготевших к армии буржуазных кругов вошла и феодально-племенная аристократия. Укрепление позиций Салеха давало ему возможность успешнее противостоять давлению консервативных сил и более последовательно проводить курс на модернизацию страны.

Создание ВНК и принятые им документы ознаменовали новый этап в общественно-политическом развитии ЙАР. Руководство страны рассчитывало, что направляемая Национальной хартией деятельность ВНК приведет к укреплению позиций существующего режима, повысит политическую сознательность масс и расширит их участие в «построении общества социальной справедливости и демократии». Конгрессу был вверен контроль над всеми политическими, социально-экономическими, идеологическими и культурными преобразованиями, осуществлявшимися в стране.

В конце декабря 1982 г. на второй сессии Постоянной комиссии была принята Политическая программа ВНК, выработанная на основе принципов Национальной хартии. Ей обязаны были следовать все граждане ЙАР. Заметим, что Политическая программа запрещала «политическую деятельность в стране вне законных рамок ВНК и парламента» [76, с. 7—121].

В январе — марте 1983 г. были созданы отделения ВНК в провинциях, а в конце 1984 г.— в уездах и в столице. Так же

как и в ВНК, 70% членов отделений должны избираться, 30% — назначаться руководством республики каждые четыре года.

С целью повышения политической сознательности масс и расширения их участия в общественной жизни на третьей сессии Постоянной комиссии ВНК в апреле 1983 г. было принято решение о повсеместном изучении Национальной хартии на семинарах политпросвещения. Семинары организовывались на предприятиях, в учреждениях, воинских частях и кооперативах под наблюдением отделений ВНК и самого ВНК. Для более целенаправленного и глубокого изучения положений этого основополагающего документа на четвертой сессии Постоянной комиссии в августе 1983 г. был рассмотрен вопрос о создании общегосударственного Института по исследованию Национальной хартии.

Вовлечение в политическую жизнь новых слоев народа поставило на повестку дня вопрос о создании общественных и профессиональных организаций. Были образованы союзы медицинских работников, журналистов и писателей, авиаработников, Общество йеменских женщин, молодежные и спортивные организации. Некоторые из них, например Союз йеменских писателей и литераторов, стали общим для обоих йеменских государств.

Значительным событием в общественно-политической жизни страны явился проходивший в Сане в апреле 1984 г. учредительный съезд Всеобщей федерации рабочих. На нем были избраны руководящие органы Федерации — Высший совет и Исполнительное бюро, утвержден внутренний устав, рассмотрены вопросы, связанные с повышением образовательного уровня рабочих и усовершенствованием культуры их труда.

В 1981 г. было завершено выполнение первого пятилетнего плана. Основное внимание в ходе его осуществления было уделено развитию коммуникаций, промышленности и сельского хозяйства. В этот период происходил рост цен на нефть на мировом рынке, в связи с чем значительно увеличился поток миграций йеменской рабочей силы в соседние нефтедобывающие страны, прежде всего в Саудовскую Аравию. Это привело к притоку иностранной валюты, шедшей на покрытие дефицита платежного баланса и на погашение внешнего долга.

В 1982 г. страна приступила к реализации второго пятилетнего плана развития страны (1982—1986). В течение этого периода еще большая часть инвестиций была направлена в производственные отрасли. Основной упор был сделан на сельское хозяйство, являющееся опорой национальной экономики, и горнодобывающую промышленность. Эти мероприятия содействовали увеличению производства продуктов для нужд населения и сырья для развивающихся отраслей промышленности. Благодаря им удалось ликвидировать разрыв между производством и потреблением. Во время второй пятилетки большее внимание было уделено подготовке национальных кадров.

Финансирование второго пятилетнего плана, так же как и первого, происходило за счет кредитов, займов и помощи, предоставляемых иностранными государствами, международными компаниями и фирмами, среди которых главенствующую роль играла Саудовская Аравия.

В течение второй пятилетки (как и первой) заметно активизировался частный сектор, особенно в сфере торговли и услуг. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время. Государственный же сектор еще не получил значительного развития; он занимает ведущие позиции только в сфере инфраструктуры и энергетики.

Правительство Салеха осуществило ряд важных социальных мероприятий, стремилось поднять жизненный уровень населения. В 1979 г. оно повысило заработную плату всем категориям государственных служащих. Был принят закон о социальном страховании. В октябре 1980 г. был опубликован закон о пенсионном обеспечении военнослужащих. Правительство прилагало усилия для осуществления контроля над ценами, ведя борьбу с дороговизной. Оно выделяло для этих целей необходимые средства из госбюджета.

В декабре 1981 г. после многочисленных встреч и дискуссий совместная конституционная комиссия из представителей ЙАР и НДРЙ утвердила проект конституции единого йеменского государства. «Проект конституции,— заявили они,— является порождением, с одной стороны, устремлений народных масс, а с другой — объективных причин, обусловливающих особенности политической, экономической и социальной жизни Йемена» [249, 21.01.1982].

Среди этих причин большое значение отводилось исламу. В связи с этим возникает вопрос: какова была его роль в разворачивавшемся политическом процессе. Обращаясь к прошлому, мы видим, что, несмотря на религиозные распри, существовавшие в северейеменском обществе, ислам был одним из важных объединяющих факторов. Авторы проекта исходили из того, что и в ЙАР и в НДРЙ традиционные ценности, в первую очередь исламские, сохранили значительный авторитет. Поэтому вполне естественным было обращение к исламу сторонников создания единого йеменского государства. В то же время апелляция к исламу рассматривалась ими как противопоставление «извращенного» ислама изначальному, истинному, на возрождение которого направлено данное национальное движение.

Следует оговориться, что проект конституции единого Йемена был опубликован полностью только в декабре 1986 г. До этого же в прессе ЙАР публиковались лишь отдельные выдержки из него, в том числе в посвященной проекту статье Мухаммеда аль-Мухакари «Конституция единства. Шариат и его жизнеспособность», опубликованной в газете «Талята ашр юнию» (Сана, 21.01.1982). Автор высказывает свою точку зрения по ряду проблем исламской политической мысли в связи с проектом конституции, который, по-видимому, был ему известен. Ислам — это и закон и мировоззрение, пишет он. Потому «общество, опирающееся на ислам, должно придерживаться определенного образа жизни», который тесно связан с законом. Поэтому и конституция должна нести в себе «дух шариата». Это явится залогом того, что «режим единого государства будет чисто йеменским, будет опираться на йеменские и исламские принципы... Именно к этому стремилась конституционная комиссия, именно это было воплощено в проекте конституции».

Поскольку люди строят свою жизнь на принципах, в которые они верят, писал аль-Мухакари, они «будут отвергать взгляды, противоречащие этим мировоззренческим и практическим принципам». Это не означает, замечает он, «отрицания современности, будущего», но только в том случае, если они не противоречат исламской идеологии. Под взглядами, противоречащими исламу, автор имел в виду современные политические концепции, которыми руководствовались прогрессивные демократические силы ЙАР и на которых стоит Йеменская социалистическая партия в НДРЙ.

Интересно отметить, что, делая акцент на «йеменских и исламских принципах», на «духе шариата», аль-Мухакари вместе с тем отмечает, что «считать шариат главным источником конституции не означает рядить ее в обветшалые одежды». Поскольку ислам как мировоззрение весьма гибок (в арабском мире существует даже выражение «ислам годен для любой эпохи»), согласованность религиозных канонов и требований времени очень возможна. Автор приводит в пользу этого соображения еще один довод: «Шариат, с одной стороны, производное от Корана и сунны, а с другой — плод человеческой мысли». Последнее, по его мнению, обусловило способность шариата к развитию, обновлению.

Вторым источником конституции, пишет аль-Мухакари, является йеменская действительность. «Если мы признаем закономерность конституционного строя», который основывается на принципах исламского шариата и йеменской действительности, то это, по его словам, будет свидетельствовать о том, что «ислам как главный источник всех законов не является застывшей догмой, что возможно установление соответствия между его сутью и повседневной реальностью». Правда, автор тут же оговаривается, что под «повседневной реальностью» надо понимать не что иное, как «исламскую реальность». В конце статьи автор пишет: «Благодаря народному характеру конституции возникает возможность сохранять ее и передавать из поколения в поколение».

Как писала английская «Таймс», совместная конституционная комиссия согласовала ряд принципиальных вопросов и разработала многие детали проекта, однако проблема окончательной формы союза двух Йеменов так и осталась открытой, ее предстояло решить президентам двух стран [287, 18.12.1981].

В изложении аль-Мухакари проект представляется довольно расплывчатым и эфемерным. Видимо, этот документ скорее имел смысл политической декларации о «готовности» Северного и Южного Йемена объединиться и в качестве такового формулировал самые общие основания для их сближения, но отнюдь не преследовал действительного объединения. Заметим, что «единый фронт» ЙАР и НДРЙ в международных делах содействовал росту престижа обеих участвовавших сторон. Этому же способствовали частые встречи глав двух государств и правительств.

В начале 80-х годов в Северном Йемене были приняты документы и осуществлены практические мероприятия в русле государственного строительства, ознаменовавшие завершение важного этапа национального становления. Документы, в первую очередь Национальная хартия, были направлены на закрепление нового соотношения социальных и политических сил, создание системы органов власти, защищающих страну от неожиданных политических поворотов. С этим, в частности, была связана практика назначения части членов выборных государственных органов. Понимая невозможность осуществления национальных задач без привлечения к нему широких масс и в то же время не доверяя им, правящая элита ЙАР провозглашала определенные демократические принципы в управлении страной, однако демократизм имел ограниченный характер.

Отметим также, что к моменту революции 1962 г. национа-листическая идеология у ее потенциальных носителей в Северном Йемене существовала лишь в зачаточной форме, поэтому процесс складывания национального государства и вызревание националистических представлений происходили в ЙАР одновременно. К началу 80-х годов, с одной стороны, завершилось образование основных структур централизованного государственного аппарата, который фактически носил общейеменский характер, с другой — в среде правящего блока сил национализм в сочетании с исламом занял место господствующей идеологии и в качестве таковой приобрел даже силу закона. Это во многом определило дальнейший путь развития Северного Йемена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение постараемся дать общую характеристику тем коренным изменениям в жизни северойеменского общества, которые лежали в основе политического процесса на протяжении двадцатитрехлетнего периода после революции 26 сентября 1962 г. Не касаясь непосредственно экономических проблем (существенные изменения в этой области, происшедшие за эти годы, заслуживают специального исследования), остановимся на социальных сдвигах, обусловивших политическую эволюцию, которая привела в начале 80-х годов к образованию централизованного государства, взявшего курс на создание основ современной национальной экономики.

Хотя в предреволюционные годы Северный Йемен не стал жертвой прямой колониальной эксплуатации, политика империалистических держав, прежде всего Англии, воздействовала на характер развития северойеменского общества, обусловив его застойность. Проводившаяся имамами политика самоизоляции ставила своей целью в первую очередь защиту страны от проникновения империалистических держав и монополий, стремившихся подчинить ее своему влиянию. Оборотной стороной этой политики была консервация отсталых социально-экономических отношений, унаследованных от прошлого обычаев и традиций. В результате вплоть до начала второй половины XX в. в стране господствовал феодальный способ производства при сохранении остатков дофеодальных укладов на фоне появления первых ростков капитализма. Бóльшая часть сельского населения продолжала жить в условиях родо-племенной организации, что накладывало значительный отпечаток на социально-экономическую и общественно-политическую жизнь страны. Консерватизм племенной знати создавал жесткую преграду на пути любых прогрессивных устремлений, а представленные племенами центробежные сепаратистские тенденции едва сдерживались централизаторскими усилиями имамского режима и лишь настолько, чтобы сохранять видимость единого государства.

Дезинтегрирующее воздействие на северойеменское общество оказывали в условиях господства в стране феодально-клерикальной зейдитской верхушки зейдитско-шафиитские противоречия. Члены шафиитской общины подвергались религиозной, политической и прочей дискриминации. Недовольство шафиитов не всегда находило себе выход, но подспудно продолжало существовать.

Процесс развития северойеменского общества существенно

тормозился наличием традиционных социальных группировок иерархического характера, которые значительно затрудняли складывание нового, буржуазного общества. Перечисленные типы традиционных связей глубоко укоренились в сознании подавляющего большинства жителей Северного Йемена. Эти связи мешали вызреванию у них классового самосознания. Более того, сложившиеся в условиях «закрытого общества», они игнорировали существование внешнего мира и оставляли мало места национальному самосознанию.

При всей ограниченности националистической идеологии, она, несомненно, в большей степени, чем традиционалистская, соответствовала целям модернизации общества. Взятая на вооружение сторонниками ускоренного развития, она своим острием была направлена против империалистических притязаний на суверенитет страны, а внутри — против некоторых традиционных стереотипов, обусловивших разобщенность и раздробленность северойеменского общества.

К моменту революции 1962 г. в северойеменском обществе уже начался медленный процесс вызревания предпосылок крушения общественного строя, построенного на традиции. Деревня в основном сохраняла феодальные черты, но и в ней уже появились первые хозяйства, использовавшие наемную рабочую силу и современную сельскохозяйственную технику и ориентированные на производство товарных культур. В промышленности, облик которой определяли кустарно-ремесленные мастерские и простейшие мануфактуры, можно было встретить предприятия, на которых использовался труд нескольких десятков нанятых рабочих. Поскольку Северный Йемен играл роль сырьевого придатка развитых капиталистических стран, он понемногу втягивался в международное разделение труда; однако внешняя торговля, дававшая наибольшую прибыль, была практически монополизирована узким кругом лиц, тесно связанных с зейдитской аристократией и членами имамской семьи. Следует отметить, что это «вторжение» феодальных норм в сферу предпринимательства вызывало особенно резкое недовольство у представителей национального торгового капитала.

По мере постепенного развития внешних контактов современные идеологические течения находили благодатную почву в сфере «новой оппозиции» Северного Йемена, которая формировалась из представителей национальной и мелкой буржуазии, средних городских слоев. Именно этим элементам суждено было стать главными выразителями идеи переустройства общества. Основное препятствие на пути общественного прогресса они видели в деспотической власти короля-имама и в господстве зейдитской олигархии.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что связанные с генезисом капиталистического производства классы находились только на стадии становления и охватывали, даже вместе с непосредственно тяготевшими к ним социальными слоями, крайне

незначительное меньшинство населения. Но антиимамские настроения выходили далеко за пределы того относительно узкого круга, который объединял силы, заинтересованные в капиталистическом пути развития.

Успех революции был связан с действием в северойеменском обществе таких дезинтегрирующих факторов, как межплеменная рознь, противоречия между поддерживавшими имама силами, религиозные разногласия и пр. Поэтому блок сил, пришедший к власти после свержения монархии, был крайне неоднороден и включал группировки, выражавшие антагонистические, взаимоисключающие интересы.

С учетом сказанного мы можем констатировать, что антимонархическая революция 26 сентября 1962 г. уничтожила один из важных оплотов господства в стране отживших отношений — зейдитскую теократию. Нанеся удар по феодальному деспотизму, революция способствовала ослаблению традиционных связей, облегчив тем самым становление новых, буржуазных отношений. Однако, несмотря на революционные декреты, направленные на ликвидацию религиозной розни, традиционной социальной иерархии и пр., эти связи продолжали быть важным фактором северойеменской действительности и в 80-х годах.

Хотя революция 1962 г., несомненно, носила буржуазный характер, здесь необходимо сделать ряд оговорок. Точнее будет считать переворот 26 сентября «верхушечной буржуазной политической революцией», которая была «лишь частным моментом общего процесса длительной буржуазной социальной революции» [25, с. 156]. Революция в условиях Северного Йемена приняла крайне затяжной характер, что было связано в первую очередь со слабостью и неразвитостью местной буржуазии и огромным удельным весом архаических традиционных реалий. В результате почти за четверть века существования республики проблема ликвидации или трансформации феодального способа производства, в частности в земледелии, ведущей отрасли северойеменской экономики, так и осталась нерешенной. Не было предпринято ни одной серьезной попытки хотя бы частичной ломки старых аграрных отношений.

Эта особенность развития ЙАР в значительной степени была связана с огромной ролью в ней феодально-племенной верхушки. В годы гражданской войны республиканское руководство, хотя и собиралось провести достаточно радикальные преобразования общества, не могло пойти на ущемление позиций феодального класса, поскольку остро нуждалось в поддержке племен. В последующие годы феодально-племенные слои, прочно захватив командные высоты в государственно-административном аппарате, решительно выступили против любых попыток слома традиционных социально-экономических отношений. Что касается периода, начавшегося с приходом армии к власти в 1974 г., то проводившаяся ею политика национально-государственной интеграции была связана с поисками «формулы компромисса

основных компонентов „комбинированного" (или многоукладного.— *Е. Г.*) общества» [56, с. 86]. В отношении феодально-племенной верхушки этот компромисс означал акцент на преодоление ее сепаратистских тенденций — при терпимом отношении к ее экономическим интересам, связанным с феодальной собственностью на землю.

В то же время сохранение прежних аграрных отношений было связано и с позицией крестьянства. В северных и северо-восточных районах страны, где племенная структура оставалась еще достаточно прочной, а рядовые соплеменники находились под сильнейшим идеологическим и политическим влиянием родо-племенных верхов, главным образом шейхов племен, крестьяне не выступали с требованием пересмотра существовавших феодальных отношений. Напротив, в центральных и южных районах страны, где племенная структура претерпела известную трансформацию, а феодальный гнет был намного сильней, чем на севере, крестьяне выступили за изменение существовавших средневековых порядков. Однако под влиянием крайне радикальных лозунгов Национально-демократического фронта их политическая деятельность приняла такие формы, что спровоцировала жестокую расправу над ними со стороны регулярной армии и сил «Исламского фронта».

В 80-е годы вопрос аграрных преобразований встал в Северном Йемене весьма остро. Хотя созданные властями ЙАР кооперативные союзы и содействуют развитию деревни, а решения правительства о передаче 75% закята кооперативам, несомненно, подрывают традиционные земельные отношения, коренные аграрные преобразования еще ждут своей очереди.

Модернизация северойеменского общества после революции 1962 г. осуществляется поэтапно. На первом этапе центральное место занял процесс национально-государственной интеграции. Собственно, эта проблема и составляет основное содержание настоящей работы.

Идеологической основой такой интеграции стал национализм. В Северном Йемене в рассматриваемый период националистическая идеология переживает начальную фазу своего становления, хотя ее зарождение относится еще к первой трети XX в. (тогда на пути ее превращения в господствующую идеологию стояла расчлененность северойеменского общества на племенные, религиозные, традиционно иерархические группы).

Одним из важных достижений революции 1962 г. явилось более широкое приобщение Северного Йемена к общемировым процессам. Революция пробудила северойеменское общество от средневековой спячки, способствовала втягиванию широких масс населения в политическую жизнь. Все это вело к пробуждению национального самосознания, однако процесс этот развивался весьма медленно и к концу рассмотренного в работе периода еще не завершился.

Важным этапом на пути его развития явилась гражданская

война. Необходимость вести борьбу с монархистской контрреволюцией сплотила вокруг правительства широкие слои прогрессивной общественности. Защиту республики они воспринимали как свой национальный, патриотический долг. Гражданская война способствовала также ослаблению до некоторой степени племенной замкнутости, поскольку племена оказались втянутыми в национальный процесс. Заметим, что активизации национальных чувств йеменцев содействовало присутствие на территории ЙАР египетских вооруженных сил.

В следующий за гражданской войной период вновь произошло оживление центробежных тенденций, когда активизировались сепаратистские устремления феодально-племенной верхушки. Борьба против нее национально-патриотических сил велась под лозунгом «национального единства».

Эта борьба прошла два этапа. На первом этапе шейхи племен пытались занять ведущее место в руководстве республики. Когда эти претензии оказались несостоятельными, они стали защищать свои привилегии на местах — в племенах, стремясь, чтобы власть центрального правительства там носила чисто номинальный характер, как это было во времена имамата. К началу 80-х годов руководство ЙАР добилось известных успехов в деле ограничения влияния племенной верхушки; при содействии кооперативов на территориях племен начала действовать республиканская администрация. Однако это лишь первые шаги в направлении ослабления действия племенного фактора. Устойчивость традиционных представлений требует от руководства ЙАР постоянно учитывать потенциальные возможности влияния этого фактора на жизнь страны.

Борьба с племенным сепаратизмом оказала существенное воздействие на развитие политического процесса в Северном Йемене. Она способствовала наполнению реальным содержанием лозунга «национального единства». Это создало благоприятную почву для мобилизации национальных ресурсов на выполнение задач экономического строительства. Экономические мероприятия 70-х — начала 80-х годов (связанные в первую очередь с развитием инфраструктуры) приблизили глубинные районы страны к центральным городам, включив их в процесс общенационального развития, содействовали преодолению племенной и экономической замкнутости. Они ознаменовали важный шаг страны по пути к созданию национального рынка.

Следует, однако, помнить, что оборотной стороной лозунга «национального единства» является смазывание социальных противоречий и что на определенном этапе националистическая идеология становится тормозом роста политического сознания масс.

Известно, что в многоукладных обществах, в условиях «общей структурной раздробленности общества, отсутствия сформировавшегося гражданского общества, хотя бы сколько-нибудь значительного и сильного национального уклада, который мог бы

стать непосредственным базисом государства, объективная потребность в преодолении разобщенности компенсируется за счет централизации самой надстройки. На начальных этапах независимого развития эта централизация в странах Востока с объективной неизбежностью приобретает характер авторитарности» [56, с. 86].

В условиях Северного Йемена с его архаичными, традиционными структурами, сохранившимися на уровне базиса и во всей системе политической надстройки, их модернизация требовала от государства особенно энергичных усилий. Силам, пришедшим в результате революции к власти, не удалось создать пригодную для этого структуру государственного управления. Это объяснялось тем, что лидеры того периода пытались перенести на йеменскую почву опыт, заимствованный в Египте. Естественно, этот эксперимент потерпел провал, поскольку уровень социально-экономического и общественно-политического развития, традиции и обычаи двух стран были различны. Его деструктивные последствия выявились в форме активизации влияния феодально-племенной верхушки на политическую жизнь страны. Если до революции ее притязания на власть ограничивались пределами племенных территорий, то теперь они выросли до масштабов государства, что явилось своего рода «побочным» продуктом разрушения племенных рамок в ходе гражданской войны. Характерно, что во время войны представители племенной верхушки не выступали, как правило, против республиканской формы правления, а добивались сосредоточения в своих руках всей полноты законодательной и исполнительной власти. Одновременно они выступали за расширение своих привилегий на местах, с тем чтобы полностью утвердить автономию племен.

Этот внутренний противоречивый курс привел страну к острому социально-экономическому и политическому кризису, в результате которого у власти оказалась армия.

В связи с этим остановимся на той специфически значительной роли, которую сыграла в истории становления северойеменского режима армия.

Йеменское офицерство включилось в политическую деятельность еще задолго до революции 1962 г. Среди прочих представителей так называемой новой интеллигенции его отличала относительная многочисленность (влиятельные шейхи воинственных племен охотно посылали своих сыновей за границу, чтобы дать им военное образование), относительно высокий образовательный уровень, профессиональная склонность к решительным действиям, политическая активность. Все это позволяло им не без успеха претендовать на авангардную роль в политической жизни страны, что наиболее ярко проявилось во время революции 26 сентября.

В ходе гражданской войны роль армии в жизни республики выросла еще более. Не только офицеры, но и рядовые солдаты, не теряя связи со своей социальной средой, начали все более

полно отождествлять себя с государством, интересы которого защищала армия. Поскольку центральная власть сознавала себя общенациональной силой, армия также видела свое призвание в защите общенационального дела.

Когда находившийся у власти блок сил обнаружил свою несостоятельность в деле обеспечения стабильности и сохранения независимости страны, армия ЙАР была уже внутренне готова взять на себя ответственность за судьбу республики. Следуя своим представлениям о себе как о силе национальной, она повела страну по пути национального самоутверждения. Нужно оговориться, что при существовавшей в стране расстановке сил (вследствие чего даже в условиях руководящей роли армии) правительственный курс не всегда отличался последовательностью. Консервативные элементы влияли на северойеменскую армию не только извне: сама армия, множеством нитей связанная с племенами, в критических ситуациях может распадаться по признаку племенных связей.

Режим, сформировавшийся в Северном Йемене под эгидой армии, по целому ряду характеристик тяготеет к авторитарному военно-бюрократическому, хотя на протяжении рассматриваемого периода и не сформировался в него окончательно. Как это свойственно режимам подобного типа, ставя перед собой цели преодоления отсталости и модернизации общества, он стремится осуществить их, опираясь на надстройку. Государство, государственный аппарат (военный и гражданский) стали основной формой организации национальных сил, а революционный процесс принял форму распространения новой государственности на всю территорию страны. Укрепляя свои позиции, государство стремится поставить себя над обществом, видя свое первоочередное назначение в выполнении универсально интегрирующей функции. Эта сверхзадача обязывает его «играть активную формирующую и созидательную роль практически на всех „этажах“ общества» [56, с. 86].

На первом этапе строительства «государства закона и порядка» усилия режима были направлены на сокращение влияния наиболее упорных и последовательных носителей центробежной тенденции — шейхов племен. Им была объявлена негласная война, приведшая к отстранению многих из них с ответственных постов, установлению строгого контроля над их экономической деятельностью и т. д. В то же время, понимая, что успешное строительство государства возможно только при поддержке со стороны широких кругов традиционалистских сил, руководство попыталось создать такие органы власти, которые были бы близки «по своим внешним проявлениям основной массе населения» [56, с. 86].

Стремясь привлечь на свою сторону буржуазные слои, республиканские власти внедряют некоторые буржуазные институты — создают «правительственную партию», принимают конституцию, проводят выборы. Одновременно они активно используют

в своих интересах традиционные ценности, в первую очередь ислам. Смысл этой политики исходит из прочности мусульманской общины в ЙАР, в которой ислам играет роль интегрирующего фактора, а также освящает легитимность власти.

Дальнейшее развитие северойеменского общества будет в значительной степени зависеть от правильного и разумного соотношения проводимой политики модернизации и сохранения самобытности йеменского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

[1] В Северном Йемене представлено как шиитское направление ислама сектами зейдитов и исмаилитов, так и суннитское — шафиитским толком. Зейдиты населяют преимущественно горные районы Северного и Среднего Джебеля, шафииты — Южный Джебель, Тихаму (прибрежный район) и Машрик (загорный район на востоке страны), исмаилиты вкраплены на территориях расселения как первых, так и вторых. В ходе складывания единого государства шафиитская часть населения была насильственно подчинена власти зейдитского имама.

[2] Движение «Свободные офицеры» зародилось после неудачной попытки армии произвести переворот в 1955 г. Организация формально сложилась в Сане в 1961 г. в условиях подполья. В ее состав вошли офицеры армии и полиции, а также курсанты военного училища.

[3] Приведенный численный и поименный состав СРК, а также Совета министров в данных источниках разнится. Упомянутые ниже сведения об их социальном положении и происхождении почерпнуты автором из личных бесед с представителями йеменской общественности

[4] «Свободные йеменцы» — движение либералов-конституционалистов — зародилось в начале 30-х годов в Йемене. С начала 40-х годов деятельность организации переместилась за рубеж. Первоначально «Свободные йеменцы» выступили за конституционную монархию, а в середине 50-х годов высказались за создание в стране республики (подробнее об этом см. [35. с. 103—118]).

[5] 21 апреля 1956 г. в Джидде между тремя странами был заключен Договор о совместной обороне, ставивший своей целью обеспечить защиту их от агрессивных планов империализма. Однако вследствие разной внутри- и внешнеполитической ориентации его участников в 1962 г. сложилась довольно своеобразная ситуация: ссылаясь на Джиддинский договор, Египет оказывал военную помощь республиканскому правительству Йемена, в то время как Саудовская Аравия — монархической контрреволюции.

[6] В то же время такая постановка вопроса оказалась правомерной для Южного Йемена, где ко времени завоевания независимости, т. е. к 1967 г., традиционная социальная структура под влиянием длительного господства английских колонизаторов претерпела значительные изменения.

[7] Это подтверждается, в частности, приводимым в книге «Хронология йеменских событий за четверть века», опубликованной в 1987 г. в Сане, поименным списком Президентского совета, сформированного, по всей вероятности, в связи с назначением ас-Саляля президентом республики. Из 32 человек 13 членов Совета являлись представителями шейхов племен [66а, с. 96].

[8] Союз йеменских народных сил — политическая организация зейдитских сейидов и их сторонников, оформившаяся незадолго до революции 1962 г. Выступала за сохранение имамата во главе с эмиром аль-Хасаном. Впоследствии получила название «третьей силы».

[9] К осени 1963 г. в ЙАР действовал Всеобщий профсоюз рабочих Таизза (ВПРТ), объединивший рабочих различных специальностей. Датой его возникновения считается 1 мая 1963 г., а официального признания — середина июля того же года. Спустя несколько месяцев подобные профсоюзы появились и в других городах республики.

[10] Документ любезно предоставлен автору губернатором провинции Сана и шейхом племени бени матар Ахмедом Али аль-Матари и вводится в науч-

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма *

1. *Ленин В. И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции.— Т. 33.
2. *Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39.
3. *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк).— Т. 27.
4. *Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении.— Т. 30.
5. *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу.— Т. 24.
6. *Ленин В. И.* О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве.— Т. 20.
7. *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение.— Т. 25.
8. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности.— Т. 3.
9. *Ленин В. И.* Тетради по империализму.— Т. 28.
10. *Ленин В. И.* Тезисы по национальному вопросу.— Т. 23.
11. *Ленин В. И.* Тезисы по II Конгрессу Коммунистического Интернационала.— Т. 41.
12. *Маркс К.* Британское владычество в Индии.— Т. 9.
13. *Маркс К.* Документы о разделе Турции.— Т. 10.
14. *Маркс К.* Западные державы и Турция.— Т. 10.
15. *Маркс К.* Капитал. Т. I — Т. 23.
16. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Письма.— Т. 28.
17. *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма.— Т. 22.
18. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
19. *Энгельс Ф.* Протекционизм и свобода торговли. Предисловие к брошюре: Карл Маркс. Речь о свободе торговли.— Т. 21.

Документы и материалы КПСС, международного коммунистического и рабочего движения

20. Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, 5—16 июня 1969 г. М., 1969.
21. Материалы по национально-колониальным проблемам. Вып. 2. М., 1933.
22. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС.— Правда. 07.03.1986.

Документы, источники, литература

а) на русском языке

23. *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по Сочинениям, изд. 2, а В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

24. *Беляев Е. А.* Мусульманское сектантство. М., 1957.
25. Восток. Рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире. М., 1983.
26. *Брутенц К. Н.* Современные национально-освободительные революции. М., 1974.
27. *Гафуров Б. Г.* Актуальные проблемы национально-освободительного движения. М., 1976.
28. *Герасимов О. Г.* Йеменская революция. 1962—1975 гг. М., 1979.
29. *Голубовская Е. К.* Влияние нефтяного фактора на экономическое и социально-политическое развитие ЙАР.— Арабские страны: нефть и дифференциация. М., 1984; араб. пер.: *Голубовская.* Нафт доллар ва таасирихи аля татаввур аль-иктисади ва-ль иджтимаи ва-с сияси фи-ль Йаман.— Аль-Хикма аль-йамания. Аден, 1985, № 123; Аль-Йаман аль-джадид. Сана. 1987, № 7.
30. *Голубовская Е. К.* К вопросу о низших слоях в социальной структуре йеменского общества.— Арабские страны: История и современность. М., 1981; араб. пер.: *Голубовская.* Хауля масаля аль-фиат ад-динья фи-ль хейкал аль-иджтимаи ли-ль муджатамаа аль-йамани.— Дирасат йамания. Сана, 1984, № 17; Аль-Хикма аль-йамания. Аден. 1984, № 110.
31. *Голубовская Е. К.* К вопросу о создании некоторых общественно-политических организаций в Йемене.— Арабские страны. История. Экономика. М., 1970; араб. пер.: *Голубовская.* Хауля масаля аль-иншаа аль-муназзамат аль-иджтимаия ас-сиясия фи-ль Йаман.— Аль-Хикма аль-йамания. Аден, 1972, № 16.
32. *Голубовская Е. К., Котлов Л. Н.* Хауля татаввур фи муджатамаа аль-йамани.— Ас-Сакафа аль-джадида. Багдад, 1975, № 8—9; Ат-Талиа [ЙАР]. 1975—1976, № 2.
33. *Голубовская Е. К.* Государство и племена в Северном Йемене в 60—70-е годы XX в.— Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность. М., 1984; араб. пер.: *Голубовская.* Ад-Дауля ва-ль кабаиль фи шималь аль-Йаман фи-ль акд ассадис ва-ль сабиа мин аль-карн аль-ишрийн.— Дирасат йамания. Сана, 1988, № 31.
34. *Голубовская Е. К.* Размежевание социальных сил в йеменском республиканском движении на начальном этапе революции (26 сентября — 31 октября 1962).— История и экономика стран Арабского Востока и Северной Африки. М., 1975; араб. пер.: *Голубовская.* Ихтилаф аль-куввa аль-иджтимаия фи-ль харака аль-джумхурия аль-йамания фи-ль фитра аль-уля ассаура мин 26 себтембр — 31 октобр.— Дирасат йамания. Сана, 1987, спец. выпуск.
35. *Голубовская Е. К.* Революция 1962 г. в Йемене. М., 1971; араб. пер.: *Голубовская.* Саура ситта ва ишрин себтембр фи-ль Йаман. Бейрут, 1982.
36. *Голубовская Е. К.* Социально-классовый состав сил, пришедших к власти в результате революции 26 сентября 1962 г. в Йемене.— История и экономика стран Арабского Востока. М., 1973; араб. пер.: *Голубовская.* Ат-Таркиб ат-табаки ва-ль иджтимаи ли-ль куввa алляти васалят иля ас-султат натийджа саура ситта ва ишрин себтембр.— Ат-Талиа [ЙАР]. 1975, № 1; Ат-Талиа. Аден. 1981, № 3.
37. *Демченко П. Е.* Новый день Йемена. М., 1963.
38. Ежегодник БСЭ, 1979.
39. Заявление Посольства ЙАР в Москве по поводу последних событий в Йемене. М., 09.12.1967.
40. Информационный бюллетень Посольства НДРЙ в СССР.
41. *Котлов Л. Н.* Йеменская Арабская Республика (Справочник). М., 1971.
42. *Каид Мухаммед Тарбуш.* Высшие органы власти ЙАР. Канд. дис. МГУ, 1982.
43. *Калугин А. М.* Конституционное развитие ЙАР.— Новые конституции и конституционные реформы. М., 1978.
44. *Левин З. И.* Развитие арабской общественной мысли. М., 1984.
45. Материалы I съезда Йеменской социалистической партии. М., 1979.
46. *Мирский Г. И.* Третий мир: общество, власть, армия. М., 1976.

47. *Наумкин В. В.* Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию (1963—1969). М., 1980.
48. Новейшая история арабских стран. М., 1969.
49. Новейшая история Йемена. 1917—1982 гг. М., 1984.
50. *Першиц А. И.* Арабы Аравийского полуострова.— Советская этнография. 1963, № 3.
51. *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного кризиса. М., 1978.
52. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
53. Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие. М., 1983.
54. *Севортян Р. Э.* Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973.
55. *Сейранян Б. Г.* Йеменская Арабская Республика.— Страны Аравии. М., 1964.
56. *Симония Н. А.* Национально-государственная консолидация и политическая дифференциация развивающихся стран.— МЭМО. 1983, № 1.
57. *Тума Э.* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М., 1977.
58. *Ульяновский Р. А.* Современные проблемы Азии и Африки. М., 1976.
59. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

б) на арабском языке

60. *Абдалла Абд аль-Илля.* Накса ас-саура фи-ль Йаман. Дамаск, [б. г.].
61. *Абдалла Базиб.* Хазихи хия аль-кадыя фи-ль Йаман. Аден, 1963.
62. *Абдалла аль-Барадуни.* Аль-Йаман аль-джумхури. Дамаск, 1983.
63. *Абдалла Джузейлан.* Ат-та'арих ас-сирри ли-с саура аль-йамания. Бейрут, 1977.
64. *Аль-кади Абдалла бну Абд аль-Ваххаб аль-Муджахид аш-Шимахи.* Аль-Йаман: аль-инсан ва-ль хадара. Каир, 1972.
65. *Абдаррахман бну Яхья аль-Арьяни.* Аль-Йаман фи тарик ас-салям ва-ль бина. Сана, 1969.
66. *Абдаррахман аль-Байдани.* Асрар аль-Йаман. Каир, 1962.
66а. Абраз аль-ахдас аль-йамани фи руба карн. Дамаск, 1987.
67. *Аднан Тарсиси.* Аль-Йаман ва хадарат аль-араб. Бейрут, 1963.
68. *Адиль Рида.* Мухаваля ли фахм ас-саура аль-йамания. Каир, 1974.
69. Ара'ва тауджихат аль-кадыя аль-амма ли-ль куввat аль-масляха нахва аль-мархаля алляти тахарабуха билядина. Сана, 1971.
70. *Ахмед Джабер Афиф.* Аль-Харака аль-ватания фи-ль Йаман. Дираса ва васаик. Дамаск, 1982.
71. *Ахмед Мухаммед Нуман.* Ли наатамиду аля анфасина. Сана, 1971.
72. *Ахмед Мухаммед Нуман, Абдаррахман аль-Арьяни, Мухаммед Махмуд аз-Зубейри.* Ли хаза истакална. Сана, 1964.
73. *Ахмед ар-Рухуми, Абдалла Мухсин аль-Муайяд, Салех аль-Ашваль, Наджи Али аль-Ашваль, Мухаммед аль-Хауи, Абдалла Сабра.* Асрар ва васаик ас-саура аль-йамания. Бейрут — Сана, 1978.
74. *Ахмед Хусейн Шараф ад-Дин.* Аль-Йаман абра ат-та'арих. Каир, 1963.
75. *Ахмед Юсеф Ахмед.* Ад-Дор аль-масри фи-ль Йаман. Каир, 1981.
76. Барнамидж аль-амаль ас-сияси. Сана, [б. г.].
77. Аль-Барнамидж ас-сияси ли-ль джабха аль-ватания ад-димукратия. [Б. м., б. г.].
78. Аль-Барнамидж ас-сияси аль-мархали. [Б. м., б. г.].
79. Аль-Барнамидж ас-сияси ли-ль хизб ад-димукрати ас-саури аль-йамани. [Б. м., б. г.].
80. Баян аль-кабила бени матар. [Б. м.], 1964, февраль.
81. Аль-Баян аль-авваль ли-харакат талята ашар юнию.— Васаик йамания. Ахамм аль-васаик ли-харакат талята ашар юнию. Сана, 1974.
82. Баян аль-ляджна ат-тахдирия ли-ль муа'тамар аль-амм ли-ль тасхийх. Насс ар-рисаля аль-муваджиха ли-р раис аль-Арьяни. Сана, 1973, август.
83. Баян аллязи садыр ан лика' аль-кымма аль-йамани би-ль Кувейт. Васаик аль-вахда аль-йамания. Сана, 1979.
84. Баян би-ль балагат ас-садыруху мин аугустус ва хатта уктубр 1972. [Б. м.], 1972.
85. Аль-Баян аль-муштарик ан лика' аль-кымма аль-мунакыд би мадина Тарабулюс фи-ль фитра мин 26—28 нуфембр 1972. Сана, 1972.
86. Баян ли-ш шааб аль-йамани аль-батал. Сана, 1967 (листовка).
87. Баян. Сана, 26.03.1973.
88. Баян иля аш-шааб аль-араби фи-ль Йаман. Хауля тахаррукат аль-ахыра ли-ль куввa ар-раджаыя фи-ль минтака. [Б. м., б. г.].
89. Баян мин ляджна аль-джабха аль-ватания ад-димукратия фи-ль иттихад ас-суфьяти. М., 04.03.1979.
90. Баян мин улама' аль-Йаман.— Нусус йамания. Багдад, 1978.
91. Баян садыр ан аль-джабха аль-ватания аль-кымма аль-Йамани аллязи унакыд ахыран фи-ль Кувейт. [Б. м.], 9.04.1979.
92. Баян садыр ан аль-куввa аль-ватания. [Б. м.], 1974, январь.
93. Баян сияси хамм, садыр ан аль-му'атамар аль-истиснаи ас-сани ли-ль хизб ад-димукрати ас-саури аль-йамани. [Б. м.], 02.12.1972.
94. Аль-Баян ас-сияси аль-хамм. Васаик йамания. Ахамм васаик ли-харакат талята ашар юнию. Сана, 1974.
95. Баян сияси хамм, аль-ляджна аль-марказия аль-хизб ад-димукрати ас-саури аль-йамани. [Б. м.], 1968, июнь.
96. Вакфат накдия амам таджрибат аль-хизб ад-димукрати ас-саури аль-йамани. [Б. м.], 1979, февраль.
97. Васаик ад-димукратия фи-ль Йаман. Сана, [б. г.], № 3.
98. Васаик аль-му'атамар аш-шааби аль-амм аль-авваль. Сана, 1983.
99. Васаик аль-вахда аль-йамания. Сана, 1972.
100. Васаик аль-вахда аль-йамания. Сана, 1979.
101. Васаик йамания. Сана, 1965, № 2.
102. Васаик йамания. Сана, 1969, ч. II.
103. Васика истикаля аль-Арьяни ва Нуман. Сана, 13.06.1974.
104. Далиль аль-му'атамар аш-шааби аль-амм аль-авваль. Сана, 1982.
105. Аль-Джабха аль-ватания ад-димукратия фи-с сахафа аль-арабия. [Б. м., б. г.].
106. *Джаралла Омар.* Зикрият ан хысар Сана. [Б. м., б. г.].
107. Аль-Джарида ар-расмия. Сана, 1963—1970.
108. Ад-Дустур ад-даим [ЙАР], 1964.
109. Ад-Дустур ад-даим ли-ль джумхурия аль-йамания.— Аль-Джарида ар-расмиа. 30.12.1970.
110. Ад-Дустур аль-муакат. [ЙАР], 1963.
111. Ад-Дустур аль-муакат. [ЙАР], 1965.
112. Дустур накабат аль-уммаль аль-амма Таизз. Аден, [б. г.].
113. Дустур накабат аль-уммаль аль-амма Таизз. Таизз, [б. г.].
114. Иалян дустури би шаан танзыйм султат ад-дауля аль-алия фи-ль мархаля аль-интикалия.— Аль-Джарида ар-расмия. Сана, 1974, № 10.
115. Аль-Иттихад аш-шааби ас-саури. [Б. м., б. г.].
116. Аль-Йаман. Ашар санават муджид мин умр ас-саура. Сана, 1972.
117. Йаман дустури якды би интиха' маджлис аш-шура ва-ль амаль би-д дустур ад-даим.— Аль-Джумхурия. Таизз, 23.10.1975.
118. Аль-Йаман фи тарик ас-салям ва-ль бина'. Сана, 1969.
119. Аль-Йаман аля тирик аль-вахда. Аден, 1973.
120. Аль-Йаман. Шималиху ва джанубиху. Аден, 1969.
121. Аль-Каида аль-узма ли-ль махафаза аля аль-джумхурия ва-ш шура. [Б. м.], 1970.
122. Калима аль-ах ар-раис аль-каид фи-ль джилса аль-ифтитахия. Васаик аль-вахда аль-йамания. Сана, 1979.
123. Канун инша' аль-джихаз аль-маркази ли-ль ракаба ва-ль мусахаба.— Васаик йамания, Ахамм васаик ли-харакат талята ашар юнию. Сана, 1974.
124. Канун ракм 18 (1975). Би шаан ташджиа аль-истисмар ва танзиймуху фи-ль джумхурия аль-арабия аль-йамания. Сана, 07.08.1975.
125. Канун хатар аль-хизби дахиль аль-куввat аль-масляха ва куввat аль-амм.— Васаик йамания. Сана, 1974.
126. Карар раис маджлис ль-кыяда би-канун дариба касб аль-амаль.— Аль-Джарида ар-расмия. 30.06.1974.

127. Қарарат му'атамар Амран.— Ас-Саура. 15.09.1963.
128. Қарарат аль-му'атамар аш-шааби би-р Рауда. 22.10.1975.— Нусус йамания. Багдад, 1978.
129. Китаб аль-ихса' 1973. Сана, 1974; 1974—1975. Сана, 1976.
130. Аль-Китаб ас-санави. Сана, [б. г.].
131. Ли маза истакаль маджлис ар-рияса ва маджлис аль-вузара'. Сана, 1963 (листовка).
132. Аль-Ляиха ад-дахилия ли-ль му'атамар аш-шааби аль-амм ва таквинатуху.— Аль-Мисак. Сана, 31.01.1983.
133. Мазийдан мин ад-димукратия. Сана, 1980.
134. Машруа барнамидж хизб иттихад аш-шааби ад-димукрати ли-ль джумхурия аль-арабия аль-йамания. [Б. м., б. г.].
135. Машруа аль-барнамидж ас-сияси ли-ль джабха аль-ватания ад-димукратия фи-ль джумхурия аль-арабия аль-йамания. [Б. м.], 1973, февраль.
136. Машруа мисак аль-амаль аль-ватани аль-мархали. [Б. м., б. г.].
137. Машруа аль-мисак аль-ватани (Ляджна аль-хивар аль-ватани). Сана, 1980.
138. Милав хасс йахава абраз аль-ахдас аль-йамания фи ишрин сана. 1962—1982. Сана, 1983.
139. Мин аджаль мисак ватани хакийки. Аден. 1981, январь.
140. Аль-Мисак аль-ватани. Аден, 1961.
141. Аль-Мисак аль-ватани. Сана, 1982.
142. Аль-Мисак аль-ватани аль-мукаддас. Аден, 1947.
143. Аль-Му'атамар аль-ватани аль-амм. Таизз, 1967.
144. Му'атамар кабаиль аль-Йаман аль-мунакид фи-ль Маамар (Хамдан) 18.06.1974. [Б. м.], 1974.
145. Му'атамар Хамер. Нусус ва васаик. [Б. м.], 1965.
146. Муназамат аль-баас аль-араби аль-иштираки аль-ляджна аль-марказия аль-мактаба ас-сакафи фи-ль джумхурия аль-арабия аль-йамания. [Б. м., б. г.].
147. Муфаккира ас-саура фи хамс санават. Таизз, 1967.
148. Мухакамат аль-хавана. Сана, 1966.
149. *Мухаммед Али аш-Шихари.* Абд ан-Насер ва-ль харака аль-ватания фи-ль Йаман.— Ат-Талиа. Қаир, 1971, № 1.
150. *Мухаммед Али аш-Шихари.* Аль-Йаман: ас-саура фи-ль джануб ва-ль интакаса фи-ш шималь. Бейрут, 1972.
151. *Мухаммед Али аш-Шихари.* Маалим сиясат аль-удван ас-саудия таджах аль-Йаман. [Б. м., б. г.].
152. *Мухаммед Али аш-Шихари.* Маукыф аль-бурджуазия аль-вуста аль-йамания фи-с саура аль-ватания ад-димукратия. Ат-Талиа. Қаир, 1971, № 8.
153. *Мухаммед Али аш-Шихари.* Расаиль иля шахид аль-Йаман Ибрахим аль-Хамди ва-ль кадыя аль-йамания. Бейрут. 1983.
154. *Мухаммед Али аш-Шихари.* Тарик ас-саура аль-йамания. Қаир, 1966.
155. *Мухаммед Анам Галеб.* Аль-Йаман. Бейрут. 1966.
156. *Мухаммед Ибрахим аль-Хелва.* Ат-Тахдис ас-сияси фи-ль Йаман аш-шимали.— Дирасат аль-халидж ва-ль джазира аль-арабия. Эль-Кувейт, 1983, № 35.
157. *Мухаммед Садык Акль, Хиям Абу Афия.* Адва аля саура аль-Йаман. Қаир, 1962.
158. *Мухаммед Саид аль-Аттар.* Ат-Тахалуф аль-иктисади ва-ль иджтимаи фи-ль Йаман. Бейрут, 1965.
159. *Мухаммед аш-Шуэйби.* Му'атамар Харад ва мухавалят ли-с салям фи-ль Йаман. Қаир, 1975.
160. Накабат аль-уммаль аль-умумия би-ль Ходейда. Аден, 1964.
161. Насс аль-баян ас-сияси ли-хукума аль-кады Абдалла Ахмед аль-Хаджари. Сана, 30.01.1973.
162. Ан-Насс аль-камиль ли-ль нызам асаси ли-ль иттихад аль-йамани.— Нусус йамания. Бейрут, 1978.
163. Насс рисаля аш-шейх аль-Ахмар иля аль-Хамди ва аллями тавваля би муджибиха аль-джейш ас-султа. Сана, 13.06.1974.
164. Натаидж аль-хивар аллязи дар бейна аль-кувва аль-ватания фи-ль джумхурия аль-арабия аль-йамания. Сана, 1972.
165. Нашва ва татаввур аль-харака ан-накабия ва нидалатиха. [Б. м., б. г.].
166. Ан-Низам ад-дахили ли-хизб аль-вахда аш-шаабия аль-йамания фи-ль джумхурия аль-арабия аль-йамания. [Б. м., б. г.].
167. Ан-Низам ад-дахили ли-ль хизб ад-димукрати ас-саури аль-йамани. [Б. м., б. г.].
168. Ан-Низам аль-асаси ли-ль му'атамар аш-шааби аль-амм ва таквинатуху.— Аль-Мисак. Сана, 20.01.1983.
169. Нусус йамания. Багдад. 1978.
170. *Омар аль-Джави.* Хысар Сана. Аден, 1975.
171. Радд аль-Айни аля рисалят маджлис аль-кыяда. Ахамм васаик ли-харакат талята ашар юнию. Сана, 1974.
172. Рисалят дахилия мувадджаха иля кыядат ва аада хизб аль-амаль аль-йамани. Дамаск, 20.07.1974.
173. Рисалят ат-таклиф аль-Айни би-ташкиль хукума джадийда. Амам васаик ли-харакат талята ашар юнию. Сана, 1974.
174. Ас-Сада а'ада ляджнат аль-васата аль-арабия. [Б. м.], 1972.
175. *Ас-Саид Абдалла аль-Хасуна.* Му'атамар Харад. Бейрут, 1966.
176. Саура ситта ва ишрин себтембр (Дирасат ва шахадат ли-ль та'арих). Сана — Бейрут, 1982.
177. Ас-Саура фи арба санават. Сана, 1966.
178. Ас-Саура фи хамс санават. Сана, 1967.
179. Ситта ва ишрин себтембр ва-ль харака ан-накабия фи шималь аль-ватан.— Ас-Саури. Аден, 27.09.1973.
180. Ас-Сияда аш-шаабия фи сабиль аль-вахда аль-йамания. Сана, 1972.
181. *Султан Наджи.* Ат-Та'арих аль-аскари ли-ль Йаман. Бейрут, 1977.
182. *Султан Ахмед Омар.* Назарат фи татаввур аль-муджтамаа аль-йамани. Бейрут, 1970.
183. Такрир аль-амана аль-амма аль-мукаддам иля аль-му'атамар аль-амм. Сана, 1966.
184. Тамани ашарат аман мин умр ас-саура. Сана, 1980.
185. Ташкиль ляджнат алия ли-мутабиа танфиз карарат ат-тасхих.— Ахамм васаик ли-харакат талята ашар юнию. Сана, 1974.
186. Фахама раис аль-маджлис аль-джумхури аль-кады Абдаррахман бну Яхья аль-Арьяни. [Б. м.], 1974, январь.
187. Хизб ал-амаль аль-йамани. Мин такрир аль-ляджна аль-марказия иля аль-маджлис аль-хизби аль-амм аль-авваль. [Б. м.], 1976.
188. Хизб аль-вахда аш-шаабия аль-йамания фи джумхурия аль-арабия аль-йамания. Аль-Барнамидж ас-сияси. [Б. м., б. г.].
189. Хизб аль-амаль аль-йамани. Мин Аамаль аль-маджлис аль-хизби (аль-кунференс) аль-авваль. Себтембр, 1975. [Б. м.], 1975.
190. Аль-Хытат аль-истратиджия ли-ль хизб ад-димукрати ас-саури аль-йамани фи-ль махаля ар-рахина. [Б. м., б. г.].
191. *Аш-Шейх Абдалла бен Хусейн аль-Ахмар.* Барнамидж ли-ль амаль аль-ватани ва ислях аль-хукм. Сана, 1973.

в) на западноевропейских языках

192. *El-Azzazi Mohammed.* Die Entwicklung der Arabischen Republik Jemen. Tübingen—Basel, 1978.
193. *Braun Ursula.* Die Aussen und Sicher Heitspolitik Saudi — Arabiens.— Orient. Hamburg, 1981, № 2.
194. *Costi R.* Dossier sur le Jemen.— Cahiers de l'Orient Contemporain. P., 1966, февраль.
195. *Dawisha A. J.* Intervention in the Yemen; An Analysis of Egyptian Perceptions and Policies.— The Middle East Journal. Wash., 1975, № 1.
196. *Deffarg C., Troeller G.* Yemen 62—69. De la révolution «sauvage» à la trêve des guerriers. P., 1969.
197. *Gerholm T.* Market, Mosque and Mafrag: Social Inequality in a Yemeni Town. Stokholm, 1977.

197a. *Halliday F.* Arabia without Sultans. N. Y., 1975.
198. *Halliday F.* Counter-Revolution in the Yemen. New Left Review. L., 1970, № 63.
199. *Holden D.* Farewell to Arabia. N. Y., 1966.
200. *Ingrams H.* What Next in al-Yemen.— New Commonwealth. 1962, № 3.
201. *Ingrams H.* The Yemen. Imams, Rulers and Revolution. L., 1963.
202. *Koszinowski Thomas.* Zwischen Kooperation mit Konfrontation. Die Berichungen zwischen Sana und Aden und die Frage der Einheit des Yemen.— Orient. Hamburg, 1980, № 2.
203. *Kutschera Ch.* Le Yémen du Nord s'achemine vers un retour à la vie démocratique.— Le Mond diplomatique. P., 1974.
204. Middle East Contemporary Survey. N. Y. — L., 1978, vol. 1.
205. Middle East Contemporary Survey. N. Y.— L., 1979, vol. 2.
206. Middle East and North Africa, 1971—1972. L., 1972.
207. Middle East and North Africa, 1979—1980. L., 1980.
208. *Mohammed Said al-Attar.* Le Sous-Développement Economique et Social du Yémen. Perspectives de la Révolution Yéménite. Alger, 1964.
209. *Myntti C.* Population Processes in Rural Yemen.— Studies in Family Planning. N. Y., 1979, № 10.
210. *Peterson J.. E.* Yemen. The Search for a Modern State. L., 1982.
211. *Rondot P.* La mort du Chef d'État du Yémen du Nord.— Maghreb — Machrek. 1978. № 79.
212. *Rondot P.* Mer Rouge peut — elle devenir un «Lac de Paix» arabe?— Défence nationale. P., 1977, Oct.
213. *Rouaud A.* Les Yémen et leurs populations. Bruxelles, 1979.
214. *Rouleau E.* La République yéménite affront un avenir incertain.— Le Monde diplomatique. 1964, № 128.
215. *Saleh Moustapha.* Nouvel Echec des feodaux.— Afrique—Asie. P., 1976, № 103.
216. *Schmidt D. A.* Yemen: the Unknown War. L., 1968.
217. *Serjeant F. B.* The Two Yemens: Historical Perspectives and Present Attitudes.— Asian Affairs. 1973, vol. 60, pt 1.
218. *Stookey R. B.* Social Structures and Politics in the Yemen Arab Republic.— The Middle East Journal. 1974, № 3, 4.
219. *Wenner M. W.* Modern Yemen. 1918—1966. Baltimore, 1967.

Периодические издания на русском, арабском

и западноевропейских языках

220. БИКИ.
221. Известия.
222. Правда.
223. Аль-Амаль. Аден.
224. Арбат ашар октобр. Аден.
225. Аль-Ахбар. Бейрут.
226. Аль-Ахбар. Каир.
227. Аль-Ахбар. Сана.
228. Аль-Ахрам. Каир.
228а. Аль-Баас. Дамаск.
229. Аль-Биляд. Сана.
230. Аль-Гумхурия. Каир.
231. Аль-Джейш. Сана.
232. Аль-Джунди. Аден.
233. Аль-Джумхурия. Таизз.
234. Иттихад ат-таавун аль-йамани. Сана.
235. Аль-Йаман аль-джадид. Сана.
235а. Ма'ин. Сана.
236. Аль-Масар. Аден.
237. Аль-Мисак. Сана.
238. Ан-Наср. Таизз.
239. Ан-Нахар. Бейрут.

240. Ан-Нида. Бейрут.
241. Ар-Рай аль-амм. Сана.
242. Саба. Таизз.
242а. Сана. Сана.
243. Ситта ва ишрин себтембр. Сана.
244. Ас-Саура. Сана.
245. Ас-Саури. Аден.
246. Ас-Сияса. Эль-Кувейт.
247. Ат-Талиа. Каир.
248. Ат-Талиа. Эль-Кувейт.
249. Талята ашар юнию. Сана.
250. Аль-Хуррия. Бейрут.
251. L'Action. Tunis.
252. Afrique — Asie. P.
253. The Arab World. Beirut.
254. Asian Affairs. L.
255. Asian Recorder. New Delhi.
256. The Baghdad Observer.
257. Al-Bayane. Casablanca.
258. Combat. P.
259. La Croix. P.
260. The Daily Telegraph. L.
261. Défence nationale. P.
262. Events. L.
263. Figaro. P.
264. Finansial Times. L.
265. L'Himanité. P.
266. Jeune Afrique. P.
267. Maghreb-Machrek. P.
268. The Middle East. L.
269. The Middle East Annual Review. L.
270. The Middle East Economic Digest. L.
271. The Middle East International. L.
272. The Middle East Journal. Wash.
272а. The Middle Eastern Affairs. N. Y.
273. Le Monde. P.
274. Le Monde diplomatique. P.
275. Neue Zürcher Zeitung. Zürich.
276. The New Statesman. L.
277. New York Herald Tribune.
278. The York Times.
279. Nouvelle Observateur. P.
280. The Observer. L.
281. Orient. Hamburg.
282. Review de défense nationale. P.
283. Revue française d'études politiques mediterranées. P
284. Rivalor. L.
285. Sunday Telegraph. L.
286. Survey of British and Commenwealth Affairs. L.
287. The Times. L.
288. Tribune. L.
289. Washington Post.
290. Die Welt. Hamburg.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд аль-Ваххаб, Абдарракиб 77, 78, 80, 81, 82, 83, 94
Абд аль-Гани, Абд аль-Азиз 181, 208, 214, 215
Абд аль-Мугни, Али 10, 11, 14
Аль-Авади, Ахмед Абдо 79, 123
Абд аль-Илля, Абдалла 18
Абд аль-Алим, Абдалла 173, 208, 210, 214, 217
Абдо, Али Мухаммед 4
Абу Лухум, клан 161, 172, 181, 182
Абу Лухум, Али 173, 181
Абу Лухум, Дирхем 173, 179, 181
Абу Лухум, Синан 47, 56, 79, 113, 123, 124, 166, 172, 173, 187, 189, 199, 202, 203, 211, 214, 231
Абу Рас, Амин 4, 77, 81, 123, 199
Абу Рас, Садик Амин 217
Абу Шавариб, Муджахид 160, 172, 173, 175, 179, 181, 200, 202, 203, 208, 214, 221
Аль-Авады, Ахмед 47
Аль-Агнуми, Мухаммед 15
Аль-Айни, Мохсен 66—69, 77, 81, 96—98, 103, 106, 108, 113, 114, 124—126, 128, 132, 134, 136, 137, 140, 161, 171, 172, 179—181
Аль-Аква, Мухаммед Али 137
Али, Салем Рубейя 216
Амер, Абд аль-Хаким 43, 46, 58, 62
Аль-Амири, Абдалла 76
Аль-Амри, Хасан 15, 43, 51, 52, 55, 59, 77, 78, 80—84, 86, 93, 103, 106, 110, 111, 122, 126, 147, 150, 152
Арафат, Ясир 216
Аль-Араши, Абд аль-Керим 213, 215, 217
Аль-Арьяни, клан 162
Аль-Арьяни, Абдаррахман 15, 36, 42, 43, 50, 53, 58, 64, 77, 83, 92, 93, 103, 106, 109, 110, 111, 113, 122, 124, 126, 132, 133, 135, 136, 138—140, 143—147, 149—155, 160—163, 166, 169
Аль-Арьяни, Малик 73, 78
Аль-Арьяни, Мухаммед 112, 124, 164, 169
Аль-Аснадж, Абдалла 94, 110, 137, 146, 159, 161, 172, 181, 208, 215
Аль-Аттар, Мухаммед Саид 19, 20, 22, 26
Аль-Ахмар, Абдалла бен Хусейн II, 21, 39, 47, 52, 56, 64, 77, 81, 91, 104, 105, 108, 111, 112, 123, 125, 140, 151, 160—164, 166, 169, 170, 172, 173, 177—184, 187, 199, 200—203, 208, 211, 214, 216, 217, 235, 238
Аль-Ашваль, Саад 14

Баазиб, Абдалла Абдарразак 7, 40
Аль-Байдани, Абдаррахман 8, 13, 31, 32
Басендва, Мухаммед Салем 146, 159, 161, 215
Аль-Бахр, Мухаммед Али 4
Аль-Башари, Мухаммед 78
Бейдар, Хамуд 173, 175

Аль-Вазиры, клан 160
Веннер Манфред 30
Аль-Гадер, Наджи бен Али 123, 125, 128
Галеб, Мухаммед Анам 4
Аль-Гашими, Ахмед Хусейн 173, 179, 208, 209, 210, 211—217
Гейра Ж. 207, 235

Дагийш, Мухаммед 78
Дейфалла, Абд аль-Латиф 11, 14, 15, 45, 79, 82, 180, 181
Джабари, Абдалла 73
Аль-Джави, Омар 4, 73, 78
Аль-Джейфи, Хамуд 14, 15, 42, 45, 52, 54
Джузейлан, Абдалла 11, 14, 140
Ад-Дуббаи, Али 173, 175

Зейд, Али Мухаммед 78
Аз-Зубейри, Мухаммед Махмуд 15, 32, 36, 39, 43, 49—53, 143

Исмаил, Абд аль-Фаттах 225

Кабус 188
Каддафи, Муаммар 134, 136
Кебаб 47
Кожиновски Т. 135
Аль-Кохали, Муджахид 213, 217, 218, 222
Аль-Куршуми, Абдалла 95, 96, 103, 108
Ленин В. И. 3

Аль-Маахази, Мухаммед 4
Аль-Макалих, Абд аль-Азиз 4
Аль-Макдами, Хусейн 243
Маккави, Абд аль-Кауи 126, 127
Мансур, Яхья 15
Аль-Марвани, Ахмед Хусейн 15
Аль-Матари, Ахмед Али 4, 77, 79, 170, 231
Мекки, Хасан 70, 158—162, 168
Аль-Мисвари, Хусейн 112, 124, 147, 160, 164, 168, 169
Мирский Г. И. 165
Мунассар, Касем 89, 94
Аль-Мутаваккиль, Яхья 160, 179, 181
Муттахар, Абд аль-Гани 8
Муттахар, Мухаммед 43
Муфарих, Мухаммед 14
Аль-Мухакари, Мухаммед 254—256
Мухаммед, Али Насер 129, 132

Насер Гамаль Абдель 8, 19, 31, 42, 44—48, 55, 58—62, 64, 68
Нуман, клан 162
Нуман, Амин Абд аль-Васи 15
Нуман, Ахмед Мухаммед 43, 45, 47, 49, 50, 52, 53—55, 64, 103, 106—110, 143, 154, 160, 161, 163
Нуман, Мухаммед Ахмед 137, 143, 147
Ан-Нузейли, Амин 73

Ода, Абд аль-Малик 244
Осман, Абдо Али 73
Осман, Мухаммед Али 15, 43. 47, 49, 64, 93, 106, 149, 151
Омар, Султан Ахмед 233, 241

Раджих, Нуман бен Каид бен 47, 53, 56, 123
Ар-Разихи, Салам 82
Ар-Рахаби, Салех 14
Роджерс В. 126
Ронде П. 29
Рувейшан, Хадж бен Салех 47
Ар-Рухуми, Ахмед 14, 89

Сабра, Абдассалям 15, 39, 42, 43, 55, 66
Садат, Анвар 29, 43, 46, 58, 62, 191
Салам, Абдо 73, 78
Ас-Салами, Салих Ахмед 78
Саид, Ахмед Абдо 137
Ас-Сакаф, Абу Бакр 4
Салех, Али Абдалла 214—216, 221, 222, 225, 226, 230—234, 236, 237, 239, 241, 242, 250, 252, 254
Ас-Саляль, Абдалла 14—16, 19, 29, 30, 33, 35, 37—56, 59—64, 66, 68, 74, 84, 86, 100, 140
Саудид, династия 17
Сейф, Мухаммед Каид
Стуки Р. 151

Турейк, Али 21
Тарбуш, Каид Мухаммед 4

Фейсал 17, 48, 62, 181, 182
Фильби Г. (Ким) 15, 22

Аль-Хаджари, Абдалла 126, 127, 137—140, 146—149, 151—155, 157, 159, 161—163, 166, 168, 181, 183, 200, 201
Халед 17, 182, 201
Хамид ад-Дины, династия 9, 68, 85, 97, 143, 144
Хамид ад-Дин, Абдалла бен аль-Хасан 24
Хамид ад-Дин, Ахмед бен Яхья 7, 8, 10, 11, 143
Хамид ад-Дин, Мухаммед аль-Бадр 8—11, 17, 24, 41, 49, 79, 89, 90
Хамид ад-Дин, Мухаммед аль-Хусейн 89, 90, 162
Хамид ад-Дин, аль-Хасан бен Яхья 8, 9, 10, 17, 18, 23, 24
Хамид ад-Дин, аль-Хусейн 89
Хамид ад-Дин, Яхья аль-Мутаваккиль бен Мухаммед 143
Аль-Хамди, Абдалла 210
Аль-Хамди, Ибрахим Мухаммед 124, 163, 164, 167—173, 175, 177, 179—190, 197—203, 205—211, 213, 214, 216—221, 248
Аль-Хамери, Абдалла 122
Хамим, Абд аль-Кауи 43
Аль-Хауляни, Ахмед 221
Хейдар, Сейф Ахмед 73, 78
Аль-Хельва, Мухаммед Ибрахим 39
Холидей Ф. 20
Хомейни 238

Аш-Шами, Ахмед 58, 103, 106, 122
Аш-Шами, Яхья 73
Аш-Шанвах, аль-Махди 78
Шейба, Али 173, 215, 216
Аш-Шинвах, Али 73
Аш-Шихари, Мухаммед Али 4, 27, 28, 81, 83, 115, 189, 203, 206, 221, 223

Аль-Яфи, Мухаммед 128

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абс 76, 82
Абу Даби 222
Аден 7, 8, 11, 15, 17, 18, 36, 70, 83, 116, 125, 126, 128, 129, 135, 154, 190, 207, 210, 222
Аденские протектораты 11
Александрия 48
Алжир 17, 68, 83, 98, 128, 153, 158, 224
Амран 36, 37, 76, 213
Англия 9, 17, 24, 98, 169, 201, 257
Арабская Республика Египет 17, 19, 24, 29, 30, 32, 42, 45, 46, 48, 49, 58—60, 62, 63, 67, 68, 95, 126, 127, 128, 169, 205, 262
Арабский Восток 3, 7, 62, 86
Аравийский п-в 7, 16, 17, 18, 29, 30, 62, 70, 114, 115, 121, 126, 130, 131, 160, 182, 188, 189, 201, 203, 206, 222, 244, 249
Архаб 48, 224
Асир 115, 141, 147, 220, 233
Асуан 18

Баб эль-Мандебский прол. 204—207, 216
Багдад 15
Баджиль 156
Эль-Базыя 224
Барат 52
Эль-Бейда 76, 79, 95, 116, 123, 129, 141, 148, 150, 223, 237
Бейрут 8, 87, 128, 130
Бейхан 18, 24, 44, 56, 94, 123
Бени Абд 224
Ближний Восток 182
Босфор 205

Эль-Вадиа 121
Вади Бана 221
Вашингтон 222
Великобритания, см. Англия

Эд-Далэ 129, 149
Дамс 76
Дамар 76, 115, 168, 242
Дахран 222
Эль-Джабаль 224
Эль-Джанад 57
Эль-Джауф 48, 56, 58, 61, 76, 162, 221
Джахан 123
Джебель, 5, 24, 76
Джебель Разих 56
Джебель, Средний 87, 115, 116, 119, 120, 127, 137, 141, 147, 168, 179, 182, 187, 193, 222, 240, 241, 242
Джебель Хараз 29
Джибла 87
Джибути 204
Джидда 17, 56, 57, 58, 97, 98, 114, 205
Джизан 115, 141, 147, 220, 222, 233
Джубан 76
Дымт 116, 148, 150, 224, 237
Дофар 189

Европа 90
Египет, см. Арабская Республика Египет

Ибб 76, 81, 116, 123, 187, 224, 239
Израиль 204
Иордания 10, 17, 44, 223, 224, 225
Ирак 17, 48, 63, 64, 68, 223, 224, 225
Иран 188
Италия 98

Катаба 116, 129, 149, 199, 223, 224, 239
Каир 15, 35, 42, 44, 45, 48, 50, 55, 59, 60, 64, 128, 130, 131, 143, 148, 154, 156
Камаран, о-в 129, 130, 205
Кафла 56
Коломбо 203
Красное море 180, 204—207
Кувейт 68, 128, 205, 224, 225, 232
Кэмп-Дэвид 191

Ливан 17, 90
Ливия 126—128, 215, 218

Маамар 170
Мариб 22, 24, 29, 30, 56, 221, 224
Марокко 63
Маскат 222
Эль-Махвит 76
Махра 121, 131
Машрик 5, 24
Моха 9
Мукейрас 149, 223
Наджд эль-Джаман 224
Наджран 115, 141, 147, 220, 233
Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ) 8, 37, 70—72, 78, 79, 83, 88, 91—95, 108, 110, 114—116, 119—132, 134—136, 139, 140, 142, 145—154, 156, 159—161, 163, 167, 172, 178, 182, 188, 189, 192, 193, 197, 199, 200, 203—207, 211, 214—217, 221—226, 228, 230, 232—236, 238, 241, 254—256
Народная Республика Южного Йемена, см. НДРЙ
Нехм 48, 224
Нью-Йорк 10, 17

Объединенная Арабская Республика, см. Арабская Республика Египет
Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) 205, 224, 225
Оман 131, 188, 222

Палестина 224
Перим, о-в 130
Персидский зал. 131, 160, 222, 244

Рабат 203
Рада 76, 116, 150, 224
Эр-Рауда 123, 125, 184
Эр-Рахаба 71, 74
Эр-Рахида 129
Рейда 179, 213
Рейма 116, 241
Рейта Осман 141
Рийямия 76
Эр-Рияд 68, 90, 114, 125, 148, 181, 182, 188, 203, 205, 233, 235, 242
Руб эль-Хали 121

Саада 18, 24, 56, 58, 61, 89, 90, 95, 97, 114, 123, 201, 213, 222, 235
Эс-Салиф 159
Сана 8, 9, 11, 14, 15, 19, 21, 22, 36, 41, 44, 46, 48, 58, 61, 63, 64, 67—69, 71, 72, 74, 75, 79—82, 89—92, 94, 98, 110, 111, 123, 125, 126, 128, 130, 135, 137, 143, 149, 150, 156, 163, 169, 182, 187, 190, 191, 199, 200, 201, 212, 215, 217, 218, 226, 232, 235, 239, 243, 253
Саудовская Аравия 9, 10, 17, 18, 19, 22—24, 29, 30, 44, 48, 49, 53, 54, 56, 59, 63, 67—70, 81, 82, 84, 89—91, 94, 95, 98, 103, 104, 108—110, 113—116, 120—126, 130, 131, 136, 137, 141, 147—149, 151—153, 159, 160, 162, 163, 168—170, 172, 177, 178—183, 187—189, 197—208, 210, 211, 214—217, 220, 222, 233—235, 237—240, 242, 243, 253, 254
Эс-Сирвах 29
Сирия 8, 17, 68, 128, 151, 152, 169, 192, 205, 223, 224
Советский Союз 16, 45, 70, 98, 114, 227, 242
Сомали 205, 206
Средний Восток 17, 182
Судан 17, 63, 205, 206
Суфьян 224
Суэц 59
Суэцкий канал 205
Соединенные Штаты Америки (США) 9, 17, 29, 30, 91, 98, 115, 120, 126, 130, 140, 189, 204, 206, 207, 222, 223, 242

Таизз 7—10, 15, 19, 35, 44, 57, 58, 61, 69, 71, 75, 76, 81, 89, 95, 98, 122, 123, 126, 151, 154, 166, 173, 184, 187, 206, 210, 211, 215, 221, 242
Таиф 56, 89
Тихама 5, 69, 123
Триполи 135, 148, 156
Тунис 17
Турба 214

Усаб 241

Федерация Южной Аравии (ФЮА) 18
Франция 98, 137
Федеративная Республика Германии (ФРГ) 91, 98

Хадрамаут 121, 131, 149
Хадджа 24, 58, 61, 69, 76, 89, 173
Хазма 58
Эль-Хазияз 123, 125
Хамер 29, 53, 55, 187, 199, 200, 213
Харад 24, 49, 57, 58, 82
Хариб 24, 29, 30, 56, 58, 123, 128, 129, 150, 223, 224
Хартум 62, 67, 69
Харф 221
Хасаба 149
Хаубан 15
Хаулян 48, 61, 123
Хаша 116
Хиджаз
Ходейда 19, 44, 58, 64, 69—71, 75—77, 79, 81, 83, 98, 115, 154, 156, 163, 166, 172, 211, 212, 215, 222
Хубейшия 76
Худжария 15, 214, 215, 221

Шарура 121

Эрквит 49, 57
Эфиопия 204, 207

Южный Йемен, см. НДРЙ

Ярим 76, 81

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава I. Революция 26 сентября 1962 г. и начало гражданской войны (1962—1967) 5
Революция 26 сентября 1962 г. и приход к власти радикально настроенных военных 5
Размежевание социально-политических сил в республиканском движении (октябрь 1962 — август 1963 г.) 24
Усиление правого крыла республиканцев (1963—1967) . . . 39
Глава II. Завершение гражданской войны и борьба в правящем блоке сил (1967—1974) 66
Борьба патриотических и феодально-традиционалистских сил на последнем этапе гражданской войны (1967—1970) . . . 66
Раскол блока феодальных сил в правящей группировке республиканцев (1971—1974) 104
Глава III. «Исправительное движение» и строительство современного государства (1974—1985) 165
Приход к власти военных и начало «Исправительного движения» (1974—1978) 165
Поиски современной государственно-политической структуры ИАР (1978—1985) 215
Заключение 257
Примечания 265
Библиография 268
Указатель имен 276
Указатель географических названий 280

Научное издание

Голубовская Елена Карловна

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЙЕМЕНСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
1962—1985 гг.

Редактор *Ю. О. Магидсон.* Младший редактор *Н. Н. Комарова.* Художник *Л. Э. Немировский.* Художественный редактор *Э. Л. Эрман.* Технический редактор *В. П. Стуковнина.* Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 16133

Сдано в набор 28.09.88. Подписано к печати 27.03.89. А-03242. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 17,75. Уч.-изд. л. 20,16. Тираж 1650 экз. Изд. № 6664. Зак. № 720. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

3 р. 10 к.

Политическое развитие Йеменской Арабской Республики

Политическая история Йеменской Арабской Республики со времени ее образования в 1962 г. до середины 80-х годов. Происшедшие за этот период серьезные социальные сдвиги обусловили политическую эволюцию североиеменского общества, которая привела в начале 80-х годов к образованию централизованного национального государства, взявшего курс на создание основ современной национальной экономики. В монографии этот процесс прослежен поэтапно.

